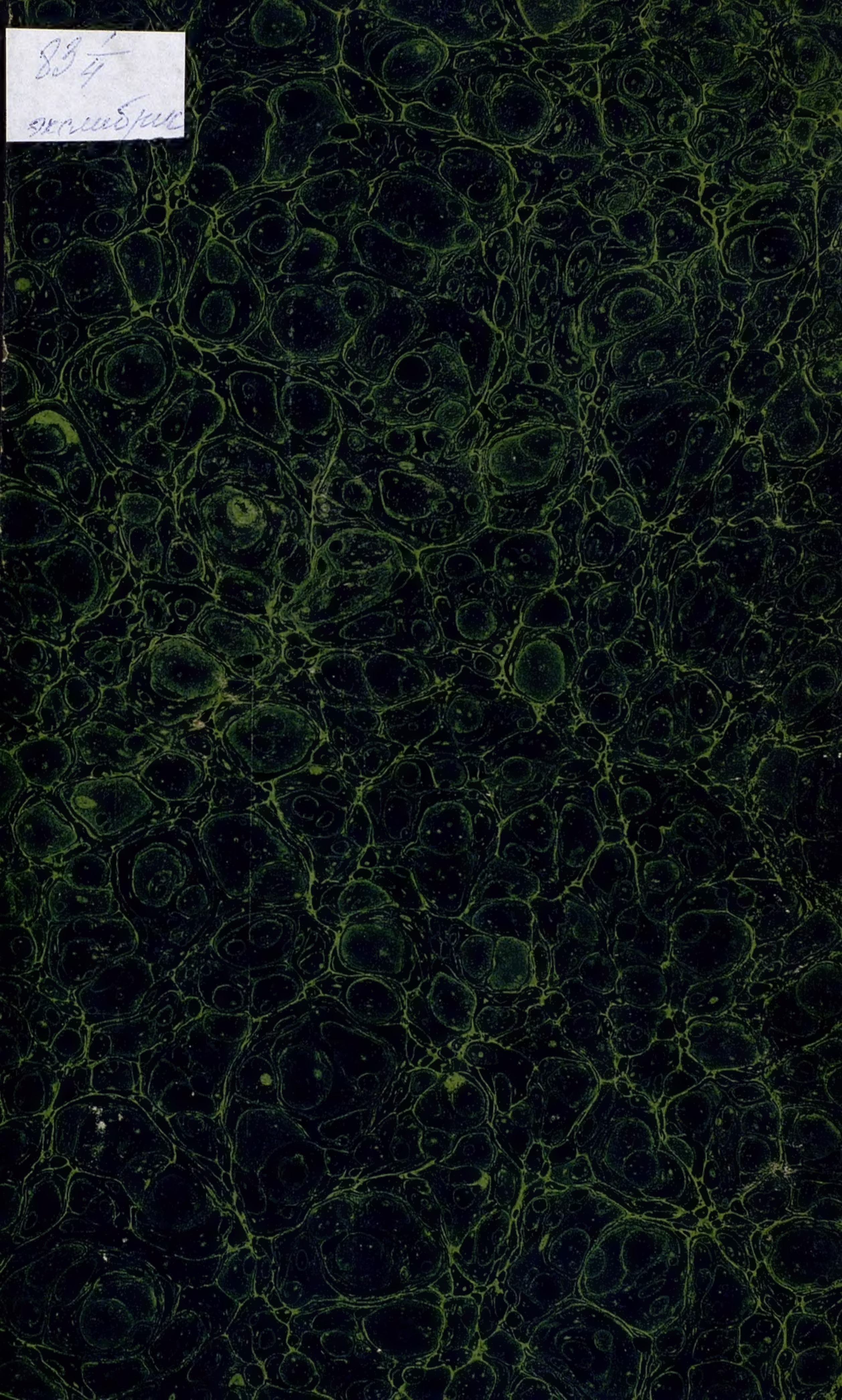

83 1/4
экслибрис

10562

83/4

РАЗСКАЗЫ О БЫЛОМЪ.

ВРЕМЕНА

ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЕНІЙ.

СОЧИНЕНІЯ СЛОВСКАГО.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ НОВГОРОДСКОМУ СБОРНИКУ.

НОВГОРОДЪ.

1865 г.

СОДЕРЖАНІЕ

РАЗСКАЗЫ О БЫЛОМЪ.

ВРЕМЕНА ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЕНІЙ.

Сочиненія Словскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ НОВГОРОДСКОМУ СБОРНИКУ.

НОВГОРОДЪ.

1865 г.

Б-ка
№ 314537
193 г.

Дозволено Цензурою.

С.-Петербургъ 1 Декабря 1865

Въ Типографіи **Сухова**.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Учрежденіе военныхъ поселеній въ Новгородской губерніи имѣло особенное вліяніе на крестьянъ и купечество въ этомъ краѣ. Осталось въ живыхъ очень мало изъ современниковъ гр. Аракчеева, — теперь уже ихъ смѣнило новое покольніе: но подъ вліяніемъ возникшихъ преданій народное развитіе тѣхъ мѣстъ, гдѣ были поселенія, имѣетъ и теперь свой особенный характеръ, по которому сей-часъ можно отличить потомка пахатнаго солдата отъ обыкновеннаго нашего крестьянина. По тому времена поселеній заключаютъ въ себѣ много интереснаго и могутъ дать понятіе о томъ, на сколько можетъ быть примѣнима западная цивилизація къ Русскому Народу. Всѣ событія и факты изъ времени гр. Аракчеева, имѣютъ важное значеніе для исторіи, а тѣмъ болѣе самъ гр. Аракчеевъ, какъ главный дѣятель; потому я сначала въ моемъ изданіи «Разсказъ о быломъ», представилъ гр. Аракчеева каковъ онъ былъ по преданію въ общественныхъ и домашныхъ отношеніяхъ. Надѣюсь, что первый томъ моихъ сочиненій будетъ принятъ и оцѣненъ обществомъ милостиво, что послужитъ лучшимъ поощреніемъ къ продолженію трудовъ моихъ. Я не думаю остановиться только на этомъ; постараюсь разработать собранные мною матеріалы по этому предмету, въ теченіи десяти лѣтъ, съ добросовѣстностью и безпристрастіемъ.

Словскій.

I.

ШУМСКІЙ.

Въ Н—ской губерніи, на правомъ берегу рѣки Волхова, находится село Г—ино. Чудное это село! Оно издали кажется городомъ съ безконечными садами и красивыми зданіями. На первомъ планѣ представляется огромный каменный трехъ-этажный домъ, назначенный для кадетскаго корпуса; за нимъ высится большой, окруженный колоннами куполъ собора и золотой шпицъ колокольни; а тамъ, въ разныхъ мѣстахъ, выглядываютъ зеленыя и красныя кровли зданій, за которыми безконечный садъ сливается съ горизонтомъ. Видъ Г—ина тѣмъ болѣе пріятенъ, что въ этомъ мѣстѣ берега Волхова низки, плоски и опушены мелкимъ лѣсомъ; однообразіе ихъ утомительно и скучно—точно необитаемая пустыня, гдѣ не видно никакой жизни, и послѣ такой скучной и безжизненной мѣстности, вдругъ изъ-за колѣна рѣки возстаетъ цѣлый городъ, окруженный воздѣланными полями, которыя пересѣкаются дорогами во всѣхъ направленіяхъ. Дороги эти очень замѣтны: онѣ обсажены березками и, сливаясь съ садомъ и паркомъ, кажутся однимъ общимъ безконечнымъ садомъ. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Г—ину, тѣмъ яснѣе представляются окружающіе его предметы; но самое Г—ино остается все еще загадкою: городъ ли это, или мыза? Огромный домъ заслоняетъ всѣ детали Г—ина. Надо пройти этотъ домъ, чтобъ видѣть самое Г—ино.

Когда войдешь на площадь, гдѣ соборъ, тогда только объяснится, что это мыза вельможи, много истратившаго денегъ на украшеніе своего жилища.

Противъ алтаря собора, на откосѣ холма, на красивомъ мѣстѣ, откуда можно видѣть далеко окрестноси Г—ина воздвигнутъ чугунный изящный храмъ въ іоническомъ, вкусѣ; въ немъ, подъ шатромъ, утвержденномъ на шестнадцати ростральныхъ колоннахъ, поставлено колоссаль-

ное бронзовое изображенiе св. апостола Андрея Первозваннаго—подарокъ Императора Александра Благословеннаго владѣльцу Г—ина, А***. Надобно полагать, это сдѣлано не безъ значенiя: есть преданiе, что Г—ино посѣтилъ св. апостолъ Андрей, когда онъ путешествовалъ къ скиѳамъ и славянамъ.

На сѣверной сторонѣ собора замѣчателенъ по своему изяществу памятникъ. Онъ состоитъ изъ пяти бронзовыхъ фигуръ, чрезвычайноизящной и отчетливой отдѣлки. На нижнихъ уступахъ гранитнаго пьедестала, по обѣимъ его сторонамъ, расположены двѣ фигуры въ сидячемъ положенiи: съ правой—русскiй воинъ со щитомъ, а на лѣвой—Европа въ видѣ женщины, попирающая ногою переломленное ярмо и окруженная аттрибутами, выражающими ея богатство и образованность. На самомъ верху пьедестала поставлены три бронзовыя фигуры, изображающiя вѣру, милосердiе и надежду; онѣ поддерживаютъ грудной бюстъ, на голову котораго милосердiе возлагаетъ вѣнецъ изъ золотыхъ звѣздъ. Отъ памятника по обѣимъ сторонамъ площади построено шесть деревянныхъ домиковъ, очень-чистенькихъ, но простыхъ и несовсѣмъ красивыхъ; они упираются въ края каменнаго двухъ-этажнаго дома—жилища покойнаго графа А***. Домъ устроенъ въ срединѣ сада, спускающагося подъ гору—направо къ прудамъ и налѣво къ Волхову.

Мнѣ въ первый разъ случилось прiѣхать въ Г—ино весной въ 185* году. Удивительно хорошъ показался мнѣ садъ Г—ина, расположенный на холмѣ. Отъ графскаго дома по всему протяженiю сада къ сѣверу тянутся въ два ряда аллеи вѣковыхъ липъ, и отъ нихъ идутъ дорожки во всѣ стороны, ведущiя къ гротамъ, бесѣдкамъ, къ изящнымъ чугуннымъ мостикамъ, перекинутымъ черезъ пруды. Но на меня сдѣлала грустное впечатлѣнiе его безлюдность. Въ немъ тишина, только изрѣдка прерываемая щебетаньемъ птицъ; человѣческихъ шаговъ не было слышно. «Почему» думалъ я: » такъ безлюдно это мѣсто? для чего тратилъ покойный владѣлецъ столько денегъ и трудовъ? Зачѣмъ заброшено людьми такое прекрасное мѣсто?» Эти вопросы на-

вѣяли на меня грусть и я машинально, не замѣчая ничего, бродилъ по саду.

Незамѣтно я вернулся къ графскому дому и отъ него мимо домиковъ и памятника подошелъ къ собору. Я попросилъ позволенія осмотрѣть соборъ. Пока принесли ключи, я сталъ разсматривать наружность собора. Корпусъ собора квадратный, въ два свѣта; верхнія окна, впрочемъ, очень малы; къ восточной и западной стѣнамъ собора придѣланы портики, съ шестью колонами каждый. Огромная глава собора не соотвѣтствуетъ корпусу: она давитъ его. На западной сторонѣ собора, на разстояніи саженей десяти отъ него, на краю холма стоитъ массивное зданіе колокольни въ три этажа, съ высокимъ золоченымъ шпилемъ.

Верхній этажъ колокольни, вмѣстѣ со шпилемъ, весь чугунный. Кровля и шпиль утверждены на восьми колоннахъ, эти колонны въ срединѣ пустыя, и когда ихъ ставили, подъ нихъ А*** положилъ нѣкоторые важные историческіе документы подъ стеклянными колпаками. Съ какою цѣлью онъ это сдѣлалъ—неизвѣстно; но что они дѣйствительно есть—это несомнѣнно: мнѣ говорилъ очевидецъ, который и теперь еще живъ.

Въ это время отперли соборъ, и я вошелъ. Внутренность собора расположена крестообразно. Въ немъ три придѣла. Главный — во имя апостола Андрея Первозваннаго, съ правой стороны во имя трехъ святителей: Петра, Алексѣя и Іоны, а съ лѣвой во имя св. апостоловъ Петра и Павла; въ этомъ придѣлѣ погребенъ А***. Внутренняя отдѣлка собора изящна, и всѣ части строго соразмѣрны между собою. Куполъ внутри гораздо менѣе, чѣмъ снаружи, и гармонируетъ съ цѣлостью зданія.

Надъ могилою графа къ стѣнѣ придѣланъ памятникъ императору Павлу I; основаніе памятника изъ краснаго гранита; на немъ продолговатый пьедесталъ шоксенскаго мрамора и бронзовый алтарь; на верху алтаря положены императорскія регаліи. Съ лѣвой стороны памятника стоитъ на колѣняхъ молящійся воинъ съ обнаженной головой. На памятникѣ написано: «Сердце чисто и духъ правъ предъ тобою». По стѣнѣ, вверху памятника, идетъ бронзовая вы-

золоченная дуга, съ знаками зодіака, изображающими мѣсяцы рожденія, воцаренія и смерти императора; надъ ней бронзовый силуэтъ императора Павла I въ сіяніи, а въ самомъ верху написано: «Чувствія облаготвореннаго».

На могилѣ графа А*** плоскій гранитный камень съ надписью: «Да будетъ и прахъ мой у подножія изображенія твоего. На семъ мѣстѣ погребенъ русскій новгородскій ворянинъ А***; родился 1769 года сентября 23 дня, умеръ 1834 года апрѣля 21 дня».

Въ ногахъ бронзовый ангелъ, въ сидячемъ положеніи, держитъ въ одной рукѣ образъ Знаменія Божіей Матери, а въ другой лампаду. На ангела надѣтъ небольшой финифтяный образъ съ изображеніемъ святыхъ Алексѣя митрополита и мученицы Анастасіи; а съ другой стороны надпись: «Двухъ христіан. друзей. Дни тезоимемитства 5 октября трехъ святит. москов. Петра, Алексія и Іоны, 29 октября муч. Анастасіи. Дни рожденія 23 сентября Зачатіе Предтечи, 29 марта преподоб. Марка».

Отъ памятника я перешелъ къ главному алтарю. Здѣсь у сѣверныхъ дверей, на стѣнѣ прибита мѣдная доска съ надписью о пожалованіи А*** въ генералы-отъ-инфантеріи.

У южныхъ дверей на мѣдной доскѣ надпись о пожалованіи Павломъ I села Г—ина нынѣшнему его владѣльцу.

Въ углахъ стѣнъ, поддерживающихъ куполъ и противоположныхъ алтарю, повѣшены: образъ апостола Андрея Первозваннаго, съ другой стороны бронзовый портретъ императора Петра I. На другой стѣнѣ портретъ императора Павла I и портретъ императора Александра I. Подъ образомъ апостола Андрея Первозваннаго, въ бронзовой рамѣ, за стекломъ, положена книга съ надписью: «Положеніе о г—инскомъ мірскомъ заемномъ банкѣ». Подъ портретомъ императора Петра I бронзовый гербъ князя Меншикова съ надписью: «Г—инская вотчина, бывшая во владѣніи монастырей, пожалована государемъ императоромъ Петромъ Первымъ князю Александру Даниловичу Меншикову». Подъ портретомъ императора Павла бронзовый гербъ графа А*** съ надписью; «Г—инская волость, въ двухъ тысячахъ душахъ состоящая, пожалованная го-

сударемъ императоромъ Павломъ Первымъ въ вѣчное потомственное владѣніе графу Алексѣю А*** 1796 года декабря въ 12 день».

Подъ портретомъ императора Александра, въ бронзовой рамѣ, рескриптъ его къ графу съ похвалою ему за устройство г—инской вотчины, и двѣ бронзовыя доски съ надписями годовъ и чиселъ, когда посѣщалъ А*** въ Г—инѣ императоръ Александръ I.

Потомъ перешелъ я въ Алексѣевскій придѣлъ. Здѣсь замѣчателенъ образъ противъ лѣваго клироса; на немъ изображены св. апостолъ Андрей, Алексѣй и Петръ митрополиты, праведная Анастасія; надъ ними, въ облакахъ, апостолъ Павелъ одною рукою благословляетъ, въ другой держитъ книгу съ изображеніемъ императора Павла I въ мундирѣ его времени.

Въ этомъ придѣлѣ также есть памятникъ, придѣланный къ стѣнѣ противъ памятника императору Павлу I, съ которымъ онъ очень сходенъ. Кругомъ памятника арматура изъ воинскихъ доспѣховъ того времени и шесть знаменъ а.......скаго гренадерскаго полка. На пьедесталѣ написаны бронзовыми буквами имена офицеровъ полка, павшихъ въ отечественную войну. Надъ памятникомъ золоченая дуга съ надписью: 1812, 1813 и 1814 годовъ.

Наконецъ меня ввели въ комнату, устроенную противъ Петропавловскаго придѣла. Въ ней хранятся сосуды и библіотека. Здѣсь мнѣ показали граммату, данную митрополитомъ С. г—инскому собору, по ходатайству графа А***.

«По уваженію онаго весьма для святыя церкви Нашея достопамятнаго событія, о коемъ какъ въ слѣдовательной Псалтири, такъ и въ другихъ разныхъ мѣстахъ упоминается, что святый Апостолъ Андрей Первозванный, проходя изъ полуденнаго края, былъ въ селѣ Г—инѣ и водрузилъ въ немъ жезлъ свой, отчего получило оно и наименованіе Друзино, по простонародномуже реченію Г—ино, и чрезъ таковое мѣста сего посѣщеніе, или паче проповѣдь свою, открылъ онъ предкамъ нашимъ, тьмою идолопоклонства омраченнымъ, двери къ спасительной вѣрѣ

въ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа: благословляемъ мы въ соборной села Грузина церкви, имени сего святаго Апостола посвященной, богатою утварью и ризницею снабженной и превеликолѣпно украшенной, совершать Божественную литургію при отверстыхъ царскихъ вратахъ во все продолженіе оной, даже до причастнаго стиха, при началѣ коего оныя должны, исключая Св. Пасхи, быть затворенными для великой тайны Евхаристіи. Совершать такимъ же образомъ литургію не всегда, а только во дни воскресные, господскіе, высокоторжественные, въ храмовой праздникъ и при другихъ какихъ-либо важныхъ случаяхъ. 26 марта 1825 года».

Въ силу этой грамматы, и теперь въ г—инскомъ соборѣ совершается литургія съ отверстыми царскими вратами по праздникамъ.

Здѣсь я видѣлъ нѣсколько изящныхъ серебряныхъ и вызолоченныхъ потировъ съ надписью на низу ихъ: «Графъ А*** въ г—инскій соборъ въ такомъ-то году». Замѣчательно, что на всѣхъ церковныхъ книгахъ отпечатанъ золотомъ гербъ А*** съ девизомъ: «Безъ лести преданъ»; есть даже одно Евангеліе, на задней серебряной доскѣ котораго награвированъ гербъ А***. Потомъ я осмотрѣлъ богатую ризницу собора, расположенную на хорахъ.

Отъ собора я пошелъ къ югу, къ зданію, назначенному для г—инскаго кадетскаго корпуса. Зданіе это выстроено въ видѣ буквы П, основаніемъ своимъ обращено къ собору и замыкаетъ въ себѣ довольно-большую площадь. Въ срединѣ зданія устроены три арки, служащія входомъ въ Г—ино. Выйдя изъ подъ арокъ, надо спуститься направо подъ гору, еще поворотить вправо и выйти на площадь, окруженную, съ одной стороны, чугунными рѣшетками, а съ другой, деревянными домами, чтобъ сойти на Волховъ. Съ этой площади къ западу идетъ дамба, обсаженная липами и оканчивающаяся на самомъ Волховѣ двумя башнями.

II.

По важнымъ дѣламъ мнѣ пришлось прожить цѣлый мѣсяцъ въ имѣніи А*** одному; и еслибъ не случайная встрѣ-

ча съ умнымъ человѣкомъ, то я, конечно, не умеръ бы отъ скуки, а похудѣлъ бы сильно.

А*** умеръ въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, не оставя послѣ себя наслѣдниковъ, и прекрасная его усадьба стояла пустою.

Дня три я оборонялся отъ скуки, осматривалъ все, что только можно было осматривать, наконецъ все пересмотрѣлъ. Дня два еще прошатался по саду, на третій день, подъ-вечеръ, я замѣтилъ порядочно-одѣтаго человѣка, лѣтъ сорока, въ саду, обрадовался ему, какъ родному брату, и бросился ему на встрѣчу. Мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ; и еслибъ онъ, на бѣду мою, былъ неразговорчивъ, то я взялъ бы его, просто, за воротъ и заставилъ бы силою—хоть не говорить со мной, по крайней мѣрѣ выслушать меня. Но оказалось, что это былъ премилый и образованный человѣкъ—Ефимъ Васильевичъ, часто ѣздившій въ усадьбу А*** по своимъ дѣламъ. Разговоръ завязался у насъ живой; намъ обоимъ хотѣлось поговорить. Наконецъ, когда началъ истощаться запасъ нашихъ впечатлѣній, я первый сталъ жаловаться на скуку и одиночество.

Вольно же вамъ, отвѣтилъ мнѣ Ефимъ Василевичъ на мои жалобы:—бродить здѣсь по саду одному.. Вы бы вышли на берегъ рѣки, къ перевозу. Тамъ есть скамейка: и давно бы познакомились и со мной, и съ здѣшнимъ священникомъ, который, замѣчу вамъ, очень умный человѣкъ.

Часто онъ бываетъ тамъ? спросилъ я.

Почти каждый день вечеромъ, въ это время, если не занятъ службою.

Такъ пойдемте, пожалуйста, къ перевозу, сказалъ я:—навѣрно тамъ встрѣтимъ и священника.

Пожалуй, пойдемте, сказалъ Ефимъ Васильевичъ.

Вотъ мы пришли къ перевозу, сѣли на скамью. Видъ, правду сказать, былъ не очень живописенъ (рѣка Волховъ течетъ въ плоскихъ и болотистыхъ берегахъ), за то здѣсь очень мало было комаровъ и сносно было сидѣть.

А вотъ и батюшка идетъ! сказалъ Ефимъ Васильевичъ.

Я обернулся въ ту сторону, куда указалъ мнѣ Ефимъ Васильевичъ. Ровной и солидной поступью шелъ къ намъ

священникъ, немного склонивъ голову. Онъ былъ лѣтъ около сорока. Небольшіе каріе глаза свѣтились умомъ; черты лица его были пріятны и правильны, а каштановая клинообразная борода еще болѣе придавала красоты. Онъ былъ высокаго роста и плотнаго сложенія.

Священникъ, поздоровавшись, сѣлъ съ нами на скамью.

Вотъ молодой человѣкъ умираетъ здѣсь отъ скуки, сказалъ священнику Ефимъ Васильевичъ.

Немудрено, отвѣчалъ священникъ:—наша уединенная жизнь тяжела для горожанъ, привыкшихъ къ шуму.

А вы развѣ не скучаете здѣсь? спросилъ я священника.

Нѣтъ.

Просто, батюшка, что называется, въѣлся въ эту жизнь, потому и не скучаетъ, замѣтилъ Ефимъ Васильевичъ.

Лѣтомъ еще, пожалуй, можно какъ-нибудь перебиваться, а зимой? вотъ тоска-то здѣсь жить одному! сказалъ я.

Бываетъ время, что и взгрустнется, отвѣтилъ священникъ:—но болѣе оттого, что нельзя быть постоянно въ одинаковомъ расположеніи духа; иногда бываютъ и другія причины: заботы, непріятности—мало ли чего бываетъ!

Что ни говорите, а здѣсь очень скучно. Пустота страшная! замѣтилъ я.

Грустное впечатлѣніе дѣлаетъ на всѣхъ наша мыза, кто пріѣзжалъ сюда, сказалъ священникъ.

Это, я думаю, оттого, что всякій, кто пріѣзжаетъ сюда, надѣется встрѣтить много людей, смотря на эти огромныя строенія, а между-тѣмъ никого не находитъ. Разочарованіе это поневолѣ поселитъ въ сердце тоску, сказалъ Ефимъ Васильевичъ.

Большое имѣетъ вліяніе, отвѣтилъ священникъ:—но здѣсь есть еще тайная причина, которая выглядываетъ во всякомъ предметѣ.

Какая же это причина? спросилъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

Уже-ли вы не замѣтили ее? она такъ осязательна, отвѣтилъ священникъ.

Право не придумаю, сказалъ я.

Какъ вы думаете, для чего А*** устроивалъ эту усадьбу? спросилъ священникъ.

Конечно, для собственнаго удовольствія, отвѣтилъ за меня Ефимъ Васильевичъ.

Пожалуй, и такъ, сказалъ священникъ; но его удовольствіе не въ томъ состояло, что онъ самъ любовался своею усадьбою, а въ томъ, что для него было удовольствіемъ, когда другіе любовались.

Вы, кажется, хотите сказать, что А*** устроивалъ свою усадьбу изъ тщеславія? сказалъ Ефимъ Васильевичъ.

Именно такъ, замѣтилъ священникъ.

Не слишкомъ ли строгъ будетъ вашъ приговоръ, батюшка? сказалъ Ефимъ Васильевичъ.

Нимало. Вы всмотритесь хорошенько въ каждый предметъ, и онъ вамъ дастъ понять, что все это дѣлано подъ руководствомъ суетнаго тщеславія—увѣковѣчить свое имя на землѣ однимъ наружнымъ блескомъ.

Положимъ, что и такъ, отвѣтилъ Ефимъ Васильевичъ. Что вы находите тутъ дурнаго?

Напрасный трудъ, сказалъ священникъ.

Напрасный трудъ, когда онъ погибаетъ безъ слѣдовъ, сказалъ Ефимъ Васильевичъ:—а усадьба эта осталась послѣ владѣльца, и послѣ насъ еще долго оставаться будетъ.

Но ужъ не въ томъ видѣ, какъ была при владѣльцѣ, замѣтилъ священникъ.—Она теперь уже начинаетъ глохнуть и никому не приноситъ никакой пользы.

Ну, да А*** не виноватъ, что у него не было наслѣдниковъ. Еслибъ наслѣдникъ былъ, онъ бы и пользовался ею, отвѣтилъ Ефимъ Васильевичъ.

У А*** былъ наслѣдникъ, сказалъ священникъ.

Какъ! Кто такой? Я этого еще не зналъ. Разскажите, пожалуйста! сказалъ Ефимъ Васильевичъ.

Шумскій, сказалъ священникъ.

Что же, онъ былъ близкій родственникъ? спросилъ Ефимъ Васильевичъ.

А*** считалъ его очень близкимъ, а вышло что онъ ему совсѣмъ не родня, отвѣтилъ священникъ.

Да какъ же это такъ? спросилъ Ефимъ Васильевичъ.

Теперь разсказывать эту исторію поздно: пора идти домой мнѣ. А вотъ придите завтра ко мнѣ вечеромъ, я вамъ прочитаю исторію жизни Шумскаго, написанную мною со словъ его. До свиданія! сказалъ онъ, всталъ и ушелъ.

Мы съ Ефимомъ Вазильевичемъ побродили немного по берегу и разстались, условившись сойтись вмѣстѣ завтра вечеромъ у священника.

II.

На другой день вечеромъ мы собрались у священника и, усѣвшись уютно въ гостинной за чаемъ, приготовились слушать обѣщанный разсказъ. Священникъ принесъ большую тетрадь и началъ читать намъ:

Въ февралѣ 184. года одинъ день какъ-то крѣпко былъ непогодливъ; вьюга бушевала цѣлый день, а къ вечеру усилилась такъ, что свѣту божьяго не было видно. Былъ часъ одинадцатый вечера, и я совсѣмъ собрался лечь спать. Только хотѣлъ задуть свѣчу, слышу, какъ-будто кто-то стучится въ ворота. Не вѣтеръ ли тамъ проказитъ, подумалъ я, а можетъ-быть и странникъ проситъ пріюта. Я всталъ, отворилъ форточку, чтобъ взглянуть на улицу, но мнѣ все лицо обдало снѣгомъ; я долженъ былъ отшатнуться отъ окна, чтобъ отереть себѣ лицо. Въ это время стукъ въ ворота раздался внятно. Кто тамъ? спросилъ я. На вопросъ мой кто-то тихо отвѣчалъ: «Обороните отъ темной ночи!» Тотчасъ я послалъ служанку ввести ко мнѣ нежданнаго гостя. Вотъ, слышу, скрыпитъ снѣгъ подъ ногами людей въ сѣняхъ: отворили прихожую.. «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» едва-слышно кто-то проговорилъ коснѣвшимъ языкомъ. «Аминь», сказалъ я, надобно сознаться, не совсѣмъ охотно. Мнѣ показалось, что посѣтитель былъ не совсѣмъ трезвый, но принять было надо.

— Милости прошу, сказалъ я, отворяя двери, и ко мнѣ едва вошелъ неровными шагами человѣкъ высокаго роста; но въ чемъ онъ былъ одѣтъ—рѣшительно нельзя было узнать: онъ весь былъ въ снѣгу. Длинные его волосы примерзли къ бородѣ и въ безпорядкѣ падали на лицо.

Тотчасъ я позвалъ прислугу и началъ раздѣвать я его; самъ онъ не могъ раздѣваться: члены его окоченѣли отъ холода. Когда съ него сняли верхнюю одежду, видно стало, что это былъ послушникъ изъ какого-нибудь монастыря. На немъ было надѣто два подрясника, одинъ на другой. Верхній, снятый нами, изъ толстаго чернаго сукна на ватѣ и на холстинной подкладкѣ, нижній изъ такого же сукна, только безъ ваты,—одежда слишкомъ неудобная для зимняго путешествія. Тепло въ моей комнатѣ было причиною, что съ нимъ сдѣлась лихорадка; онъ, въ изнеможеніи, упалъ на диванъ, трясясь всѣмъ тѣломъ и щелкая зубами. Вотъ почему нечаянный мой гость показался мнѣ пьянымъ.

Подали чай. Съ трудомъ онъ выпилъ первый стаканъ; блюдцо прыгало въ его рукахъ, и чай плескался во всѣ стороны. Съ третьимъ стаканомъ чая онъ согрѣлся немного, но за-то овладѣла имъ дремота и зѣвота. Я предложилъ ему выпить вина и закусить: онъ отказался. Я уложилъ его въ постель и окуталъ потеплѣе.

На другой день я всталъ къ утрени. Было пять часовъ утра. Смотрю, мой гость потянулся, сладко зѣвнулъ и прикрылся одѣяломъ: видно было, что онъ хотѣлъ встать, но стѣснялся моимъ присутствіемъ. Я вышелъ въ другую комнату и, минутъ чрезъ десять вернувшись, увидѣлъ гостя моего совсѣмъ одѣтымъ; онъ держалъ въ рукахъ колпакъ свой: ясно было, что онъ намѣренъ былъ уйти.

— Куда вы? спросилъ я.

— Въ церковь, помолиться, отвѣчалъ онъ скромно.

— Не будетъ ли вредно для васъ выходить на холодъ? Вы вчера сильно прозябли. Я думаю, вамъ не мѣшало бы посидѣть хоть одинъ день въ теплѣ.

— Ничего, я къ этому привыкъ.

— Пойдемте же вмѣстѣ, сказалъ я, когда увидѣлъ, что его намѣреніе идти въ церковь было рѣшительно.

Отъ моего дома до церкви будетъ добрыхъ полверсты. Впрочемъ, намъ дорогой было не до разговоровъ. Снѣгу за ночь набило столько, что въ другомъ мѣстѣ мы уходили почти по поясъ. Едва мы добрались до церкви. До обѣда

я былъ занятъ службою, потому не могъ переговорить съ нимъ; и когда уже мы послѣ обѣда остались въ моей комнатѣ одни, Шумскій сказалъ мнѣ:

Простите, батюшка, моему невѣжеству; я не сказалъ еще вамъ, кто я такой.

Я ничего ему не отвѣчалъ на это.

Я—послушникъ Отенскаго Монастыря Михаилъ Шумскій.

«Шумскій» подумалъ я, «что-то знакомое», но никакъ не могъ вспомнить.

Онъ, должно-быть, замѣтилъ, что я что-то припоминаю.

Тотъ Шумскій, который былъ когда-то офицеромъ, а теперь передъ вами смиренный послушникъ, сказалъ онъ.

«Ба»! подумалъ я, «мнимый сынъ А***».

Невольно я пристально вглядѣлся въ него. Это былъ мужчина лѣтъ сорока, высокаго роста, съ русыми волосами, съ большими голубыми глазами, мутными и утомленными. Черты лица его были красивы; но на нихъ лежала печать весело-проведенной юности: все лицо уже было въ морщинахъ и блеклаго цвѣта. Впрочемъ, русые волосы и клинообразная борода скрывали многіе недостатки лица. Въ походкѣ и манерахъ его еще остались ухватки военнаго.

Благодарю случай, доставившій мнѣ удовольствіе видѣть васъ у себя въ домѣ, сказалъ я, подавая ему руку.

А я благодарю васъ за ваше гостепріимство, отвѣтилъ онъ, крѣпко пожимая мою руку.—Прошу вашего благословенія и молитвъ на дорогу, сказалъ онъ, ища глазами дорожной сумы своей.

Куда вы идете?

Въ Дымскій Монастырь.

Дорога дальняя, холодъ сильный, а вы очень-легко одѣты; пока не сдѣлается потеплѣе, я не отпущу васъ, сказалъ я рѣшительно.

Послушаніе паче поста и молитвы, смиренно отвѣчалъ Шумскій.—Сказать вамъ откровенно: мнѣ пріятно отдохнуть подъ вашимъ гостепріимнымъ кровомъ, но я боюсь отяготить васъ.

Онъ тяжело вздохнулъ, сѣлъ на стулъ и опустилъ голову.

Мнѣ стало жаль его. Чтобъ перемѣнить тяжелый для него разговоръ, я, не думая, кинулъ вопросъ:

— Вамъ не нравится образъ вашей жизни?

— Не нравится!.. сказалъ онъ съ ироніей:—просто, такъ тяжелъ, такъ не выносимъ, что я иногда...

— Онъ не договорилъ фразы и еще ниже наклонилъ голову.

Поздно я схватился, что такъ неосторожно дотронулся до больнаго мѣста, но поправить ошибку нельзя было. Я молчалъ.

— Я вижу ваше участіе ко мнѣ, сказалъ Шумскій, взглянувъ на меня:—за него я буду платить вамъ полною моею откровенностью; я разскажу вамъ мою жизнь: по ней вы можете судить о моемъ положеніи. Можетъ-быть, вы не захотите сами слушать ее? Она есть сцѣпленіе ошибокъ, заблужденій, грѣховъ и паденій; утѣшительнаго въ ней ничего не найдете. Какія-то кара тяготѣетъ надо мной; она отравила немногія сладкія минуты моей жизни.

Слова эти были сказаны съ такимъ горемъ, что возбуждали къ нему участіе.

— Не думайте такъ Михаилъ Андреичъ, сказалъ я ему. Я слышалъ много о васъ; но слышать исторію вашей жизни отъ васъ самихъ для меня будетъ очень-пріятно и интересно. Говорите откровенно: вы найдете во мнѣ истинное участіе и, разсматривая жизнь вашу вмѣстѣ, мы можетъ быть, въ ней найдемъ и средство сдѣлать конецъ ея счастливымъ.

— Можетъ-быть!.. Сомнительно, отвѣчалъ Шумскій.— Гонимый всѣми, конечно, за свои вины, я рѣшился избѣгать общества порядочныхъ людей: мнѣ неловко и стыдно встрѣчаться съ ними. Повѣрьте, я никогда бъ не рѣшился зайти къ вамъ, чувство самосохраненія только заставило меня искать у васъ пріюта; я чувствовалъ, что члены мои костенѣли отъ холода, когда я увидѣлъ огонь въ вашемъ домѣ.

— Благодарю Бога, что онъ помогъ мнѣ оказать вамъ помощь! сказалъ я.

— И я благодарю Бога, сказалъ Шумскій, что Онъ привелъ меня въ домъ вашъ: я узналъ здѣсь, что еще добрые люди не отворачиваются отъ меня съ презрѣніемъ, что я еще несовсѣмъ отвергнутъ Богомъ и людьми.

— Что вы! полноте! отвѣтилъ я:—за что? и какое имѣютъ право люди презирать васъ?

— За что?.. за то, что я самъ презиралъ людей, что имѣлъ всѣ средства быть полезнымъ людямъ и ни на грошъ не сдѣлалъ пользы; что легкомысленно растратилъ богатые дары, данные мнѣ Богомъ и людьми, что оскорбилъ званіе, которое носилъ... Да мало ли за что? сказалъ онъ, махнувъ рукой...

Шумскій всталъ и началъ ходить по комнатѣ рѣдкими шагами. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ остановился передо мной, вытянувшись во весь ростъ и, съ достоинствомъ поднявъ голову кверху, сказалъ:—Повѣрьте, во мнѣ еще не совсѣмъ угасло сознаніе своего достоинства; я еще не совсѣмъ такъ низко палъ, чтобъ въ моемъ сердцѣ не было добрыхъ чувствъ, чтобъ моя совѣсть была заглушена вовсе.—Нѣтъ! я чувствую, я сознаю, что дѣлаю худо, но не могу совладѣть съ собой и, противъ собственной воли, поддаюсь моимъ скверным привычкамъ, какъ-будто кто-то насильно толкаетъ меня въ эту бездну. Слабъ ли я характеромъ, или есть другая тому невѣдомая причина—не знаю... Да что толковать напрасно! Вы сами все увидите, когда я вамъ разскажу про себя.

Зазвонили къ вечернѣ. Я долженъ былъ отложить разсказъ Шумскаго до другаго, удобнаго времени.

[redacted]

— Что сказать вамъ о моемъ дѣтствѣ? говорилъ Шумскій, когда началъ разсказывать свою исторію на другой день вечеромъ. Дѣтство—счастливый, безпечный возрастъ, пролетѣлъ совсѣмъ не такъ пріятно для меня, какъ для другихъ дѣтей. Мать моя болѣе мучила, чѣмъ берегла меня. Это была женщина безъ всякаго образованія, грубая, жестокая; она старалась направить мое воспитаніе къ то-

му образу жизни, къ которому я назначался. Не имѣя понятія о жизни аристократіи и зная о ней только по наслышкѣ, она старалась привить мнѣ аристократическія манеры и дать мнѣ видъ природнаго аристократа. Я былъ ребенокъ здоровый; яркій румянецъ не сходилъ съ моихъ щекъ: это сильно огорчало мать мою; она старалась придать интерссную блѣдность лицу моему, чтобъ я походилъ на аристократа. Для этой цѣли она никогда не давала мнѣ ѣсть до-сыта и даже поила меня уксусомъ. Еслибъ добрая кормилица, находившаяся при мнѣ въ качествѣ няньки, тайкомъ не кормила бы меня—не знаю, что́ и было бы со мною? Я былъ связанъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ. При матери я велъ себя, какъ солдатъ на ученьи: вытянувшись въ струну, важно расхаживалъ, какъ павлинъ, закинувъ голову назадъ. За-то, вырвавшись отъ нея, я вполнѣ вознаграждалъ себя за всѣ лишенія—неудержимо носился по саду и лугамъ до истощенія силъ. Много разъ доставалось и мнѣ и ходившимъ за мною за эти продѣлки. Не смотря на то, что мать готовила изъ меня изящнаго аристократа, она безъ милосердія порола меня розгами. Много было горькихъ сценъ въ это время. Кормилица всегда жалѣла меня и заступалась, когда сбирались меня наказывать; она, со слезами на глазахъ, просила за меня прощенія и помилованія, становилась предъ матерью на колѣни, цѣловала ея руки, называя ее всѣми сладкими именами. Иногда она принимала угрожающее положеніе, говорила: «сейчасъ пойду къ барину и все разскажу ему, чтобъ ты не смѣла тиранить дѣтище» Угрозы сильнѣе дѣйствовали, чѣмъ ласки; меня оставляли, за то кормилица всегда послѣ этой сцены много плакала и даже стонала. Развивать во мнѣ добрыя чувства вовсе не заботились. Меня учили и молитвамъ, только не для того, чтобъ молиться Богу, а для того, чтобъ я твердо и бойко прочиталъ ихъ, когда вздумается А*** спросить меня. Мнѣ съ младенчества старались привить гордость и презрѣніе къ низшимъ. Если замѣчала мать, что я говорилъ съ мужикомъ, или намѣренъ былъ поиграть съ крестьянскимъ мальчикомъ, она сѣкла меня непремѣнно. Но если я билъ по лицу ногой

дѣвушку, обувавшую меня, она смѣялась отъ чистаго сердца. Можете судить, что готовили изъ меня...

Вамъ, можетъ-быть, очень-странно, что я безъ уваженія отзываюсь о матери. Она вовсе не мать мнѣ, какъ вы впослѣдствіи увидите изъ моего разсказа. Впрочемъ, теперь скажу вамъ, кто она была. Мнимая мать моя была жена садовника; ее звали Настасьей Ѳедоровной; она была экономкою у А***, Настасья (я буду такъ называть ее— болѣе она не стóитъ) была средняго роста, довольно-полная; лицо ея было смугло, черты пріятны; особенно-замѣчательны были ея глаза, большіе, черные, полные огня; волосы черные и жесткіе. Характера она была живаго и пылкаго, а въ гнѣвѣ была безгранична. Она старалась держаться какъ-можно-приличнѣе и всегда одѣвалась въ черное. Самыми близкими къ ней были моя кормилица, Авдотья Филипповна Шеина, и Агаѳошика. Кормилица, женщина веселаго и безпечнаго характера, была очень красива. Настасья любила ее за веселость нрава и забавлялась, заставляя ее пѣть пѣсни и плясать. Агафошика—старуха съ свинымъ рыломъ, хитрая, вкрадчивая. Съ льстивыми рѣчами, съ низкими поклонами, она, какъ змѣя, незамѣтно заползала въ сердце своей жертвы, вывѣдывала всѣ тайны и сообщала ихъ Настасьѣ, которой все извѣстно было, чтò дѣлается вокругъ нея. Даже она посылала Агаѳошику и за предѣлы своего околотка, если нужно было что-нибудь разузнать; отъ ней ничто не укрывалось, потому-то Настасья слыла въ народѣ колдуньей. Вотъ между какими людьми я росъ, хоть и недолго! А*** очень любилъ меня и ласкалъ; не разъ я сиживалъ у него на колѣняхъ; но я дичился и боялся, всѣми силами старался избѣгать его; мнѣ неловко было въ его присутствіи. А*** былъ очень-занятъ, и потому наши свиданія съ нимъ были рѣдки и коротки.

Съ восьми лѣтъ я началъ жить болѣе въ Петербургѣ, въ домѣ А*** съ Настасьею. Ко мнѣ приставили учителей: француза, нѣмца, англичанина и итальянца. Французъ находился при мнѣ неотлучно; къ нему я былъ болѣе расположенъ; онъ, въ свободное время, училъ меня гимна-

стикѣ, что̀ очень мнѣ нравилось, разсказывалъ про Парижъ, про оперу, про театры, про удовольствіе жить въ свѣтѣ; многаго я не понималъ тогда изъ его разсказовъ; но темное понятіе осталось въ моей памяти, и когда я уже былъ лѣтъ восьмнадцати, разсказы француза стали мнѣ понятны и много помогли моимъ шалостямъ. Англичанинъ былъ строгъ, холоденъ и неразговорчивъ; онъ много мучилъ меня, оговаривая постоянно и стараясь охладить во мнѣ живость, которую развивалъ французъ. Нѣмца я терпѣть не могъ за нѣмецкій языкъ, мнѣ крайне-ненравившійся. Съ нетерпѣніемъ я дожидался часовъ, когда приходилъ итальянецъ. Онъ училъ меня музыкѣ и итальянскому языку. Меня учили играть на скрипкѣ, на фортепьяно и гитарѣ: это мнѣ очень-нравилось. По русски я мало учился; всѣ науки читались мнѣ на иностранныхъ языкахъ, а болѣе на французскомъ. Закону Божію учился ли я въ это время—хорошенько не помню; кажется, что нѣтъ. При помощи такихъ наставниковъ я былъ вполнѣ джентльменомъ, развязенъ, ловокъ, лепетливъ, надмененъ и немножко даже безнравственъ. При помощи петербургскаго климата и моихъ менторовъ я сдѣлался интересно-блѣденъ, что̀ приводило въ восторгъ Настасью и моихъ менторовъ. А*** какъ-нельзя-болѣе былъ доволенъ моимъ воспита ніемъ. Я зналъ Парижъ, не видавъ его, знако̀мъ былъ съ образомъ жизни французовъ, англичанъ и итальянцевъ. Нѣмцовъ я не любилъ въ образѣ моего учителя, и потому мало ими занимался.

Я зналъ даже, гдѣ въ Парижѣ можно провести время весело, но во все не зналъ Россіи; съ Петербургомъ мало былъ знакомъ. Познанія мои о Россіи ограничивались начальными уроками географіи и нашей усадьбой, куда я ѣздилъ лѣтомъ на праздники, да и тамъ болѣе занимался изученіемъ лошадей, собакъ и мѣстъ, удобныхъ для охоты. Мой французъ былъ страшный охотникъ; во время прогулокъ онъ обращалъ мое вниманіе на мѣста, удобныя для охоты, и на разныя породы дичи. Бѣдная моя кормилица! сколько она пролила слезъ въ это время! Я не обращалъ на нее вниманіе: простая русская баба не стоила того!... Такъ я воспитывался до того времени, когда отдали меня въ корпусъ.

IV.

Въ пажескомъ корпусѣ жизнь моя пошла правильнѣе (продолжалъ разказывать про себя Шумскій). Избавившись отъ докучливыхъ менторовъ, я старался пользоваться свободой, какую могъ имѣть въ корпусѣ. Много я дѣлалъ проказъ, и онѣ мнѣ всегда сходили съ рукъ: имя А*** было для меня могущественнымъ талисманомъ. Впрочемъ, я учился хорошо; способности мои были бойки: моимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ всѣ были восхищены, На лекціяхъ закона Божія я читалъ Вольтера и Руссо, правда немного понималъ ихъ; но тогда это было современно: кто не приводилъ въ разговорахъ цитатъ изъ Вольтера, того считали отсталымъ, невѣждой. Незамѣтно пролетѣло время въ корпусѣ—я кончилъ курсъ въ числѣ первыхъ и былъ выпущенъ въ гвардію. Это было счастливое время. Получивъ блестящее воспитаніе по тогдашнимъ понятіямъ, я вступилъ на широкую дорогу; будущность представлялась мнѣ въ самомъ восхитительномъ видѣ. Воображеніе мое терялось въ пріятныхъ картинахъ разсѣянной свѣтской жизни.

Я пріѣхалъ въ усадьбу къ А***. Онъ, съ слезами на глазахъ, любовался мною: видно было, что его самолюбіе вполнѣ было удовлетворено моимъ образованіемъ. А*** отвелъ мнѣ комнаты у себя въ домѣ, былъ ласковъ ко мнѣ и твердилъ постоянно, что я, какъ честный дворянинъ и офицеръ, долженъ быть преданъ царю до послѣдней капли крови. Настасья была въ восторгѣ; она незнала, куда меня посадить и чѣмъ подчивать; болѣе обращалась со мною, какъ служанка, чѣмъ мать. Какъ-то А*** отлучился на одинъ день куда-то; безъ него Настасья допьяна напоила меня шампанскимъ. А кормилица? Она, глядя на меня, плакала, и съ какою нѣжною любовью улыбалась мнѣ сквозь слезы! Она не сводила глазъ съ меня, порывалась обнять' прижать къ своему сердцу, но удерживалась присутствіемъ посторонныхъ. Наконецъ, она дождалась счастливой минуты, когда мы остались одни. Она обхватила руками мою голову, крѣпко прижала къ своему сердцу, горячо ца-

ловала меня въ губы, въ лобъ, въ глаза, и шептала въ изступленіи: «желанный мой! родной мой!» Я чувствовалъ, что на мое лицо падали ея горячія слезы, но не старался освободиться отъ ласкъ ея: мнѣ было пріятно въ ея объятіяхъ! Отъ ея ласкъ какое-то, невѣдомое мнѣ прежде, новое чувство наполняло грудь мою. Это были минуты перваго и послѣдняго истиннаго счастія моего на землѣ.

Онъ отеръ слезу, невольно скатившуюся изъ глазъ его.

Дворня и крестьяне съ дикимъ любопытствомъ смотрѣли на меня; но я не обращалъ на нихъ вниманія, не удостоивалъ даже взглядомъ. Скоро соскучился я въ деревнѣ и торопился въ Петербургъ, чтобъ насладится жизнью. Прощаясь съ А***, я не чувствовалъ ни тоски, ни сожалѣнія, неизбѣжныхъ при прощаніи, весело прыгнулъ въ коляску, но обернулся въ сторону—и моимъ глазамъ представилась кормилица, устремившая на меня полные горькихъ слезъ взоры. Тупою болью отозвались въ моемъ сердцѣ эти слезы; я отвернулся въ другую сторону и, мрачный, выѣхалъ изъ деревни.

Въ Петербургѣ я началъ жить, какъ вообще живутъ молодые люди, получившіе подобное мнѣ воспитаніе. Съ ученья или съ парада я отправлялся на Невскій проспектъ, встрѣчалъ товарищей, бродилъ, глазѣя на хорошенькихъ, потомъ заходили мы въ кондитерскую, или трактиръ, обѣдали, послѣ обѣда отправлялись въ театръ, шумѣли или хлопали, завертывая за кулисы, строили разныя глупости и отправлялись ужинать. Что мы дѣлали въ это время—стыдно теперь и разразсказывать. Къ утру я возвращался домой, измученный виномъ и разгуломъ. На слѣдующій день начиналась та же исторія. Посѣщалъ я и аристократическіе домы, бывалъ на обѣдахъ, вечерахъ и балахъ. Иногда читалъ французскіе романы, правда, несовсѣмъ охотно, только для того, чтобъ поискать въ нихъ новыхъ, громкихъ фразъ для разговоровъ. Жизнь моя шла какъ по маслу; я быстро возвышался. Въ деревню я ѣздилъ на праздники, когда былъ тамъ А***, но безъ особеннаго удовольствія. Тамъ я не находилъ себѣ никакого занятія и, отъ нечего

дѣлать, носился верхомъ на лошади съ собаками, гоняя бѣдныхъ зайцевъ по полямъ и лугамъ. Особенной привязанности къ А*** или Настасьѣ во мнѣ небыло, Я бы, кажется, не соскучился безъ нихъ, еслибъ невидалъ ихъ долгое время. Къ кормилицѣ меня влекло какое-то чувство темное; мнѣ часто приходила охота повидаться съ нею, посмотрѣть на нее. Эта симпатія, какъ я тогда думалъ, была слѣдствіемъ искренняго ея ко мнѣ расположенія. Я всегда возилъ ей изъ Петербурга подарки и часто давалъ тайкомъ денегъ. Такъ проводилъ я время, состоя на службѣ, въ полномъ сознаніи, что живу, какъ слѣдуетъ образованному человѣку. Это сознаніе тѣмъ болѣе укоренялось во мнѣ, что и всѣ почти мои товарищи жили подоно мнѣ.

V.

Товарищи меня любили (разсказывалъ Шумскій). Во всѣхъ шалостяхъ и продѣлкахъ я былъ всегда въ главѣ. Бойкій и задорный, избалованный надеждою безнаказанности, я въ своихъ выходкахъ часто доходилъ до дерзости— мнѣ все прощали. Разсказы моего учителя француза мнѣ очень пригодились: руководясь ими, я удивлялъ всѣхъ моими выходками. Безъ Шумскаго не обходилось ни одной шумной пирушки, ни одной вздорной затѣи.

Не нравился намъ одинъ генералъ, строго —соблюдавшій форму. Извѣстное дѣло, молодежи— большіе вольнодумцы въ отношеніи формы: чѣмъ строже взыскиваютъ, тѣмъ охотнѣе дѣлаютъ они отклоненія отъ формы, чтобъ задать шику.—«Сдѣлай милость, Шумскій, проучи его», просили меня товарищи, указывая на немилаго генерала. Долго я искалъ случая, чтобъ посмѣяться надъ нимъ, но мнѣ какъ-то не удавалось. Разъ былъ назначенъ парадъ на Царицыномъ Лугу; войска уже были въ сборѣ; генералы и адъютанты разговаривали, собравшись въ кружекъ, въ ожиданіи государя. День былъ жаркій, солнце такъ и палило. Нелюбимый генералъ тутъ же былъ; чтобъ защитить себѣ лицо отъ палящихъ лучей солнца, онъ псвер-

нулъ свою щляпу не по формѣ. Я обрадовался случаю, подлетѣлъ къ нему и крикнулъ на весь плацъ по французски:—«Ваше превосходительство не по формѣ изволите носить шляпу!» Офицеры засмѣялись.—«Молчи, подкидышъ!» отвѣчалъ мнѣ сквозь зубы по французски генералъ. На французскомъ языкѣ это слово еще болѣе выражало. Кровь застыла въ моихъ жилахъ отъ этого названія, и я безъ чувствъ упалъ съ лошади. Меня отнесли въ карету и привезли домой. Какъ только я очнулся, слово «подкидышъ» раздалось снова въ ушахъ моихъ, какъ—будто кто—нибудь стоялъ возлѣ моего уха и постоянно твердилъ это ненавистное названіе. Первою моею мыслью было идти къ генералу и требовать отъ него кроваваго удовлетворенія; но мнѣ тотчасъ же представился онъ съ этимъ ѣдкимъ словомъ въ устахъ своихъ, и мною овладѣло робкое чувство. «Да кто же я такой?» спросилъ я себя хотя не въ первый разъ, но теперь съ особенною горечью. «Я А*** считаю отцомъ, а ношу фамилію Шумскаго! Мать моя вольноотпущенная, а я считаю себя дворяниномъ! Кто же я такой? кто же я такой?» спрашивалъ я себя, мечась по комнатѣ. Я не велѣлъ никого принимать. Мнѣ страшно было встрѣтить человѣка: такъ и думалось мнѣ, что, при встрѣчѣ, прямо мнѣ въ глаза скажутъ «подкидышъ», что на меня будутъ показывать пальцами. Мученія мои были ужасны! Глубоко было уязвлено мое самолюбіе. Я старался припомнить мое дѣтство, старался припомнить своего отца, кто онъ такой былъ—но ничего не могъ вспомнить. Дѣлать было нечего, надобно было обратиться къ А*** и Настасьѣ, чтобы узнать истину. Мнѣ не хотѣлось ѣхать къ нимъ, не хотѣлось видѣть ихъ: мнѣ онѣ сдѣлались ненавистны. Но какъ бы то ни было, мнѣ нужно было узнать истину. Я сказался больнымъ и уѣхалъ въ деревню къ А***.

Не такимъ я пріѣхалъ въ деревню, какъ прежде. Бывало, только пріѣду, крикну на весь дворъ: «егеря!» бѣгу къ собакамъ и цѣлыя дни рыщу по полямъ за зайцами. Въ эту поѣздку не такъ я сдѣлалъ: я затворился въ своей комнатѣ и всѣми мѣрами старался избѣгать встрѣчи съ людьми, боялся, чтобы дворня не узнала моего позора и не

указала бы на меня пальцемъ. Я желалъ, искалъ, и вмѣстѣ самъ же избѣгалъ откровенной бесѣды съ А***: мнѣ страшно было узнать истину, Наконецъ, преодолѣвъ всѣ волненія, я рѣшился заговорить съ А***, но говорилъ косвенно, намеками, стараясь заставить его самого высказать, что̀ мнѣ нужно было знать. Онъ, кажется, сразу понялъ мои намѣренія и былъ уклончивъ; я рѣшительно ничего не могъ отъ него добиться. Много разъ я пытался вывѣдать отъ него тайну, но безуспѣшно. Неудача еще болѣе раздражала меня. Одинъ разъ, когда мы гуляли въ саду, я рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку. «Скажите, Бога ради, чей я сынъ?» робко спросилъ я А***. «Отцевъ да материнъ», холодно отвѣтилъ А***, отвернулся и ушелъ домой. Такой отвѣтъ уязвилъ меня до глубины души. Я хотѣлъ догнать его и сказать, что не изъ простаго любопытства спрашиваю его, что меня называютъ подкидышемъ! Но горькое чувство одиночества сильно взволновало меня: я зарыдалъ и бросился на первую, попавшуюся мнѣ скамейку. «Нѣтъ, думалъ я, не онъ отецъ мой: въ немъ нѣтъ искры нѣжнаго чувства, такъ тѣсно-связывающаго отца съ сыномъ. Онъ видѣлъ мои страданія, но не хотѣлъ облегчить ихъ; ему не жаль меня; въ его сердцѣ нѣтъ ко мнѣ состраданія! Съ-этихъ-поръ между нами все было кончено. Что мнѣ было дѣлать? Отвѣтъ А*** еще болѣе увеличилъ мои мученія, еще болѣе усилилъ во мнѣ желаніе узнать роковую тайну. Долго сидѣлъ я въ саду. Какія чувства волновали меня въ это время, какія мысли мѣшались въ головѣ моей—я не могъ себѣ дать отчета. Былъ ли это страшный, мучительный сонъ, или бредъ наяву—не знаю. Я бы, кажется, просидѣлъ весь день и всю ночь здѣсь, еслибъ лакей, посланный за мною, не вывелъ меня изъ этого мучительнаго состоянія. «Баринъ васъ проситъ къ себѣ», сказалъ онъ, запыхавшись. Радостная надежда блеснула въ головѣ моей. «Можетъ-быть, онъ тронулся моимъ горестнымъ положеніемъ, можетъ-быть, смягчилось жестокое сердце», подумалъ я. Наскоро кое-какъ я отправился и вошелъ въ кабинетъ А***. А*** былъ мраченъ и суровъ, исподлобья взглянулъ на меня и протяжно сказалъ:

«Молодому человѣку грѣшно тратить безполезно время; я бы совѣтовалъ вамъ заняться службою». Онъ замолчалъ; я поклонился и вышелъ. Это значило отправиться мнѣ въ Петербургъ, и какъ-можно-скорѣе. Мнѣ не хотѣлось уѣхать, не узнавъ тайны моего рожденія. Оставался одинъ человѣкъ, могущій открыть мнѣ тайну; но я мало вѣрилъ въ чистосердечіе Настасьи. Несмотря на это, я пошелъ къ ней. Скрѣпя сердце, я къ ней ласкался... Надо сознаться, я къ ней не имѣлъ ни расположенія, ни довѣрія... Не вдругъ я приступилъ къ ней съ моимъ вопросомъ. Часа два я говорилъ съ ней о разныхъ предметахъ, старался быть любезнымъ и внимательнымъ, чтобъ расположить ее къ откровенности.

— Чей я сынъ? наконецъ я ее спросилъ.

— Мой, родной мой, отвѣчала она, стараясь придать своимъ ласкамъ всю нѣжность и горячность родной матери.

Но въ ласкахъ ея столько было натянутаго и поддѣльнаго, что онѣ были противны! Не знаю, какъ я удержался и не оттолкнулъ ее отъ себя съ презрѣніемъ.

— Кто мой отецъ? спросилъ я.

— Онъ, отвѣчала Настасья. Развѣ не говоритъ тебѣ твое сердце этого? развѣ ты неможешь узнать отца твоего въ тѣхъ нѣжныхъ и заботливыхъ попеченіяхъ, которыми онъ тебя окружаетъ?

— Да кто же онъ? Назовите мнѣ его.

Настасья съ какимъ-то недоумѣніемъ и сомнѣніемъ посмотрѣла на меня.

— А***, сказала она, потупивъ взоры.

— Неправда! сказалъ я.

— Вотъ тебѣ свидѣтель Богъ! сказала она, указавъ на образъ. Пусть я умру на этомъ мѣстѣ въ мучительныхъ страданіяхъ, если это неправда, произнесла она съ отчаяніемъ.

Мнѣ страшно стало за нее. Она безсовѣстно лгала. Я ушелъ отъ нея, велѣлъ подать лошадей и уѣхалъ въ Петербургъ, ни съ кѣмъ не простившись.

Можете судить, въ какомъ я былъ состояніи. когда оставилъ деревню. Я туда ѣхалъ съ надеждою узнать отца и

мать, думалъ найти родныхъ моему сердцу, надѣялся раздѣлить съ ними мое горе, выплакать его на родной груди, найти себѣ родственное участіе и утѣшеніе въ ласкахъ матери; но жалко обманулся; я даже утратилъ надежду когда-нибудь узнать родныхъ своихъ. Я былъ одинокъ въ цѣломъ мірѣ, и еще съ такимъ безотраднымъ прозвищемъ! Я возненавидѣлъ А*** и Настасью, а съ ними и всѣхъ людей. При мнѣ не было человѣка, близкаго моему седцу!

Отвратителенъ показался мнѣ Петербургъ; несносно было ходить по многолюднымъ улицамъ: это многолюдство напоминало мнѣ мое одиночество и всю пустоту моей жизни. Я ни въ чемъ не находилъ себѣ утѣшенія. Да и гдѣ было мнѣ искать его?

Заперся я въ квартирѣ и выходилъ только по необходимости на службу.

Чего я не придумывалъ въ это время, чтобъ найти себѣ утѣшеніе? Я старался найти себѣ утѣшеніе въ моемъ прошедшемъ; но оно было пусто и безотрадно: страшно было заглянуть въ него. Кутежъ, пиры—вотъ все, что возставало въ моей памяти на тщетныя усилія вызвать изъ нея что-нибудь утѣшительное. Сожалѣніе о безплодно-проведенномъ времени, угрызеніе совѣсти за растрату юныхъ силъ поселили во мнѣ отвращеніе къ самому-себѣ, и хандра—неизбѣжное слѣдствіе неудовольства самимъ собою—овладѣла мной. Я искалъ средства избавиться отъ нея, желалъ себѣ найти занятіе, чтобъ посвятить всего себя ему, чтобъ забыться надъ нимъ—и не находилъ. Я принялся читать; но чтеніе еще болѣе нагоняло мнѣ скуку. Я не былъ пріученъ къ серьозному труду; у меня не было цѣли въ жизни. Однѣ несбыточныя химеры занимали мою голову: онѣ разсыпались въ прахъ при первой неудачѣ. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ я, устремивъ взоры на одинъ какой-нибудь предметъ, безъ мысли, безъ чувства. Товарищи мои всѣми силами старались развлечь меня—старанія ихъ оставались безуспѣшны: я дичился ихъ. Мнѣ завидно и больно было видѣть ихъ счастливыми. Кромѣ того, я подозрѣвалъ, что они знаютъ мою тайну и изъ одного только состраданія не бросаютъ меня: это мнѣ бы-

ло обидно, оскорбительно. Я былъ ѣдокъ и желченъ: это отдалило многихъ отъ меня. Наконецъ мое положеніе такъ сдѣлалось невыносимо-мучительно, что я сталъ искать самозабвенія: вѣрнымъ средствомъ оказалось вино, и я предался пьянству. Потерявъ уваженіе къ самому-себѣ, я хотѣлъ заставить уважать себя другихъ силою. Мнѣ каждая шутка казалась насмѣшкою и оскорбленіемъ: поэтому я сдѣлался сварливъ и задоренъ.

Одна еще цѣль была въ моей жизни: отмстить генералу, такъ грубо-оскорбившему меня. Я хотѣлъ ему мстить такъ, чтобъ онъ всю жизнь казнился моею местью. Убить его мнѣ было мало—нѣтъ, я хотѣлъ отнять у него доброе имя, спокойствіе совѣсти—словомъ, всѣ радости жизни, чтобъ онъ испыталъ тѣ же мученія, какія я испытывалъ. И еслибъ не эта цѣль, привязывавшая меня къ жизни, я сдѣлался бы самоубійцею, безъ всякаго сожалѣнія о жизни. Мнѣ нечего было терять въ ней!

Въ одинъ день возвращаюсь я съ развода домой; ко мнѣ привязался одинъ мой добрый товарищъ (теперь уже нѣтъ его въ живыхъ), идетъ со мной, старается завязать разговоръ: я нехотя отвѣчаю ему, чтобъ скорѣе отъ него отдѣлаться, но не тутъ-то было. Онъ вошелъ ко мнѣ, что мнѣ не очень понравилось. Я какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ него: мнѣ смерть хотѣлось выпить, а при немъ было стыдно; но онъ, какъ-будто не замѣчая моего невниманія, сталъ мнѣ говорить о вредѣ и непристойности такого образа жизни, какой я велъ. Я отвѣчалъ ему неохотно: онъ спокойно продолжалъ говорить. Я озлился и началъ отвѣчать желчно и ѣдко. Мой добрый товарищъ не оскорблялся этимъ и не переставалъ говорить. Сколько было въ его словахъ правды, искренности и неподдѣльнаго чувства! Онъ побѣдилъ меня своимъ великодушіемъ; мнѣ стало стыдно, что я оскорблялъ человѣка за то, что онъ искренно желалъ мнѣ добра, не смотря на мою неблагодарность.

Благодарю тебя, сказалъ я съ жаромъ, пожавъ ему руку:—я вижу, что ты искренно желаешь мнѣ добра; я знаю, что твои слова не пустыя фразы! Отъ всей души вѣрю въ

ихъ правду и искренность, но не могу слѣдовать твоимъ совѣтамъ.

— Отчего же? спросилъ онъ, съ грустью посмотрѣвъ на меня.

— Оттого, что для меня въ жизни все потеряно.

— Ты разочарованъ?

— Можетъ-быть и такъ. Но нѣтъ, я могъ бы еще найти себѣ счастіе въ жизни, еслибъ не одно несчастное обстоятельство...

— Скажи мнѣ; или, можетъ-быть, это тайна?

— Да, это страшная тайна, которой и я еще не могу разгадать; мнѣ тяжело говорить о ней: она связана съ такими воспоминаніями, которыя могутъ свести меня съ ума. Ты знаешь, какъ тяжко вспомнить то, что мы стараемся если не выкинуть совсѣмъ изъ памяти, то по-крайней-мѣрѣ заглушить чѣмъ-нибудь.

— Такъ старайся и ты заглушить чѣмъ-нибудь свое горе.

— Чѣмъ, напримѣръ?

— Сначала хоть разсѣянной жизнью: ѣзди въ гости, на гулянья, въ театръ.

Это для меня несносно: все это будетъ только напоминать мои горькія утраты.

— Такъ займись серьознымъ дѣломъ. Ты получилъ прекрасное воспитаніе; оно не должно быть безплодно: читай, размышляй и дѣйствуй.

— Пробовалъ, братъ, и это, да пользы ни на грошъ. Видишь ли что: меня учили говорить, а думать не заставляли—такъ эта работа мнѣ не по-силамъ теперь, скучна...

— Въ-самомъ-дѣлѣ, положеніе твое незавидно. Что бъ еще придумать? говорилъ въ раздумьѣ добрый товарищъ.

— А вотъ что, сказалъ я:—выпить было бы прекрасно. Одно вино въ-состояніи прогнать тоску и мракъ.

— Полно шутить! отвѣтилъ онъ мнѣ съ упрекомъ.—Высказывать всю пагубу пьянства не буду: ты самъ хорошо это знаешь. Посуди самъ, прилично ли это образованному человѣку...

— Что же мнѣ дѣлать-то? прервалъ я его, чтобъ удержать его отъ безполезныхъ разсужденій.

Товарищъ задумался.

— Есть еще одно средство, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—поѣзжай въ деревню къ А***. Онъ теперь устроиваетъ свою усадьбу; ты ему можешь быть во многомъ полезенъ, да и самъ-то ты незамѣтно развлечешься; это дѣло будетъ для тебя ново и интересно. При томъ же сельская жизнь имѣетъ очень-благотворное вліяніе на насъ... И онъ пошелъ говорить на эту тэму, говорилъ, впрочемъ, умно, живо, увлекательно, рисовалъ передо мною такія восхитительныя картины, что я невольно поддался его вліянію и рѣшился ѣхать въ деревню.

По совѣту добраго товарища, я взялъ отпускъ и уѣхалъ къ А***.

Вотъ, я пріѣхалъ въ Г...ино. Сталъ внимательно присматриваться ко всему, что тамъ дѣлалось, чтобъ познакомиться съ дѣломъ. Что же я увидѣлъ? Боже милосердый! до какой жестокости можетъ дойти человѣкъ, увлекаясь своими тщеславными видами и затѣями! А*** хотѣлъ сдѣлать чудо: создать въ нѣсколько лѣтъ то, что образуется впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ! Онъ хотѣлъ поставить мужиковъ своей вотчины на ту степень образованности и совершенства, на которой стояло въ то время сельское населеніе самыхъ образованныхъ народовъ Европы. Чтобъ достигнуть этой цѣли, онъ не думалъ много. Насмотрѣвшись за границей на жизнь простаго народа, которая ему очень нравилась, онъ вздумалъ примѣнить эту жизнь къ русскимъ мужикамъ своей вотчины при помощи одной палки, вовсе не заботясь, согласна ли она съ понятіями мужиковъ и примѣнима ли она по мѣстнымъ условіямъ. Во внѣшности этого дѣла все было хорошо, красиво и, казалось, полезно; но въ-сущности это было варварство! А*** торопился все дѣлать, чтобъ видѣть плоды своихъ предначертаній, чтобъ насладиться ими. Работы кипѣли; а по его скупости все дѣлалось его крестьянами. Можете судить, каково было ихъ состояніе! Крестьяне его обработывали поля со всею чистотою голландцевъ, расчищали луга и новыя поля, проводили дороги во многія деревни по три рядомъ; возили лѣсъ, работали кир-

пичъ; строили домы; насаживали садъ и и цѣлыя рощи; копали пруды и канавы и вели такую чистоту по всей вотчинѣ, что она ни сколько не уступала царскосельской. Если кто-нибудь шелъ по дорогѣ, то за нимъ уже шелъ мужикъ и замѣталъ слѣдъ его! Много было пролито поту, слезъ и крови? Клевреты А*** были жестоки: они только занимались тѣмъ, что били мужиковъ. «Мы только печкой не биты», говорили мужики въ это время. Былъ нѣкто Минутъ, архитекторъ; онъ билъ мужиковъ за то, что они усердно работали, билъ и приговаривалъ: «ты въ глазахъ моихъ только усердно работаешь, а какъ уйду, стоять будешь». Если мужикъ утромъ долго промолился Богу и немного опоздалъ на работу—его били. Если, по неумѣнью, мужикъ не дѣлалъ, какъ слѣдуетъ, дѣла—его били. Палка въ этомъ случаѣ была учителемъ. Если исправный мужикъ вздумалъ въ будни напиться чаю—его били. Если мужикъ, измученный и усталый, пріѣхалъ вечеромъ домой и заставилъ сына убрать лошадь—его били. Этому не вѣрится теперь—такъ все перемѣнилось, а между-тѣмъ это было лѣтъ 40—50 назадъ. За то мужики безпощадно били своихъ бѣдныхъ лошадей, за что били ихъ самихъ, если узнавали объ этомъ начальники. Мужики были озлоблены, унылы. Правда, они повиновались безпрекословно, каждому барину снимали шапку, но съ мрачнымъ видомъ глядѣли исподлобья. Не знаешь, чему удивляться: распорядительности ли владѣльца, или терпѣнію крестьянъ. Сколько было несообразностей въ дѣлахъ А***, доходившихъ до безсмысленности! Строилъ онъ въ деревняхъ часовни для молитвы, а надъ часовнями дѣлалъ комнаты, куда онъ пріѣзжалъ съ гостями пить чай; проводилъ дороги—и по нимъ, кромѣ его, ни кто не смѣлъ ѣздить; строилъ домы крестьянамъ на собственныя ихъ деньги, а они не смѣли жить въ чистыхъ комнатахъ собственнаго дома. Красота дѣвушекъ и женщинъ была ихъ несчастіемъ. Въ военныхъ поселеніяхъ было, кажется мнѣ, еще хуже: тамъ мужикъ буквально не имѣлъ собственности; ни жена ни дѣти, ни имущество не принадлежали ему: все это было общее съ постояльцами, по шести человѣкъ стоявши-

мя у хозяина. Не было ни одного добраго человѣка, который бы кротко и ласково, безъ дѣйствія кулака растолковалъ мужику дѣло. Объ этомъ не заботились. Ни кому небыло нужды, понимаетъ ли мужикъ, какую пользу принесетъ ему трудъ его. Одна была забота: исполнить буквально приказаніе А***. За то и самаго А*** помучили буквальнымъ исполненіемъ его воли. Помнится мнѣ продѣлка одного баталіоннаго командира. На берегу Волхова, на мѣстѣ, называемомъ Собачьи—Горбы, была чудная сосновая роща: она не была вычищена; въ ней было много валежнику и мелкой лѣсоросли. Проѣзжая мимо, А*** сказалъ баталіонному командиру, котораго баталіонъ былъ расположенъ въ этомъ мѣстѣ:» Рощу надобно вычистить». —Слушаюсь, в. с.», отвѣчалъ ярый служака, приложивъ палецъ къ козырьку. Чрезъ мѣсяцъ А*** пріѣхалъ и не узналъ мѣста. Слѣдовъ не было видно существованія несчастной рощи. Можете судить: что дѣлалось вокругъ А*** такими слѣпыми исполнителями его воли! Горько было видѣть такое варварство!... А какъ съ горя, не выпить? Рушились мои надежды. Исчезли мирныя и усладительныя картины сельской жизни, такъ роскошно—нарисованныя моимъ добрымъ товарищемъ! При всей моей холодности и ненависти къ людямъ я не могъ равнодушно смотрѣть на такое хозяйство. Меня мучили картины, представлявшіяся на каждомъ шагу. Въ домѣ самъ А*** щедро раздавалъ наказанія; даже любимый его камердинеръ Степанъ не былъ обойденъ этою честью. Настасья тиранила своихъ горничныхъ, особенно пригожихъ, изъ опасенія нажить себѣ соперницу. Въ саду, въ деревнѣ, въ поляхъ били мужиковъ клевреты А***. Во всемъ я видѣлъ страшное зло, но думалъ, что оно неизбѣжно. Я думалъ, смотря на дѣла А***, что безъ палки невозможно было пріучить русскаго мужика ни къ чему хорошему. Но я страшно ошибался...

— Батюшка, перебилъ разказъ священника Ефимъ Васильевичъ:—бываютъ обстоятельства, заставляющія человѣка быть жестокимъ?

— Никогда! скзалъ священникъ.

А*** вводилъ новое, незнакомое русскому мужику; его

олнѣбно было заставить силою дѣлать дѣло; притомъ же, русскій мужикъ грубъ, упрямъ и лѣнивъ: надобно употреблять самыя дѣйствительныя средства, чтобъ заставить его дѣлать полезное для него дѣло.

— Не грѣшите напрасно, Ефимъ Васильичъ! не клевещите на русскаго мужика—нѣтъ, онъ незаслуживаетъ несправедливыхъ упрековъ; онъ болѣе заслуживаетъ состраданія и сожалѣнія. Его надобно видѣть въ деревнѣ за его занятіями, чтобъ оцѣнить его терпѣніе, съ какимъ онъ переноситъ и труды и лишенія. Жизнь мужика съ перваго взгляда проста и однообразна; ее можно выразить въ трехъ словахъ: работаетъ, ѣстъ и спитъ. Надобно пожить съ ними, вникнуть въ домашній ихъ бытъ, чтобъ видѣть картину труженической жизни, вызывающую невольно чувства умиленія и сочувствія къ русскому мужику. Вы прослѣдите его жизнь съ младенчества. Подъ корой безчувственности и равнодушія, хотя и не безъ усилія, вы найдете въ немъ сердце, исполненное любви и преданности. Съ отроческихъ лѣтъ онъ вступаетъ на свое труженическое поприще. Отъ ранняго утра до темной ночи онъ дѣлитъ труды съ отцомъ въ полѣ. Лѣтомъ верхомъ на лошадяхъ боронитъ пашню, или длинною набойкою разбиваетъ комья глины на полосѣ, или грабитъ сѣно. Зимой съ утра до вечера въ лѣсу, на морозѣ. Чѣмъ же онъ бываетъ поощренъ къ этому? Наравнѣ съ прочими, онъ ѣстъ тотъ же черный хлѣбъ и сѣрыя щи. Въ годъ разъ много два, потѣшитъ его отецъ: дастъ ему въ деревенскій праздникъ двѣ копѣйки—и онъ въ прискачку бѣжитъ съ ними къ возу торгаша—афериста за горстью орѣховъ и пяткомъ яблокъ, которыя едва-ли вкуснѣе сыраго картофеля. Для него это верхъ наслажденія; его ждетъ онъ цѣлый годъ. Прошелъ счастливый день—и онъ снова обращенъ къ своимъ занятіямъ. Уже-ли пясть гнилыхъ орѣховъ и пятокъ яблокъ могутъ быть ему поощреніемъ въ трудахъ? Нѣтъ, дѣтская привязанность и безпредѣльная покорность своей участи—вотъ что поддерживаетъ и поощраетъ его. Онъ знаетъ, что съ умноженіемъ его лѣтъ умножатся и труды его. Онъ и не страшится этого, а спокойно ожидаетъ: такъ было

съ его отцомъ и дѣдомъ. Сравните жизнь этихъ тружениковъ дѣтей съ жизнью нашихъ дѣтей... Не обижайтесь сравненіемъ, оно не унизитъ, не оскорбитъ нашего достоинства. Мужики такіе же люди, какъ и мы; у нихъ такое же тѣло и такая же душа, какъ наша; только уссовія жизни общественной полагаютъ между нами различіе. Мужикъ есть необходимое звено общества; существованіе его необходимо и неизбѣжно; ему назначено нести тяжелые труды: потому ему нужны тяжелыя руки. Сравненіе съ нами никогда не можетъ быть оскорбительно. Обратимся же къ дѣлу. Дѣти наши еще раньше начинаютъ трудиться, но мы стараемся дѣлать трудъ ихъ пріятнымъ, разнообразныя серьёзныя занятія забавами, чтобъ дитя видѣло въ немъ удовольствіе. Оно правда: усиленные умственные труды могутъ быть вредны дря ребенка; за то, чего мы непридумываемъ для облегченія ихъ — забавы и лакомства, доходящія до пресыщенія; да одно уже представленіе ребенку счастливой его будущности много значитъ. Кромѣ — того, мы стараемся всѣ обстоятельства въ жизни ребенка своего расположить такъ, чтобъ они способствовали его занятіямъ. Посудите же, каково должно быть состояніе бѣднаго деревенскаго мальчика! Можетъ—быть, подумаютъ, что онъ не понимаетъ и не желаетъ лучшаго—напрасно: у него, хоть и не ясное, а все есть эстетическое чувство. Онъ сознаетъ свое положеніе; онъ чувствуетъ тяжесть трудовъ своихъ; онъ знаетъ, что немного радостей ожидаетъ его въ жизни; но любовь къ родителямъ и безусловная покорность своей участи заглушаютъ въ немъ порывы ропота на судьбу. Такъ начинается жизнь крестьянина, исполненная трудовъ и заботы, жизнь, въ которой съ каждымъ годомъ прибавляются только труды съ перспективой самой неутѣшительной, кромѣ сырой могилы, куда онъ, обремененный лѣтами и недугами, отправится на вѣчный покой съ пріятною надеждою, что правосудный Богъ наградитъ его блаженствомъ за его труды. Въ — самомъ — дѣлѣ, что утѣшительнаго въ его жизни? Въ праздникъ, онъ едвали успѣетъ расправить изломанныя работою свои кости; какъ усердный христіанинъ, онъ грѣхомъ считаетъ проспать утреню: съ

пѣтухами онъ встаетъ, чтобъ во̀ время придти на погостъ къ службѣ; тамъ остается и до обѣдни, а домой вернется послѣ полудня; едва успѣетъ отобѣдать, а десяцкій вѣститъ на сходъ—разсуждать о мірскихъ дѣлахъ. Такъ и пройдетъ праздникъ, хоть не въ тяжкихъ трудахъ, но и не безъ дѣла, а отдыхъ остался до слѣдующаго раза. Теперь посмотрите на домашній бытъ его. Домъ его малъ, тѣсенъ и душенъ; въ немъ часу быть нельзя, чтобъ не почувствовать болѣзненнаго и непріятнаго ощущенія. У него одна изба; она служитъ ему и спальнею и кухнею. Въ печи этой избы варится кушанье его; въ ней же прѣетъ и кормъ скоту—мерзлыя кочерыжки и гнилое крошево; на печи сохнетъ мокрое платье, на полатяхъ лежатъ лукъ и картофель; а въ углу, у порога, лохань: въ ней приготовляется скоту пойло. Можете судить, каково жить въ этой избѣ! а ему неизбѣжно: у него одна хозяйка; ей не исправить всего дѣла, если еще завести особенную избу для себя. А что̀ онъ ѣстъ? Боже ты мой! Хлѣбъ, хоть и здоровъ за-то горекъ и черенъ; щи—всегдашнее его блюдо—изъ сѣрой капусты, безъ масла, съ одной овсяной крупой; въ праздникъ онъ позволяетъ себѣ лакомство—прибавляетъ во̀ щи масла и молочную кашу. Конечно, онъ могъ бы имѣть столъ и лучше, еслибъ лучшее не берегъ не для себя: ему нельзя позволить себѣ роскошь. Придетъ время платить оброкъ, староста потребуетъ деньги—гдѣ ихъ взять? Вотъ онъ продаетъ барана, котораго съѣлъ бы съ удовольствіемъ самъ, продаетъ масло и яйца, прикопленныя хозяйкою, и деньги, полученныя за нихъ, пошли въ оброкъ. За расходомъ, пожалуй и останется кое-что дома—лишняя скотинка, и маслица, и яицъ. Отчего бы не полакомиться, вѣдь это собственность? Что за радость копить, пріобрѣтать, чтобъ выручить деньгу, а самому не отвѣдать жирнаго кусочка баранины, не полакомиться горячей яичницей! Бѣдные ребятишки Какой бы праздникъ то имъ былъ. когда бы поставили на столъ жирные щи съ бараниной и горячую яичницу? Весело попрыгали бы они за столъ, съ радостію потянули бы свои ложки къ чашкамъ! То-то была бы радость! думаетъ мужикъ, сидя на лавкѣ за лап-

темъ. Вотъ взоръ его заблестѣлъ удовольствіемъ, разгладились морщины отъ пріятной улыбки, и безстрастное, неподвижное лицо озарилось чувствомъ наслажденія; но не надолго... Послѣднія деньги отданы въ оброкъ, а въ нихъ большая нужда. Къ празднику надо купить женѣ новый сарафанъ, дочкѣ платокъ, сыну шляпу: дѣло жениховo стало. Нуждъ представится столько, что голова пойдетъ кругомъ у мужика. Куда денется у него веселая улыбка! Равнодушный взоръ остановится на недоконченномъ лаптѣ, лицо покрылось морщинами, и онъ опять погрузился въ свою апатію... Нѣтъ, нѣтъ! подъ личиной спокойствія скрывается борьба, споръ разсудка съ долгомъ. Отказать себѣ въ такомъ удовольствіи, не считать своею собственностію, что имѣешь въ домѣ—тяжело!... А покориться дѣйствительности неизбѣжно надобно. Съ горя затянетъ онъ заунывную пѣсню; ее поетъ онъ не для того, чтобъ выразить свои чувства, но чтобъ заглушить въ себѣ внутренній ропотъ. «Вѣрно ужъ судьба моя такая!» скажетъ онъ, махнувъ рукою, и еще звонче зальется. Ему не-накого надѣяться: на людей—онъ не обезпеченъ ничѣмъ; придетъ нужда—сосѣдъ ему не поможетъ: онъ такой же бѣднякъ. Загляните къ нему въ избу, когда онъ, больной, лежитъ на лавкѣ, въ переднемъ углу безъ всякой помощи мучимый тяжкимъ недугомъ. Сердце изнываетъ, какъ вспомнишь ужасныя сцены, свидѣтелемъ мнѣ которыхъ приходилось быть. Жена всхлипываетъ у печи, ребятишки прячутся по угламъ, или робко и съ недоумѣніемъ выглядываютъ съ полатей то на мать, то на отца; а въ головахъ сидитъ словоохотливая старуха, мучитъ его своими причитаніями, и мрачными красками описываетъ плачевную участь осиротѣвшаго семейства. Утѣшенія нѣтъ ниоткуда, помощи тоже, развѣ Богъ пошлетъ свыше исцѣленіе страждущему! Страшная картина! Тѣло борется съ недугомъ, душа волнуется самыми мучительными чувствами, разлука съ дорогими сердцу—безотрадная участь сиротъ, страхъ смерти порождаютъ ропотъ отчаянія въ разстерзанномъ сердцѣ. Едва-ли достаточно всего человѣческаго краснорѣчія, чтобъ утѣшить его. Еслибъ безпре-

дѣльная покорность Провидѣнію не согрѣвало измученнаго сердца надеждою на помощь Божію и его милосердіе, то страданія были бы невыносимы. Да и въ здоровомъ состояніи участь мужика—несовсѣмъ завидна. Онъ живетъ самыми шаткими надеждами. Все въ его жизни зависитъ отъ случайныхъ обстоятелствъ, даже непредвидѣнныхъ и неотразимыхъ. Благосостояніе его зависитъ отъ земли: ей онъ ввѣряетъ сокровище свое—хлѣбъ, въ надеждѣ получить въ награду за труды обильную жатву. Мало ли можетъ встрѣтиться въ теченіе года обстоятельствъ, могущихъ лишить его всего! Сколько сердце его извѣдаетъ ощущеній и пріятныхъ и мучительныхъ въ это время! Настанетъ сухая осень—у него болитъ сердце, чтобъ всходы хлѣба не засохли; придетъ ранняя весна—опять забота, какъ бы не побило и не вытянуло морозомъ. Вотъ благополучно прошла весна, настало красное лѣто, нивы радуютъ надеждою на обильный урожай—во время цвѣта поднялись вѣтры, а съ ними улетѣли и надежды! Да еслибъ и прошло все благополучно, хлѣбъ выцвѣлъ, налился, полный колосъ гнетъ стебель къ землѣ—не—очемъ безпокоиться болѣе: надежды сбылись, онъ обезпеченъ на цѣлый годъ хлѣбомъ. Вотъ разразилась градовая туча надъ его нивой и въ одинъ часъ превратила его вѣрныя надежды въ несбыточныя мечты!... Въ такихъ треволненіяхъ онъ ведетъ жизнь свою... Что же вы скажете про того, кто безъ всякаго сострàданія будетъ еще обременять трудами не по силамъ и бить мужика?

Священникъ продолжалъ разсказъ;

— Грязныя картины, которыя я видѣлъ въ Г. (говорилъ Шумскій), еще болѣе усилили хандру мою; я снова принялся за вино. А*** не нравилось мое поведеніе; онъ мучилъ меня своими холодными наставленіями. Я сталъ избѣгать его, да и вообще всѣхъ людей, сидѣлъ болѣе въ своей комнатѣ за своимъ любимымъ занятіемъ. Впрочемъ, вопросъ о моемъ происхожденіи не давалъ мнѣ покоя. Мнѣ сильно хотѣлось знать это; но отъ кого было знать? Одинъ разъ пришла ко мнѣ моя кормилица; свѣтлая мысль блеснула въ головѣ моей. «Не знаетъ ли чего она?» подумалъ

я. Она должна бы, кажется, знать: вѣдь я выросъ на ея рукахъ.

— Сослужи мнѣ небольшую службу, сказалъ я ей ласково.

— Изволь охотно отвѣчала она:—не винца ли прикажешь принести? Справлю сейчасъ, да такъ, что никто и не провѣдаетъ.

— Спасибо; ненадо теперь. Я хочу просить тебя о другомъ дѣлѣ, только съ условіемъ, чтобъ ты сказала откровенно сущую правду.

— Какъ передъ Богомъ ничего не скрою, сказала она съ такою искренностью, что ей нельзя было не повѣрить.

— Ты съ самаго начала, какъ я родился, поступила ко мнѣ въ кормилицы?

— Съ самаго перваго дня.

— И все хорошо помнишь?

— Еще бы не помнить! отвѣчала она съ тяжелымъ взоромъ.

— Скажи, пожалуйста, кто мой отецъ?

Мой вопросъ испугалъ кормилицу; она поблѣднѣла и попятилась назадъ.

— Знать-то я знаю, сказала она, со страхомъ озираясь. Къ-чему это вздумалось тебѣ спросить?

— Мнѣ бы хотѣлось знать отца.

— Да какого тебѣ отца? роднаго, что̀ ли? За чѣмъ онъ тебѣ такъ понадобился? Самъ ты немаленькій, баринъ ужъ большой.

Отвѣтъ кормилицы былъ для меня обидѣнъ.

— Тебѣ, видно, не жаль меня? сказалъ я съ упрекомъ.

— Аль бѣда тебѣ какая приключилась? съ испугомъ спросила меня кормилица.

— Ты не знаешь, ка́къ я несчастливъ, отвѣтилъ я мрачно.

— Желанный ты мой! Да что тебѣ приключилось такое? говорила она сквозь слезы. И какому быть несчастью? Молодъ ты, пригожъ, въ чинахъ, баринъ, какъ слѣдуетъ быть барину!

— Что мнѣ въ этомъ, когда я не знаю, кто я и мои родители?

— Зачѣмъ бы они тебѣ понадобились? Самъ, кажется, на степени; зачѣмъ бы тебѣ ихъ?...

— Ахъ! ты не знаешь, что... я хотѣлъ сказать ей, что меня призираютъ, что меня называютъ подкидышемъ; но мнѣ и ее стало стыдно.

— Скажи ради Бога, если ты знаешь, кто мой отецъ? спросилъ я съ отчаяніемъ.

— Знать-то я знаю... какъ мнѣ не знать?... Да не было бы мнѣ чего отъ Настасьи Ѳедоровны. Не узнала бы она, какъ я скажу тебѣ объ этомъ всю правду.

— Что же можетъ быть?

— Да она меня за это со свѣту божьяго сживетъ, живую въ могилу закопаетъ.

— Клянусь Богомъ, никто не узнаетъ того, что ты мнѣ скажешь, сказалъ я торжественно.

— Быть такъ, потѣшить тебя! Твой-то родной отецъ Иванъ Васильичъ покойный мой сожитель.

— Какъ такъ? съ изумленіемъ спросилъ я.

Э... коли ужъ говорить, такъ видно надо все говорить, сказала кормилица? махнувъ рукой.—Баринъ-то нашъ не жилъ съ своей женой. Богъ ихъ вѣдаетъ, что между ними было, только съ начала самаго они разошлись, да такъ и совсѣмъ разошлись; а наслѣдника-то барину больно хотѣлось. Настасья-то Федоровна, какъ осталась при баринѣ—извѣстное дѣло, всѣмъ старалась угодить ему. Чего она не затѣвала, чтобъ какъ нибудь наслѣдника нажить. И завѣты-то она завѣтала, и на богомолье-то ходила, и къ ворожеямъ-то—все понапрасну!

— Въ это время я схоронила моего покойничка Ивана Васильевича, осталась отъ него тяжелою. Прихожу, этакъ, я къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ—я таки частенько къ ней ходила: бывало, пѣсенъ попоешь и сказочку ей разскажешь, да и выпьешь съ ней за компанію, а всегда такое хорошее вино пьешь, шампанское называютъ. Особенно весело проводили мы время, когда барина не было дома. Заставитъ этакъ, дѣвушекъ своихъ пѣть плясовую—ну, я и попляшу грѣшнымъ дѣломъ; надобно же было потѣшить ее: была добра и ласкова до меня.

— Вотъ такимъ манеромъ я сижу у ней, а она и го-

ворить мнѣ: «Авдотья, ты, кажется, въ тягости?»—«точно такъ, сударыня, Настасья Өедоровна» отвѣчаю я. «Счасливая!» сказала она, вздохнувъ. «Ужъ какое мое счастье!» отвѣчаю я: «осталась сиротой; куда мнѣ съ маленькимъ-то дѣваться? Хоть бы поднять тѣхъ-то, что есть»—а у меня было тогда двѣ дочери на возрастѣ; умерли сердечные! «Отдай мнѣ твоего ребенка, когда родишь» говоритъ мнѣ Настасья Өедоровна. А я ей: «Да зачѣмъ это вамъ, сударыня?»—«Пожалуй, я тебѣ скажу, говоритъ, только съ условіемъ, чтобъ ты никому неразболтала; а если проболтаешься, то, непрогнѣвайся, я по своему съ тобой раздѣлаюсь; вѣдь ты меня знаешь. Барину хочется имѣть наслѣдника—вотъ и будетъ наслѣдникъ. Согласна ты или нѣтъ?»—«Да какъ же это, сударыня, я отдамъ свое дѣтище еще въ утробѣ?» спросила я. «Это все-равно; но только съ тѣмъ, чтобъ ты не смѣла и виду подать, что онъ твой; я его выдамъ за своего роднаго,» говоритъ мнѣ она. Страшно стало мнѣ отъ такихъ словъ. «Да какъ это, сударыня, отказаться отъ своего дѣтища? это смертный грѣхъ» говорю. «Полно тебѣ, глупая! Нашла грѣхъ устроить счастье своего дѣтища! Баринъ тоже будетъ считать своимъ роднымъ, сдѣлаетъ своимъ наслѣдникомъ—извѣстное дѣло: онъ будетъ бариномъ». Обольстила она меня, окаянная, своими льстивыми рѣчами—я согласилась. Порѣшили мы тутъ же такъ, что кто бы ни родился, мнѣ сказать, что родился мертвенькій, а его снести къ Настасьѣ Өедоровнѣ. Съ этого времени Настасья Өедоровна распустила слухъ, будто она въ тягости; ну, ей и повѣрили, особенно баринъ, радъ-радехонекъ былъ. Вотъ пришло время, мнѣ тебя и далъ Богъ. Агаөошиха снесла тебя тайкомъ къ Настасьѣ Өедоровнѣ, а та—извѣстное дѣло—всему дѣлу дала видъ, какъ быть слѣдуетъ. Баринъ обрадовался и до сихъ поръ считаетъ тебя своимъ сыномъ. Вотъ какъ дѣло было!»

Мать моя замолчала. Горько зарыдалъ я въ отвѣтъ ей, и упавъ на грудь къ ней, горько плакалъ вмѣстѣ съ нею.

— Матушка! Матушка! что ты сдѣлала? Ты погубила

меня!... Только я это могъ сказать ей. Она ничего мнѣ не отвѣтила.

Шумскій сильно былъ взволнованъ; онъ не могъ болѣе продолжать своего разсказа.

— Открытіе тайны не обрадовало меня (говорилъ, оправясь, Шумскій), оно скорѣе еще болѣе огорчило меня. «Правъ былъ генералъ, назвавшій меня подкидышемъ!» подумалъ я. Впрочемъ, это меня не примирило съ нимъ, оно не потушило въ моемъ сердцѣ мести. Я хотѣлъ мстить оскорбившему меня генералу, хотѣлъ мстить А*** и Настасьѣ, насильно вырвавшимъ меня изъ собственной моей среды и бросившимъ въ среду, совершенно-чуждую мнѣ, для своихъ корыстныхъ и прихотливыхъ видовъ; хотѣлъ мстить людямъ, законно пользовавшимся своими правами, не такъ, какъ я по воровски. Сначала я порывался идти къ А*** открыть обманъ Настасьи и представить ему мое несчастное и не естественное положеніе въ обществѣ и всю гнусность его поступка—украсть человѣка изъ родной семьи и воровски дать ему права, незаконно пользоваться непринадлежащими ему именемъ, состояніемъ и честью, но меня удержала клятва, данная родной матери, и страхъ настасьиной мести моей матери за открытіе тайны.

Я отложилъ объясненіе съ А*** до болѣе удобнаго случая и уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь я не удержимо предавался кутежу и буйству. А*** терпѣть не могъ пьянства—оно было самымъ лучшимъ средствомъ мучить его. Сколько огорчало его мое поведеніе! Онъ плакалъ даже, но все не оставлялъ меня: совѣтами, убѣжденіями и даже просьбами онъ старался исправить меня. Ему хотѣлось разстаться со мной, потерять любимую мысль—оставить по себѣ наслѣдника своего имени и дѣлъ; но все было тщетно. Прибѣгали, впрочемъ, и къ строгимъ мѣрамъ, чтобъ меня исправить: меня сажали подъ арестъ на гауптвахту, но пользы не было. Я тѣшился огорченіемъ и отчаяніемъ А***. Не одинъ годъ прошелъ для него въ тщетномъ желаніи исправить меня.

Разъ, вечеромъ въ сентябрѣ, я былъ въ самомъ весе-

ломъ расположеніи духа, сидѣлъ и покачивался на диванѣ; мнѣ докладываетъ мой Иванъ, что отъ А*** присланъ ко мнѣ нарочный съ очень важнымъ дѣломъ. «Подать его сюда!» сказалъ я. Вошелъ посланный, растроенный и разтерзанный...

— Что хрошаго скажешь? спросилъ я.

— Баринъ приказалъ доложить вашему высокоблагородію, что Настасья Өедоровна приказала вамъ долго жить и проситъ васъ пожаловать похоронить.

— Умерла?!.., спросилъ я.

— Точно такъ, отвѣчалъ посланный.

Какъ ни нормально было мое положеніе, но вѣсть о нечаяной смерти Настасьи встревожила меня.

— Да какъ же она умерла? спросилъ я посланнаго.

— Такъ-съ умерла-съ, отвѣтилъ онъ, и сколько я ни распрашивалъ его, ничего не могъ добиться.

На другой день я отпустилъ посланнаго съ письмомъ къ А***. Я писалъ, что смерть Настасьи меня такъ разстроила, что я захворалъ, а потому не могу пріѣхать. Мнѣ не хотѣлось видѣть и мертвой ненавистной мнѣ женщины. Впрочемъ, я послѣ, когда узналъ подробности смерти Настасьи, жалѣлъ, что не поѣхалъ полюбоваться на А***, какъ онъ оплакивалъ вѣрнаго и неизмѣннаго своего друга.

Настасья, какъ мнѣ разсказали послѣ, умерла насильственною смертью: ее зарѣзали. Звѣрскіе ея поступки вывели изъ терпѣнія людей, ее окружавшихъ. Жестокости ея были невыносимы; особенно она преслѣдовала одну дѣвушку, правившую при ней должность старшей горничной: ее звали Прасковьей. Прасковья была красивая, и красота ея была причиною ея мученій; она всегда носила на своемъ тѣлѣ синяки, неизбѣжныя слѣды тиранства Настасьи. Не проходило дня, чтобъ Прасковья не была бита; причинъ къ тому Настасья всегда находила много. Считая побои средствомъ слишкомъ—слабымъ погубить дѣвушку. Настасья рѣшилась наконецъ тиранить ее ужаснымъ образомъ. Калеными щипцами, которыми Прасковья прижигала локоны Настасьи, она стала хватать ее за носъ,

за щеки и уши, въ припадкѣ своего звѣрства. Положеніе бѣдной дѣвушки сдѣлалось невыносимо-тяжко, она невидѣла и не ждала себѣ спасенія. Да и кто же могъ спасти ее? Настасья была полною властительницею. А*** былъ слѣпо привязанъ къ ней, и стоны ея несчастныхъ жертвъ не достигали до него; про жестокости ея ни кто не смѣлъ сказать ему. У Прасковьи былъ братъ, лѣтъ восьмнадцати, исправляющій должность помощника повара. Вотъ одинъ разъ Прасковья, истерзанная Настасьею, рѣшилась броситься въ рѣку; переносить тиранство Настасьи стало ей не по силамъ. «Лучше умереть ей, чѣмъ тебѣ» сказалъ братъ. Они условились съ сестрой убить Настасью. Недолго ждали они удобнаго случая, чтобъ совершить убійство. А*** уѣхалъ куда-то близко; Настасья осталась дома и, по обыкновенію, еще съ утра напилась до-пьяна шампанскимъ и легла спать. Прасковья разослала всѣхъ изъ дому и позвала брата, провела его въ комнату, гдѣ спала Настасья и замкнула его тамъ. Поваръ былъ вооруженъ острымъ поварскимъ ножемъ. Какъ бы человѣкъ ни былъ ожесточенъ, а ему трудно рѣшиться въ первый разъ сдѣлать преступленіе; и еслибъ поваръ не былъ замкнутъ сестрою въ комнатѣ Настасьи, онъ, быть можетъ не рѣшился бы убить ее, а скорѣе убѣжалъ бы отъ нея; но его заставила необходимость убить Настасью. Со страхомъ, потихоньку онъ подкрался къ ней и ударилъ ее ножомъ въ горло. Ударь былъ невѣрный: онъ только ранилъ ее. Настасья проснулась; она схватила правой рукой за острое лезвее ножа и, обрѣзавъ себѣ два пальца, стала бороться съ убийцей; но, запутавшись въ одѣяло, она скатилась на полъ; сколько она ни старалась защищаться, не могла. Она самыми лестными обѣщаніями старалась смягчить своего убійцу—все было тщетно: онъ нанесъ ей одиннадцать ранъ, и она умерла, исходя кровью на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ такъ святотатственно клялась мнѣс Свирѣпый мститель, обрызганный кровью, съ окровавленнымъ ножомъ явился на кухню и объявилъ о совершенномъ имъ злодѣяніи. Ужасъ поразилъ всѣхъ, когда узнали они объ этомъ страшномъ злодѣяніи.

Дали знать А***; впрочемъ, ему не сказали истины; ему сказали, что Настасья опасно больна. А*** бросилъ всѣ дѣла и сломя-голову погналъ домой. Верстъ за пять отъ дома сказали ему, что Настасья убита. Какъ женщина, зарыдалъ А*** при этой вѣсти, выказавъ все свое малодушіе въ этомъ случаѣ. Онъ метался и бился въ экипажѣ, нѣсколько разъ выходилъ изъ него, бросался на землю, снова садился въ экипажъ, приказывалъ гнать лошадей во весь духъ и тутъ же останавливалъ; ѣхать шагомъ и снова гналъ. Пріѣхавъ домой, онъ сказалъ окружавшимъ его: «Вы лишили меня неизмѣннаго двадцатисемилѣтняго друга—лишите же и меня жизни». Печаль его была безгранична; она доходила до дикаго отчаянія. Онъ былъ похожъ на капризнаго ребенка, у котораго отняли игрушку; его нечѣмъ было утѣшить; онъ метался и плакалъ. Впрочемъ, такая глубокая печаль не помѣшала ему отмстить за смерть Настасьи самымъ жестокимъ образомъ. Кромѣ виновниковъ Настасьиной смерти, онъ приказалъ брать и отправлять въ острогъ всякаго, кто только произнесетъ имя Настасьи. Сколько пострадало въ это время невинныхъ и несчастныхъ жертвъ его мщенія? Похоронивъ своего неизмѣннаго двадцатисемилѣтняго друга въ церкви, въ своей могилѣ, А*** бросилъ всѣ дѣла и занялся однимъ только мщеніемъ..

Такъ кончила дни свои женщина, о которой сохранилась незавидная память. Ее рѣдко и неохотно вспоминаютъ наши жители съ невольнымъ ужасомъ и отвращеніемъ, какъ-будто страшась, что она и изъ могилы можетъ еще грозить людямъ бѣдою и несчастіями. Страннѣе всего, что она живетъ въ памяти народа подъ именемъ *Настасьи*, какъ-будто ей не было ни отчества, ни прозванія. Ни кто не придетъ на ея могилу ни помянуть ее, ни поплакать по ней!

Смерть Настасьи имѣла самое пагубное вліяніе на А*** Онъ съ ней, кажется, все потерялъ; его ничто не могло утѣшить: ни религія, ни дружба, ни его могущество, ни даже краснорѣчіе Юрьевскаго архимандрита Фотія. Тщетно утѣшали его друзья; тщетно церковный витія тратилъ свое краснорѣчіе—А*** ничему не внималъ и былъ увѣ-

ренъ въ своей неутѣшной горести. Онъ заперся въ своей усадьбѣ и совершенно бросилъ заниматься дѣлами, какъ-будто съ Настасьею погибъ весь свѣтъ, какъ будто онъ жилъ и дѣйствовалъ только для нея одной.

— Позвольте, сказалъ Ефимъ Васильичъ, взявъ за руки священника:—прервать вашъ разсказъ и предложить вамъ вопросъ.

— Извольте, сказалъ священникъ.

— Чѣмъ вы объясните такую скорбь А***?

— Это былъ капризъ испорченнаго сердца.

— Быть не можетъ, чтобъ изъ одного каприза человѣкъ сталъ убиваться. Какая ему была охота мучить себя только изъ одного каприза?

— Развѣ вы не знаете, какъ уродуются чувства человѣка, когда онъ развратитъ свое сердце? Гордостью и тщеславіемъ А*** убилъ въ своемъ сердцѣ всѣ добрыя чувства; онъ изсказилъ ихъ, замѣнивъ любовь холоднымъ эгоизмомъ и въ высшей степени самолюбіемъ. Повѣрьте, ему не такъ было жаль Настасьи, какъ досадно было, что люди отняли ее у него. Еслибъ Настасья оскорбила его самолюбіе, онъ, безъ всякаго сожалѣнія, прогналъ бы ее; но онъ не могъ помириться съ мыслью, что люди самовольно у него отняли ее тогда, какъ онъ совершенно былъ убѣжденъ, что безъ его вѣдома и противъ его воли ничто не должно было дѣлаться

— Такъ вы думаете, что это не была искренняя печаль о потерѣ друга?

— Что могло быть общаго у него съ Настасьею? Настасья была простая, необразованная женщина; она никогда не могла быть его другомъ. Другомъ нашимъ можетъ быть тотъ, съ кѣмъ мы дѣлимся своими чувствами, впечатлѣніями и надеждами, кому довѣрчиво мы передаемъ тайны нашихъ мыслей и желаній, въ надеждѣ получить совѣтъ, или одобреніе, или теплое участіе, съ кѣмъ мы любимъ разсуждать о самыхъ задушевныхъ предметахъ безъ опасенія быть осмѣяннымъ и выданнымъ.

— Да она и была, можетъ-быть, такимъ другомъ?

— Этого не могло быть! По грубости и необразован-

ности своей, она даже не могла понимать вовсе желаній и намѣреній А***; между ними никогда не могло быть, такъ называемыхъ по вашему, интимныхъ разговоровъ. Кромѣ сплетень, она, при всемъ своемъ желаніи, завести разговоръ, не въ-состояніи была ничего передать ему. Да и А*** совершенно не былъ способенъ къ дружбѣ.

— Объясните мнѣ, пожалуйста, привязанность къ Настасьѣ А***—что это такое было: любовь или другое чувство? Вѣдь онъ былъ же привязанъ къ ней во всю жизнь?

— Любви въ немъ не могло быть. По расказамъ его современниковъ, особенно женщинъ, онъ былъ очень-вѣтренъ и сладострастенъ; его сердце было слишкомъ-испорчено для того, чтобъ питать это чувство. Его привязанность къ Настасьѣ была не болѣе, какъ привязанность старой барыни къ своей собачкѣ, которую она холитъ и балуетъ за то, что та постоянно вертится передъ нею и смотритъ ей въ глаза. Это было дѣло привычки, когда человѣкъ привыкаетъ къ вещи, которая дѣлается ему уже необходимою.

VI.

Когда мы собрались снова вмѣстѣ, священникъ продолжалъ:

«Послѣ смерти Настасьи звѣзда счастія А*** стала быстро катиться къ западу; быстро слѣдовали потеря за потерей для А***. Чрезъ очень-короткое время онъ схоронилъ своего благодѣтеля-государя, а за нимъ и самъ сошелъ съ поприща государственной дѣятельности и потерялъ прежнее могущество. Онъ еще болѣе сдѣлался жолченъ и угрюмъ; здоровье его видимо стало растроиваться; онъ никуда не выѣзжалъ. Собственными глазами онъ видѣлъ, какъ дѣла его, которыми онъ хотѣлъ увѣковѣчить свое имя, разрушались. Тяжело было его положеніе. Какъ развѣнчанный кумиръ, онъ не возбуждалъ болѣе къ себѣ ни благоговѣнія, ни страха, а одно холодное любопытство; иногда даже приходилось ему переносить хоть и неважныя оскорбленія, для другаго почти-нечувствительныя, но для него, избалованнаго безусловнымъ повиновеніемъ,

слишкомъ-мучительныя. Наскучивъ бездѣятельною жизнью и не-вниманіемъ къ нему, отъ скуки и досады, да, кажется, и по совѣту других, А*** отправился за границу размыкать горе. На мою долю выпало сопутствовать ему. Чтобъ занять и развлечь дорогаго покровителя, которому дѣлать всякаго рода непріятности было для меня весело, я началъ кутить на дорогѣ напропалую. А*** не выдержалъ такого испытанія и, чтобъ избавиться отъ мученія и безпокойства, отправилъ меня обратно въ Россію, какъ вовсе-ненужнаго ему человѣка.

Возвратившись въ Петербургъ, я не счелъ нужнымъ явиться ни къ кому, кромѣ своихъ пріятелей, чтобъ съ ними отпраздновать свое возвращеніе. Послѣ обѣда, за которымъ въ винѣ не было недостатка, мы отправились въ театръ. На этотъ разъ судьба побаловала меня. Мнѣ какъ-разъ пришлось сидѣть позади нелюбимаго генерала, заклятаго врага моего. Надобно замѣтить, что у него была во всю голову лысина; глядя на нее, я придумалъ злую шутку. Когда воодушевленные зрители начали апплодировать, я всталъ и отъ всего усердія три раза ударилъ ладонью по лысинѣ врага моего, приговаривая къ каждому разу «браво» во все горло. Всѣ зрители разразились громкимъ смѣхомъ, и я, какъ-нельзя-болѣе довольный собой, пошелъ на казенную квартиру, откуда меня чрезъ двадцать-четыре часа въ солдатской шинели, налегкѣ отправили на Кавказъ на курьерскихъ, въ-сопровожденіи молчаливаго товарища. Путешествіе мое не слишкомъ было продолжительно. Помнится мнѣ, что ни на одной станціи не было задержки въ лошадяхъ.

И вотъ я въ странѣ, богатой дикими красотами природы и виномъ, въ странѣ, куда стремились наши великіе поэты: Пушкинъ, Лермонтовъ и другіе, чтобъ разогрѣть южнымъ солнцемъ свое вдохновеніе, закованное сѣвернымъ морозомъ. Но дикія картины природы, знойное солнце и прочія поэтическія наслажденія были для меня дѣло постороннее; вино тамъ дешево—вотъ что занимало меня. Я, что-называется, пилъ безъ просыпу. Много разъ участвовалъ я въ экспедиціяхъ—надо сознаться, не всегда трез-

вый, но успѣлъ отличиться нѣсколько разъ и заслужить себѣ чинъ подпоручика. Наконецъ мнѣ пустили кровь кинжаломъ изъ шеи, и я, какъ храбрый воинъ, раненный вышелъ въ отставку и возвратился въ отечество. Въ Петербургъ мнѣ не дозволено было въѣзжать.

Не стану разсказывать про чувства, волновавшія меня (по правдѣ сказать, у меня не было вовсе никакихъ чувствъ), когда я возвращался домой. Отъ пустой и разгульной жизни, или отъ неудачъ душа моя такъ огрубѣла и охладѣла, что я на все смотрѣлъ равнодушно, кромѣ бутылки; къ этой вещи я имѣлъ уже въ это время такое пристрастіе, что не могъ равнодушно видѣть полной бутылки вина, чтобъ не отвѣдать его.

Вотъ я пріѣхалъ домой. Не—очень ласково принялъ меня мнимый батюшка; ему была не по-сердцу моя продѣлка въ театрѣ и поведеніе на Кавказѣ; онъ зналъ всю подноготную про меня. Да мнѣ было и горя мало про это! Промыслю, бывало, себѣ винца и утѣшаюсь имъ надосугѣ. Я думалъ, что все такъ буду жить да попивать винцо на доброе здоровье; а вышло-то не такъ. А*** Хмурился, глядя на мои поступки, но въ объясненія со мною не вступалъ, я старался какъ-можно—далѣе держать себя, да и онъ не слишкомъ заботился сближаться со мной.

Какъ-то разъ послѣ обѣда вздумалось А*** поговорить со мной.

— Плохое дѣло старость! сказалъ, вздохнувъ, А***:— хотѣлось бы потрудиться да поработать, но силы измѣняютъ. Вотъ въ твои лѣта я работалъ и усталости не зналъ. Самый счастливый возрастъ, чтобъ трудиться для собственной и ближняго пользы—такъ охоты нѣтъ, лѣнь одолѣла, а между—тѣмъ и стыдно и грѣшно человѣку въ твоихъ лѣтахъ тратить попусту время.

Я понималъ «въ чей огородъ камешки летятъ», но молчалъ, какъ праведникъ. Думаю—себѣ: «пришла охота старику побрюзжать—пусть его на здоровье! Не стану ему отвѣчать, соскучится скоро одинъ разговаривать и меня оставитъ въ покоѣ».

— Кажется, воспитаніе дано было отличное, продол-

жалъ говорить А*** какъ—бы самъ съ собою;—и все было сдѣлано, чтобъ образовать человѣка, какъ слѣдуетъ быть дворянину, но ничто не пошло въ прокъ.—Вамъ и нескучно безъ занятія? спросилъ онъ, обратясь ко мнѣ.

Дѣло дрянь, подумалъ я: молчкомъ не отдѣлаться.

— Что же прикажете дѣлать? и поскучаешь другой разъ, смиренно отвѣтилъ я.

— Мнѣ странно, что ты не можешь найти себѣ дѣла?

— Что же прикажете мнѣ дѣлать? Служить я не могу—это вамъ хорошо извѣстно.

— Да вѣдь тебя учили всему; можно и безъ службы найти себѣ занятіе.

Зло взяло меня.

— Учили меня всему, говорю я:—чему ненужно, а чему нужно, тому не учили. Вотъ, еслибъ учили меня сапоги шить или веретена точить—точилъ бы здѣшнимъ бабамъ на досугѣ, а я и этого не умѣю.

— Хоть бы молился Богу на досугѣ, если ничего не можешь придумать дѣлать.

— Не̋ за кого! За себя я молюсь—этого съ меня довольно.

— Какъ не̋ за кого? А за твою несчастную мать, умершую такой страдальческой смертью, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Моя мать, благодаря Бога, и теперь еще жива и здорова.

Грозно сверкнули очи А***.

— Да ты-то самъ, братецъ, здоровъ ли? спросилъ онъ меня сурово.

— Время узнать вамъ истину, сказалъ я, вставъ и принявъ почтительное положеніе. Женщина, имени которой я не хочу произносить—оно мнѣ ненавистно—недостойна была вашего вниманія: она безсовѣстно обманула васъ и погубила меня...

А*** поблѣднѣлъ; губы его посинѣли и тряслись.—..... насильно вырвавъ изъ родной семьи, изъ той среды, гдѣ я былъ бы счастливъ, для своихъ корыстныхъ видовъ,

чтобъ этимъ низкимъ обманомъ упрочить къ себѣ вашу привязанность.

А*** слушалъ меня и не прерывалъ. Я разсказалъ ему всю исторію обмана, какъ передала мнѣ моя мать. Когда я кончилъ разсказъ мой, А*** молча всталъ и неровными шагами ушелъ въ свой кабинетъ. Я отправился къ себѣ и выпилъ съ горя, да такъ лихо, что до утра проспалъ безъ памяти и ничего не слыхалъ, что̀ вокругъ меня дѣлалось.

Поутру, какъ я проснулся, вошелъ ко мнѣ мой Гаврило съ озабоченнымъ видомъ.

— У насъ не совсѣмъ—благополучно, Михаилъ Андреичъ, сказалъ Гаврило.

— Что̀ такое? спросилъ я.

— Баринъ захворать изволили вчера, и очень сильно; вчера было хлопотъ довольно всѣмъ; въ Петербургъ за докторомъ посылали; сейчасъ только пріѣхалъ-съ.

— Это все ничего—пройдетъ; главное, есть ли водка? —вотъ важный вопросъ, на который тебѣ слѣдуетъ обратить вниманіе, сказалъ я, потягиваясь на постели.

— Эхъ Михаилъ Андреичъ! сказалъ, покачивая головою, старый мой Гаврило:—пора бы вамъ и бросить: дѣло неприличное для васъ, а для барина-то больно—претительное. По правдѣ сказать, вы кажется, изволи-ли его-то и разстроить вчера; словно, что̀ ему сталось, какъ вы изволили отъ него выйти: все ему стало дѣлаться дурно...

— Ну, ты тамъ, что̀ хочешь думай, а опохмѣлиться надобно сегодня, сказалъ я.—Послѣ что̀ будетъ, а сегодня опохмѣлиться нужно: голова больно тяжела.

— Воля ваша, какъ угодно вашей милости, сказалъ Гаврило съ какимъ-то ожесточеніемъ.

Дня три хворалъ А*** серьёзно, не выходилъ изъ своей спальни и никого не принималъ къ себѣ; потомъ сталъ поправляться и выходить.

Чрезъ недѣлю послѣ нашего разговора, А*** позвалъ меня къ себѣ. До того времени я не показывался ему на глаза.

— Вотъ что̀, Михаилъ Андреевичъ, скажу я вамъ, го-

ворилъ мнѣ А***, когда я стоялъ передъ нимъ въ его кабинетѣ:—вамъ дѣйствительно здѣсь трудно найти себѣ занятіе; а безъ дѣла жить скучно. Въ мірѣ для васъ все потеряно; но еще есть мѣсто, гдѣ вы можете быть полезнымъ, если не ближнимъ, то, по-крайней-мѣрѣ, себѣ. Ваша жизнь полна горькихъ заблужденій: пора бы подумать вамъ о своемъ спасеніи и загладить грѣхи вашей юности молитвою и покаяніемъ.

«Не мѣшало бы и вамъ» подумалъ я.

— Я бы вамъ совѣтовалъ попробовать поискать себѣ утѣшеніе въ монашеской жизни; особенно-хорошо было бы пожить вамъ въ Юрьевомъ Монастырѣ. Отецъ-архимандритъ Фотій, человѣкъ замѣчательно-умный и строгой жизни: подъ его покровительствомъ вы бы нашли міръ душѣ своей и, можетъ-быть полезное занятіе.

— Я не нахожу себя способнымъ къ монашеской жизни, отвѣчалъ я.

— Чего не испытаешь, того не знаешь, говорилъ мнѣ А***:—можетъ, это есть настоящее ваше призваніе. Я васъ не неволю; но, по моему мнѣнію, гораздо-лучше имѣть какое-нибудь вѣрное средство къ жизни, чѣмъ томиться неопредѣленностью своей участи и не имѣть ничего вѣрнаго для своего существованія. Подумайте, сказалъ онъ и легкимъ наклоненіемъ головы далъ мнѣ знать, что на этотъ разъ нашъ разговоръ былъ конченъ.

«Плохи дѣлишки! плохи дѣлишки!» говорилъ я про-себя, выходя отъ графа. Думать было нечего, надобно было выбирать одно изъ двухъ: или идти въ монастырь, или по міру. Изъ словъ А*** ясно видно было, что если я не пойду въ монастырь, то онъ вытуритъ меня, какъ паршивую собаку. А куда я пойду?.. Надобно было покориться неизбѣжной участи. Но прежде чѣмъ обдумать, что мнѣ дѣлать, я съ горя выпилъ: пьяному какъ-то всѣ вещи представляются въ лучшемъ видѣ. «Въ монахи, такъ въ монахи» сказалъ я, махнувъ рукой. Вѣдь и въ монастыряхъ люди же живутъ. Только даютъ ли тамъ водку пить? Я никогда не бывалъ въ монастыряхъ, и потому вовсе не зналъ ихъ порядка. Вопросъ этотъ смутилъ меня.

— Эй, Гаврило! крикнулъ я.

Гаврило явился.

— Бывалъ ты въ монастыряхъ, Гаврило?

— Бывалъ-съ.

— Пьютъ ли тамъ водку?

Гаврило съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Какъ же, пьютъ-съ, отвѣчалъ онъ:—по большимъ праздникамъ есть порція.

— Только по праздникамъ? А въ будень выпить ужь и нельзя?

— Случается и въ будень, только въ тихомолку, чтобъ начальство не знало.

— Вотъ что!.. Ну ступай куда хочешь; ты мнѣ не-нуженъ!

Гаврило ушелъ.

«Значитъ и въ монастырѣ выпить можно» разсуждалъ я самъ съ собою. «Только, Фотій больно строгъ!.. Да что жь онъ мнѣ сдѣлаетъ?.. Я отставной поручикъ—розгами онъ не посмѣетъ. Ну, въ монахи, такъ въ монахи!» Больше я ничего не помню, что̀ думалъ; не помню даже, гдѣ и ка̀къ я заснулъ.

На другой день утромъ явился я къ А***.

— Что̀ хорошенькаго скажете, Михаилъ Андреичъ? спросилъ онъ меня.

— Я пришелъ поблагодарить васъ за спасительный для меня совѣтъ вашъ, которому я рѣшился послѣдовать, сказалъ я смиренно.

— Хоть одно умное дѣло сдѣлаете впродолженіе всей вашей жизни. Конечно, для васъ, съ непривычки, тяжелою покажется строгая монастырская жизнь; но, чтобъ облегчить ее и дать вамъ возможность хоть на первый разъ не испытывать всѣхъ лишеній, я каждый годъ буду присылать вамъ по тысячѣ рублей (ассигнаціями), сказалъ онъ, довольный моею покорностью.

Я поблагодарилъ А*** за его ко мнѣ милости и вышелъ.

«Э! да дѣло-то не совсѣмъ дрянь!» думалъ я: «съ тысячью можно и въ монастырѣ жить припѣваючи!»

Чрезъ три дня былъ назначенъ отъѣздъ мой въ Юрь-

евъ монастырь. Я далъ знать своей матери: она пришла проводить меня. Наканунѣ отъѣзда мы поплакали и выпили вмѣстѣ съ ней, на прощаньѣ.

Наступилъ урочный часъ; подали лошадей; я пошелъ къ А*** проститься.

— Забудемте, что́ было между нами, Михаилъ Андреичъ, сказалъ онъ, обнимая меня.

Онъ былъ взволнованъ.

— Вотъ письмо: потрудитесь отдать его отцу-архимандриту. Прощайте, сказалъ онъ и ушелъ отъ меня.

Это было послѣднее наше прощаніе. Мы болѣе не видались другъ съ другомъ.

Не безъ грусти я уѣхалъ.

VII.

Я пріѣхалъ въ Юрьевъ монастырь (продолжалъ священникъ словами Шумскаго). Когда я вступилъ на дворъ монастырскій, мною овладѣло тревожное чувство. «За этими стѣнами» думалъ я «мнѣ приходится за́-живо схоронить себя отъ свѣта—это моя могила!» И дѣйствительно, тишина, царствовавшая въ монастырѣ, застроенномъ внутри огромными каменными зданіями, съ обширнымъ дворомъ, усаженнымъ деревьями и перекрещеннымъ въ разныхъ направленіяхъ троттуарами изъ плитъ, казалась могильною. Изрѣдка покажется только монахъ, какъ привидѣніе, весь въ черномъ, мѣрно и плавно пройдетъ мимо, скроется куда нибудь въ корридоръ зданія; но шаги его еще долго раздаются въ ушахъ, вторимые эхомъ.

Меня проводили къ архимандриту. Фотій не долго заставилъ меня ждать въ пріемной. Быстро отворилъ двери келейникъ въ залу, и мнѣ представилась длинная амфилада комнатъ большихъ, но скромно-меблированныхъ. Въ перспективѣ дверей, какъ въ рамѣ, показалась фигура Фотія. Онъ шелъ ко мнѣ медленно, склонивъ голову, какъбудто занятый размышленіемъ. Фотій былъ невеликъ ростомъ и сухощавъ; лицо его было блѣдно и такъ сухо,

что всѣ мускулы ясно обрисовывались; каріе глаза его свѣтились умомъ и энергіей.

Я подошелъ къ Фотію принять благословеніе. Съ невольнымъ уваженіемъ сдѣлалъ я ему низкій поклонъ: въ его лицѣ и осанкѣ столько было важной строгости и достоинства, что невозможно было смотрѣть на него безъ безъ особеннаго чувства уваженія.

Я не счелъ нужнымъ рекомендоваться Фотію, державшему письмо А*** въ рукахъ своихъ: по письму онъ уже зналъ, кто я такой.

— Ты, сынъ мой, сказалъ мнѣ Фотій тихимъ, но пріятнымъ голосомъ:—пришелъ къ намъ искать убѣжища отъ суетъ мірской жизни?

— Точно такъ, ваше высокопреподобіе, отвѣчалъ я.

— Ревность по Богѣ и желаніе святой иноческой жизни похвальны; только для этого одного желанія мало: надобно имѣть твердую рѣшимость, чтобъ отказаться отъ всѣхъ прелестей суетной мірской жизни и посвятить всего себя строгому воздержанію, смиренію и молитвѣ—первымъ и главнымъ добродѣтелямъ инока.

— Я на на все готовъ, отвѣтилъ я.

— Искренне ли твое желаніе? спросилъ меня Фотій и устремилъ на меня пронзительный взоръ свой.

— Искренно отвѣтилъ я съ смущеніемъ.

Я не могъ вынести его взора, прожигавшаго душу.

— Помоги тебѣ Господь Богъ! сказалъ Фотій, поднявъ взоръ къ верху.—Отецъ—намѣстникъ устроитъ тебя.

Я принялъ отъ него благословеніе и пошелъ, въ сопровожденіи келейника, къ намѣстнику.

Когда мы пришли къ кельи намѣстника, келейникъ, провожавшій меня, постучалъ легонько въ дверь и громко произнесъ: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ!» «Аминь!» отвѣтилъ кто-то звучнымъ басомъ. Вслѣдъ за отвѣтомъ послышались шаги, щелкнулъ крючокъ, и двери отворились. Намъ представился монахъ средняго роста, плотный, коренастый, съ окладистой бородой, широкимъ лицомъ, ничего—невыражавшимъ, кромѣ самодовольства, съ бойкими карими глазами. Онъ былъ въ подрясникѣ,

Келейникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и я приняли отъ него благословеніе.

— Отецъ-архимандритъ приказалъ мнѣ проводить къ вашему преподобію Михаила Андреича Шумскаго, сказалъ келейникъ.

— Милости прошу въ гостиную, сказалъ намѣстникъ развязно взмахнувъ обѣими руками въ ту сторону, гдѣ была гостиная.

Я пошелъ въ гостиную, а намѣстникъ остался поговорить съ келейникомъ архимандрита.

Не успѣлъ я осмотрѣть гостиную намѣстника, какъ онъ уже явился передо мной,

— Прошу покорно, Михаилъ Андреичъ, садиться, сказалъ онъ, указывая мнѣ мѣсто на диванѣ.—Я честь имѣю... намѣстникъ здѣшняго монастыря Кифа, въ мірѣ Николай, съ этимъ словомъ онъ крѣпко пожалъ мою руку.

Мы сѣли на диванъ рядомъ.

— Что жь, вы къ намъ Богу молиться, или совсѣмъ хотите украсить свою особу черным клобукомъ? спросилъ меня намѣстникъ.

— Думаю, если Богъ поможетъ мнѣ, остаться совсѣмъ у васъ.

— Такъ совсѣмъ пріѣхали къ намъ? Скажите, сдѣлайте милость, гдѣ ваши вещи? я велю принести сюда. Позвольте мнѣ предложить къ услугамъ вашимъ мою убогую келью, пока отецъ-архимандритъ не сдѣлаетъ особаго распоряженія.

— Не стѣсню ли я васъ?

— Полноте, что за церемонія! Мы безхитростные иноки; съ нами всѣ свѣтскіе этикеты можно отложить въ сторону. Во первыхъ, позвольте узнать, гдѣ оставлены ваши вещи, а во вторыхъ, позвольте вамъ предложить скромную монашескую трапезу. Вы, я думаю, еще не обѣдали, не такъ, какъ мы, уже успѣли оттрапезовать, несмотря на то, что еще первый часъ въ исходѣ.

— Искренно благодарю васъ за внимательность. Если вы добры такъ, что принимаете на себя трудъ устроить

меня, то дѣлать нечего—я отдаюсь въ полное ваше распоряженіе. Мои вещи въ повозкѣ у монастырскихъ воротъ.

— Извините, если я васъ оставлю на минуну, сказалъ намѣстникъ, и вышелъ въ другую комнату. Впрочемъ, онъ скоро вернулся.

Немного погодя принесли мои вещи; потомъ явился послушникъ, накрылъ на столъ тутъ же, въ гостиной, передъ нами, и подалъ обѣдъ.

Я пообѣдалъ, и мы выпили малую—толику ради перваго нашего знакомства.

«Недурно» думалъ я: «если каждый день будутъ такъ кормить, да еще съ такой порціей».

— Не хотите ли отдохнуть послѣ обѣда съ дороги? спросилъ меня намѣстникъ.—Скажите безъ церемоніи.

— Позвольте, сказалъ я.

Сытый обѣдъ съ хорошей порціей вина и водки невольно склонилъ меня ко сну.

Мнѣ, на томъ же диванѣ, гдѣ я сидѣлъ, положили подушки, и я заснулъ скорёхонько, вполнѣ довольный своимъ положеніемъ.

Долго ли я спалъ—не знаю, но еще бы поспалъ, еслибъ густой звонъ колокола не разбудилъ меня. Я открылъ глаза: передо мной стоялъ послушникъ.

Вотъ я пришелъ въ церковь къ вечернѣ. Служба только-что началась. Меня поразилъ своею необыкновенностью напѣвъ иноковъ Юрьева монастыря они пѣли тихо и плавно съ особенными модуляціями. Торжественно и плавно неслись звуки по храму и медленно замирали подъ высокими его сводами. Это былъ ни громъ, ни вой бури, а какой-то могущественный, священный голосъ, вѣщающій слово божіе. До глубины души проникалъ этотъ голосъ и сотрясалъ всѣ нервы. Первый разъ въ жизни, надобно сознаться, я молился Богу какъ слѣдуетъ. Новость моего положенія, неизвѣстность его, огромный храмъ съ иконостасомъ, украшеннымъ щедро золотомъ и дорогими каменьями, на которыхъ игралъ свѣтъ восковыхъ свѣчей и лампадъ, поражавшее пѣніе, стройный рядъ монаховъ, въ

черной одеждѣ, торжественное спокойствіе, съ какимъ они молились Богу—словомъ вся святость мѣста ясно говорила за себя и невольно заставляла пасть въ прахъ и молиться усердно. Не смотря на то, что вечерня продолжалась часа три, я не чувствовалъ ни утомленія, ни усталости. Послѣ вечерни всѣ монахи благословились отъ архимандрита, въ томъ числѣ и я. Намѣстникъ пошелъ за архимандритомъ, монахи—по своимъ кельямъ, а я пошелъ посмотрѣть монастырь. Обойдя кругомъ главный храмъ, я пошелъ-было за монастырь посмотрѣть на Новгородъ, но ворота монастырскія уже были заперты. Я вернулся назадъ и, встрѣтившись съ Кифой, пошелъ къ нему.

Самоваръ уже кипѣлъ на столѣ, когда мы пришли въ келью. Кифа самъ принялся распоряжаться чаемъ.

Вечеръ прошелъ скоро, тѣмъ-болѣе, что мы легли спать часовъ въ десять.

Ночью, во снѣ, я слышу неясно, какъ-будто кто-то меня будитъ. Нéхотя я проснулся, открылъ глаза и вижу, что передо мною стоитъ послушникъ, а колоколъ аже гудитъ, сзывая монаховъ на молитву.

— Къ утрени не угодно ли? сказалъ послушникъ.

— Такъ рано?...

— Два часа утра.

Не хотѣлось мнѣ вставать, я бы еще съ удовольствіемъ заснулъ; но нéчего было дѣлать—нужно было привыкакъ къ новой службѣ.

Послѣ обѣда, когда я пришелъ къ намѣстнику, онъ сказалъ мнѣ, подавая подрясникъ.

— Надѣвайте здѣсь безъ церемоніи; мнѣ надобно посмотрѣть впору ли будетъ новое платье.

Я одѣлся, взлянулъ на себя въ зеркало—и невольная слеза выкатитась изъ глазъ моихъ.

Кифа такъ былъ догадливъ, что показалъ видъ, будто не замѣтилъ злодѣйки—слезы, обличавшей мое малодушіе.

Потомъ намѣстникъ проводилъ меня въ назначенную мнѣ келью, которая состояла изъ одной комнаты, очень бѣдно меблированной.

Объяснивъ мнѣ, что за чистотой и порядкомъ келья я

долженъ самъ наблюдать, что мнѣ прислужника не будетъ дано, и пожелавъ мнѣ мира и спасенія, онъ оставилъ меня одного.

Я остался одинъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Со мной не было не только роднаго или близкаго друга, ни даже знакомаго человѣка. Одинъ самъ съ собой! Разумѣется, такое положеніе заставило меня обратить вниманіе на самого себя, заглянуть себѣ въ душу. Давно я не дѣлалъ этого, съ-тѣхъ-поръ, какъ слово «подкидышъ» заставило меня въ первый разъ обратить на себя вниманіе. Но тогда я еще выше и благороднѣе представлялся самому себѣ. Пустота жизни и грѣхи юности тогда только и представлялись мнѣ; а теперь?... Погибшій, вслѣдствіе безсмысленной моей жизни, погубившій все, что было во мнѣ добраго, постыдною наклонностью къ вину—я сдѣлался отвратителенъ самому-себѣ. Припоминая свою жизнь, я вздрагивалъ съ тѣмъ чувствомъ отвращенія къ себѣ, которое непріятно поражаетъ насъ, когда глазамъ нашимъ представляется какая-нибудь гадина. Желаніе исправиться явилось во мнѣ; оно было искренно, тѣмъ-болѣе, что въ рукахъ моихъ теперь были всѣ средства.

Двѣ недѣли я прожилъ какъ-нельзя-лучше; къ службѣ—хотя мнѣ было и тяжело, привыкалъ. Бралъ читать книги духовнаго содержанія, но читалъ болѣе для того, чтобъ убить время и оборониться отъ скуки.

Впрочемъ, скоро забылъ я объ искреннемъ желаніи исправиться и вкусилъ запрещеннаго плода. На первый разъ я поступилъ тихо и скромно, сказался больнымъ, и этотъ разъ сошло все благополучно; мнѣ казалось, что я ловко обманулъ бдительность старшихъ. Во второй разъ я уже былъ менѣе-скроменъ, но и этотъ разъ сошелъ съ рукъ долой. «Э! думаю, да дѣло пошло лихо, бояться нечего», и я развернулся, вспомнилъ походную свою жизнь и потѣшилъ монаховъ военными шуточками. Меня, добраго молодца, на первый разъ арестовали въ собственной кельѣ, а на утро потребовалъ къ себѣ архимандритъ.

Робко было явиться къ нему на судъ, но дѣлать было нечего—надобно было покориться неизбѣжной участи. Съ

трепетнымъ сердцемъ явился я къ отцу Фотію. Долго читалъ мнѣ наставленія Фотій и, надо отдать ему справедливость, много онъ говорилъ мнѣ дѣльнаго и съ чувствомъ. Слезы прошибли меня и послужили мнѣ на этотъ разъ спасеніемъ. Фотій принялъ ихъ за плоды чистосердечнаго раскаянія и отпустилъ меня.

Самолюбіе мое было оскорблено: мнѣ дѣлалъ наставленіе Фотій въ присутствіи старшей братіи монастыря и очень-нецеремонно. «Ка́къ! (думалъ я, идучи отъ Фотія) смѣютъ трактовать меня, какъ какого-нибудь пришлеца? Развѣ не знаютъ они, кто былъ Шумскій въ оное время? Можно ли такъ безцеремонно обращаться съ бывшимъ офицеромъ?» Конечно, я въ это время имъ не былъ, но все же бывалъ имъ, да и теперь я все-таки отставной поручикъ, а не кто-нибудь. Горе взяло меня, и я, чтобъ размаять тоску, выпилъ; пьяному мнѣ еще болѣе показалось оскорбительнымъ обращеніе со мною. Взволнованный сдѣланнымъ мнѣ оскорбленіемъ, я поднялъ гвалдъ на весь монастырь. Меня хотѣли безъ церемоніи отправить въ карцеръ, прислали двухъ отставныхъ солдатъ, чтобъ взять меня—но не тутъ-то было.

«Какъ вы смѣете оскорблять поручика?» крикнулъ я и, чтобъ доказать свои права, ближайшему ко мнѣ далъ пощечину. Военная дисциплина не помогла: меня скрутили и посадили въ карцеръ на три дня, на хлѣбъ и на воду. Съ-этихъ-поръ жизнь моя пошла въ монастырѣ очень-непригожа. Я маялся и болѣе жилъ въ карцерѣ, чѣмъ въ своей кельѣ. Меня ничто не могло исправить—ни наставленія, ни строгія мѣры. Надобно замѣтить, что я для монастыря былъ человѣкъ лишній и даже вредный; но меня не выгоняли, можетъ-быть, изъ уваженія къ А***, который просилъ поддержать меня въ монастырѣ.

VIII.

Два года я промаялся въ монастырѣ. Наконецъ А*** умеръ, и я, получивъ полную свободу, возвратился на родину.

Не лучше прошли эти два года и для А***. Оставленный всѣми и забытый, безъ друзей и близкихъ, онъ изнывалъ въ своемъ одиночествѣ. Скрытый недугъ быстро подтачивалъ жизнь его, и вотъ, почти-нежданно онъ сошелся лицемъ-къ-лицу съ своею смертью. Еще девятнадцатаго апрѣля онъ былъ бодръ, ходилъ и распоряжался; двадцатаго силы ему измѣнили, и двадцать-перваго онъ уже былъ убѣжденъ въ своей смерти. Не хотѣлось ему умереть; онъ просилъ и умолялъ доктора, чтобъ отсрочилъ хотя на короткое время смерть; ему хотѣлось пожить хоть одни сутки—но смерть была неумолима.

А*** умеръ на чужихъ рукахъ: не нашлось ни одного родственника закрыть глаза умиравшему.

Прибывъ на родину, я удивился перемѣнѣ, какую нашелъ. При всемъ стараніи начальствовавшихъ строго держаться прежнихъ порядковъ, она уже имѣла другую, праздничную физіономію. Жители оживились, съ веселымъ и беззаботнымъ лицомъ они безпечно распѣвали пѣсни и попивали винцо—запрещенный плодъ при покойномъ владѣльцѣ. Мало-по-малу они стали уклоняться отъ заведеннаго прежде порядка и обращаться къ прежнимъ своимъ привычкамъ.

Годъ цѣлый я прожилъ у вотчиннаго головы Шишкина въ качествѣ учителя дѣтей. Съ матерью своею и родственниками я часто видѣлся; они жили въ деревнѣ Пролетѣ, верстахъ въ двѣнадцати отъ села, гдѣ жилъ голова. Не могу похвастать, чтобъ для меня прошло пріятно это время. Отрѣзанный ломоть къ хлѣбу не прильнетъ. Какъ барину, мнѣ несовсѣмъ-ловко и охотно было екшаться съ мужиками, да и они смотрѣли на меня какъ-то неблагосклонно. Правда, я выпивалъ съ ними вмѣстѣ и разговаривалъ; но не было между нами согласія дружескаго, какое водится между равными товарищами. Нѣтъ, мнѣ уже не суждено, видно, въ жизни встрѣтить искреннее участіе!

Меня противъ воли снова возвратили въ Юрьевъ монастырь, гдѣ моему возвращенію не очень обрадовались. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, меня сжи-

ли съ рукъ въ Отенскій монастырь. Не буду вамъ разсказывать, какъ я проводилъ время въ этомъ монастырѣ Обыкновенно я ходилъ въ церковь и ничего болѣе не дѣлалъ; при первой возможности напивался и буянилъ; меня вязали, и я тогда спокойно засыпалъ; на другой день повторялось то же. Наконецъ я такъ надоѣлъ, что не стало белѣе силъ держать меня, и вотъ спровадили меня въ Дымскій монастырь, а оттуда я уже не знаю куда еще пошлютъ меня и гдѣ преклоню свою голову.

Такъ кончилъ разсказъ свой Шумскій. Онъ прожилъ у меня цѣлую недѣлю; много разъ я съ нимъ разговаривалъ о неприличіи его поведенія, о пагубѣ его грѣховной жизни. Онъ соглашался со мною, раскаивался и, со слезами на глазахъ, давалъ мнѣ обѣщаніе исправиться. Но я не вѣрю его обѣтамъ: ему трудно исправиться—характеръ его слабъ, и ему не побороть искушенія. Развѣ только онъ попадетъ въ строгія руки благоразумнаго наставника, который непрестанно будетъ заботиться о немъ и наблюдать за всѣми его мыслями и поступками.

Вотъ вамъ жизнь несчастнаго, котораго насильно вырвали изъ его роднаго состоянія, чтобъ сдѣлать наслѣдникомъ человѣка, котораго имя должно было погибкуть на землѣ! А*** въ старости, когда люди, въ награду за добрыя дѣла свои наслаждаются мирно плодами ихъ въ кругу родной семьи—одинъ, брошенный всѣми, дѣлается свидѣтелемъ погибели всѣхъ дѣлъ своихъ, которыми онъ думалъ увѣковѣчить свое имя, и, терзаемый муками оскорбленнаго самолюбія, умираетъ на чужихъ рукахъ. Двадцать лѣтъ прошло послѣ смерти А***—и въ эти двадцать лѣтъ погибло все, чтò хотѣлъ создать онъ. Мужики обратились совершенно къ первобытному своему состоянію; домы, построенные на иностранный манеръ, или совсѣмъ передѣланы на русскій ладъ, или искажены до уродливости; дороги нѣкоторыя совсѣмъ заброшены и размываются водою, а которыя остались, тѣ въ жалкомъ положеніи: онѣ заросли снова кустарникомъ; словомъ, все гибнетъ, какъ-будто какой-то невидимый врагъ старается истребить память А*** вмѣстѣ съ его дѣлами.

— А гдѣ же теперь Шумскій? спросилъ я.

Изъ Дымскаго монастыря перевели его въ Соловецкій. Тамъ, какъ и вездѣ, сначала онъ повелъ себя примѣрно, нашелъ даже себѣ дѣло: занялся крѣпостной артиллеріею монастырской, привелъ ее въ порядокъ и смотрѣлъ за ней. Его полюбили тамъ, сдѣлали даже письмоводителемъ; но онъ не могъ оставить несчастной своей склонности къ вину. Его перевели въ одинъ изъ скитовъ монастыря, гдѣ онъ, подъ строгимъ надзоромъ, велъ себя хорошо, какъ говорятъ видѣвшіе его наши богомольцы.

Въ 1857 году я узналъ отъ странника, что Шумскій умеръ. Онъ до конца жизни получалъ триста рублей пенсіи; въ послѣдніе годы своей жизни онъ всѣ деньги свои раздавалъ братіи и неимущимъ, а самъ велъ очень-суровую и строгую жизнь...

—

НОВГОРОДЪ.

I. НОВГОРОДЪ.

I.

Въ Новгородъ ѣхалъ я по московскому шоссе отъ станціи Бронницы. Дорога сильно томила меня своимъ однообразіемъ; по обѣимъ сторонамъ ея, почти на разстояніи двадцати верстъ, тянется мелкій лѣсъ смѣшанныхъ породъ, невысокій и до того частый, что, кажется, и зайцу сквозь него пробраться трудно. На первой еще половинѣ дороги разбросано съ десятокъ домовъ кое-гдѣ по краямъ лѣса. По правую сторону дороги тянется Вишерскій каналъ, узкій, мелкій и, повидимому, совершенно лишній; лѣтомъ на немъ не видно ни одного судна; говорятъ,—весной ходятъ по немъ барки, но съ большимъ трудомъ. Каналъ верстъ за десять отъ Новгорода поворачиваетъ отъ дороги въ сторону направо, у Саввина монастыря, и соединяется съ рѣкою Вышерою. Саввинъ монастырь видѣнъ съ дороги, онъ отъ нея будетъ съ версту; на самой же дорогѣ выстроена каменная часовня, а напротивъ ней колодезь; изъ часовни къ каждому проѣзжему выскакиваетъ усердный послушникъ съ тарелочкою и бѣжитъ въ прискочку рядомъ съ экипажемъ, другой разъ полверсты, чтобы получить какое-нибудь подаяніе на монастырь. Съ версту еще за часовню тянется лѣсъ; а потомъ уже начинается низкая болотистая равнина, посреди которой на небольшомъ возвышеніи расположенъ Новгородъ. Весной низкая мѣстность покрывается вся водою и обращается въ огромное озеро. Привольно гулять взору по этому обширному пространству, гдѣ ничто не встрѣчается ему на пути, развѣ только мелькнетъ на солнцѣ одинокая, бѣлая каменная церковь, остатокъ отъ древнихъ монастырей. Самый Новгородъ издалека кажется огромнымъ монастыремъ; изъ зелени окру-

*

жающихъ его садовъ видны только колокольни, да главы церквей. Вотъ мы переѣхали черезъ малый Волховецъ по большему деревянному мосту и въѣхали въ Никольскую слободу, повернули налѣво... земляной валъ и столбы съ орлами дали знать, что мы въѣхали въ Новгородъ. Сады, изрѣдка прерываемые домами, потянулись по обѣимъ сторонамъ дороги; за мостомъ, перекинутымъ черезъ какой-то грязный ровъ, посреди города, начинаются сплошные домы и гостиный дворъ. Улица, по которой мы ѣхали, казалась бэзконечною; она упирается въ Волховъ, а по ту сторону Волхова опять начинается плоская и низкаравнина.

Извощикъ повернулъ влѣво, на постоялый дворъ; хозяинъ, сидѣвшій у воротъ на лавочкѣ, встрѣтилъ насъ и помогъ мнѣ слѣзть съ телѣги.

Домъ, въ которомъ мы остановились, былъ небольшой— деревянный; плотно прилегалъ онъ правой стороной къ новому каменному дому, точно на него опирался; онъ былъ очень старъ и до половины уже вросъ въ землю; прежній первый этажъ его былъ уже обращенъ въ подполье; окна этого этажа до половины закрывалъ тротуаръ. Дворъ, плотно весь закрытый, представляется темной ямой; онъ былъ гораздо ниже уровня улицы, въ него съѣзжали по крутому спуску. Стѣны дома были срублены изъ рудоваго, сосноваго лѣса, вершковъ восемь толщины, какого теперь, пожалуй, и не найдешь, лѣсъ такой здоровый, что ему, кажется, и вѣку не будетъ.

По кривому крылечку я ощупью вошолъ въ темныя сѣни, хозяинъ отворилъ двери и черезъ маленькую прихожую ввелъ меня въ назначенную мнѣ комнату. Небольшія два окна, одно на улицу, а другое на дворъ—были совершенно закрыты зеленью густой герани, бѣлыя каленкоровыя занавѣски, собранныя на шнуркахъ по обѣимъ сторонамъ окна, еще болѣе увеличивали мракъ въ комнатѣ. Весь передній уголъ былъ занятъ образами и тускло освѣщался едва мерцающей лампадкой; отъ образовъ въ два ряда по всѣмъ стѣнамъ тянулись картины въ деревянныхъ рамкахъ за стеклами. Чего тутъ не было? И

Щеголевъ съ своей щедушной батареей, и Муравьевъ на огромномъ конѣ передъ Карсомъ, похожимъ на коробку съ курительными свѣчками, и Севастополь, и Синопское сраженіе, и Павелъ и Виргинія, Атала и Шаткасъ и множество портретовъ разныхъ генераловъ, отъ которыхъ нѣтъ прохода на всякомъ постояломъ дворѣ. Висѣло между картинами и зеркало; но такое кривое и уродливое, что страшно было въ него посмотрѣться. Мебель была сборная и для прочности обита вся клеенкой; кровать замѣнялъ диванъ, тоже обитый клеенкой и такой твердый, хоть бѣлье катай на немъ. Хлѣбный запахъ, смѣшанный съ запахомъ щей и деревяннаго масла, наполнялъ комнату.

Первымъ долгомъ я распорядился убрать герань, открыть окно на улицу и подать мнѣ самоваръ.

Хозяинъ мой, Петръ Яковлевичъ Ерофеевъ, новгородскій мѣщанинъ и старожилъ, лѣтъ пятидесяти слишкомъ, мущина здоровый, средняго роста, съ едва замѣтной просѣдью въ густыхъ его каштановыхъ волосахъ и небольшой, ровно подстриженной бородѣ. Онъ былъ очень благообразенъ и носилъ казанетовую сѣрую сибирку. Когда подали самоваръ, я пригласилъ хозяина—напиться со мной чаю.

— Былое дѣло, говорилъ хозяинъ, садясь къ столу. У насъ такой заведенъ порядокъ, какъ ударятъ въ колоколъ къ вечерни, мы садимся за самоваръ: во всемъ городѣ такое заведеніе. Конечно, большіе господа... у тѣхъ по своему... все по часамъ заведено.

— А развѣ у васъ не по часамъ располагается время? спросилъ я.

— Оно тоже выходитъ, что по часамъ; мы по церковному звону считаемъ время.

— Какъ же это такъ?

— Въ городѣ у насъ звонъ почти каждый часъ бываетъ. Вотъ хоть бы съ утра начать. Въ два часа звонятъ въ Юрьевѣ монастырѣ къ заутрени, рѣдко развѣ не услышишь этого звону, когда ужъ силенъ бываетъ *сиверикъ*: а то всегда слышно,—явственно; звонъ густой такой; колоколъ-то тысячу пудовъ; а по праздникамъ-то въ двухъ-ты-

сячный звонятъ. Въ четыре часа у насъ зазвонятъ къ утрени,—въ шесть къ ранней обѣдни,—въ семь звонятъ къ обѣдни у Іоанна архіепископа,—въ девять къ поздней обѣдни звонятъ,—въ одиннадцатомъ часу къ достойну, въ двѣнадцать школьники идутъ изъ училища,—въ третьемъ гимназисты,—въ четыре къ вечерни звонятъ,—въ шесть ко всеночной,—въ семь въ дѣвичьемъ монастырѣ ворота запираютъ; а въ девять зорю бьютъ,—такъ часовъ-то выходитъ и совсѣмъ ненужно; впрочемъ, часы стѣнные всякій держитъ: оно какъ-то съ ними позабавнѣе. Не поспится этакъ ночью, часы постукиваютъ, маятникъ этакъ чикъ-чикъ; оно выходитъ все-таки какъ-то непусто въ домѣ; или этакъ пробьютъ—время и знаешь, все повеселѣе.

— Рано вы стаете?

— Всѣ вообще въ городѣ, или мы только?

— Вы и прочіе.

— Ну, наше дѣло, другой разъ во всю ночь не удастся заснуть хорошенько. Случается этакъ гости, одного проводишь, другой на дворъ; а встаемъ мы обыкновенно съ заутрени. Объ эту пору *извощикъ* со двора съѣзжаетъ; прежде бывало, пока не прошла *чугунка*, *извощика* было много, полнехоньки дворы бывали,—ну, теперь поменьше стало, много этакъ лошадей десятокъ наѣдетъ, и то больше къ Пскову.

— А другіе-то какъ рано встаютъ?

— Всяко, кому какая нужда. Мастеровые, огородники, рыбаки встаютъ съ самой заутрени; а не то и раньше. Торговцы попозже, этакъ около раннихъ обѣденъ, краснотоварцы и галантерейщики еще позднѣе; имъ торопиться некуда: покупатель къ нимъ рано не приходитъ. Вотъ мелочныя лавочки, тѣ съ самой заутрини отворяются.

— Зачѣмъ же такъ рано?

— Покупатель, значитъ, естъ.

— Какой-же покупатель можетъ быть въ такую рань?

— Вотъ хоть бы бѣдный мастеровой человѣкъ—встанетъ съ заутрени, захочетъ размаяться чайкомъ и шлетъ въ мелочную лавочку мальчишку съ гривенникомъ, взять чайку и сахару. Али хозяйка затопитъ печь, понадобится

соли, крупъ или чего другого, ну и бѣжитъ... Торговля больше копѣечная, а больно прибыльна. Или вотъ хоть бы это заведеніе,—хозяинъ указалъ на водочный магазинъ наискосокъ въ гостинномъ дворѣ,—куда много денегъ обираетъ, съ заутрени отворятъ его и до темной ночи все въ немъ топчется народъ.

— Кажется, не слѣдовало бы въ гостинномъ быть водочному магазину?.

— Да вотъ поди!.. этого не бывало прежде, недавно такую моду повели. Оно, пожалуй, и не мѣшаетъ; чистому человѣку въ кабакъ какъ-то не ловко идти, тутъ поприличнѣе и народъ почище. А лѣтъ съ десять назадъ тому былъ тутъ книжный магазинъ.

— Куда же онъ дѣвался?

— Закрыли, произнесъ равнодушно хозяинъ.

— Какъ такъ закрыли книжный магазинъ, развѣ здѣсь лишній?

— Выгоды, значитъ, не было. Магазинъ былъ разважный такой, ясенью внутри весь обдѣланъ, вывѣска пребольшая была, вся на золотѣ; коммисіонеръ всегда сидѣлъ у дверей съ газетами и читалъ; правду сказать, никто и не мѣшалъ ему читать, развѣ только иногда гимназистъ забѣжитъ, спроситъ книгу, повертитъ въ рукахъ, посмотритъ и отдастъ назадъ, и цѣны не спроситъ. Не пошла торговля, хозяину убыточно стало и закрыли.

— Развѣ у васъ здѣсь книгъ не читаютъ?

— Почитываемъ, какъ-же. Возьмешь въ церкви хоть бы прологъ, или *четьи-минею*, или проповѣди какія и читаешь.

— Кромѣ этихъ книгъ ничего другого не читаете?

— Случается. Съ крымской войны завели по лавкамъ въ складчину человѣкъ по десяти вмѣстѣ—газеты выписывать. Сначало-то оно было больно занимательно; про военные подвиги писали, да про сраженія, ну, а потомъ-то ужь стало и не то, про школы завели писать и прочее, незанимательно стало, и пишутъ-то какъ-то мудрено, а все не отстаютъ отъ газетъ, привычка сдѣлана. Молодые-то купцы моду повели «Искру» выписывать; все своихъ

знакомыхъ въ карикатурахъ ищутъ. Чуть найдутъ кого схожаго по бородѣ или по чему другому и бѣгаютъ изъ лавки въ лавку, да хохочутъ. «Вотъ, молъ, Павла Ефимыча въ «Искрѣ» представили, усы его, къ верху задранные,—ей Богу его» Смѣху съ ними не оберешься.

— Ну, а романовъ и повѣстей нынѣшнихъ не читаете?

— Читаемъ, да мало. Писать ихъ нынче поразучились какъ-то; занимательности мало въ нынѣшнихъ книгахъ. Старинные романы читать пріятнѣе; такіе тамъ ужасы описаны, *инда* морозъ по кожѣ обдираетъ, какъ читаешь; про подземелья разныя, про разбойниковъ, про привидѣнія писали и разные такіе ужасы описывали, и такъ занятно, что хоть и страшно читать было, а отъ книги не оторваться. Теперь завели писать про баръ, да про приказныхъ; а что въ приказныхъ-то любопытнаго? Постоянно въ глазахъ они у насъ, стоитъ зайти въ любой трактиръ, да поставить графинчикъ водки, такихъ исторій про себя наскажутъ, что животъ надорвешь, смѣявшись. Али еще про мужиковъ завели..... для большихъ баръ можетъ оно и любопытно.

— Теперь много хорошаго пишутъ про торговлю, ремесла и прочее.

— Про всячину пишутъ нынче, стало быть, выгодно дѣло это приходится, плату получаютъ. Чѣмъ-нибудь надо хлѣбъ добывать.

— Не правда, Петръ Яковлевичъ. Умные люди пишутъ для того, чтобы научить другихъ, какъ лучше разныя дѣла вести.

— Эхъ, баринъ, баринъ! Развѣ торговлѣ и чему другому изъ книгъ научишься? Чего самъ на дѣлѣ *не произойдешь*, плоха будетъ наука. Примѣровъ тому у насъ бывало много. Вотъ хоть бы у насъ купецъ Чернышовъ, умный и честный былъ человѣкъ, головою много разъ его ставили, да книги-то его довели до чиста. Сынъ въ гимназіи обучался, потомъ и въ коммерческомъ былъ, кажется ужь всему выучился, а по лавкѣ не было опытности; ну, и проторговался. На моемъ вѣку много здѣсь купцовъ съ алтына поднялись; а грамотѣ совсѣмъ не знали. Въ тор-

говлѣ сметка нужна, а не книги—въ нихъ ее не найдешь. Золотое было время для города, можно было копѣйку нажить и наживались добрые люди,—теперь потруднѣе стало. Купеческое дѣло трудное; худо три рубля въ день надо добыть чистаго барыша, а не то какъ разъ запутаешься.

— Когда же это было хорошее время для Новгорода? Давно?

— Не гораздъ давно, на моей памяти, не великъ я былъ тогда, по правдѣ сказать, а помню хорошо. Зоводилъ Аракчеевъ поселенія,—войска-то, параду-то—ужасти сколько!..

— Такъ это было въ поселеніи; а городу-то какая прибыль была?

— Торговля была бойкая: а главное дѣло въ ту пору *лажъ* былъ на серебро, мѣнялы сильно наживались. На низу у рынка лавки ихъ были и куды какой оборотливый народъ былъ! Одинъ купецъ нашъ въ лаптяхъ пришолъ изъ Рязани, пряниками началъ на лоткѣ торговать, потомъ мѣнялой сдѣлался; а теперь тысячами ворочаетъ. Много было такихъ: тогда съ рубля начинали, а наживали каменные дома, да лавки.

— Стало быть, у васъ въ городѣ много богатыхъ купцовъ и теперь.

— Похвастать нельзя: были да перевелись. Есть зажиточные и теперь; но все не то, что было.

— Куда же дѣвались эти богатые купцы, повыѣхали изъ города, что ли?

— Нѣтъ, проторговались, обѣднѣли. Мудреное дѣло—торговля, не пойдетъ въ руку и съ капиталами пропадешь. Задастся другому, такъ какъ по маслу все идетъ, а иной бьется, бьется и покончитъ ни на чемъ. Такимъ манеромъ много ихъ перевелось. Вотъ хоть бы напротивъ, на углу торговала Катерина Ивановна. Куда какъ бойко торговала, народу не отбиться, бывало. Денегъ пропасть было, дѣтей въ гимназіи учила... Вдругъ какъ пошло подъ гору, словно кто метлой изъ лавки все повыпахалъ... такъ и умерла въ бѣдности.

— Отчего же?

— Богъ ее знаетъ. Значитъ въ руку не пошло. Время не то стало; пріемы въ торговлѣ не тѣ стали.

— Какіе же это пріемы?

Хозяинъ лукаво улыбнулся,

— Всякіе пріемы бываютъ, сказалъ онъ.

— Разскажите-ка, Петръ Яковлевичъ, какіе пріемы бываютъ въ торговлѣ-то.

— Богъ ихъ знаетъ, это дѣло не наше, отвѣтилъ хозяинъ.

Видно было, что словоохотливый Ерофеевъ не хотѣлъ всего разсказывать незнакомому человѣку; я, впрочемъ, и не принуждалъ его, въ надеждѣ выпытать современемъ объ этомъ.

— Какой у васъ самый лучшій промыселъ? спросилъ я хозяина.

— Извѣстно тотъ, который больше барышей даетъ.

— Есть же, однако, промыселъ повыгоднѣе другихъ.

— Богъ его знаетъ! Полагать надо поповскій, тѣ убытку не терпятъ никогда.

— Вы отшучиваетесь все, Петръ Яковлевичъ; нехотите правды сказать.

— Да какъ ее скажешь, когда не знаешь? Всякій своимъ промысломъ живетъ, какъ знаетъ, да какое счастье.

— Есть же вѣдь какой-нибудь промыселъ главный.

— Ужь не знаю, какъ вамъ сказать про это. Всякихъ промысловъ есть здѣсь. Кто постепеннѣе—займется своимъ дѣломъ и держится его; небольшіе хоть барыши наживаетъ, все таки хлѣбъ ѣстъ. Другой начнетъ мѣтаться, возмется за то, за другое, мѣчется, мѣчется, совсѣмъ съ толку собьется и останется не при чемъ. Кому счастье какое.

«Петръ Яковлевичъ! ужинать собрано», кликнула хозяйка изъ прихожей.

— До свиданья-съ, за угощеніе покорно благодаримъ, сказалъ хозяинъ и вышелъ.

Я сѣлъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу. Лавки уже были заперты всѣ, только у водочнаго магазина было немного народу. Десятый часъ былъ, а прохожихъ бы-

ло мало, и такъ на улицѣ тихо, что слышно было, какъ по мосту дрожки ѣхали; вотъ стукъ ближе и ближе, проѣхалъ какой-то господинъ мимо моего окна, свернулъ съ шоссе въ сторону и дрожки звонче загремѣли по каменной мостовой, потомъ зашурчали по немощенной улицѣ и долго еще ихъ слышно было. Пробило десять часовъ, магазинъ заперли и пусто и тихо стало на улицѣ.

II.

На другой день, въ пятницу, я проснулся рано; звонъ къ заутрени во всѣхъ церквахъ въ городѣ разбудилъ меня. Колоколовъ сорокъ разнаго тона, начиная съ самаго густого и до такого рѣзкаго, что ушамъ было больно и самому всему какъ-то неловко становилось, гудѣло безъ умолку, по городу шолъ стонъ стономъ. Я спросилъ себѣ самоваръ, хозяинъ подалъ и, послѣ нѣкоторыхъ отговорокъ, остался со мною чай пить.

— Что это за звонъ сегодня по всему городу такой? спросилъ я.

— Вамъ это удивительно! Должно быть и спать-то онъ вамъ помѣшалъ. У насъ почти каждый день такой звонъ бываетъ.

— Развѣ у васъ въ городѣ во всѣхъ церквахъ каждый день служба?

— Почти что такъ. Каждодневная-то служба положена только въ соборахъ и монастыряхъ, въ приходахъ, когда вздумается, но почти постоянно служатъ.

— Усердны же ваши священники.

— Да оно иначе-то и нельзя, у другаго сорокоустъ тянется.

— Часто служатъ сорокоусты?

— Частенько. Всякій хоть изъ послѣдняго, а непременно по умершемъ родственникѣ справитъ сорокоустъ, а не то и два: одинъ въ приходѣ, а другой въ какой нибудь монастырѣ, больше въ дѣвичьихъ заказываютъ.

— За что же дѣвичьимъ отдаютъ такое преимущество.

— Ну, тамъ побольше вниманія и *просфирку* послѣ каждой обѣдни пришлетъ игуменья на домъ.

— По многу платятъ за сорокоустъ?

— Своему попу рублей двадцать пять; а въ монастырь-то побольше надо.

— За что имъ такая честь?

— Побольше нужно: на монастырь, священникамъ и проч.

— Служба-то одинаковая какъ въ монастырѣ, такъ и въ приходѣ.

— Какъ же сравнитъ можно! Въ монастырѣ по важнѣе будетъ, пѣвчіе и все такое—одно слово—мѣсто святое.

— Стало быть въ приходахъ постоянно сорокоусты?

— Не горазд̃ъ часто. Можетъ быть случится два въ годъ, либо три; приходы-то у насъ небольшіе; служба-то постоянная у насъ, сказать правду, оттого—что́ позвонятъ, то и получатъ. Жалованья не положено, требъ мало, ну вотъ и звонятъ; услышитъ купецъ, пошлетъ гривенникъ въ церковь, чтобы помянули родителей, да свѣчу поставили, да еще ему *просфирку* принесли; человѣкъ этакъ пятокъ пришлютъ, смотришь попу и достанется двугривенный. Другому звономъ-то напомнятъ, что бабушкѣ или тетушкѣ какой тамъ память, обѣдню закажетъ, шлетъ въ церковь полтинникъ; а не то трехрублевый. Шесть лѣтъ я самъ былъ церковнымъ старостой, порядки-то всѣ эти знаю.

— Не богато же живутъ ваши священники.

— Не до богатства ужь, сыту быть-бы только. Нашъ священникъ откровенно мнѣ говорилъ, что рублей триста въ годъ получитъ, въ хорошій-четыреста: а семья семь человѣкъ у него; только и бьется изъ хлѣба.

Въ это время гдѣ-то зазвонили рѣдко, по великопостному.

— Это что за звонъ еще? спросилъ я.

— Къ ранней обѣдни, у насъ всегда такъ звонятъ. Засидѣлся я съ вами; мнѣ въ рыбаки идти нужно.

— Пойдемте вмѣстѣ, сказалъ я.

Хозяинъ взглянулъ на меня, какъ будто хотѣлъ спросить: «Тебѣ-то что́ нужно тамъ?» и проговорилъ не́хотя: —«Пожалуй, пойдемте».

Улица была оживлена, встрѣчу намъ шло много разнаго народу съ кульками и мѣшками, ѣхали на телегахъ мужики, порой пронзительно гдѣ-то взвизгивали поросята. Мой хозяинъ постоянно раскланивался, на всякомъ шагу ему встрѣчались знакомые. Поклоны моего хозяина не одинаковы были: однимъ онъ кланялся, слегка приподнимая шапку, другимъ пониже; а инымъ чуть не въ поясъ и далеко отмахивалъ рукою отъ себя шапку, называя громко по имени и по отчеству,—то ужь были именитые купцы города. Съ другими онъ останавливался на минуту, перекинуть два, три слова. По городу раздавался протяжный звонъ на разные тоны.

Съ большой московской улицы, гдѣ я остановился, мы повернули на-лѣво къ Волхову по улицѣ Буяну; въ концѣ ея, у самой рѣки, толпилось много народу.

— Вотъ гдѣ народъ-то толпится, тамъ и *рыбаки* и пароходы пристаютъ, говорилъ хозяинъ, указывая на толпу.

У самыхъ *рыбаковъ* огоньки въ маленькой часовнѣ у воротъ, между двумя каменными домами, обратили на себя мое вниманіе. Что-же это такое? спросилъ я хозяина.

— Часовня Хутыньскаго монастыря. Эти два дома, между которыми часовня-то, монастырскіе, въ одномъ столяръ нѣмецъ живетъ, а въ другомъ гостинница и черная харчевня, да рыбаки къ тому же, мѣсто-то вышло прибойное, почаще на свѣчу подадутъ добрые люди отъ своихъ трудовъ праведныхъ. А напротивъ домъ Деревяницкаго монастыря.

Я посмотрѣлъ на другую сторону улицы, на каменномъ домѣ былъ нарисованъ образъ Божіей матери масляными красками по штукатуркѣ, и передъ нимъ висѣлъ на веревочкѣ фонарь съ зазженной свѣчой.

— Почему же здѣсь нѣтъ часовни? спросилъ я.

— Стало быть, не положено, а не опустили бы дохода, сборъ здѣсь хорошій, каждый рыбакъ что-нибудь по-

дастъ отъ торгу, и у покупателя какая лишняя копѣйка останется, все подастъ на свѣчу.

Мы вышли на набережную Волхова, куда и монастырскій домъ выходилъ главнымъ фасадомъ. Набережная грязная, вонючая, покрыта была въ два ряда большими, опрокинутыми къ верху дномъ чанами; между чанами были настланы доски, по нимъ двигалась толпа народа, разсматривавшаго рыбу, плескавшуюся въ водѣ на чанахъ, Противъ самой улицы деревянные мостки вели къ пароходной пристанв, отъ пристани на-право, на большихъ плотахъ, были построены маленькіе домики рыбаковъ, затѣйливо раскрашенные, на-лѣво отъ пристани стояло у берега много лодокъ и челновъ, изъ нихъ большими саками носили мужики на чаны рыбу.

Въ толпѣ раздавались крикъ и шумъ, а временемъ и крупная брань. Кого тутъ небыло? отставные военные въ форменныхъ сюртукахъ съ кокардами на фуражкахъ, чиновики въ мазаныхъ пальто и вицмундирахъ, тоже съ кокардами. Купцы и мѣщане въ сибиркахъ и чуйкахъ, рясы и большія линялыя шляпы духовныхъ, армяки и, Богъ знаетъ, какая-то рвань. Женщины въ салопахъ, бурнусахъ, полькахъ, платьяхъ и сарафанахъ. У всякаго былъ кулекъ въ рукахъ. Пріѣзжали и на дрожкахъ полновѣсныя пожилыя купчихи и барыни; но тѣ прямо шли на садки.

Хозяинъ мой бойко ходилъ около чановъ, поворачивалъ рукою сонную рыбу и приторговывался. Въ это же время онъ успѣвалъ раскланиваться на всѣ стороны и со многими разговаривать.

— Постное или скоромное кушать будете сегодня? спросилъ онъ меня.

— Для меня вы ничего не готовьте, отвѣчалъ я, потому что не располагалъ у него обѣдать и не довѣрялъ его кухнѣ.

Понабравши въ кулекъ мелкихъ окуней, плотицъ и ершей, мой хозяинъ отправился домой; по дорогѣ онъ подошелъ къ сидѣвшимъ у тротуара торговкамъ, передъ которыми на рогожахъ были разложены свекла, морковь, лукъ, рѣдька, немного свѣжаго картофелю и зелени, сбоку

въ кадочкахъ были соленые огурцы, грибы. Ерофеевъ началъ откладывать въ особую кучу коренья и торговаться. Подошолъ отставной солдатъ.

— Почемъ рѣдька-то у тебя? спросилъ онъ.

— По три копѣйки рѣдчина, отвѣчала торговка.

Солдатъ прикинулъ рѣдьку на рукѣ, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и проворчалъ:

— Полторы бы копѣйки, кажется, было бы довольно.

— За такую-то рѣдчину полторы копѣйки? Никакъ ты *рехнулся*! вскрикнула торговка и, выхвативши рѣдьку изъ рукъ солдата, положила ее на старое мѣсто.

— Поди сюда, служивый, отозвалась сосѣдка, за двѣ отдамъ, важная, забориотая, черная!

— Мерзлая, перебила съ задоромъ первая торговка. Вѣдь она у Рѣшетилова *слѣтье* беретъ, а у него эту зиму въ подвалѣ-то все позамерзло. Ты бери у меня-то, посмотри какая *едреная* у меня, точно сейчасъ изъ гряды выдернута!

— Горло бы тебѣ ею заткнуть, чтобы ты не орала, возразила вторая торговка и пошла перебранка. Мы отошли.

— Зачѣмъ вы не на садкахъ рыбу берете? тамъ, мнѣ думается, рыба лучше, сказалъ я хозяину.

— Крупная-то рыба на садкахъ лучше, на чаны выносятъ сонную или еле-живую; а мелкая на чанахъ лучше. Вы изволили видѣть тамъ на берегу челны и лодки?

— Видѣлъ.

— Это все паозеры пріѣзжаютъ, у нихъ за Юрьевымъ монастыремъ весь Волховъ въ три ряда мережами перегороженъ, вотъ они еще до утра по мережамъ-то обходятъ и привезутъ сюда; а здѣшніе рыбаки и скупаютъ у нихъ огуломъ, крупную рыбу въ садки садятъ, а мелочь-то и носятъ прямо на чаны изъ лодокъ, она и выходитъ свѣжая, не сидѣлая.

Мы подошли къ перекрестку.

— Какъ называется эта улица? спросилъ я.

— Дворцовая, видите-ли здѣсь былъ дворецъ матушки Екатерины, а теперь его поворотили на корпусный штабъ.

Пожалуй, пойдемте здѣсь; намъ все ровно идти-то домой; въ концѣ этой улицы будутъ площадь и рынокъ, можетъ, вамъ захочется полюбопытствовать.

Мы прошли улицу, хозяинъ повернулъ домой; а я вышелъ на площадь.

Прямо предо мною возвышалось зданіе городской думы. Надъ двумя этажами лавокъ былъ надстроенъ третій, въ видѣ мезонина, гдѣ помѣщалась дума; каменное крыльцо въ нее, придѣланное снаружи, было очень затѣйливой архитектуры, особенно была интересна кровля надъ крыльцомъ: утвержденная на тонкихъ желѣзныхъ прутьяхъ, она очень походила на огромную летучую мышь. Съ лѣвой стороны спускался подъ гору на площадь гостиный дворъ. На-право красивый каменный мостъ черезъ Волховъ велъ къ крѣпости или дѣтинцу.

На высокомъ крутомъ берегу Волхова красовался дѣтинецъ, старыя его стѣны, покрытыя мѣстами мхомъ, невольно вызывали изъ памяти картины минувшей славы великаго Новграда; смотря на нихъ, уносишься думами въ дальнее-прошедшее. Жаль, что его портятъ новыми заплатами, непріятно какъ-то поражающими глазъ, и къ чему? Пусть бы онъ обсыпался мѣстами; насильно не поддержишь старины! Изъ-за дѣтинца смотрѣла высокая колокольня съ рядомъ большихъ колоколовъ; а за нею виднѣлась часть корпуса и шесть главъ Софійскаго собора.

Я пошелъ по площади къ Волхову. Первая половина была завалена тесомъ и бревнами,—строили балаганы; другая, ближняя къ Волхову, заставлена была возами съ дровами, хлѣбомъ, живностью, ободьями; на самой набережной разложены рядами разные глиняные горшки. По краямъ дороги сидѣли торговки съ лукомъ, огурцами, морожеными и прѣлыми, яблоками, пряниками, моченой грушей и квасомъ; онѣ съ визгомъ зазывали покупателей и перебранивались между собой. Отъ нихъ дальше тянулись столы съ сырымъ мясомъ. Народъ толкался, какъ въ котлѣ; здѣсь такое же было разнообразное сборище, какъ въ рыбакахъ, шумъ и гамъ сливался въ одинъ какой-то неопредѣленный, безконечный звукъ. Ближе къ гости-

ному двору, у думы, на рогожахъ, а мѣстами и на землѣ, въ два ряда были разложены старыя шапки, сапоги, чашки, чайники, книги и прочій домашній скарбъ, хозяева похаживали около своего товара, пошевеливали и подправляли, чтобы, какъ говорится, товаръ лицомъ продать.

Мѣщане, пожилые приказные, съ давно небритыми бородами, дьячки въ нанковыхъ подрясникахъ со косами на затылкѣ толкались около этой ветоши, разматривали и торговались. Ближе къ набережной за шкапиками, на которыхъ были наставлены большіе горшки, укутаныя старыми овчинными тулупами, сидѣли, торговки и звонко кричали: «блины, блины горячіе! кавалеръ, кавалеръ! поди сюда, за грошъ горла отрѣжу!» За ними у самыхъ лавокъ дымились самовары съ сбитнемъ, около нихъ стояли мальчишки и пили изъ зеленыхъ стакановъ мутный, горячій сбитень и обжигались. По самому берегу тянулись мучныя лавки. Я пошолъ по рядамъ, мужики толпились въ лавкахъ. Въ одной лавкѣ за стойкой стоялъ толстый, какъ куль съ мукой, купецъ и держалъ въ одной рукѣ дощечку съ пробами разной муки, насыпанной рядами; а въ другой рукѣ былъ у него совокъ, которымъ достаютъ муку изъ мѣшковъ на пробу.

— Терентьичъ, а Терентьичъ! кликалъ купецъ мужика съ большой косматой бородой, что ты тамъ около мѣшковъ-то толчешься понапрасну? Поди-ка сюда. Я тебѣ самъ отпущу, что̀ требуется; вѣдь, я, думаю, что получше тебя свой товаръ знаю. Отпущу такой муки, будешь доволенъ.

Мужикъ подошолъ къ купцу.

— На-ко, посмотри пробу; купецъ протянулъ дощечку съ мукой къ мужику и указалъ совкомъ на пробу.

Мужикъ взялъ муки въ ротъ пожевалъ и выплюнулъ.

— Эта мука, Иванъ Захарычъ, мнѣ не подходящая, проговорилъ мужикъ.

— А чѣмъ же она неподходящая?

— Горчитъ маленько.

— Ишь ты, луку наѣлся-то,—что и теперь еще у тебя во рту горько! Ты посмотри, мука-то какая сухая! и не мел-

кая, а пыли ни на волосъ. Къ Николѣ-то вѣдь эту я отпускалъ. Худая, небось, была?

— Да она того, что-то въ квашнѣ разбивала сильно; бабы больно на нее *жалились.*

— Бабы *жалились*... вишь ты, поди!... не умѣютъ квашни растворить порядкомъ, дрождей дрянныхъ набухаютъ, вотъ и разбиваетъ.

— А ты, Ѳома, что тамъ на *сняты-то* напустился, какъ на сухое сѣно; досыта ими тебя не накормишь,— крикнулъ купецъ мужику, запустившему руку въ кулекъ съ сухими снятками.

Мужикъ отодвинулся отъ кулька.

— Дрожди у васъ скверныя, Терентьичъ, а мука не должна разбивать, обратился снова купецъ къ Терентьичу.

— Не надо быть дрождямъ худымъ, изъ своего пива, что̀ къ Николѣ варили. Эта мука не люба что-то, Иванъ Захарычъ, отвѣчалъ мужикъ.

— Не люба, такъ другой дадимъ.

— Эй, Егорка! крикнулъ купецъ молодаго парня, сбѣгай въ кладовую, да принеси пробу изъ ждановской, знаешь? въ третьемъ ряду у стѣны, да проворнѣе.

— Вотъ мука первый сортъ, самъ изъ ней пироги пеку, только цѣна будетъ повыше.

— Ты посмотри мука-то какая, вѣдь ждановская, сказалъ купецъ, когда замѣтилъ, что мужика покоробило маленько, когда онъ про бо̀льшую цѣну сказалъ.

Неловко мнѣ было стоять тутъ безъ дѣла, хоть интересно было посмотрѣть, чѣмъ кончится дѣло у купца съ мужикомъ.

Я пошолъ дольше.

Арка, украшенная образами съ лампадкой, вела на большой дворъ. Сильный запахъ селедками очень недружелюбно встрѣтилъ мой носъ, но я вошелъ-таки на дворъ. На дворѣ за большими столами сидѣли мужики и солдаты и хлѣбали щи; другіе ѣли селедки съ лукомъ и хлѣбомъ, иные ситникъ съ медомъ и запивали сбитнемъ. Здѣсь шуму было меньше, только суетились мѣщане и бабы, подавая кушанье мужикамъ. Съ двора я прошолъ въ ряды съ

красными товарами. Лавки здѣсь были низенькія и темныя и нарочно еще занавѣшаны красными лоскутками, чтобы въ темнотѣ нельзя было размотрѣть хорошенько товара. Больше бабы и дѣвки деревенскія толпились въ лавкахъ, купцы и прикащики суетливо показывали ситцы и платки, бабы ахали; а купцы навязывали товаръ и подсовывили имъ такую дрянь, что со стороны было совѣстно смотрѣть.

Я прошолъ мимо желѣзныхъ рядовъ и спустился къ площади, гдѣ были шорныя лавки.

Четыре мужика стояли въ кружокъ, одинъ въ срединѣ ихъ нагибалъ новую дугу изо всей силы. Щеголевато одѣтый, молодой купецъ стоялъ въ дверяхъ лавки и смотрѣлъ на мужиковъ.

— Не хочешь-ли, почтенный, я тебѣ дамъ отличную, золочоную дугу, вся на золотѣ и цѣна будетъ подходящая, сказалъ купецъ и ушолъ въ лавку.

— Ты, Митюха, не бери золочоной дуги у него, заговорилъ мужикъ, гнувшій дугу другому въ синемъ армякѣ, обманетъ, вотъ-те Христосъ! ломаную подсунетъ. У нихъ ужь такой заведенъ порядокъ, чтобы ломаныя дуги красить.

— Али я безъ глазъ отвѣчалъ въ армякѣ мужикъ.

— И съ глазами надуетъ, ужь такой воровской народъ, подсунутъ такую дугу, что сразу развалится, какъ въ телѣгу запряжешь.

Купецъ вынесъ дугу: она такъ и блистала на солнцѣ —мужики защурились.

— Вотъ дуга, такъ дуга, говорилъ купецъ, поворачивая ее въ рукахъ. Только невѣстъ сватать ѣздить, или молодымъ на масляницѣ кататься. А сходно уступлю для знакомства, за свою цѣну отдамъ.

Мужикъ взялъ дугу въ руки, посмотрѣлъ и хотѣлъ было ее погнуть, какъ бѣлую.

— Что ты это! вскрикнулъ купецъ и выхватилъ изъ рукъ мужика дугу. Никакой *великатности* съ хорошей вещью не знаешь, развѣ не видишь, что золото попортить можно!

Въ это время показалась на мосту толпа школьниковъ,—значитъ двѣнадцать часовъ и пора завтракать; я пошолъ въ гостинницу.

Гостинница дѣлилась на двѣ половины; въ одной сидѣли купцы за чаемъ и безъ милосердія колотили ложечками по столу и посудѣ, призывая половыхъ, а половые въ ситцевыхъ красныхъ рубахахъ и пестрыхъ передникахъ бѣгали какъ угорѣлые, потряхивая волосами, и носили горячую воду въ большихъ чайникахъ.

Меня проводили на благородную половину, гдѣ почти никого не было; но завтрака я около часу дожидался.

III.

Вечеромъ того же дня, т. е. въ пятницу, сидѣли мы съ хозяиномъ за самоваромъ.

— Эхъ, батюшка, Владимiръ Николаевичъ, говорилъ мнѣ хозяинъ, какой это народъ! отъ него никакого толку нѣтъ, только толпится и топчется безъ пути. Войско когда было по поселенiю, тогда не то было! Совсѣмъ не то!

— Положимъ, что это простой, чорный народъ, а торговлю онъ оживляетъ,—все городу есть прибыль.

— Плохая торговля съ нимъ; толкается, глазѣетъ и больше ничего. Заберется въ лавку, стоитъ и глазѣетъ, хоть по шеѣ гони. Вотъ хоть бы взять мужичковъ, про которыхъ вы говорите, что дуги смотрѣли, голову свою готовъ прозакладывать, что они дуги-то не купили. Пятницъ пять побываютъ подрядъ въ одной лавкѣ; а дуги не купятъ. Да если и купятъ, то ужь непремѣнно какую-нибудь дрянь. Какъ они не разсматривай, а купецъ сдѣлаетъ свое дѣло.

— Не честное дѣло, Петръ Яковлевичъ, обманывать мужиковъ, пользоваться простотой бѣдныхъ людей.

— А что ты заведешь дѣлать? Купеческое дѣло мудреное! Товаръ покупается партiями, на кредитъ больше; берешь, значитъ, что́ даютъ, не разсматриваешь. Да и не разсмотришь всего. Вотъ хоть бы дуги, напримѣръ. Настоящiй-то хозяинъ, отъ котораго прочiе торговцы поку-

паютъ, беретъ ихъ цѣлыми партіями по тысячамъ; въ тысячи-то всякихъ есть и негодныхъ и ломаныхъ, кудажь ихъ дѣвать? не кидать; за нихъ также деньги плачены. Вотъ онъ ихъ и сбываетъ; тамъ что́ знаешь, то и дѣлай съ ними. Вотъ ихъ и сбываютъ мужикамъ, иначе и нельзя. Да вѣдь и мужики... они не то, чтобы прочіе хорошіе люди; хорошій человѣкъ, какъ скоро вещь лицо свое потеряла, беретъ новую. А мужикъ... вотъ хоть бы купитъ дугу и ѣздитъ на ней, пока въ щепы не размочалитъ. Такъ посудите сами, если дать ему прочную-то дугу, его и вѣкъ въ лавкѣ не увидишь, все на ней ѣздить будетъ: а это въ торговлѣ не выгодно.

— Меньше потребленія, тише и торговля; это правда, но зачѣмъ же обманывать, этимъ мнѣ, кажется, дѣлу не пособишь; разъ обманешь мужика, а онъ больше къ тебѣ и въ лавку не пойдетъ, покупать будетъ у другого. Да если и придетъ, какими глазами будетъ смотрѣть на него купецъ?

— Купцу не впервые, притомъ же съ мужикомъ какая церемонія, это не съ бариномъ или съ какимъ другимъ; такихъ надо опасаться, кто настрамить можетъ, въ глаза прямо наплевать; а съ мужикомъ совсѣмъ другой разговоръ. Придетъ онъ въ лавку, пожмется, пожмется и заговоритъ:

— Вотъ дуга-то, что́ у вашей милости купилъ, въ прошлую пятницу сломалась.

— Не можетъ быть! съ удивленьемъ скажетъ купецъ

— Вотъ-те истинный сломалась!

— Какъ же это такъ? не надо бы ей сломаться, дуга была первый сортъ, здоровенная такая, по настоящему ей бы и вѣку не должно быть. Вѣрно ты, братецъ, ее какъ-нибудь везъ неосторожно... или запрягалъ тамъ... не должно бы ей сломаться.

— Сломалась, ваша милость, такъ-таки и порѣшилась совсѣмъ! запрягъ этта я ее въ телѣгу съ возомъ, а она проклятая *хрясть*, да и пополамъ.

— Э-эхъ, простота ты сердечная! гдѣ же это видано! дѣлаютъ-ли такъ добрые люди? кто новую дугу прямо въ

возъ запрягаетъ? хоть бы спросилъ, когда не знаешь, я бы растолковалъ тебѣ, какъ съ ней обходиться. Ты бы ее внесъ въ избу, посушилъ бы маленько, запрягъ-то бы на первый разъ во что-нибудь полегче, чтобы пріобошлась она, тамъ бы и пошла въ дѣло. А то прямо въ возъ!... Дуга-то какая была отличная!

— Не въ домекъ было, ваша милость, скажетъ мужикъ и почешется.

— То-то не въ домекъ было, дугу-то какую испакостилъ! ну, что ты теперь станешь дѣлать? пособить твоему горю надо. Возьми вотъ дугу, въ убытокъ тебѣ отдамъ, жаль мнѣ тебя больно, самъ, впрочемъ, братецъ, виноватъ; отъ чего бы не распросить было, когда не знаешь дѣла. Вотъ возьми дугу, не смотри, что она немного кривовата, это ничего, за то за полцѣны уступаю: а дуга будетъ надежная. И подсунетъ мужику хуже прежней; а тотъ возьметъ, да еще поклонится.

— Ну, а если и эта сломается, тогда что̀ купецъ скажетъ? спросилъ я.

— Опять мужика же обвинитъ,—отвѣчалъ хозяинъ,—сказать ужь знаетъ что̀; на это съ малолѣтства ученъ.

— Сушилъ ты дугу? спроситъ купецъ.

— Сушилъ, отвѣтитъ мужикъ.

— Не бось на печкѣ?

— На печкѣ.

— Ну, такъ и есть! вѣдь я говорилъ тебѣ, что въ избѣ суши; а ты ее на печку прямо, ну она и пересохла; съ воздуху-то, какъ ты ее внесъ въ тепло, ее и разодрало.—Ужь найдется, какъ оболванить мужика, безъ этого ничего не продашь, сказалъ хозяинъ.

— По этому у васъ по всѣмъ лавкамъ такъ проводятъ бѣдныхъ мужиковъ?

— Не безъ грѣха-то̀ бываетъ. У всякаго торговца свои пріемы. Вотъ хоть бы хлѣбнымъ товаромъ... какъ проводятъ мужиковъ-то! въ настояще время у насъ торговцевъ хлѣбомъ, какъ должно быть солидныхъ, немного, всѣ на перечотѣ; прочіе одно только званіе, что торговцы. Купить товару сложатся этакъ человѣкъ пять-шесть, купятъ

барку, на половину въ кредитъ по срокамъ, раскинутъ на паи и дѣлятъ по жеребью. Иному достанется весь пай либо подмоченый, либо горькій, а муку бѣлую, пшеничную покупаетъ всегда парами.

— Что же это такое?

— Пары-то? то есть одинъ крупчатки мѣшокъ бѣлой, а другой первачу, то есть по хуже, цѣна имъ полагается вмѣстѣ; а тамъ ужь самъ раскладывай, почемъ пришлась первая, почемъ вторая и какъ ее продавать. Хорошую прибeрегаютъ хорошимъ покупателямъ, знакомымъ, или кому-нибудь на первый разъ хорошему человѣку отпустить, чтобы заманить къ себѣ въ лавку. Похуже товаръ, негодный и сбываютъ мужикамъ; куда же его дѣвать, не въ рѣку рыть?

— Ну, мукой-то, Петръ Яковлевичъ, трудно мужиковъ обмануть; я самъ видѣлъ, какъ они пробуютъ муку.

— Толку въ этомъ немного, что сами пробуютъ. Какъ не пробуютъ, а дряни купятъ всегда. Въ одной лавкѣ попробуетъ: кислая либо горькая, пойдетъ въ другую, такая же, въ третью, такая же. Сколько по лавкамъ не ходи, лучше не покажутъ, дряни-то вездѣ много. Вотъ мужикъ и бродитъ изъ лавки въ лавку и пробуетъ, весь рядъ обойдетъ, да и нарвется на такого ловкаго, что тотъ ему вотретъ такой муки, хуже какой во всемъ ряду нѣтъ. Конечно, при этомъ купецъ наговоритъ столько мужику, что; тотъ и ротъ разинетъ; не разъ и побожится. Оно, по правдѣ, божиться понапрасну грѣшно, да что станешь дѣлать не побожишься не продашь. Ну, извѣстное дѣло, за грѣхъ на свѣчу въ церковь подастъ, или что́ другое сдѣлаетъ, попу на духу раскается, совѣсть и очиститъ, и душу отъ грѣха спасетъ. Потомъ, если мужикъ мало-мальски надежный, въ долгъ ему ввернуть на первый разъ постарается, а какъ только мужикъ задолжалъ, отъ лавки не отстанетъ; совѣсть тоже въ немъ есть, стыдно пройти мимо лавки, гдѣ одолжается. Купецъ себѣ на умѣ, долгу не требуетъ такъ, что бы подай да выложи; а слегка всегда напомнитъ, знай, дескать, что ты мнѣ обязанъ.

— Этимъ, мнѣ кажется, еще больше можно потерять, мужикъ долгу можетъ и не заплатить.

— Рѣдко случается, чтобы мужикъ долгу не отдалъ. Въ вругомъ чемъ тоже и онъ наровитъ обмануть. Вотъ съ сѣномъ когда, съ дровами или съ другимъ чѣмъ прiѣдетъ на рынокъ, такъ тоже наровитъ, какъ бы провести: впрочемъ, ему рѣдко удается обмануть, развѣ *проходимъ* какой: а то по рожѣ видно, такъ плутомъ и выглядываетъ. На счотъ же долгу всегда грѣха боится, христiанинъ, то есть. И то сказать, не прожить мужику въ этомъ дѣлѣ безъ довѣрiя, человѣкъ онъ не денежный, нужда постоянная, прижметъ другой разъ такъ, что хлѣба ни куска и денегъ ни копѣйки, куда дѣваться? вотъ и идетъ въ лавку къ знакомому купцу и проситъ, чтобы выручилъ въ нуждѣ, тотъ и выручаетъ, дастъ въ долгъ товару, иной разъ и деньгами надѣлитъ, мужикъ и цѣнитъ это. Случается, что другой и вилять начнетъ; ну, съ такимъ разговоръ коротокъ, поймалъ, да заворотъ, да и на съѣзжу; а тамъ сдерутъ съ него вдвое, либо еще больше. На счотъ долгу не опасно, еще выгодно; долгомъ-то такъ привяжетъ мужика, что и радъ бы сбыть отъ него какъ-нибудь, да не развязаться. А купецъ-то, значитъ, даетъ какой хочетъ товаръ и беретъ за него, что ему вздумается.

— Ну, а съ другими-то покупателями, которые почище, какъ обращаются купцы?

— Смотря потому какой покупатель и откуда. Если покупатель здѣшнiй, да вѣрный и постоянный, то всегда хорошiй товаръ отпускаютъ, особенно на чистыя деньги. Такихъ вѣдь и покупателей немного, для нихъ всегда есть въ запасѣ товарецъ порядочный; немного и требуется. Въ долгъ—всячины бываетъ. Въ уѣздѣ хоть и хорошiй покупатель и на чистыя деньги, а все стараются эдакъ въ перемежку, разъ получше, другой поплоше, перемѣнять не привезетъ; гдѣ тутъ съ нимъ возиться? Если же пенять начнетъ, купецъ извинится, скажетъ, что и самъ не зналъ товару; новый, молъ, полученъ. На прикащика свернетъ: тутъ же, въ глазахъ покупателя на сто лѣтъ обругаетъ прикащика, или скидочку сдѣлаетъ, маленькое уваженнице окажетъ, такъ и пройдетъ. Всего луч-

ше отпускать товаръ лавочникамъ по деревнямъ; только этакъ съ уступочкой, да съ обожданьемъ денегъ, чего хочешь возьметъ. Въ деревнѣ лавка одна, много двѣ, товаръ одинаковый, продажа мелочная, хорошаго взять негдѣ; за всякой мелочью въ городъ не угоняешься: ну, и расходится тамъ всякая дрянь, какой не сбыть въ городѣ ни за что.

— И краснотоварцы такъ дѣлаютъ?

— У тѣхъ своя манера. Всегда свинья грязи найдетъ, говоритъ пословица; такъ и простой народъ. Есть у насъ въ городѣ хорошія лавки и магазины съ краснымъ товаромъ, такъ туда не идутъ; а все таскаются по рядамъ. Видѣли вы, какія лавки въ рядахъ? Темно—свѣту почти нѣтъ: они ёще нарочно красными лоскутами завѣсятъ, чтобы свѣтъ былъ обманчивый; въ эти-то лавки бабы, какъ овцы и таскаются. Товаръ въ нихъ больше держатъ лежалый, съ разнымъ изъяномъ. Наберется бабъ куча, купецъ нароетъ имъ цѣлый прилавокъ ситцевъ или чего другаго, глаза у бабъ разбѣгутся, голова закружится, купецъ этимъ временемъ и навязываетъ имъ всякую дрянь, что́ ему сбыть сходнѣе. Смѣхъ съ этими бабами да и только! Одурѣютъ такъ; видитъ другая, что ей даютъ негожее, а беретъ, когда купецъ навязывать станетъ; совсѣмъ съ толку собьется. Торгуется-то какъ! Купецъ запроситъ въ тридорога, она посулитъ ему половину и начнутъ по копѣйкѣ одинъ сбавлять, а другая прибавлять; за то съ бабъ всегда дороже положоннаго запрашиваютъ; всѣ знаютъ, что онѣ торговаться любятъ. Выйдетъ иная изъ лавки, взглянетъ на покупку, руки врозь разведетъ и завоетъ, вернется въ лавку, начнетъ взадъ отдавать. Такъ куда тебѣ! Купецъ забожится; что онъ ей не продавалъ, что и ее-то никогда въ глаза не видалъ. Мало-ли чего съ ними бываетъ. Начнетъ иная пробавать ситецъ, понатянетъ и разорветъ, много-ли силы надобно, чтобы разорвать гнилой ситецъ? Привяжется къ ней купецъ, товаръ, молъ испортила, говоритъ, въ убытокъ меня ввела, да я тебя туда-сюда, запугаетъ бабу совсѣмъ, она и видитъ, что товаръ гнилой, негодный, а беретъ, чтобы отъ него отвязаться только. Кредиту здѣсь нѣтъ, изволь покупать на

чистыя деньги, развѣ ужь хорошему знакомому отпустятъ въ долгъ. Оно и справедливо: Богъ знаетъ, когда увидишь опять покупателя, это не хлѣбъ, безъ котораго не проживешь.

— Въ магазинахъ и лавкахъ, которыя получше, я думаю, честнѣе обращаются съ покупателемъ.

— Всячины бываетъ. Не обманешь не продашь, на томъ вся торговля стоитъ. Извѣстно, здѣсь свои пріемы. Первое надобно, чтобы прикащикъ былъ красивый, за словомъ въ карманъ не лазилъ, товаръ-то умѣлъ бы показать лицомъ. Ловкіе и прикащики! Кусокъ матеріи или ситца прыгаетъ у другаго, какъ мячъ у фокусника, повернетъ его такъ и этакъ, распуститъ, соберетъ въ рукѣ, какъ въ платьѣ примѣрно и все такъ живо, что матерія-то такъ и блеститъ на свѣту, разными красками отливаетъ, сама въ глаза бросается. Начнетъ приговаривать, такъ какой угодно барынѣ голову вскружитъ. «Цвѣтъ этотъ, сударыня, говоритъ, вамъ къ лицу будетъ, отъ него у васъ въ глазахъ будетъ больше блеску,» и другое такое, что у барыни и зубы разгорятся. Если эта не беретъ, заговоритъ, что, дескать, генеральша такая-то отъ этого самаго куска взяла себѣ на платье вчера, или въ газетахъ, молъ, писано, что такая-то княгиня была у графа такого-то на балу въ платьѣ—ни дать, ни взять изъ этой матеріи. А ужь если и на этомъ не выѣхалъ, то самъ хозяинъ, который все это время стоитъ въ сторонѣ, подойдетъ и скажетъ. «Ты, братецъ, какъ я посмотрю, все не то показываешь, что ихней милости требуется. Возьми съ верхней полки-то подай.» А не то самъ возьметъ кусокъ, положитъ на прилавокъ, проведетъ по немъ рукой, приговаривая такъ степенно: «возьмите это, ручаюсь, что̀ будете довольны.» Мало-ли у нихъ разныхъ штучекъ, которыми они подпускаютъ дурману покупателямъ. Какъ они наловчатся! Только покупатель въ двери, а онъ ужь видитъ, какой ему товаръ подать и что̀ сказать.

— Былъ я, Петръ Яковлевичъ, на какомъ-то дворѣ, гдѣ за столами мужики сидятъ и ѣдятъ. Тамъ за мучными лавками. Что это такое?

— У насъ это называется *обжорный рядъ*, прохожіе тамъ всегда обѣдаютъ за три копѣйки или за пятакъ, кор-

мятъ-то незавидно. Волховъ близко, вода, значитъ, даровая: а изъ харчу что́ Богъ послалъ, не осуди: не то, что у насъ; а народу много ходитъ. Кажется, не дорого берешь и за обѣдъ, двугривенный всего; за то говядины или чего другого ѣшь вдоволь, сколько душа потребуетъ; а все таскаются туда. Мамонъ-то у нихъ какой-то не человѣческій! Все равно, что жерновъ; всякую дрянь мелетъ. Замѣтили вы тамъ башню?

— Видѣлъ, особеннаго ничего.

— Теперь ее переправили, подѣлали въ ней комнаты; прежде она была точь въ точь колокольня. Говаривали дѣды, что на ней вѣчевой колоколъ висѣлъ; а дворъ-то гдѣ *обжорный рядъ*, Ярославовымъ назывался, вѣче на немъ собиралось.

— Не помню я только хорошенько теперь, а читалъ гдѣ-то, что вѣче не тамъ было, какъ вы говорите, а въ другомъ мѣстѣ, кажется на улицѣ Рогатицѣ.

— Пишутъ всячину люди на досугѣ, вѣры-то имъ только дать нельзя: хитрятъ очень. Вѣче было на Ярославовомъ дворѣ, по крайней мѣрѣ всѣ здѣшніе старожилы утверждали единогласно. Ярославовъ дворъ былъ у Никольскаго собора, оттого онъ въ книгахъ пишется Дворижскій-Никольскій соборъ. *Въ синоксари* писано, что явленный образъ Николы былъ принесенъ на Ярославовъ дворъ и церковь во имя Николы была тамъ поставлена тогда же. И какое вѣче на Рогатицѣ? ему тамъ негдѣ было и быть, никакой площади не было; тамъ только жили богатые посадскіе люди, объ этомъ я много читалъ въ старинныхъ рукописныхъ лѣтописяхъ.

Вотъ, поди, вѣрь имъ послѣ этого!

— Я такъ думаю, намъ съ вами, Владиміръ Николаевичъ, и разсуждать объ этомъ нечего: пусть тамъ ученые судятъ объ этомъ на досугѣ. Мнѣ сдается, вы больше любите говорить о житейскомъ. Вѣдь вотъ скоро ярмарка у насъ будетъ. Вы, я думаю, и сами знаете объ этомъ, сказалъ хозяинъ и пристально поглядѣлъ на меня, какъ будто хотѣлъ прочитать что-то въ глазахъ моихъ.

— Слышалъ я, Петръ Яковлевичъ, что у васъ скоро

ярмарка начнется. Видно и балаганы для этого строятся тамъ, внизу на площади, лѣсу много что-то навезено.

— Какъ же-съ. Отъ думы къ штабу балаганы-то выстроятъ въ два ряда глаголемъ. Вы, сдается мнѣ, на ярмарку сюда пріѣхали?

— Посмотрѣть не мѣшаетъ.

— Вы извините меня, я вамъ откровенно скажу; вотъ цѣлый день сегодня дожидаю вашихъ товаровъ. Сознайтесь, Владиміръ Николаевичъ, вы прибыли сюда торговать?

— Съ чего вы это, Петръ Яковлевичъ взяли?

— Вамъ не зачѣмъ больше сюда пріѣхать. Стали бы съ доброй воли ходить по рынкамъ, да по лавкамъ, присматриваться къ здѣшней торговлѣ и такъ распрашивать. Я даже смекаю, какимъ товаромъ-то вы занимаетесь.

— А какимъ? спросилъ я хозяина, и улыбнулся; я не могъ утерпѣть, чтобы не разсмѣяться,—заблужденіе хозяина меня забавляло.

— Извѣстно, краснымъ товаромъ, отвѣтилъ самодовольно хозяинъ.

— Будто бы?

— Да ужь непремѣнно такъ. По вашему разговору замѣтно: что вамъ ни говоришь, а вы все на красный товаръ свернете.

— Торговлей, Петръ Яковлевичъ, я не занимаюсь.

— Полно вамъ, Владиміръ Николаевичъ, хитрить-то; меня не проведете, человѣкъ я бывалый. Конечно, въ секретѣ дѣло держать, пока неоткроется ярмарка, у насъ необходимо. Здѣшніе торговцы какъ пронюхаютъ, что есть пріѣзжій, которому балаганъ нуженъ, сей-часъ пойдутъ на перебой, извѣстно дѣло изъ-за *слазу*, чтобы магарычи получить. Меня вы не опасайтесь; никому не скажу.

— Вѣрное слово, Петръ Яковлевичъ, я не торговать сюда пріѣхалъ, а такъ, къ дѣламъ присмотрѣться, можетъ быть займусь торговлей, но не теперь.

Хозяинъ посмотрѣлъ на меня пристально и задумался.

— Мудреныя нынче времена пришли! заговорилъ хозяинъ, какъ бы самъ съ собою, послѣ небольшой паузы.

Вотъ поди и догадайся. Бываетъ, что наѣзжаютъ господа городъ посмотрѣть, да описаніе ему сдѣлать, тѣхъ сейчасъ и узнаешь, пойдутъ распрашивать, что и когда было, гдѣ жила Марѳа Посадница и прочее такое, церкви пойдутъ мѣрить, да списывать... Такихъ, чтобъ по рынкамъ ходили, не видалъ... И что тамъ взять?...

— Вы меня не считаете-ли изъ числа такихъ господъ.

— Богъ васъ знаетъ! На хозяина вы больше похожи, а что тамъ у васъ на душѣ—не видно, сказалъ хозяинъ, поблагодарилъ меня за угощеніе и ушолъ.

Непріятно мнѣ было, что хозяинъ началъ во мнѣ сомнѣваться, не легко мнѣ послѣ этого было повыпытать отъ него, что нужно, но дѣлать было нечего. Съ горя я легъ спать.

IV.

На другой день звонъ къ заутрени опять разбудилъ меня; хозяинъ подалъ мнѣ самоваръ, но чаю пить не остался; онъ какъ-то дичился и посматривалъ на меня искоса съ недовѣрчивостью. Часа два просидѣлъ я дома и пошолъ одинъ болтаться по городу.

Направился я въ крѣпость; но по срединѣ моста невольно остановился, видъ былъ хорошъ. Погода была тихая и ясная, Волховъ былъ гладокъ, какъ подъ стекломъ— и тихо катился подъ мостъ;—прямо противъ меня ярко свѣтились на солнцѣ золочоныя главы Юрьева монастыря, дальше за нимъ синею горою сливалось съ горизонтомъ озеро Ильмень,—противъ Юрьева монастыря красовалось въ густой зелени Городище, Рюрикова резиденція,—отъ Городища тянулась зеленая равнина, которой и конца не было видно. У самаго моста *ходилъ рыбакъ по мережамъ*,— въ легкомъ челнѣ онъ медленно подвигался, держась за веревку, перекинутую поперегъ Волхова, и вытаскивалъ изъ воды мережи, привязанныя къ той же веревкѣ, за которую держался самъ. Онъ медленно вытряхивалъ изъ мережи рыбу въ челнъ и снова опускалъ мережу въ воду.

Долго стоялъ я на мосту и смотрѣлъ на рыбака, пока тотъ не уѣхалъ. Стоять мнѣ было хорошо, никто не мѣшалъ мнѣ; народу на мосту почти совсѣмъ не было.

Въ концѣ моста, близь крѣпости, возвышалась часовня; я вошолъ въ часовню. По самой срединѣ часовни плотно къ стѣнѣ придѣланъ огромный крестъ, каменный или деревянный, ужь право не знаю; подъ масляной краской, которой онъ раскрашенъ, разсмотрѣть было трудно. Стѣны часовни всѣ украшены образами, у креста и многихъ образовъ были привѣшены пелены и ленты, шитыя шелками и гарусомъ; большія паникадила были уставлены высокими свѣчами, рѣдкій прохожій не подавалъ въ часовню на свѣчу, многіе заходили въ часовню и усердно молились. По часовнѣ расхаживалъ монахъ, ставилъ и поправлялъ свѣчи.

Помолившись въ часовнѣ, я пошелъ въ крѣпость. При входѣ въ крѣпость, на правой сторонѣ у самой стѣны красовалась старинная колокольня; отъ нея, вдоль площади, тянулся теплый соборъ и заслонялъ собою холодный соборъ такъ, что его всего надо было пройти, чтобы увидать холодный соборъ, который очень огроменъ съ виду, но не отличается изяществомъ архитектуры. Отъ холоднаго собора угломъ выступаетъ на площадь архіерейскій домъ,—въ два этажа; противъ собора, по другую сторону дороги, тянется почти во всю длину крѣпости безобразное двуэтажное зданіе присутственныхъ мѣстъ. Діагональ площади между соборами и присутственными мѣстами едва-ли будетъ въ триста саженей и на этой-то площади хотятъ поставить памятникъ тысячелѣтію Росссіи. Будетъ-ли онъ имѣть какой-нибудь видъ—не знаю. На мѣстѣ памятника устроены временныя, деревянныя зданія и огорожены заборомъ; у воротъ прибита доска съ надписью: «входъ воспрещается», значитъ безпокоиться нечего идти смотрѣть. Говорятъ, будто бы, когда копали ровъ для фундамента памятника, нашли дубовую плотину, шедшую перпендикулярно отъ Волхова во всю крѣпость. Жаль, что остановились только на мѣстности, нужной для памятника и не продолжили дальше розысканій!

Изъ крѣпости прошолъ я въ садъ, который скорѣе походитъ на большой огородъ, случайно заросшій большими деревьями. Это длинный и узкій паркъ съ двумя широкими дорожками по краю и посрединѣ. Садъ отъ крѣпости отдѣляется глубокимъ рвомъ; поломанные остатки шлюзовъ подаютъ поводъ думать, что ровъ этотъ когда-то наполнялся водою. Въ саду на самомъ берегу Волхова есть возвышенное мѣсто, откуда открывается красивый видъ на Новгородъ и его окрестности.

Въ двѣнадцать часовъ отправился я завтракать въ гостинницу противъ гостинаго двора. Боже! что за прислуга въ этой гостинницѣ! вялая, заспанная, нечосаная! Противно смотрѣть на нихъ, хоть и всего ихъ только двое. Дожидаться завтрака часъ, а обѣда два часа—у нихъ казенное положеніе. Чтобы какъ-нибудь убить время до завтрака, я велѣлъ подать «Пчелку»; но почитать мнѣ не удалось. Только-что я усѣлся уютно на диванѣ и закурилъ сигару, въ комнату вошолъ старичокъ очень прилично одѣтый и съ такимъ добрымъ и откровеннымъ выраженіемъ въ лицѣ, что я невольно заговорилъ съ нимъ.

— Хоть сегодня судьба сжалилась надо мной,—послала мнѣ собесѣдника; а то вѣдь здѣсь умереть можно отъ скуки, пока дожидаешь завтрака,—сказалъ я старичку.

— Жалуются всѣ на нерасторопность здѣшней прислуги; я каждый день прихожу сюда читать «Пчелку» и постоянно слышу эти жалобы, отвѣтилъ онъ.

— Значитъ, вы совершенно свободны теперь?

— Свободенъ.

— Какъ я радъ этому! Позвольте вамъ предложить—позавтракать со мною вмѣстѣ.

Старичекъ принялъ мое предложеніе.

— Неужели вы каждый день ходите сюда читать «Пчелку»?—спросилъ я старичка, когда тотъ усѣлся противъ меня въ кресло.

— Привычка такая сдѣлана у меня. Человѣкъ я безсемейный, дома одному скучно; утромъ здѣсь выдти некуда, кромѣ трактира, вотъ и хожу сюда,—спрошу рюмку водки, «Пчелку», и сижу да читаю. Ко мнѣ здѣсь такъ

привыкли,—только я войду,—мнѣ ужь и подаютъ водку и «Пчелку».

— Мнѣ кажется, на домъ выписывать газету вамъ было бы выгоднѣе.

— Конечно, больше переплатишь здѣсь, чѣмъ стоитъ газета за годъ. Привычка, главное, сдѣлана, такъ и потягиваетъ сюда. Кромѣ того, здѣсь встрѣтишь кого нибудь, поговоришь, узнаешь новое; здѣсь бываютъ пріѣзжіе съ разныхъ сторонъ. О выгодѣ-то я нехлопочу: состояньице у меня порядочное.

— Должно быть, торговлей занимаетесь?

— Не то, чтобы торговлей занимаюсь я, а похоже: съ торговыми людьми дѣла веду.

— По части кредита?

— Угадали.

— А! подумалъ я такихъ-то мнѣ и надо!

— Я самъ тоже по торговой части занимаюсь, отвѣтилъ я.—Конечно, съ моей стороны было не совсѣмъ добросовѣстно лгать передъ незнакомымъ человѣкомъ; но что же станешь дѣлать, когда я собственнымъ опытомъ убѣдился, что у насъ на Руси отъ туристовъ бѣгаютъ, какъ отъ язвы! Притомъ же я замѣтилъ, что къ торговымъ людямъ больше имѣютъ довѣрія, чѣмъ къ кому другому; имъ разсказываютъ все въ полной надеждѣ,—они примутъ къ свѣденію, что̀ нужно, а лишняго никому не разболтаютъ. Про нашего же брата всякій знаетъ, что если мы увидимъ и услышимъ что̀, то непремѣнно разбрякаемъ на весь свѣтъ; а на Руси, надо признаться, не любятъ, чтобы соръ выносили изъ избы, хоть и мы не про сплетни пишемъ, а про дѣло, необходимое при изученіи нашего края.

— На ярмарку къ намъ изволили пожаловать? спросилъ меня старичокъ.

— Да-съ, я пріѣхалъ сюда вообще присмотрѣться къ здѣшнимъ порядкамъ, чтобы современемъ,—если представится случай,—завести здѣсь дѣла.

— Хорошаго немного вы здѣсь найдете,

— На ярмарку, я думаю, сюда бываетъ большой съѣздъ?

— Простаго народа тысячъ до двухъ, пожалуй, наберется, особенно теперь—съ волей-то они не знаютъ что́ и дѣлать, болтаться рады, а дворянства и купечества очень мало.

— А съ товарами пріѣзжихъ купцовъ развѣ мало бываетъ?

— Очень мало. Въ торговомъ отношеніи здѣшняя ярмарка не имѣетъ значенія никакого; если бы еще наша губернія была въ центрѣ Россіи или бы пограничной, а то здѣсь нѣтъ даже никакой производительности, ни фабрикъ, ни заводовъ. Она—ярмарка-то, учреждена больше для простого народа, который собирается сюда по случаю праздника угоднику Варлааму Хутынскому и крестнаго хода.

— Значитъ, на хорошій сбытъ товара расчитывать здѣсь нечего.

— Рѣшительно нельзя. Больше всѣхъ пользуются ярмаркой здѣшніе купцы, они сбываютъ свой залежавшійся товаръ. Простой народъ кидается на пріѣзжихъ, въ надеждѣ получить товаръ посвѣжѣе. Здѣшніе же купцы большею частію сами перебираются въ балаганы, посадятъ въ балаганы торговать незнакомыхъ покупателямъ прикащиковъ, и выдаютъ ихъ за пріѣзжихъ.

— Вотъ что.

— Вы, должно быть, изъ Петербурга?

— Почему вы такъ думаете?

— Оно какъ-то замѣтно. Небольшое, кажется, и разстояніе между Новгородомъ и Петербургомъ, а между купечествомъ большая разница, сей-часъ видно петербургскаго.

— Въ чемъ вы находите разницу, между купечествомъ вашимъ и петербургскимъ?

— Во всемъ: въ образѣ жизни, въ пріемахъ по торговлѣ, во взглядахъ даже на предметы. Разница, скажу вамъ, большая. Въ порядочномъ здѣшнемъ купеческомъ домѣ такой этикетъ, что и при испанскомъ дворѣ такого

не бываетъ. Не знавши всѣхъ экивокъ нашего этикета, какъ разъ разыграешь передъ ними дурака.

— Разскажите, сдѣлайте милость, про обычай здѣшнихъ купцовъ, это мнѣ необходимо знать: можетъ быть, мнѣ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ придется имѣть дѣло.

— Конечно, знать ихъ обычай вамъ не мѣшаетъ, только вотъ бѣда въ чемъ, разсказывать-то я не мастеръ; не знаю, право, съ чего вамъ и начать разсказывать? Съ буднишней-ли ихъ жизни, или съ праздничной? Конечно не во всякомъ домѣ ведутся одинаковые порядки; есть между ними закоренѣлые приверженцы старины, которые ни на шагъ не отступаютъ отъ старинныхъ обычаевъ; а есть и прогрессисты, которые уже понемногу оставляютъ старые обычаи и вводятъ новые, но очень осторожно, чтобы не обидѣть стариковъ.

— Вы ужь, пожалуйста, разскажите про закоренѣлыхъ-то.

— Хорошо-съ. Вотъ видите-ли, старики эти всегда носятъ волосы и бороды порусски, ходятъ въ длинныхъ сюртукахъ, изъ дорогого сукна, подъ сюртуками носятъ жилеты и брюки, темнаго цвѣта, послѣдніе всегда синяго. Манишекъ и воротничковъ не носятъ, сорочки ситцевыя, которыя всегда выпускаютъ изъ-подъ жилета на брюки, и по сорочкѣ надѣваютъ маленькій поясокъ, сапоги съ длинными голенищами козловые, или смазные даже. Въ баню каждую недѣлю ходятъ по субботамъ; а на большіе праздники особо, не въ зачотъ субботы. Жены ихъ ходятъ въ платочкахъ, искусно повязанныхъ на головѣ, бантикъ платочка всегда приходится надо лбомъ, и закалывается булавкой съ бриллiантами, или съ другимъ какимъ дорогимъ камнемъ, по нѣскольку нитокъ крупнаго жемчугу носятъ на шеѣ. Платья шьютъ изъ дорогой шолковой матеріи, такой прочной и тяжелой, что ее трудно и погнуть и всегда темнаго цвѣта. Одѣваться пышно имъ нѣтъ надобности, онѣ ужь такъ умѣютъ воспитать себя, что съ каждымъ годомъ дѣлаются все шире въ объемѣ; салоповъ, шубъ, бурнусовъ, у нихъ по нѣскольку для разныхъ выходовъ. Гардеропъ у нихъ такъ великъ, что другому

платью во весь годъ не придется украсить особы своей владѣтельницы, и распредѣляется по святцамъ: смотря по важности праздника и нарядъ ихъ бываетъ тотржественнѣе. Дóма по буднямъ ходятъ онѣ въ ситцевыхъ платьяхъ. Молодыя купчихи носятъ и шляпки, и даже лѣтомъ барежевыя платья, только непремѣнно дорогія; на гардеробъ и косметическія средства женщины тратятъ пропасть денегъ. Комнатная прислуга всегда у нихъ женская. Кухарка, знающая стряпать пироги и кулебяки всѣхъ сортовъ и видовъ, щи, разные супы, жарить поросятъ, гусей, и утокъ домашнихъ, индѣекъ, варить разнаго сорта кисели, приготовлять рыбу на разные манеры, считается лучше всякаго повара, къ которымъ они не питаютъ расположенія, а поварскія блюда не уважаютъ и предпочитаютъ имъ простыя. Прислуги держатъ немного: кухарку, двухъ комнатныхъ дѣвушекъ, всегда дальнихъ, бѣдныхъ родственницъ, которыя подаютъ чай и служатъ при столѣ, когда бываютъ гости. Сидѣльцы употребляются только на посылки, да еще въ прихожихъ, принимать съ гостей салопы и шинели. Лошадей больше двухъ не держатъ, и ѣздятъ на дрожкахъ въ одиночку. Развѣ только на богомолье подальше ѣздятъ въ коляскѣ, и то въ какой-нибудь старинной, купленной по случаю. Вотъ вамъ и вся обстановка, среди которой живутъ здѣшніе купцы.

— Вы далеко еще не совсѣмъ удовлетворили моему любопытству.

— А вамъ хочется знать всю подноготную. Разсказать-то мудренно; вотъ какъ сами поближе познакомитесь съ ними, тогда лучше узнаете.

— Вы мнѣ только сообщили про внѣшній видъ ихъ; а про жизнь-то мнѣ ничего не разсказали.

— Въ жизни ихъ интереснаго очень много; мнѣ самому по началу было чрезвычайно трудно привыкать къ ихъ порядкамъ.

— Сдѣлайте милость, разскажите что-нибудь.

— Такъ и быть, извольте, еще что-нибудь разскажу. Комнатъ у нихъ таки довольно въ квартирахъ, прикащиковъ и сидѣльцовъ стараются помѣщать совершенно от-

дѣльно отъ своихъ комнатъ, но за поведеніемъ ихъ строго наблюдаютъ: безъ спросу никто не смѣетъ отлучиться особенно въ позднюю, ночную пору. Такъ теперь ужь станемъ говорить про комнаты. Спальня всегда гдѣ-нибудь въ уголку и небольшая, подлѣ спальни небольшая комнатка, гдѣ обѣдаютъ и пьютъ чай, ну и гостей принимаютъ, или очень коротко знакомыхъ, или попроще. Потомъ уже идутъ гостинныя комнаты. Зало большое, мебель легкая, столы и стулья всегда разставлены чинно около стѣнъ; въ гостинныхъ, которыхъ бываетъ двѣ и три, мебель также чинно разставлена по стѣнамъ, только передъ однимъ большимъ диваномъ позволяется стоять столу и по обѣимъ его сторонамъ по три кресла въ рядъ, мебель большей частью краснаго дерева съ мягкими подушками. Ходовъ въ комнаты два, парадный и черезъ кухню, парадный всегда запертъ и отпирается только почотнымъ гостямъ. Чистотѣ надо честь отдать, вымыто и вычищено все такъ, что блеститъ. Въ каждой комнатѣ въ двухъ углахъ по большому образу, передъ которыми всегда горятъ лампадки, деревяннымъ маслицомъ попахиваетъ, и сильно; но они привыкли къ этому. Встаютъ они утромъ рано, въ пять часовъ непремѣнно, помоются и начнутъ молиться Богу; молятся долго и усердно, всѣхъ святыхъ, какихъ у кого есть образа, вспомянутъ на молитвѣ. Бываетъ у другого образа четыре Божіей Матери, онъ такъ и вспоминаетъ на молитвѣ: Мать Пресвятая Богородица казанская, знаменская, владимірская, помилуй меня. Потомъ онъ обойдетъ всѣ комнаты и помолится у всѣхъ образовъ. Послѣ садится гдѣ-нибудь, въ уголку съ женой къ самовару и пьетъ чай, всегда хорошій, въ прикуску, безъ хлѣба, изъ обыкновенныхъ чашекъ и пьетъ не много. За чаемъ начинается всегда разговоръ съ того, какому сегодня святому,—они между собою на *вы*, даже и бранятся такъ. Перебираютъ всѣхъ своихъ умершихъ родственниковъ, и если кому окажется память, то посылаютъ въ церковь денегъ и поминанье, чтобы помянули. Разсказываютъ другъ другу, кто какой сонъ видѣлъ и толкуютъ ихъ значеніе. Въ это время, если есть взрослые

сыновья, являются проздравлять съ добрымъ утромъ, пьютъ вмѣстѣ чай; но ведутъ себя такъ чинно, точно въ церкви. Дочери пользуются правомъ спать сколько имъ угодно. Послѣ чая хозяинъ уходитъ по своимъ дѣламъ и пьетъ снова чай въ лавкѣ или въ трактирѣ съ пріятелями, разъ пять до обѣда. Хозяйка, оставшись дома, принимаетъ разныхъ старухъ, которыя приносятъ сплетни со всего города, кофейникъ постоянно является на столѣ для угощенія болтливыхъ кумушекъ. Въ кухнѣ съ пяти часовъ утра затопляютъ русскую печь и начинается стряпня. Въ пятницу сама хозяйка отправляется на рынокъ закупать яйца, живность и прочіе припасы къ столу. Въ двѣнадцать часовъ является хозяинъ домой обѣдать; покушавши плотно,—въ этомъ имъ надо честь отдать, поѣсть любятъ они хорошо, не жалѣютъ денегъ для лакомаго куска,—хозяинъ ложится спать по русскому обычаю часика на два; потомъ сходитъ въ лавку и въ четыре идетъ пить чай; въ въ восемь ужинаютъ; ужинъ у нихъ тотъ же обѣдъ со всѣми кулебяками, похлѣбками и киселями. Такъ проходятъ у нихъ будни. Изъ своихъ родныхъ или знакомыхъ по буднямъ никто другъ къ другу не заглядываетъ, развѣ по какому-нибудь чрезвычайному случаю; у нихъ считается неприличнымъ ходить безъ приглашенія другъ къ другу, особенно по буднямъ запросто. Ну, вотъ и все!

— А про праздники-то? Вѣдь вы говорили, что все интересное-то въ праздничномъ угощеньи.

— Да я боюсь вамъ наскучить; разсказывать-то, какъ видите, я не мастеръ, слишкомъ сухи и вялы картины у меня выходятъ.

— Вы разсказываете... Позвольте узнать ваше имя?

— Лука Ильичъ!

— Мое, Владиміръ Николаевичъ—вы, Лука Ильичъ, разсказываете просто, прямо съ натуры, что̀ имѣетъ цѣну въ моихъ глазахъ: оно ручается за истину словъ вашихъ.

— Что все правда, въ томъ я готовъ принять присягу. Дѣлать съ вами видно, Владиміръ Николаевичъ, нечего, надо вамъ разсказать. Такъ вотъ, государь мой, въ празд-

ники утромъ купцы зимой встаютъ къ заутрени всегда, какъ бы не было рано, отправляются въ приходъ и сряду слушаютъ раннюю обѣдню и потомъ уже возвращаются домой, съѣдятъ по кусочку просфоры, которой каждаго надѣлитъ приходскій священникъ, послѣ пьютъ чай и къ поздней обѣдни отправляются въ соборъ, разумѣется, купчихи въ тяжкихъ нарядахъ. Послѣ обѣдни они пообѣдаютъ; обѣдъ праздничный отличается особенными прибавленіями противъ буднишняго. Пирогъ съ сигомъ непремѣнно подается за обѣдомъ каждый праздникъ. Потомъ послѣ обѣда соснутъ хорошенько ради труда бдѣннаго; а послѣ или сами отправляются въ гости, или къ себѣ принимаютъ гостей.

— Вотъ теперь-то вы, Лука Ильичъ, и дошли до самаго интереснаго мѣста; какъ хотите, а я отъ васъ не отстану, пока вы не разскажете про ихъ праздники.

Ужь за это-то я не берусь; у нихъ столько тутъ разныхъ варіяцій, что всѣхъ ни за-что не перескажешь. Развѣ потѣшить васъ; описать вамъ ихъ балъ, на которомъ я самъ присутствовалъ, только извините, если я вамъ нарисую его не такими яркими красками, какими бы слѣдовало; а какъ умѣю, разскажу.

— Разсказывайте, Бога ради, вы вѣдь отлично разсказываете.

— Ну, какъ умѣю. Были, вотъ видите-ли, именины одного богача изъ прогрессистовъ; былъ и я приглашенъ на чай; вотъ я и отправился въ осьмомъ часу, не удивляйтесь, что такъ рано: у насъ не по Петербургскому, если кто послѣ осьми часовъ явится, только что не скажутъ: «что ты это, сердечный! не съ ума ли спятилъ, что по ночамъ шляешься.» А взглядомъ такимъ одолжатъ, что останешься доволенъ. Такимъ манеромъ явился я въ семь часовъ; гости уже были собравшись, всѣ наряжоные такіе, что Боже упаси! Меня встрѣтилъ хозяинъ, подхватилъ подъ руку и повелъ въ гостиную, гдѣ сидѣли степенныя и почотныя особы. Не успѣлъ я усѣсться въ кресла, какъ явилась дѣвушка съ маленькимъ серебрянымъ подносомъ, на которомъ была большая рюмка хересу; она

подошла ко мнѣ и поклонившись подала рюмку; хозяинъ тутъ же началъ просить откушать. Послѣ нея другая дѣвушка принесла мнѣ также съ поклономъ чашку кофе, прочіе гости уже напились кофе до меня. Черезъ нѣсколько времени на большомъ подносѣ понесла по всѣмъ гостямъ дѣвушка въ рюмкахъ хересъ; гости отнѣкивались, хозяинъ упрашивалъ, и дѣлать было нечего, надобно было уступать неотступнымъ просьбамъ хозяина; за виномъ явился подносъ съ вареньями, и пошелъ странствовать по гостиной, съ той же церемоніей. Послѣ варенья явился портвейнъ въ рюмкахъ; а за нимъ на подносѣ фрукты, и весь вечеръ такъ и шло въ пересыпку съ чаемъ и виномъ. Гости раздѣлились на группы, завязался живой разговоръ. Вокругъ одного толстаго, низенькаго купца, съ краснымъ, точно изъ сукна, лицомъ собралось человѣкъ пять.

— Я вамъ доложу, говорилъ купецъ, какъ-то не ловко, будто бы ротъ его былъ полонъ каши,—такого ужь больше голосу не будетъ, какъ у покойнаго Климыча. Стоитъ онъ этакъ на *крылосѣ* между пѣвчими, да какъ прокатитъ этакъ октавой, (при этомъ самъ купецъ непремѣнно зарычитъ) такъ *ижно* сердце замираетъ; а по церкви-то гулы, гулы, будто кто ядра катаетъ.

— Да вѣдь у васъ, Сила Перфильичъ, у самихъ басъ отличный, вы весь хоръ покрываете, какъ свою октаву —то распустите, сказалъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Оно, конечно, отвѣтилъ самодовольно Сила Перфильичъ, у меня есть октава; но до Климыча далеко. Не забыть мнѣ, какъ разъ онъ меня чуть не задушилъ. Сидѣли мы съ нимъ дома у меня, признаться надо, выпили пуншика по два, спѣли съ нимъ: «Тебе Бога хвалимъ», да «Слава въ вышнихъ Богу», *тихонькое*, а потомъ я и говорю: давай Климычъ, кто возметъ лучше верхнее do? Изволь, сказалъ Климычъ, да какъ *рявкнетъ*, и оконницы задрожали; а я этакъ подхватилъ, да и перевысилъ его. Какъ хватитъ меня за горло Климычъ. «Какъ ты смѣлъ, такой сякой! взять верхъ надо мной!» закричалъ, и ну душить... Жена еле-упросила его; а то бы задушилъ.

Я подошолъ къ другой кучкѣ. Здѣсь купецъ-съ подстри-

женой бородой съ просѣдью, ласковымъ, заискивающимъ голосомъ говорилъ:

— Богословіе, доложу вамъ, предметъ важный, душеспасительный; оно дѣйствительно, вещь непростая, съ разу его не раскусишь; это не каленый орѣхъ; но сладости за то сколько, когда придешь въ разумѣніе, тогда истинное наслажденіе.

«Ну, тутъ что-то мудрено толкуютъ,» подумалъ я, и подошолъ къ другимъ. Здѣсь тоже толковали о церковной службѣ, и о священникахъ. Вѣдь какъ послушаешь ихъ, то, право, подумаешь, что они истинные христіане, и кромѣ Бога ни о чемъ другомъ не думаютъ. А другой разъ какъ взлянешь на оборотную сторону медали, такъ... Что же я, въ самомъ дѣлѣ, такое заплелъ? Обратимся лучше къ вечеру. Въ залѣ на фортепьяно игралъ таперъ и такая была стукотня, что я подумалъ, что тамъ горохъ молотятъ и пошолъ посмотрѣть. Съ какимъ усердіемъ выдѣлывали па молодые купцы въ визиткахъ! танцовали кадриль и какъ усердно! потъ градомъ лилъ съ лицъ ихъ, на которыхъ была написана одна только забота, чтобы отдѣлать фигуру, отчетливо, имъ не до разговоровъ было; кончивши фигуру, они только отпыхивались и утирали потъ; разговоровъ не было никакихъ, развѣ какой-нибудь любезникъ записной умильно взлянетъ на свою даму, а та ему сладко улыбнется. «Здоровое занятіе,» подумалъ я, «моціонъ хорошій, поужинаютъ исправно.» Да и стоило потрудиться для такого ужина, каковъ былъ тогда. Перемѣнъ семь, и все такое сытное, что поневолѣ нужно было запивать виномъ, лившимся, какъ рѣка.

— Ну, вотъ я какъ заболтался съ вами, сказалъ Лука Ильичъ, посматривая на часы, чуть было обѣдать не опоздалъ.

— Отобѣдаемте со мной, Лука Ильичъ, этимъ вы доставите мнѣ большое удовольствіе, сказалъ я.

— Покорно васъ благодарю, я обѣдаю-съ сегодня у моего короткаго пріятеля. До свиданія-съ! Извините, если

я что вамъ наболталъ лишнее, сказалъ Лука Ильичъ, и ушелъ.

Вечеромъ тогоже дня отравился я вмѣстѣ съ моимъ хозяиномъ ко всенощной въ приходъ, это нѣсколько примирило меня съ Ерофеевымъ; послѣ всенощной онъ былъ ко мнѣ ласковѣе и согласился даже напиться чайку вмѣстѣ.

Богатая у васъ церковь, заговорилъ я съ хозяиномъ, иконостасъ весь въ золотѣ, по стѣнамъ живопись, на образахъ все оклады серебряные.

— Да-съ, храмъ Божій мы любимъ и всякій жертвуетъ, что́ можетъ, чтобы устроить благолѣпіе его.

— Во всѣхъ приходахъ такъ у васъ хорошо?

— Въ нашемъ оно, конечно, побогаче и лучше; но и въ другихъ усердія тоже много. Священники, надо отдать имъ честь, другъ предъ другомъ стараются о благолѣпіи— къ каждому празднику стараются, чтобы что-нибудь новое сдѣлать, ризы-ли, въ иконостасѣ-ли что, или въ другомъ чемъ. Оно про котораго пройдетъ слава, что важное что нибудь сдѣлалъ по церкви, къ тому и больше расположенія, такъ они и стараются. Съ своей стороны и купечество тоже заботится: увидятъ этакъ новый иконостасъ или ризы въ другой церкви, и въ своей стараются также сдѣлать. Или, ѣздятъ вѣдь они по разнымъ сторонамъ, по монастырямъ, всего видятъ, понравится имъ гдѣ кіота или рама съ рѣзьбою на столбѣ, вотъ они пріѣдутъ домой и устроиваютъ такъ въ своей церкви. Или увидятъ, что въ церкви темновато, сей-часъ пробьютъ окна новыя у насъ по церквамъ постоянная, скажу вамъ, передѣлка.

— Какже это у васъ дѣлается? Съ общаго согласія всего прихода.

— Гдѣ же тутъ всѣхъ спрашивать? Больше такъ дѣлается—вздумаетъ богатый купецъ на свои деньги поправку въ церкви, такъ спроситъ разрѣшенія у начальства и дѣлаетъ по своему, какъ вздумаетъ. Да и какое другимъ дѣло чужими деньгами распоряжаться? Другой же купитъ и пришлетъ въ церковь, что́ найдетъ нужнымъ, вотъ хоть-бы ризы или сосуды. А вы видѣли за всенощной

ризы-то, въ которыхъ служилъ священникъ?

— Хорошія ризы.

— Отмѣнныя, доложу вамъ, парча кованая, рублей по десяти аршинъ. Онѣ сдѣланы изъ покрова; съ полгода назадъ тому умерла одна богатая купчиха; такъ изъ этой парчи былъ сдѣланъ покровъ на гробъ ея, огромный, аршинъ до двѣнадцати одной парчи пошло, вотъ изъ него-то и сшиты ризы священнику и стихарь дьячку. У насъ ужь заведенъ такой обычай, если кто умираетъ изъ торговыхъ людей, непремѣнно ужь дѣлаютъ новый покровъ изъ парчи, хоть аршинъ въ девять и не дорогой; изъ послѣдняго, а ужь сдѣлаютъ, чтобы не отстать отъ прочихъ людей. Изъ этихъ покрововъ и шьютъ ризницу.

— Такъ у васъ очень усердны прихожане къ церкви.

— Еще-бы? Всѣ мы люди грѣшные, мало-ли чего случается въ жизни; ну, и дѣлаешь приношеніе въ церковь, все во что—нибудь приметъ Богъ жертву, да и на душѣ-то по спокойнѣе какъ-то бываетъ, когда сдѣлаешь приношеніе отъ трудовъ своихъ, все сколько-нибудь покроешь грѣховъ изъ своихъ безчисленныхъ согрѣшеній. А свѣчу у образа замѣтили гдѣ вы стояли?

— Какже, славная свѣча, полпуда, я думаю, будетъ.

— Это-съ моя свѣча, съ самодовольной улыбкой отвѣчалъ хозяинъ: порядокъ ужь такой у насъ заведенъ. Вотъ передъ храмовымъ праздникомъ священникъ со старостой разсылаетъ ко всѣмъ прихожанамъ, что позажиточнѣе, да поусерднѣе къ церкви, обгорѣлыя мѣстныа свѣчи отъ образовъ; а тѣ и перемѣняютъ огарки на новыя свѣчи и дѣлаютъ на свой счетъ какія придумаютъ. Кромѣ того, богатые купцы по завѣту посылаютъ въ монастыри и соборы большія пудовыя свѣчи къ мощамъ или къ чудотворныму иконямъ отъ себя.

— Вотъ видите-ли, торговые люди у насъ набожные такіе, а въ торговлѣ не совсѣмъ чисто дѣла ведутъ. Я думаю, жертва, сдѣланая на деньги, пріобрѣтенныя неправдою, непріятна Богу.

Въ отвѣтъ хозяинъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ.

— Вы, Владиміръ Николаевичъ, заговорилъ хазяинъ, изволите смѣшивать вмѣстѣ двѣ вещи совершенно различныя. Жертва Богу дѣло святое, а торговля дѣло житейское, грѣшное; въ ней ужь безъ грѣха не обойдешься, безъ обману въ нынѣшнее время ничего и не наживешь, на правду барыша невозмещь, а безъ барыша, сами знаетѣ, не то что въ церковь пожертвовать что́, и самому нечего ѣсть будетъ. Вотъ оттого и усердны торговые люди на приношенія, грѣха они боятся, душа все не спокойна, пока не загладитъ грѣха какимъ-нибудь приношеніемъ, оттого у насъ и поминовенія, и сорокоусты, все молитву-то поставитъ Богъ во что-нибудь и отпуститъ безчисленныя прегрѣшенія наши.

— Вы меня немного непоняли, Петръ Яковлевичъ, я не противъ вашихъ приношеній говорю, а къ тому, что жертвы-то ваши не чисты; вы ихъ приносите на счетъ ближнихъ; онѣ и принадлежатъ не вамъ, а тому, на чей счетъ приносятся.

— Я очень хорошо васъ понимаю, Владиміръ Николаевичъ. А труды-то наши вы ни во что не считаете¿ Вѣдь какая бы тамъ ни была, а выходитъ наша трудовая копѣйка. Чтоже касается торговли, то это ужь дѣло такое, изъ поконъ вѣку такъ заведено. Не однимъ покупателямъ достается, и своему брату купцу такая честь. Хоть какіе ни на есть близкіе пріятели, а на счотъ обороту, извини— не прогнѣвайся, проведетъ одинъ другого да еще и подразниваетъ: «Ты, молъ, молодецъ, а я еще почище тебя провелъ!»

— Какъ же они, ссорятся, если случится дѣло не совсѣмъ чистое.

— Зачѣмъ же имъ ссориться? дѣло полюбовное выходитъ, любо бери, а не любо ступай къ другому, у другого вѣдь тоже. Если и случится, что другой попеняетъ, такъ и отвѣтятъ ему: гдѣ у тебя, братецъ, глаза-то были?—развѣ ты не видѣлъ что бралъ, вѣдь я тебѣ давалъ товаръ-то не въ кулакъ зажавши.» И то сказать, винить ихъ много и нельзя, больше товаръ покупаютъ не изъ первыхъ рукъ; что, значитъ, достанется, то и продаютъ.

Вотъ если бы вы посмотрѣли, что́ дѣлаютъ хлѣбные торговцы, что́ изъ первыхъ рукъ берутъ!

V.

Наканунѣ праздника преподобному Варлааму Хутынскому погода была, какъ называется здѣсь, *сѣренькая*, небо покрыто было сплошь сѣрыми густыми облаками и изрѣдка перепадалъ мелкій дождь; мнѣ не хотѣлось идти на улицу. Тамъ, не смотря на сырую погоду, народу было тьма; толпами,—человѣкъ по двадцати мужиковъ и бабъ въ сѣрыхъ кафтанахъ и большею частію въ лаптяхъ,—валилъ народъ мимо моего окна, по самой срединѣ дороги съ шумомъ и крикомъ къ московской заставѣ; у всякаго за плечами была котомка, привязанная полотенцемъ или кушакомъ. Интересно было смотрѣть на это сборище деревенскаго народа, незнающаго вовсе городскихъ обычаевъ и невидавшаго даже города; это видно было потому, что они зѣвали по сторонамъ, толкали другъ другіе и падали, засмотрѣвшись на какую-нибудь размалеванную вывѣску. Иной рослый парень, съ только-что пробивающейся бородой, отдѣлится отъ толпы, стоитъ и смотритъ тупымъ взоромъ на вывѣску, да почесываетъ извѣстное мѣсто. Страшную суматоху производилъ нечаянно появившійся экипажъ на улицѣ; только раздавался крикъ кучера, народъ бросался прочь съ дороги во всѣ стороны, не мало его и падало въ различныхъ живописныхъ позахъ. Бабы *орали* во всю глотку, особенно, когда видѣли въ другой толпѣ знакомыхъ, постоянно происходили обниманья и цѣлованья со встрѣчными. Многіе садились на тротуаръ и безъ церемоніи принимались ѣсть хлѣбъ съ зеленымъ лукомъ.

— Скажите, Бога ради, что это за народъ и куда онъ идетъ? спросилъ я хозяина, когда тотъ зашелъ ко мнѣ.

— Извѣстно деревенскій, а идетъ онъ къ Варламію, съ пренебреженіемъ отвѣтилъ хозяинъ.

— Да откуда онъ?

— Изъ *Залѣсицъ* больше; посмотрите-ка гдѣ усѣлись лукъ

ѣсть! Истинное невѣжество! понятія ни о чемъ не имѣютъ. Ну, прилично-ли сидѣть посреди улицы и ѣсть! А чтобы зайти на постоялый хоть дворъ, да какъ слѣдуетъ пообѣдать, такъ нѣтъ, гривенника жалко. Никакого толку нѣтъ отъ этого народа, смотрятъ все какъ бы на даровщинку гдѣ-нибудь кваску напиться; гроша въ городѣ не истратятъ.

— Зачѣмъ же они въ городъ идутъ?

— Да вотъ поди! Другому и дороги нѣтъ черезъ городъ идти, ближе было бы прямо пройти къ Варламію, такъ нѣтъ, тянется въ городъ; а вѣдь только поглазѣть идутъ; вѣрно дома дѣлать дѣла нехочется. Идутъ на богомолье, такъ и шли бы въ Хутынь; а не шлялись бы даромъ по городу. Вы бы сходили посмотрѣть, что на ярмаркѣ-то дѣлается теперь! сказалъ хозяинъ и ушолъ; что-то онъ очень былъ сердитъ.

Я пошолъ на ярмарку. Многіе балаганы, особенно съ посудой и красными товарами, были открыты; народу... площадь была полна, яблоку упасть не было мѣста, шумъ страшный, особенно около балагановъ, бабы такъ голосили, что невозможно было стоять подлѣ; купцы метались, какъ угорѣлые; у самой дороги, присѣвши на корточки, бабы вынимали изъ котомокъ холстъ въ небольшихъ трубкахъ, нитки и *бранину*, и продавали. Около нихъ толпились мѣщане, салдаты и торговки. Тѣснота и духота были страшныя. Удивительное дѣло! какъ это можно заразить воздухъ на улицѣ, что нельзя было ходить въ этой толпѣ? Поневолѣ надо было идти прочь. Я прошолъ на мостъ, который былъ тоже полонъ народа. Отъ лавокъ къ рѣкѣ движеніе было большое: мужики то и дѣло таскали на лодки муку и ободья къ колесамъ, ободьевъ было вывалено на берегу и на лодкахъ пропасть. Я видѣлъ, что въ этой суматохѣ и толкотнѣ никакого не добьешся толку, и вернулся домой,

— Скажите, ради Бога, гдѣ этотъ народъ ночуетъ? Ему вѣдь надо большое помѣщеніе, спросилъ я хозяина.

Разсуются кой-куда; они вѣдь не церемонны и на улицѣ ночуютъ. Больше половины уйдутъ на ночь въ Ху-

тынь; а другіе выпросятся ночевать на дворы въ ямскихъ слободахъ; другіе просто на площадяхъ останутся на всю ночь, чтобы завтра идти съ крестнымъ ходомъ въ Хутынь.

Далеко до Хутыня.

Верстъ девять будетъ, дорога прямая; пока не провели шоссе, эта дорога была столбовая въ Москву.

Рано отправится отсюда крестный ходъ завтра?

Часовъ около семи. Да вы не хотите-ли идти съ крестами?

Отчего не сходить? Я вообще люблю церковныя церемоніи и народные праздники.

Если вамъ хочется отчего же не сходить, только непріятно съ этимъ народомъ идти; а въ церковь ужь не пробраться будетъ, еще съ утра въ нее натискоются столько, что не пробраться. Мы такъ въ первое воскресенье отправляемся всегда: чорный-то народъ поуберется, такъ и попросторнѣе и почище.

Почему именно въ пятницу празднуютъ Варлааму Хутынскому?

И еще въ первую пятницу Петрова поста. По чудеси. Когда еще живъ былъ преподобный, было въ это время пропасть червя на поляхъ, вотъ и просилъ преподобнаго новгородскій святитель, тоже святой, помолиться Богу, чтобы онъ помиловалъ народъ и избавилъ бы отъ праведнаго наказанія. Варлаамъ отвѣчалъ ему: «вотъ я пріѣду къ вамъ въ первую пятницу, заговѣвшись, на саняхъ въ городъ»; въ ночь на пятницу столько выпало снѣгу, что можно было на саняхъ ѣхать, червь весь пропалъ; а хлѣбу никакого вреда не было. Этому-то чудеси и положено праздновать. Въ первую пятницу, разговѣвшись, празднуютъ Антонію Римлянину, тоже бываетъ крестный ходъ въ Антоніевъ монастырь; но народу ужь меньше. Варлаама Хутынскаго народъ больше почитаетъ. Надо отдать справедливость народу, большое усердіе питаютъ къ Варлааму угоднику; изъ-далека по завѣту пѣшкомъ приходятъ, въ монастырь всячины нанесутъ, холста, кудели, нитокъ на свѣтильню—возы цѣлые нанесутъ.

Развѣ сами въ монастырѣ дѣлаютъ свѣчи?

Нѣтъ, свѣчи они покупаютъ. Ну, народъ этого не

знаетъ и гдѣ ему знать? При томъ же народъ безденежный, вотъ они несутъ, что есть у нихъ. Монастырь же все это продаетъ, куда ему дрянь такая? Если бы вы знали, Владиміръ Николаевичъ, какъ цѣнятъ эту дрянь мужики и бабы, подивились бы; принесть какая-нибудь баба *горсть* льна и трубочку холста и думаетъ что и невѣсть какимъ сокровищемъ надѣлила. Куда какой глупый народъ этотъ?

Вы, Петръ Яковлевичъ, сильно вооружены что-то противъ бѣднаго,—простаго народа.

Напрасно вы, Владиміръ Николаевичъ, такъ думаете про меня, мнѣ не изъ-за чего противъ него вооружаться; дѣлъ я съ народомъ этимъ никакихъ не имѣю; развѣ только что на рынкѣ у него купишь когда, за что же вооружаться мнѣ-то? Богъ съ нимъ, какое мнѣ до него дѣло? Сказалъ я только къ слову, что онъ глупъ. Вѣдь это истинная правда, живетъ въ глуши. въ деревнѣ, отъ того и глупъ.

Какое страшное разъединеніе, думалъ я, когда остался одинъ въ своей комнатѣ. Тотъ же самый мужикъ, если удастся ему надѣть синюю сибирку, подстричь не много бороду и волоса и добыть денегъ, чтобы могъ промышлять въ городѣ какой-нибудь торговлишкой съ грѣхомъ пополамъ, вздернетъ носъ непремѣнно передъ своимъ братомъ мужикомъ, смотритъ на него, какъ на рабочую скотину, и ему горя мало, и нѣтъ никакой заботы о горѣ и нуждѣ его брата, потому что этотъ несчастный живетъ въ деревнѣ и носитъ сѣрый кафтанъ и лапти. Мало этого, городской мѣщанинъ и купецъ еще пользуются нуждой мужика, чтобы нажить себѣ лишнюю копѣйку и совѣсть не мучитъ ихъ и они спокойны, ограбивъ ближняго своего деликатнымъ образомъ, даже и за грѣхъ не считаютъ обманомъ выманить послѣднюю копѣйку отъ мужика, добытую кровавымъ потомъ несчастнаго, и его же винятъ, и его же ругаютъ. Отчего же это? Кто причиной такого превратнаго понятія людей объ отношеніяхъ къ ближнему и къ Богу? Не странное-ли дѣло! Люди, считающіе грѣхомъ—проспать заутреню, оскоромиться въ постный день, жертвующіе своимъ состояніемъ по монастырямъ и церквамъ, спокойно и безъ угрызенія совѣсти обманываютъ и давятъ

своего брата, пользуясь его невѣжествомъ и безотвѣтственностью? Гдѣ же причина всему этому, гдѣ корень зла? Русь! Русь! Сколько ядовитыхъ ранъ разъѣдаютъ твою могучую грудь! Народъ со всѣми задатками могущества и силы, народъ который не разъ доказалъ страшную свою силу всей образованной Европѣ, даже въ заблужденіяхъ котораго видно стремленіе къ жизни, требованіе чего-то разумнаго, однимъ словомъ народъ, который нисколько не растратилъ силъ своихъ, еще свѣжихъ и молодыхъ; а между тѣмъ цѣпенѣетъ въ какой-то томительной дремотѣ и не ищетъ себѣ исхода изъ этой мертвой жизни, изъ этой нищеты и неблагодарнаго труда. И гдѣ та сила, которая могла бы разбудить его и указать ему тотъ славный путь, по которому пойдетъ же онъ когда нибудь? въ немъ нѣтъ разъѣдающихъ началъ, признаковъ близкаго паденія. Нѣтъ, это не мертвый народъ; а только погруженный въ летаргическій сонъ какою-то могучею рукою!

На другой день я проснулся рано утромъ. Звонъ большого Софійскаго колокола раздавался по всему городу. Никогда я не слыхалъ такого чуднаго звона. Стонъ и слезы были его звуки: ничего рѣзкаго, ничего мѣднаго и грубаго не было въ этихъ густыхъ, тихихъ, гармоническихъ звукахъ; изрѣдка слышались какіе-то дребезжащіе звуки; но это не были звуки разбитаго колокола; это скорѣе были слезы, на минуту прерывающія скорбную, плавную рѣчь старика, еще могучаго, вѣщающаго о своемъ горѣ друзьямъ своимъ! Долго слушалъ я съ наслажденіемъ этотъ звонъ; но вотъ онъ замолкъ; а въ воздухѣ еще носились какіе то замирающіе стоны. Зазвонили въ другой колоколъ и мое очарованіе исчезло; это уже были мѣдные звуки, непріятно поражающіе ухо. Звонъ въ разные колокола попеременно продолжался нѣсколько времени, потомъ затрезвонили.

— Идетъ крестный ходъ, сказалъ мнѣ хозяинъ.

Я попросилъ хозяина прибрать мои вещи и, взявъ дорожную свою сумку, вышелъ на улицу. Крестный ходъ приближался прямо ко мнѣ. Впереди несъ, какъ атлетъ, здоровый, рослый крестьянинъ, огромный старинный фо-

нарь изъ слюды, потомъ дьяконъ большой крестъ; зъ нимъ рядъ хоругвей и образовъ, за образами шло духовенство и за архимандритомъ, замыкавшимъ рядъ духовенства, двигалась сплошная масса народа во всю улицу, до тысячи человѣкъ; я присоединился къ народу. Крестный ходъ направился къ московской заставѣ, къ тому концу города, съ котораго я въѣхалъ. Вотъ мы подошли къ валу; у самаго вала справа, точно будто вросла въ него небольшая часовня, ярко мелькали въ ней огоньки восковыхъ свѣчъ, у порога стояла монахиня съ блюдомъ въ рукахъ и кланялась. Народъ молился на часовню, на блюдо сыпались мелкія мѣдныя деньги. Вотъ мы прошли поворотъ шоссе на-право къ Бронницѣ и шли все прямо на сѣверъ. Въ концѣ Никольской слободы опять на лѣвой сторонѣ дороги встрѣтилась намъ еще часовня.

На самой дорогѣ, съ боку, былъ выставленъ на налоѣ образъ преподобнаго Антонія Римлянина, рядомъ съ нимъ на табуретѣ было выставлено блюдо; а съ боку стоялъ монахъ и кланялся. Народъ молился усердно на образъ; а мѣдныя деньги сыпались на блюдо щедро. Еще прошли мы десятка два старыхъ, покривившихся домовъ по обѣимъ сторонамъ дороги и вышли на равнину. Съ лѣва въ верстѣ виднѣлся Антоніевъ монастырь, отъ него верстахъ въ трехъ Деревяницкій монастырь, и широкою полосою сверкалъ Волховъ. Справа виденъ былъ малый Волховецъ, за нимъ двѣ-три деревни, мыза Сперанскаго съ почернелой башней и выглядывалъ изъ за лѣсу своими верхами Саввинъ монастырь. Впереди на горѣ красовался Хутынь, монастырь, утопающій въ роскошной зелени. Сперва мы шли между полями, потомъ спустились на низменную мѣстность, заросшую мелкимъ кустарникомъ, точно отростающая борода отставнаго солдата, такой былъ противный видъ. Народъ, сопровождающій крестный ходъ, былъ все простой—деревенскій; изъ горожанъ почти никого не было; вертѣлся только около архимандрита чиновникъ въ мундирѣ, съ своей невзрачной шпажонкой. Онъ поворачивался во всѣ стороны и корчилъ рожу, стараясь выказать всѣмъ, что онъ присутствуетъ не изъ усердія, а по обя-

занности. Между народомъ велись разговоры, я сталъ прислушивать.

— По завѣту, родная, по завѣту, голосила баба, стараясь покрыть крикъ ребенка, ревѣвшаго у ней на рукахъ. Вотъ попритчилось что-то мальчишкѣ, съ глазу, что-ли, Богъ его вѣдаетъ, все *ревмя реветъ*, пуповина большая такая стала; ни днемъ ни ночью *отдóху* нѣтъ; а ты откуль желанная.

— Съ Тесова, голубушка, такъ и направилась по монастырямъ походить, да Богу помолиться; свекровь *поѣдомъ ѣстъ*, житья дома не стало, мужъ гулять началъ, такъ думаю не будетъ-ли какой благодати.

— Изъ нашего званья тоже былъ, говорилъ сѣдой мужикъ другому помоложе, и въ лѣсъ тоже ходилъ лыки драть и лапти самъ плелъ. Вотъ смотри какой чести сподобился за святое житіе свое!

— Господи Іисусе Христе, помилуй насъ грѣшныхъ! говорилъ мужикъ и крестился большимъ крестомъ, слушая своего сосѣда.

— Ума не приложу, возвышался вдругъ подлѣ меня женскій, рѣзкій голосъ, съ чего бы могло приключиться такое горе! Подкатитъ этакъ подъ груди и такъ сердце захватитъ, что по полу кататься начнешь. Вѣрно, злой человѣкъ извелъ! Есть вѣдь *вороговъ*-то на бѣломъ свѣтѣ!

Ближе къ Хутыню опять пошли поля, засѣянныя хлѣбомъ; монастырскій звонъ уже доносился къ намъ, въ дали виднѣлась часовня на поворотѣ къ монастырю; но до монастыря было версты три.

— Вотъ видишь тамъ, впереди-то бѣлѣетъ часовня, раздался мужской голосъ позади меня, я обернулся назадъ. За мною шолъ высокій, чорный мужикъ, перекинувъ кафтанъ свой черезъ плечо, и разсказывалъ молодому парню:

— Такъ до этой часовни вплоть гналъ огонь Грознаго Ивана царя.

— За что же его онъ гналъ-то? спрашивалъ парень.

— А вотъ видишь-ли, продолжалъ чорный мужикъ. Грозный-то Иванъ царь пришолъ въ церковь и сталъ желѣзной долбней тыкать въ то мѣсто, гдѣ святой-то ле-

житъ, а святой-то подъ спудомъ покоится; а изъ земли-то огонь вышелъ и *началъ* царя жечь; а царь испужался, долбню изъ рукъ выронилъ—и теперь та долбня къ стѣнѣ придѣлана въ церкви—и побѣжалъ; а огонь-то его все гналъ, да гналъ и догналъ до этого мѣста и часовню тутъ царь поставилъ.

Потянулись по сторонамъ дороги нищіе въ рядъ, вѣвшіе въ носъ съ визгомъ про Лазаря, Алексѣя Божьяго человѣка и Николу чудотворца, народъ клалъ на деревянныя блюда деньги. Отъ пѣнья нищихъ шумъ въ толпѣ еще болѣе увеличился, даже трудно стало разбирать, что̀ говорилось во-кругъ.

Вотъ мы дошли до часовни, насъ встрѣтилъ здѣсь крестный ходъ изъ монастыря еще съ бо́льшею толпою народа, сдѣлалось тѣсно, даже давка на улицѣ. Въ воротахъ монастырскихъ невозможно и вообразить, что̀ было! Не одинъ, я думаю, околеченный человѣкъ вышелъ изъ этой давки. Съ часъ почти проходила толпа въ монастырскія ворота. Когда я вошолъ въ монастырь, онъ полонъ былъ народа, въ церковь пробраться небыло ни какой возможности, на монастырѣ чинно и усердно молился народъ, хотя службы вовсе не было слышно, доносились только завыванія нищихъ за воротами монастыря. Около церкви продавались свѣчи и какой расходъ былъ на свѣчи! Боже ты мой! Постоянно пуками передавали въ церковь свѣчи, поколачивая по головамъ переднихъ, а тѣ слѣдующихъ и такимъ образомъ свѣчи переносились въ самую церковь.

Но вотъ кончилась служба; архіерей, со *славой*, въ сопровожденіи духовенства и почетныхъ посѣтителей прошолъ въ свои кельи. Но въ церкви тѣснота не уменьшалась, одна толпа выходила, другая входила, въ церкви служили молебны и это продолжалось до вечера.

За монастыремъ, на площади были устроены балаганы, большею частію изъ парусины; тамъ толпился народъ, пили чай, водку, закусывали. Порой слышна была разгульная русская пѣсня и скрипъ шарманки. Русское крѣпкое слово постоянно непріятно поражало ухо. И это все было рядомъ со

*

святыней, къ которой стремился тотъ же народъ съ умиленіемъ и усердіемъ!

За монастыремъ на косорогѣ раскинулась живописно липовая столѣтняя роща, она была полна народа; въ одномъ мѣстѣ собравшись въ кружокъ, нѣсколько человѣкъ сидѣли и закусывали, въ другомъ расхаживали мужики и съ любопытствомъ осматривали каждое дерево, были и любезныя сцены и не рѣдко попадались на встрѣчу загулявшіе—праздничные люди. Всего тутъ было: и смѣшнаго, и жалкаго, и стройнаго и неприличнаго.

Въ одномъ мѣстѣ кучка народу, больше все женщинъ, около высокаго, бѣлаго, ободраннаго пня обратила на себя мое внимтніе: я подошолъ. Бабы, приклонившись къ пню, старались откусить кусокъ дерева.

— Зачѣмъ это дѣлаютъ? спросилъ я.

— Чтобы зубы неболѣли! отвѣчала мнѣ старуха.

Всѣ эти картины навѣяли на меня грусть; я пошолъ къ Волхову. На другой сторонѣ Волхова вдали виднѣлся каменный, красный штабъ, точно огромная фабрика, трубу которой замѣняла каланча, Противъ монастыря, уединенно на другомъ берегу, раскинулась большая деревня. Мирно и тихо было въ ней.

«Туда, туда! говорило мнѣ сердце. Тамъ разыгрываются вдали отъ шума свѣта нѣмыя, страшныя драмы, которыя, правда, не излечаютъ больной твоей души; но имъ нужна сочувствующая душа, которая бы поняла всю тяжесть нѣмого страданія, которая бы приподняла грубую завѣсу, скрывающую отъ взоровъ, кому нужно видѣть, эти нѣмыя страданія, чтобы залечить глубокія раны.

1862.

II.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

I.

На правомъ берегу Волхова, верстахъ въ двадцати слишкомъ отъ Новгорода, есть очень красивое мѣсто Собачьи Горбы. Крутой горой въ этомъ мѣстѣ поднялся берегъ Волхова къ востоку, на самой вершинѣ холма построенъ небольшой деревянный домикъ со службами; а отъ него влѣво идетъ почти до самаго берега вплоть густая, молодая, сосновая роща, о судьбѣ которой разсказано въ «Шумскомъ»; кое—гдѣ пробивается въ ней солнечный лучъ; за то въ ней въ лѣтніе жары пріятно укрыться; тѣнь, прохлада и смолистый запахъ отъ сосенъ оживляютъ, когда войдешь въ нее. Вплоть до самаго вечера пробродилъ я по рощѣ и когда уже стало садиться солнце я спустился къ Волхову и подошелъ къ порому. Перегнувшись черезъ перила порома, стоялъ пожилой мужикъ и глядѣлъ на мелкую рыбу, которая юлила у порома и подхватывала мошекъ, падающихъ на воду.

— Вишь ты ей сколько!—проговорилъ мужикъ, обращаясь ко мнѣ.

Я посмотрѣлъ на воду, рыбы было—какъ въ котлѣ, рѣзвая—проворная,—она держалась на самой верхности воды и, постоянно двигаясь во всѣ стороны, сверкала своею серебристою чешуею.

— Какъ называется эта рыба?—спросилъ я мужика.

— Уклейка.

— Ловятъ, я думаю, ея много?

— Кто ее поймаетъ; видишь какая она вострая. Мужикъ махнулъ рукою надъ водою и рыба въ одну минуту вся скрылась, потомъ, какъ будто ее выкинулъ снова кто со дна рѣки, она закипѣла и заюлила на верхности воды.

— Кажется, мелкими сѣтями можно бы ее было ловить, сказалъ я.

— Отчего неможно, отвѣтилъ мужикъ, да мѣсто-то здѣсь не такое.

— Зацѣповъ, можетъ быть, много здѣсь, или очень глубоко?

— А Богъ его знаетъ! Вотъ тамъ,—мужикъ рукою указалъ на мѣсто, саженей на двѣсти повыше,—ловятъ рыбу неводами, значитъ и здѣсь бы оно, пожалуй, можно было бы; да мѣсто не такое.

— Чѣмъ же это мѣсто не хорошо?

Мужикъ какъ-то робко оглянулся кругомъ и съ смущеніемъ заговорилъ.

— Не къ ночи будь помянуто, мѣсто что-то не совсѣмъ чисто: бываетъ, здѣсь чудится временемъ.

— Что же такое здѣсь чудится?

— Да вотъ кажинный годъ на Христовскую заутреню здѣсь кто-то все воетъ въ рѣкѣ.

— Кому здѣсь быть!

— Быть-то оно и есть кому. Давно, еще когда и поселенія не заводились, былъ тутъ дремучій лѣсъ, что ужасти! Въ лѣсу этомъ притонъ держали разбойники и кого убивали, то все въ рѣку рыли. Вотъ грѣшныя-то души безвременно, безъ покаянія сгибшія, и воютъ предъ Христовской заутреней.

— Быть не можетъ!

— Тебѣ объ этомъ вѣрно говорятъ, я самъ слышалъ. Когда я былъ холостымъ парнемъ, вотъ мы предъ заутреней и собрались артелью, человѣкъ восемь и пошли слушать, какъ воютъ въ рѣкѣ грѣшныя души. Пришли мы на это мѣсто, рѣка была прошедши, пасха поздняя была, тишь такая вездѣ, ажно слышно было, какъ корова въ хлѣвѣ здохнетъ. Ночь темная, претемная, а рѣка какъ стекло, такъ и лоснится. Вотъ мы стоимъ на берегу и слушаемъ... пропѣли пѣтухи... какъ вдругъ застонетъ въ рѣкѣ-то и такъ-то, жалобно и тихо... Насъ такой страхъ взялъ, что мы едва домой дорогу нашли!

Подъѣхала лодка, мужикъ сѣлъ въ нее и отправился на другую сторону.

Озадачилъ меня мужикъ своимъ разсказомъ. Не можетъ быть, чтобы онъ совершенно навралъ мнѣ,—думалъ я,—какой-нибудь поводъ долженъ же быть къ этому повѣрью. Тщетно я искаль причины этому повѣрью и долго, а можетъ быть и совсѣмъ, не открылъ бы я этой причины повѣрья, если бы случай не помогъ. На другой день утромъ я пошолъ къ порому купаться. Погода была ясная и тихая, на рѣкѣ и на берегахъ никого не было видно, легкій вѣтерокъ, который даже не покрывалъ рябью поверхность воды, потягивалъ отъ Новгорода. Только я вошолъ въ воду, какъ слухъ мой поразилъ какой-то тихой густой звукъ, похожій на жалобный вой. Мнѣ пришолъ на память вечерній разсказъ мужика, и мною овладѣла робость, я вышелъ изъ воды и посмотрѣлъ на часы, чтобы замѣтить время, было два часа утра. Посидѣлъ немного я на берегу, послушалъ—ничего не было слышно—пошолъ опять въ воду, и въ водѣ снова сталъ слышаться вой. Это былъ какой-то тихій, едва слышный и прерывающійся звукъ. Съ четверть часа я купался и звукъ все слышался, подъ конецъ онъ смолкъ. Долго думалъ я объ этомъ, пока, соображая время, и вспомнилъ, что въ Юрьевѣ монастырѣ къ заутрени звонятъ въ два часа утра въ большой колоколъ, около тысячи пудовъ; тогда мнѣ ясно стало, что этотъ стонъ былъ отдаленный звонъ колокола. Такъ вотъ онъ вой-то откуда! Звонъ въ Новгородѣ къ заутрени очень легко можетъ доноситься до этого мѣста по теченію рѣки при благопріятныхъ условіяхъ, тихомъ попутномъ вѣтрѣ, тишинѣ всюду и полой водѣ. Что крестьяне только во время ночи на канунѣ Христова дня слышатъ этотъ гулъ: это дѣло естественное, въ это время они съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваются ко всему, чтобы услышать церковный звонъ и идти къ службѣ. Сколько я впослѣдствіи не разувѣрялъ окрестныхъ мужиковъ, что они слышатъ новгородскій звонъ, а не стоны и вой грѣшныхъ душъ, но не могъ разувѣрить.

Солнце только что всходило, когда я вошолъ на бал-

конъ дома. Верстъ на двадцать вокругъ открывался видъ съ балкона, по обѣимъ сторонамъ Волхова растилалась равнина, рѣдко гдѣ была не большая возвышенность; мелкій кустарникъ прерывалъ мѣстами поля, деревни были растянуты по берегу Волхова, противъ Собачьихъ Горбовъ за рѣкой тянулась деревня Катовицы версты на четыре, среди ея еще оставались развалины аракчеевскихъ построекъ. Вправо видѣнъ былъ уланскій штабъ верстахъ въ пяти, а съ-лѣва драгунскій штабъ верстахъ въ десяти. Лѣсъ уходилъ къ самому горизонту; а къ Новгороду совершенно не было лѣсу, однѣ только рощи вблизи монастырей кое гдѣ виднѣлись. Около селеній были еще поля съ темной зеленью ржи и свѣтлой-яроваго хлѣба; за ними все пространство до лѣсу такого жалкаго вида, точно позженая степь: это была большею частію голая земля, которая бѣлѣлась, точно подернутая инѣемъ. Во всѣ стороны въ разныхъ направленіяхъ шли дороги; однѣ изъ нихъ вели къ селеніямъ и штабамъ и были обсажены березами, густо сплотившимися въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то существовали поселенныя роты, отъ которыхъ остались только груды разбитаго кирпича и мусору. Много было дорогъ въ полѣ безъ березъ, перекрещивающихся въ разныхъ направленіяхъ и уходящихъ далеко къ лѣсу. Вдали мѣстами еще виднѣлись поселенныя шпили, стоящія одиноко, точно будто маяки. Вся эта мѣстность представляла видъ лагеря, брошеннаго арміей, поспѣшно разбѣжавшейся. Самый берегъ Волхова очень былъ оживленъ, крестьяне косили траву на *поемныхъ лугахъ*, ярко сверкали косы на солнцѣ и пестрѣли ситцевыя рубахи мужиковъ.

Полюбовавшись на эти жалкіе остатки чего-то въ прошедшемъ, я прошолъ къ Волхову и переѣхалъ на лодкѣ на другую сторону, въ Катовицы. Домики крестьянскіе въ Катовицахъ не велики и всѣ одной формы, въ три окна съ острой кровлей и рѣзными украшеніями, на каменныхъ фундаментахъ, что впрочемъ не помѣшало имъ покривиться; фундаменты выложены, какъ я узналъ послѣ, поверхъ земли, когда ужс были выстроены дома, такъ для виду; начальствомъ было приказано, что бы дома были съ ка-

менными фундаментами. Дома расположены по два въ гнездѣ и въ равномъ разстояніи одинъ отъ другого, интервалы обсажены обстриженными березками и между дворами тоже посажены березки. Дворы кутные, покрытые соломой. Ставни оконъ раскрашены на одинъ образецъ. По распоряженію военнаго начальства ставни были крашены маляромъ, нанятымъ окружнымъ комитетомъ, чтобы во всѣхъ домахъ было однообразіе; а о томъ, желалъ-ли хозяинъ раскрасить ставни или нѣтъ, и какъ ему хотѣлось раскрасить—его не спрашивали; деньги съ него только взыскивали за работу маляру. Живуча Аракчеевщина!

На улицѣ, кромѣ старухъ, маленькихъ рябятишекъ и собакъ, никого не было. Русскій человѣкъ умѣетъ расположиться на улицѣ съ комфортомъ. Подъ березами противъ домовъ, старухи устроились какъ дома. На колу, воткнутомъ наклонно въ землю и подпертомъ небольшими козелками изъ двухъ сказанныхъ колышковъ, повѣситъ старуха какую-то коробку, набьетъ въ нее сѣна и разныхъ грязныхъ тряпокъ, положитъ туда грудного ребенка, обвернетъ коробку съ верху по веревкамъ, какимъ либо ситцевымъ старымъ тряпьемъ и качаетъ, лежа на лужкѣ, да грѣется на солнцѣ. Ребенокъ реветъ, онъ матери лѣтомъ не видитъ весь день, вечеромъ мать накормитъ его своимъ перегорѣлымъ молокомъ; отъ того ребенокъ и плачетъ, что его желудокъ страдаетъ отъ нездороваго молока матери. Надоѣстъ старухѣ плачь ребенка, встанетъ она, «поѣсть вѣрно хочетъ,» скажетъ, отыщетъ тутъ же гдѣ-нибудь въ сторонѣ припятанный горшокъ съ молочной гречневой кашей отъ другихъ ребятишекъ, возьметъ на руки ребенка и начнетъ кормить. Запуститъ старуха свой указательный палецъ въ горшокъ, захватитъ кашки, положитъ себѣ въ ротъ, пожуетъ и тѣмъ же пальцемъ достанетъ изъ своего рта кашу, ловко мазнетъ по открытому рту ребенка, залѣпитъ ему весь ротъ,—ребенокъ давится и глотаетъ. Такое кормленіе продолжается, сколько вздумается старухѣ, и постоянно повторяется во весь день. Если бы не постоянный и напряженный крикъ ребенка, помогающій пищеваренію, то ребенокъ конечно бы къ вечеру по-

меръ; вотъ одна изъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ большой смертности дѣтей въ нашихъ деревняхъ и русской золотухи!

Другіе ребятишки, которые на *своихъ ногахъ*, босые, въ однѣхъ засаленныхъ и рваныхъ рубашонкахъ, съ открытыми головами, съ выгорѣвшими отъ солнца, растрепанными волосами, бѣлыми, какъ хорошій ленъ, бѣгаютъ по улицѣ и за дворами и перекликаются съ бабушками.

— Бабушка, а бабушка, тянетъ своимъ звонкимъ голосёнкомъ изо всей мочи, гдѣ-нибудь на задворкахъ мальчишка лѣтъ пяти.

— А-а-а̀сь, отвѣчаетъ ему сиплымъ голосомъ со всѣхъ силъ старуха.

— *Онтошка-то на омбаръ* слѣзъ, кричитъ мальчишка.

— А—у! отвѣчаетъ ему старуха, не разобравши, что кричитъ ей внучекъ.

Пока бабушка перекликается съ своимъ внучкомъ, Антошка успѣетъ свалиться, разбить себѣ до крови носъ и идетъ уже весь въ крови и реветъ на всю улицу.

— Ахъ ты воръ не добрый! кричитъ ему старуха,—опять разбился; вишь всю рубаху въ кровь выпачкалъ, ужо тебя мать-то... какъ вернется домой! Поди сюда, я тебя оботру, и начнетъ обтирать мальчишку грязной тряпкой. Мальчишка оретъ во весь ротъ. Да замолчишь-ли ты неугомонный, вскрикнетъ сердито и дастъ ему въ спину *тумака*. Мальчишка вырвется, и запачканный кровью снова бѣжитъ на задворки и лѣзетъ на амбаръ.

Въ другомъ мѣстѣ старуха зажметъ себѣ въ колѣни голову ребенка и крѣпко держитъ и роется въ волосахъ, да работаетъ ногтями; а ребенокъ реветъ *дурнымъ матомъ* и бьется руками и ногами. Тутъ мало бываетъ *тумаковъ*, потому что волоса въ распоряженіи самой старухи.

По самой срединѣ деревни большая площадь полукругомъ раздѣляетъ деревню на двѣ половины,—это аракчеевскій плацъ. На немъ еще остались длинные дома въ восемь оконъ съ дверью по срединѣ и съ мезониномъ съ полукруглымъ большимъ окномъ, окрашенные желтой крас-

кой, это *непоселенные связи*, въ которыхъ жили фронтовыя унтеръ-офицеры.

На крыльцѣ одного изъ такихъ домовъ сидѣлъ старикъ, отставной солдатъ. Онъ сталъ и пріосанился, какъ только я къ нему подошолъ.

— Здравствуй добрый человѣкъ! сказалъ я ему, кланяясь.

— Здравія желаю вашему благородію! отвѣчалъ мнѣ бойко старикъ.

— Я не ваше благородіе, сказалъ я старику.

Старикъ съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на меня: ему было досадно на себя.

— Я, дѣдушка, заговорилъ я, усаживаясь возлѣ—на крылечкѣ, не чиновный человѣкъ, простой, вотъ хожу по монастырямъ все.

— Дѣло святое, отвѣтилъ старикъ, мы къ этому не привычны, такъ оно, боязно какъ-то; а походилъ бы. Дѣло святое.

— Славный домъ у тебя какой!

— Казенный. Онъ пустой, я не здѣсь живу, да вотъ здѣлана привычка, двадцать пять лѣтъ походилъ я сюда, писаремъ служилъ въ комитетѣ.

— Такъ это комитетъ былъ.

— Точно такъ. Сперва былъ поселенный комитетъ, а потомъ окружной. Вотъ въ этой половинѣ была канцелярія, а въ той сперва присутствіе, а потомъ ужь пустая стояла, только рекрутовъ тамъ принималъ удѣльный начальникъ.

— Ты дѣдушка, я думаю, все помнишь, что здѣсь дѣлалось при Аракчеевѣ.

— Строгъ былъ покойничекъ, не тѣмъ будь помянутъ. Всѣ дрожали, полковники и генералы, когда бывало пожалуютъ въ комитетъ.

— Что же онъ дѣлалъ въ комитетѣ?

— Извѣстное—дѣло разсматривалъ дѣла, отдавалъ приказанія и пр. Онъ вѣдь все въ той половинѣ съ начальствомъ толковалъ; а въ этой мы, все время стоимъ на вытяжку ни живы, ни мертвы, на другомъ и лица

нѣтъ, какъ взглянешь. Пока онъ присутствуетъ въ той половинѣ, а мы по мѣстамъ стоимъ во фронтѣ.. не пошевелимся, и *не сморпемся* даже.

— Вотъ какъ!

— Трудное было время.

— Да, тяжелое было время.

— Все по командѣ, не смѣй крючковъ у воротника отстегнуть, когда пишешь; всю шею перетерло воротникомъ. А работы было... съ утра до вечера все писали.

— Что же вы писали?

— Какъ что? Вотъ хоть бы приказы. Сколько ихъ! отъ Аракчеева, отъ начальника штаба, отъ дивизіоннаго, отъ бригаднаго, отъ полковаго командира, отъ батальоннаго, отъ ротнаго. Каждый день приказъ и въ немъ все подробно расписано, что мужику, и бабѣ, и всякому въ семьѣ дѣлать. Все надо было переписать къ вечеру, чтобы съ вечера разослать по капральствамъ.

— Развѣ по наряду въ своемъ хозяйствѣ мужикъ все дѣлаетъ?

— Все по наряду.

— Ну,—а какъ въ праздникъ?—Я думаю не работали.

— Праздники!—старикъ разсмѣялся, на праздники-то еще больше. Надо было росписать: кому въ церковь идти, кому въ церковный парадъ, кому въ разводъ, кому быть дневальнымъ, смотрѣть за пьяными, да за виномъ, да духовенству послать приказы, кому въ какой церкви служить.

— И объ винѣ былъ нарядъ?

— Еще строгій-то какой, избави Богъ! Во всѣмъ поселеніи было запрещено торговать водкой; кабаковъ и духу нигдѣ нп было.

— Значитъ и водки не пили?

— Ну какъ не пить? пили, и крѣпко пили.

— Гдѣ же водку брали?

— По праздникамъ на ротный дворъ привозили изъ города и отпущали хозяевамъ за деньги по порціямъ. Конечно, этой водки было мало, только раздразнятъ. Какъ,

вѣдь, строго не держали, а водки промыслятъ. И народъ воровской былъ. Отпросится за дѣломъ въ Подберезье, тамъ вольный ямъ, кабакъ всегда былъ, принесетъ ведро; только сильно водой разбавляли мошенники и дорого драли. Попадались, вѣдь, и наказывали очень больно: нѣтъ не нялось, все приторговывали. Одинъ молодецъ нарвался на Аракчеева... и странное дѣло! съ рукъ сошло.

— Какъ же это? раскажи, пожалуйста.

— Идетъ-такъ нашъ солдатъ изъ Подберезья и несетъ за плечами въ мѣшкѣ боченокъ водки. Махъ встрѣчу изъ-за поворота Аракчеевъ въ коляскѣ. Куда солдату дѣться? мѣсто чистое кругомъ; въ сторонѣ эдакъ кусточки были небольшіе, солдатъ туда и давай нырять за кустами. Увидѣлъ-таки Аракчеевъ, зорокъ больно былъ, и послалъ за солдатомъ. Привели.

«Что тутъ дѣлаешь? спросилъ Аракчеевъ.

«Грибы собираю в. с., отвѣтилъ солдатъ безъ запинки; дѣло было лѣтомъ.

«Покажи, какіе грибы.

Солдатъ скинулъ съ плечъ мѣшокъ на-земь, посмотрѣлъ въ него и развелъ руками.

«Что же ты стоишь? крикнулъ Аракчеевъ.

«Чудо, в. с., отвѣтилъ солдатъ.

«Какое чудо?

«Собиралъ, в. с., грибы, очутилось вино.

«Чудо, братецъ, чудо! сказалъ Аракчеевъ и засмѣялся. Ну, дѣлать нечего съ тобой, иди съ Богомъ, только смотри, чтобы впередъ такихъ чудесъ съ тобою не случалось.» Такъ и отпустилъ, видно очень веселъ былъ, а то бы солдатъ по *зеленой улицѣ* прогулялся.

— Ничего солдату и не было?

— Ничего. Послѣ Аракчеевъ разсказалъ полковому командиру, а солдата не велѣлъ трогать.

— Вѣдь и это чудо.

— Дѣйствительно чудо! Если увидитъ, бывало, что мужикъ не въ формѣ,—поретъ, а солдатъ уцѣлѣлъ!

— Ты, дѣдушка, здѣшній уроженецъ?

— Какъ-же, коренной здѣшній житель.

— Ну и помнишь, конечно, что раньше поселеній было здѣсь?

— Какъ-же. Большой я былъ парнишка, какъ только стали заводиться поселенія, меня прямо въ школу взяли..... было мученья много; учителя все унтера были, злые презлые, били постоянно, то линейками по рукамъ, то розгами драли, а писать учили на пескѣ.

— Какъ это?

— Насыплютъ на столъ песку мелкаго и сровняютъ линейкой, а тебѣ дадутъ палочку въ руку и заставятъ писать. Если промахнулся, то и раздѣлка сейчасъ.

— Не-ужели и въ то время здѣсь были такія гладкія поля кругомъ?

— Что прежде было, того теперь и слѣдовъ не осталось. Вотъ хоть бы здѣсь, гдѣ мы съ тобой сидимъ, былъ такой дремучій лѣсъ, что какъ взойдешь, такъ свѣту не видно. Деревня-то дальше туда была—къ Богослову. Бывало, ходили маленькіе за грибами или за ягодами, такъ все больше по опушкѣ, а въ средину не смѣли и заглянуть: звѣрья много было, а деревья въ обхватъ, какъ на верхъ взглянешь, такъ шапка свалится. И шолъ такой лѣсъ вплоть до столбовой дороги, т. е. до Подберезья и за Подберезье. По ту-то сторону рѣки, отъ самаго берега начинался и конца ему не было. Вотъ Варламья Хутынскаго видишь тамъ; а тогда не видать было его, пока къ самому не подъѣдешь.

— Гдѣ же у мужиковъ тогда поля были?

— По самому берегу на скатахъ около деревень, да полѣсу небольшія *нивки*. Хлѣба сѣяли мужики не много, больше рыболовствомъ занимались.

— Когда же это лѣсъ успѣли вырубить?

— Все въ то время, какъ поселенія заводились. Войска было нагнано видимо не видимо. Вотъ они и рубили лѣсъ. Съ перваго мая начнутъ; да вплоть до морозовъ все работаютъ, почти до *зимнихъ заговенъ*.

— Да ты грамотной?

— Грамотный дѣдушка.

— Если тебѣ любопытно знать, такъ я дамъ тебѣ по-

читать; у меня остался цѣлый ворохъ старыхъ приказовъ; что не было переплетено, то пораздавалъ ребятишкамъ на змѣйки, а теперь малодымъ парнямъ на папиросы, вишь подхватили моду дѣлать папиросы, навертятъ въ бумагу *папуши* и курятъ. Ну, а книги-то еще цѣлы остались.

Мы пришли въ домъ отставнаго писаря, онъ сходилъ на *подволоку* и принесъ цѣлую вязанку книгъ, штукъ тридцать, въ малую осьмушку и страницъ по четыреста. Все это были приказы по военному поселенію Аракчеева и штабнаго начальства печатные. Старикъ порылся въ книгахъ и, разогнувъ одну, подалъ мнѣ.

— На, вотъ почитай, коли тебѣ любопытно знать, какъ лѣса расчищали, а я *пота* соберу на столъ, да пообѣдаемъ, сказалъ онъ.

Поданная мнѣ книга началась слѣдующей статьей.

«Положеніе о расчисткѣ и осушкѣ пахатныхъ полей, сѣнныхъ покосовъ и выгоновъ, и о раздѣленіи ихъ на участки въ округахъ военнаго поселенія гренадерскаго корпуса».

Этотъ печатный памятникъ бывшей нашей регламентаціи очень важенъ; удивительно до какихъ мельчайшихъ подробностей доходилъ въ своихъ правилахъ учредитель военныхъ поселеній! Впрочемъ, это нисколько не покажется страннымъ, если мы возьмемъ въ соображеніе, что дѣло это поручалось людямъ, не имѣющимъ никакого понятія о немъ. Писалось-то оно не совсѣмъ свѣдующими людьми, исполнителями были фронтовые офицеры, да еще армейскіе; а во времена двадцатыхъ годовъ всѣмъ, я думаю, извѣстно какого образованія были армейскіе офицеры. Объ этомъ распространяться нечего, лучше всего покажутъ правила, написанныя для нихъ, какъ думалъ объ нихъ тотъ, кто писалъ правила, потому мы ихъ здѣсь приводимъ буквально. Читатели, не особенно любопытные, могутъ, впрочемъ, пропустить эти правила.

1) Проектъ устройства и раздѣленія каждаго Округа Военнаго Поселенія на роты, капральства или взводы, съ назначеніемъ пространства для полей, сѣнокосовъ и выго-

новъ каждой части, составляется въ главномъ штабѣ Его Императорскаго Величества по Военному поселенію.

3) По утвержденіи проекта, приводится оный въ исполненіе по распоряженію главнаго штаба Его Императорскаго Величества по Военному Поселенію.

3) Общее по корпусу исполненіе поручается корпусному оберъ-квартирмейстеру, а частныя по дивизіямъ дивизіоннымъ квартирмейстерамъ.

4) Мѣста для расчистокъ назначать по предварительному сношенію дивизіонныхъ квартирмейстеровъ съ комитетами полковыхъ управленій, такъ какъ симъ послѣднимъ болѣе извѣстны мѣстныя обстоятельства и самыя нужды военныхъ поселянъ хозяевъ.

5) Сообразно пространству, назначенному для расчистки полей, назначается ежегодно въ ихъ распоряженіе потребное число баталіоновъ къ работамъ, инструменты для оныхъ по особымъ положеніямъ и нужные офицеры для наблюденія за произвотствомъ работъ.

6) Работы, расчистку и осушку составляющія, раздѣляются на начальныя и окончательныя.

7) Начальныя работы состоятъ въ расчисткѣ лѣсовъ и необходимомъ спускѣ воды съ мѣстъ, для расчистки означенныхъ.

8) Работы производятся по даннымъ урокамъ.

9) Уроки назначаются по качеству расчищаемыхъ лѣсовъ, согласно приложенной табели подъ литерою А.

10) Качество лѣсовъ, по личному осмотру, опредѣляютъ—офицеръ, наблюдающій за расчисткою (по руководству дивизіоннаго квартирмейстера), баталіонный командиръ работающаго баталіона и ротный командиръ той поселенной роты, для которой производится расчистка.

11) По опредѣленіи, такимъ образомъ, качества расчищаемыхъ лѣсовъ, офецеръ, за расчисткою наблюдающій, означаетъ на планѣ классы, къ которымъ принадлежитъ расчищаемое пространство, и урокъ работающему баталіону.

12) Въ случаѣ несогласія баталіоннаго командира на дѣлаемое офицеромъ, за работами наблюдающимъ, назна-

ченіе классовъ расчищаемому пространству и самому уроку, офицеръ сей, чрезъ дивизіоннаго квартирмейстера, представляетъ корпусному оберъ-квартирмейстеру, которымъ какъ классы, такъ и урокъ опредѣляются уже рѣшительно.

13) При отводѣ уроковъ, имѣть въ виду, чтобы расчистка начиналась отъ селенія и была продолжаема къ лѣсу.

14) Расчистку лѣсовъ производить по принятому правилу съ кореньями и сортировкою расчищаемаго лѣса: 1) на бревна толстыя; годныя къ построенію или распиловкѣ; 2) на накатникъ, заборникъ и рѣшетникъ; 3) на дрова трехъ-полѣнныя отъ 12 до 15 четвертей, 4) на хворостъ, и 5) на пни.

15) При расчисткѣ лѣсовъ подъ пахатныя поля не оставлять промежутковъ, имѣющихъ заросль; при расчисткѣ же сѣнныхъ покосовъ и выгоновъ оставлять мѣстами лѣсъ на оныхъ, и не истреблять, мѣстами же, лѣса, вновь возрастающаго, во вниманіи той пользы, что отъ лѣсовъ сѣнные покосы получаютъ тѣнь, и чрезъ сіе сохраняется на нихъ сырость, столь необходимая къ хорошему растенію травы. Лѣсъ сей оставлять на расчищаемыхъ мѣстахъ въ видѣ небольшихъ рощей, занимающихъ пространство отъ 800 до 1,200 квадратныхъ саженъ.

16) Сіи рощи должны быть расположены такимъ образомъ, чтобы изъ 10 десятинъ чистаго мѣста сѣнокоса только одна десятина, а изъ 10 десятинъ выгона двѣ десятины занимались рощами, и преимущественно на возвышеніяхъ, гдѣ безъ тѣни нельзя ожидать хорошей травы. Въ рощахъ оставлять молодыя прямыя и лучшаго рода деревья, на разстояніи отъ 2 до 4 аршинъ между собою, срубая съ нихъ всѣ сучья на высотѣ одного аршина отъ земли и расчищая совершенно пространство между деревьями отъ всякаго другого лѣса, пней и тому подобнаго, дабы можно было безпрепятственно косить траву.

17) Кромѣ рощей оставлять по всему пространству покосовъ и выгоновъ слѣдующіе роды лиственныхъ деревъ: дубъ, кленъ, ясень, липу, рябину, калину, черную ольху

и яблони въ такомъ видѣ, какъ они находятся, не очищая, еслибы росли и кустами.

18) При расчисткѣ полей не оставлять никакихъ корней, могущихъ препятствовать распашкѣ; при расчисткѣ же покосовъ и выгоновъ, лѣсъ и пни срубать съ корнемъ и отростками на ½ аршина кругомъ стоявшаго дерева.

19) Рощей на такихъ мѣстахъ, которыя занимаются половою водою, и которыя извѣстны подъ именемъ поемныхъ мѣстъ, не оставлять, а оставлять лѣсъ только на берегахъ рѣкъ и озеръ.

20) При началѣ расчистки назначать для складки лѣсныхъ матеріаловъ въ паралельныя линіи, разстояніемъ одна отъ другой въ 30 саженяхъ; на сихъ линіяхъ складывать: 1) строевой лѣсъ на подкладкахъ въ штабели, по очищеніи его отъ сучьевъ и коры, 2) дровяной лѣсъ въ сажени или полусажени, по перерубкѣ его въ показанную въ § 14 мѣру; 3) пни въ кубическіе полусажени, имѣя основаніемъ квадратныя сажени, а вышиною ½ сажени; 4) хворостъ, который тонѣе 1 вершка, складывать между сими линіями въ кубическія сажени.

21) Складку начинать не прежде, какъ тогда, когда линіи совершенно будутъ очищены отъ пней.

22) Каждый баталіонъ долженъ въ теченіе недѣли непремѣнно все назначенное пространство расчистить и разсортировать полученные съ онаго лѣсные матеріалы; засимъ имѣть надзоръ офицеру, за расчисткою наблюдающему, требуя, въ случаѣ замѣченнаго имъ упущенія въ работѣ, понужденія отъ командира работающаго баталіона; а если бы требованіе сіе было оставлено безъ удовлетворенія, то дивизіонный квартирмейстеръ доноситъ о семъ старшему надъ войсками того округа начальнику и корпусному оберъ-квартирмейстеру, который немедленно дѣлаетъ свое распоряженіе.

23) Баталіонный и ротные командиры баталіона, на расчистку командированнаго, отвѣчаютъ, дабы съ сихъ расчистокъ никто никуда не употреблялъ бревенъ, накатнику и дровъ: въ противномъ случаѣ съ виновныхъ взыски-

вается за каждое бревно и за каждую сажень дворъ въ десятеро противъ того, что по расчету, показанному въ вѣдомости подъ литерою А, за срубку солдатамъ положено.

24) Равномѣрно баталіонный и ротные командиры наблюдаютъ, чтобы на мѣстѣ расчистки ни въ какомъ случаѣ не было разводимо огня, и за пожаръ, если бы произошолъ оный отъ несоблюденія сихъ правилъ, подвергаются отвѣтственности.

25) Баталіоны, командированные къ расчисткѣ полей, получаютъ задѣльную плату особо за одну расчистку, и особо за лѣсные матеріалы, при расчисткѣ собранные, по показанному въ вѣдомости подъ литерою А расчоту.

26) Каждую субботу собранные баталіономъ въ продолженіи недѣли бревна, накатникъ и рѣшотникъ считать, а дрова, пни и хворостъ—обмѣривать и записывать по качествамъ въ особую тетрадь, данную отъ корпуснаго оберъ-квартирмейстера, съ означеніемъ числа и класса десятинъ, съ которыхъ собраны сіи мѣстные матеріалы. Статью сію утверждать подписью въ книгѣ командирамъ работающаго баталіона и поселенной роты, и офицеру, за расчисткою наблюдающему, которые обязаны въ той же тетради означить и засвидѣтельствовать, что вырублено въ теченіи недѣли пространство дѣйствительно расчищено, такъ что по оному распашка полей или снятіе сѣна удобно можетъ производиться.

27) Расчищенныя и освидѣтельствованныя такимъ образомъ поля и сѣнокосы поступаютъ въ завѣдываніе командира поселенной роты, который печется уже, дабы военные поселяне и до раздѣленія на участки пользовались и не допускали заростать вновь.

28) Задѣльная плата работающему баталіону производится по прошествіи каждаго мѣсяца, по требованіямъ баталіоннаго командира.

29) Въ сихъ требованіяхъ офицеръ, за расчисткою наблюдающій, долженъ засвидѣтельствовать, что собранный на вычищенномъ пространствѣ (означая число и качество десятинъ) строевой и дровяной лѣсъ и пни по надлежащей того и другого разсортировкѣ, сложены, и сверхъ того

*

долженъ означать въ свидѣтельствѣ своемъ: число бревенъ, годныхъ къ строенію или распиловкѣ, число накатника или рѣшетника и число саженъ дровъ, пней и хвороста кубическими саженями; безъ сего же свидѣтельства задѣльная плата произведена быть не должна.

30) Засвидѣтельствованіе требованія оканчивать не позже 1 числа наступающаго мѣсяца, дабы баталіонъ получилъ плату въ положенное время.

31) Офицеру, за расчисткою наблюдающему, весть рабочіе журналы, въ коихъ, по прошествіи каждой недѣли, означать: 1) сколько расчищено десятинъ; 2) сколько собрано мѣстныхъ матеріаловъ; 3) сколько рабочихъ людей находилось при работѣ и 4) сколько слѣдуетъ имъ задѣльной платы, и ежемѣсячно представлять по командѣ въ главный штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію выписку изъ онаго по формѣ подъ литерою В, которая и будетъ служить отчотомъ объ успѣхѣ въ производствѣ порученныхъ ему работъ.

32) По окончаніи годоваго производства работъ, журналъ сей представлять чрезъ дивизіоннаго квартирмейстера къ корпусному оберъ-квартирмейстеру, который, равно какъ и дивизіонный квартирмейстеръ, должны повѣрить и скрѣпить оные, и вмѣстѣ съ общею отчетною вѣдомостію, по формѣ подъ литерою В, представить въ оригиналѣ къ 1 декабря оберъ-квартирмейстеру главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военному поселенію, для доклада начальнику штаба.

33) Несходствіе въ требованіи съ журналомъ остается на отвѣтственности того, кѣмъ требованія засвидѣтельствованы по § 29.

34) По окончаніи работы, весь строевой и дровяной лѣсъ, пни и хворостъ, собранные въ теченіе лѣта на расчищенномъ пространствѣ, сдаются по шнуровой тетради, отъ корпуснаго оберъ-квартирмейстера данной, въ полковой комитетъ того полка, округу коего принадлежитъ сіе пространство, и квитанція въ пріемѣ оныхъ будетъ служить баталіонамъ для полученія задѣльной платы за строэвой и дровяной лѣсъ по § 25 сего положенія.

35) Копіи сихъ квитанцій представляются чрезъ корпуснаго оберъ-квартирмейстера въ главный штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію.

36) Строевой и дровяной лѣсъ свозится съ линіи по назначенію начальства, а хворостъ и пни передаются въ завѣдываніе ротнаго командира той поселенной роты, для которой расчистка производилась, и обращаются на отапливаніе домовъ военныхъ поселянъ; мелкій же хворостъ, негодный на отапливаніе, по совершенной свозкѣ всѣхъ прочихъ лѣсныхъ матеріаловъ, должно въ весеннее время раскидывать по полямъ и сожигать вмѣстѣ съ щепками и другимъ валежникомъ, для удобренія земли.

37) Правила при сваливаніи деревъ: 1) каждый баталіонъ, на работу выступающій къ вырубкѣ и сваливанію деревъ, долженъ имѣть по два каната пеньковыхъ, крѣпкихъ, толщиною въ окружности въ три дюйма, длиною въ 40 саженъ; 2) при подрубаніи корня дерева или пня, наблюдать, чтобы люди не были разставлены на слишкомъ близкое одинъ отъ другаго разстояніе и не могли повреждать одинъ другого; 3) прежде чѣмъ приступить къ сваливанію дерева, нужно удостовѣриться, что оное хорошо подрублено и и окопано; ибо если дерево дурно подрублено, то на сваливаніе онаго потребуется больше людей и сверхъ того будетъ портиться канатъ отъ усиленнаго дѣйствія, 4) деревья сваливать, какъ скоро они подрублены, ибо можетъ случиться, что они, по слабости грунта, или по сильному порыву вѣтра, упадутъ и подвергнутъ опасности жизнь рабочихъ людей; въ особенности же запрещается, чтобы люди не уходили съ работы, оставя подрубленное дерево несваленнымъ; 5) во время сильныхъ, а особенно порывистыхъ вѣтровъ, большихъ деревъ не подрубать и не сваливать, а оставлять ихъ до удобнѣйшаго времени, производя расчистку находящихся между оными пней и прочаго лѣса; 6) во время сваливанія большаго дерева, непремѣнно наблюдать, дабы на разстояніи 20 саженъ кругомъ онаго людей не было, и чтобы канатъ, коимъ дерево сваливается, имѣлъ длину не менѣе 40 саженъ, такъ чтобы, при паденіи дерева вершина онаго не могла

задѣть тѣхъ людей, которые канатомъ его тянутъ; 7) при поступленіи баталіона къ вырубкѣ лѣсовъ, въ теченіе первой недѣли работы, должны находиться при оной: баталіонный командиръ, ротные начальники и унтеръ-офицеры.

38) Баталіонъ, окончившій свой урокъ, выступаетъ осенью на зимнія квартиры, хотя бы время, назначенное для работъ, и не кончилось; а чтобы послѣ 1 октября не оставались недоконченные уроки, за симъ наблюдаетъ офицеръ, расчисткою завѣдывающій.

39) По мѣрѣ производства расчистки офицеръ, за оною наблюдающій, снимаетъ мѣстоположеніе на планъ, означая какъ топографическіе предметы, такъ пашни, сѣнокосы, луга, временные каналы и канавы; а крутыя горы, покатости и овраги, по коимъ не могутъ производить распашки земли, означаетъ кистью; масштабомъ для плана принимается англійскій дюймъ въ 100 саженъ.

40) Въ продолженіе расчистки и съемки полей, офицеръ за расчисткою наблюдающій, обще съ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ составляютъ проектъ каналамъ, которые, для осушенія низменныхъ и болотистыхъ мѣстъ, вновь проведены должны быть. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мѣстоположеніе ясно показываетъ направленіе для осушительныхъ каналовъ, тамъ проектъ сей составляется безъ нивелированья; но гдѣ мѣстоположеніе не имѣетъ яснаго наклона, тамъ, по приказанію оберъ-квартирмейстера, офицеръ, за расчисткою наблюдающій, производитъ нивелировку, и уже по ней составляетъ проектъ каналамъ.

41) При составленіи сего проекта имѣть въ видѣ слѣдующія правила...

И опять правила, правила и правила, числомъ семьдесятъ два. Какъ хорошо все выходило на бумагѣ! Въ какомъ дивномъ порядкѣ раскладывались бревна, дрова, пни и даже сучки срубленнаго лѣса. Сколько заботливости о томъ, чтобы человѣкъ не порубилъ себѣ чего-нибудь топоромъ или бы не убило кого деревомъ; а о томъ, что люди осенью мокли подъ дождемъ и дрогли отъ холода и не смѣли даже огня разводить, чтобы погрѣться, не подумали: впрочемъ въ этомъ ихъ извинить можно; писавъ правила

въ теплой комнатѣ при всемъ комфортѣ, развѣ можно помнить о дождѣ и холодѣ? Солдаты сами пополняли недостатки правилъ, разводили огни, гдѣ хотѣли, жгли, что вздумалось и раскладывали лѣсные матеріалы по своему, Смотрѣть ѣздить эту работу охотниковъ не было, только несчастный дежурный офицеръ полеживалъ на пнѣ, покуривалъ трубочку, да подгонялъ солдатиковъ, чтобъ какъ-нибудь оборониться отъ скуки. Планы писались на квартирѣ съ общаго плана; а столбы ставились тогда, когда все было готово и когда по углаженнымъ и укатаннымъ дорогамъ ѣхалъ начальникъ военныхъ поселеній осматривать. Лѣсъ пропадалъ и гибъ, и не смотря на громадное количество его, Богъ вѣсть по чему,—его сплошь покупали въ Новгородѣ, какъ это видно изъ отчетовъ отдѣльныхъ начальниковъ по инженерной части и по лѣсопильному заводу. Тутъ ужь такъ мудрено, что и не разобрать. На лѣсъ израсходовано при постройкѣ поселеній нѣсколько мильоновъ! Поля разбивались по плану такими людьми, которые никогда не видали въ натурѣ того мѣста, которое разбивали на планѣ, да и о земледѣліи врядъ-ли имѣли какое понятіе; потому, поля шли подъ рядъ—подъ нумерами,—на землю не было обращено вниманія годна-ли или не годна. Нивеллировку дѣлали исправно. Срывали возвышенности и заравнивали ямы,—т. е. плодородную землю снимали и зарывали въ ямы. Земля вывѣтривалась, истощалась, дошло до того, что въ бывшемъ третьемъ округѣ въ сороковыхъ годахъ отдавали по нѣскольку сотъ десятинъ въ арендное содержаніе по *пяти копѣекъ серебромъ за десятину въ годъ*! И на это охотниковъ не было. А всего только за пятнадцать верстъ отъ Новгорода, если еще не ближе. Дѣйствительно, трудно было и придумать, что дѣлать съ такой землей, на которой и трава не росла! А было время, что на этомъ самомъ мѣстѣ росъ лѣсъ сосновый и еловый вершковъ по шести въ діаметрѣ!

Скучно и тяжело говорить объ этомъ!

Пока я читалъ правила, писарь накрылъ на столъ,—постлалъ толстую скатерть, положилъ двѣ деревянныя ложки и въ глиняную чашку налилъ щей.

Отъ хлѣба соли грѣшно отказываться; надо обидѣть русскаго человѣка, если уйти отъ него, когда уже поданы щи на столъ и онъ усердно проситъ. Надо было поѣсть щей изъ зеленаго капустнаго листья, крупно накрошеннаго съ гречневой крупой и заправленныхъ коноплянымъ масломъ, да гречневой крутой каши съ тѣмъ же конопляннымъ масломъ, постный день былъ. Это вѣдь еще хорошій обѣдъ исправнаго крестьянина! Послѣ обѣда я купилъ у писаря всѣ книги за рубль серебра и потащился съ ними опять на Собачьи Горбы.

Поромъ и лодки были на той сторонѣ, я сѣлъ на каменьяхъ, гдѣ человѣка три крестьянъ тоже поджидали перевоза. Бойко подъѣхалъ къ намъ еще крестьянинъ на телѣгѣ. Онъ соскочилъ съ телѣги и козыремъ подошелъ къ крестьянамъ; выпито было у него изрядно.

— Куда это ты Петруха? спросилъ его одинъ изъ сидѣвшихъ крестьянъ.

Петруха махнулъ рукою на другую сторону рѣки и крикнулъ во все горло «поромъ!»

— Съ праздника, что ли ты ѣдешь, вишь носъ-то себѣ какъ наварилъ? спросилъ Петруху крестьянинъ.

Тотъ опять махнулъ рукой.

— Что же ты ничего не говоришь? Аль языка у тебя нѣтъ? опять спросилъ ого крестьянинъ.

Петруха выворотилъ ему весь свой языкъ наружу.

— Чего ты *изгиляешься,* съ тобой добромъ говорятъ, сказалъ ему крестьянинъ.

— Да видишь тебѣ языкъ мой понадобился; а горя моего ты не знаешь, отвѣтилъ Петруха.

— Какое у тебя горе? Бога-то гнѣвить тебѣ нечего, всѣмъ Богъ наградилъ.

— А кто добывалъ? Я, говорилъ Петруха, колотя себя по груди кулакомъ. А вотъ поѣду и все пропью, и лошадь пропью и телѣгу пропью! Вотъ, ей Богу, пропью. Вотъ тѣ Христосъ! пропью.

— Никово не укоришь этимъ.

— Нѣтъ укорю! Я все нажилъ, мое добро! Съ утра до темной ночи работалъ, рукъ не опускалъ. Видишь ка-

кой *животъ* у меня,—Петруха указалъ на лошадь,—дома пара еще лучше этой, и тѣхъ пропью, коли на то пошло!

— Да съ чего ты такъ *ерепенишься*?

— Будешь *ерепениться*, когда моимъ добромъ помыкать стали. Такъ вотъ имъ... Въ сундукѣ пятьдесятъ рублей есть—и тѣ пропью, коли на то пошло! Видишь рубаха не рубаха,—штаны не штаны; а онъ только по посѣдкамъ знаетъ ходить, да разгуливать; а Петруха батракомъ служитъ. Ты Митюшку-то, брательника моего, знаешь? Петруха наклонился къ самому носу крестьяниа, который разговаривалъ съ нимъ и снова выпрямился.

— Знаю отвѣчалъ ему крестьянинъ.

— Ну такъ и знай! А я раздѣлюсь, коли вздумали моимъ добромъ распоряжаться.

— А грѣхъ-то? Тебѣ и не грѣшно будетъ на старости лѣтъ отца оставить, что выростилъ тебя, да на ноги поднялъ. Э—эхъ Петруха, Петруха!

Петруха заплакалъ.

— Головушка моя горемычная, горемычная—да побѣдная, обижаютъ меня всѣ, и за что? за доброе, за стараніе!—причиталъ Петруха, захвативъ руками себя за голову.

— Съ чего это онъ? спросилъ сосѣдъ говорившаго съ Петрухой крестьянина.

— Ни съ чего. Аль невидишь, что пьянъ. *Тверезвый* мужикъ золотой, а какъ выпьетъ и пойдетъ *привередничать*.

Подали лодку; мы поѣхали на ту сторону, а Петруха остался на берегу оплакивать свою горькую судьбу и такъ сильно, что на другой сторонѣ было слышно, какъ онъ охалъ.

II.

— *Кусомъ* везетъ лошадь, какъ, все-равно, и человѣкъ, говорилъ мужикъ, съ которымъ я ѣхалъ въ телѣгѣ на маленькой чахлой лошаденкѣ.

— Еще ребенокъ, продолжалъ мужикъ, стегнувъ легонько кнутомъ по спинѣ лошадь,—на четвертую траву только пошла. Добрая бы вышла изъ ней лошадь, если бы не посбили тѣла, одна стала—*отдóху* нѣтъ; а работы въ волю.

— Отчего же другой не заведешь? спросилъ я.

— Была тройка, да Богъ не помиловалъ. Время-то пришло такое тяжелое: вотъ посѣялъ прошлой весной овса десять четвертей, а и шести не намолотилъ, чтобы хоть въ *магазею* долгъ отдать. Не родились овсы и конямъ дать нечего. Нашъ первый домъ былъ въ деревнѣ, пока дядя живъ былъ, да не продлилъ Богъ ему вѣка. И точно чувствовалъ что. Знай торопился, будто на пожаръ, не далъ и коня выкормить, а и въ самомъ дѣлѣ сгорѣлъ.

— Гдѣ же онъ сгорѣлъ?

— Въ слободѣ на большой дорогѣ. Онъ знаешь, телятами торговалъ. Весной было дѣло: поѣхали мы боронить а онъ остался справляться въ дорогу; да не разсудилось ему ѣхать на той лошади, что у цыганъ вымѣняли—ногами плоха была—а лошадища большая такая. Пріѣхали мы... и говоритъ намъ, запрягайте ребята гнѣдка въ возъ а самъ торопитъ, и покормить, какъ слѣдуетъ, не далъ. И куда торопился? словно *смередушку* свою *чуялъ!* Строптивый гнѣдко такой былъ; закладываешь гужъ, такъ смотри, чтобы за руку не кусилъ, а нѣтъ, такъ оглоблю грызетъ. А тутъ вѣдь, какъ новѣсилъ голову, да и стоитъ, какъ вкопаный. Вошли мы въ избу, сѣли, какъ слѣдуетъ проводить въ дорогу: а онъ еще этакъ ногу руками обхватилъ, болѣла она у него, и сидимъ всѣ. Вдругъ откуда невозмись вихорь, такъ и высадилъ оконницу и чудо—не разбилась, такъ и упала на полъ; а онъ только молитву сотворилъ и поѣхалъ. Подумали мы, что ужь не къ добру должно быть; а оно такъ и случилось: сгорѣлъ сердечный.

— Какъ же онъ сгорѣлъ?

— Сгорѣлъ-то какъ? А видишь-ли: остановился онъ ночевать на постояломъ дворѣ въ слободѣ на большой дорогѣ; ночью дворъ-то и загорись. Повыскакали всѣ, и его

на улицѣ-то видѣли; такъ возъ-то его былъ въ заду двора, а тамъ ворота были, ему знать и захотѣлось вывесть возъ-то въ задни ворота, свое добро, жалко стало. Такъ и остался тамъ.

— Какъ же остался?

— Да ужь видно на то время Господь умъ у него отнялъ. У самыхъ воротъ нашли; возъ запряженъ какъ слѣдуетъ, и телята, и гнѣдко, и онъ сердечный лежитъ, и руки у сердца сложены. А деньги, тѣ не сгорѣли, серебра намъ отдали не много, не все; ну да Богъ съ ними! Домой хоронить привезли, на силу отпустилъ становой, пять рублей дали. Домой-то какъ привезли, онъ весь какъ головешечка; и ноженьки, и пальчики обгорѣли; а тѣло хоть и почернѣло, а все знать, что тѣло. Какъ внесли въ избу, а дѣдъ такъ и грянулся объ полъ. Такъ его и похоронили.

— Такъ вы и перестали торговать телятами?

— Теперьто-бросили, не до того. Послѣ него отецъ поторговалъ еще, да норовъ у него дурной такой, вотъ и поразсовалъ домъ. А домъ былъ первый въ деревнѣ. Къ празднику бывало наваримъ пива ведеръ полста, водки четвертей семь купимъ, *порода* большая у насъ; зятевья и дядевья, *посторонницы* наберется... всю ночь на пролетъ пьютъ... у другого такъ пальцы и ростопырятся.

— А теперь пиво варите къ празднику?

— Оно все справляешь, какъ-нибудь изъ послѣдняго. Вотъ хоть бы и весной, къ празднику кое-какъ пораздобылся. Порядился съ бурлаками до Полйсти,—верстъ сорокъ будетъ. Такъ и то сосѣдъ хотѣлъ отбить, въ домъ пришолъ, жеребьемъ давай бросимъ. «А какой тебѣ жеребій,—говорю—они вѣдь сами ко мнѣ пришли».—Они меня на улицѣ рядили, да дорого запросилъ съ нихъ; а теперь и самъ по три гривенника съ человѣка повезу,—говоритъ. Насилу съ нимъ развязался. Ну и наколотилъ деньжонокъ, и праздникъ провели съ полведеркомъ только.

— Вотъ вы все на праздники деньги убиваете, а лучше бы на хлѣбъ берегли, чтобы посѣяться.

— Ну посѣяться-то изъ *магазеи* дадутъ, только отдавать тяжело.

— Взялъ, такъ отдать надо.

— Отчего же не отдать, дѣло законное, да не берутъ еще; иной раза три привезетъ, да и назадъ отвезетъ. Все бракуютъ, все, видишь, требуютъ, чтобы зерно чисто было. Какъ привезешь, такъ депутатъ забьетъ руку въ мѣшокъ, посмотритъ зерно; а если хоть немножко пыли на ладони останется, то и вези назадъ и вѣй снова на гумнѣ; замучаютъ совсѣмъ.

Мы подъѣхали къ каменному штабу. Я сошолъ съ телѣги и далъ мужику два двугривенныхъ.

— Маловато, прибавить бы надо было, говорилъ мужикъ, посматривая на деньги, лежавшія у него на ладони.

— Да за что же любезный? Провезъ ты меня пять верстъ только, и то по-пути, даромъ бы сюда одинъ проѣхалъ. Вѣдь бурлаковъ-то за девяносто копѣекъ сорокъ верстъ возилъ.

— Ну, то бурлаковъ, они вѣдь больше и не платятъ и пора была не такая: деньги нужны были, Да коли не прибавишь, такъ Богъ съ тобой, силой не отнимать же.

Дорога у штаба была обсажена въ два ряда липами, а за ними деревянныя конюшни; въ штабу квартируетъ кавалерійскій полкъ. Штабъ расположенъ четвероугольникомъ, по срединѣ огромный плацъ, обсаженный липами и по всѣмъ четыремъ сторонамъ построены каменные дома въ два этажа съ третьимъ подвальнымъ. На одной сторонѣ тянется огромный каменный манежъ, замыкаемый съ обѣихъ сторонъ большими домами, бывшими госпиталемъ и школою; посрединѣ его выступомъ устроена церковь, Архитектура штабныхъ построекъ не очень привлекательна, къ тому же всѣ дома красные. Оно не мудрено, что постройки имѣютъ такой непривлекательный видъ; а чудно то, что они до сихъ поръ не развалились. Главные строители не имѣли и понятія объ инженерномъ искусствѣ, какъ сами сознаются, а работники были вовсе незнаю-

щіе дѣла, да и матеріалъ-то былъ очень подозрительнаго достоинства, какъ объясняютъ это слѣдующія два письма.

«По разсказамъ каменнаго мастера, (пишетъ Ѳ. Бухмейеръ Аракчееву о постройкѣ штаба Аракчеевскаго полка) узналъ я, что для большого корпуса, т. е. экзерцизгауза (манежа), не имѣя для фундамента плиты, на булыжникѣ строить не возможно. Притомъ свинарѣцкую извѣсть не находитъ для большаго корпуса годною; а полагаетъ, нужна будетъ тосненская. То разсудите, если все сіе возить изъ Тосны, чего это будетъ стоить? Я нарочно приглашалъ къ себѣ тосненскихъ промышленниковъ, чтобы узнать отъ нихъ цѣну, услышалъ, что когда заготовлялъ для себя Стр—ая известь, для ея деревни, что за Тосною пятнадцать верстъ, платила съ поставкою на мѣсто за сажень извести отъ 450 до 480 руб. (ассигнаціями) и возили не болѣе, какъ сорокъ верстъ. (До аракчеевскаго штаба отъ Тосны будетъ водою верстъ двѣсти пятьдесятъ). Генералъ Вильяшевъ мнѣ объявилъ, что за плиту, которую онъ долженъ вывозить на большую дорогу, придется платить за сажень одной перевозки за пятнадцать верстъ отъ сорока и пятидесяти рублей (ассигнаціями). Наша же потребность одного большого корпуса есть около *пяти сотъ сажень плиты*, не говоря о цоколѣ, да *до тысячи саженей извести*, то разсудите сію издержку. Добрый старикъ Р..... уговорилъ въ вчерашній день первѣйшихъ здѣшнихъ промышленниковъ купца Меньшушкина и Андреева, взявъ рабочихъ людей, поискать нѣтъли около Чудова (до тридцати пяти верстъ сухимъ путемъ до штаба) плиты годной; ибо онъ полагаетъ, коли въ рѣкѣ Керести есть тонкая плита, то дальше отъ береговъ должна быть и толстая, годная на строеніе и на известь... Одной милости отъ васъ прошу, избавьте меня отъ комитета и строенія штаба; я не могу за то отвѣчать, чего не умѣю сдѣлать, и я лучше хочу, будучи теперь невиненъ, подвернуться гнѣву Государя и быть брошенъ (sic) отъ службы, нежели тогда, когда настрою и будетъ все валиться настроенное дорогими цѣнами. Тогда предадутъ меня суду, яко вора и нерачительнаго человѣ-

уже въ дѣло составитъ *четыре милліона двѣсти пятьдесятъ тысячъ*. Слѣдовательно, *едва можно будетъ отдѣлать какъ два жилыя строенія* т. е. *школу* и *госпиталь*! а церковь и экзерцизгаузъ останутся до будущаго лѣта. Въ семъ никакого разстройства не произойдетъ, если только не истощится запасъ кирпича, но не предположатся работы, на которыя уже отпущено и заготовлено болѣе *пятьсотъ тысячъ*: ибо если зимою подвезется кирпичъ къ штабу, то можно будетъ начать работы шесть недѣль ранѣе, нежели въ нынѣшнемъ году. Въ такомъ смыслѣ имѣлъ я докладывать вашему сіятельству, что лучше нѣкоторыя строенія не додѣлать и обойтиться безъ *вольныхъ мастеровъ*. Если я послѣ того просилъ о наймѣ таковыхъ, сіе было единственно для того, *чтобы лучше могли научиться наши мастера*, и въ семъ уваженіи просилъ бы еще о наймѣ хоть осьми человѣкъ *для указанія нашимъ мастеровымъ* на два мѣсяца; но если, ваше сіятельство, найтить изволите, что издержка сія будетъ, *то обойдемся и безъ нихъ*. Выше сего имѣлъ честь докладывать, что оставленіе не жилыхъ строеній не будетъ имѣть послѣдствіемъ разстройства въ работахъ будущаго года, сіе основывается на томъ, что кромѣ главнаго штаба, по предназначенному улучшенію въ корпусахъ офицерскихъ, на всѣ строенія не понадобится болѣе *осьми милліоновъ кирпича*, нужно будетъ выкласть *въ годъ по осьми милліоновъ*, что возможно будетъ; ибо, начавъ нынѣшняго года съ половины уже рабочаго времени можно надѣяться положить *слишкомъ четыре милліона* и что если съ одной стороны можно опасаться менѣе благовременнаго времени, съ другой болѣе успѣшности въ дѣлѣ. Кирпича сдѣлано сырцомъ *девять милліоновъ*. Дрова начинаютъ приходить. Известь (свинорѣцкая) пришла въ Новгородъ, противные вѣтры и нынѣ продолжаются причиною великаго промедленія въ сей операціи. Едва-ли суда (казенные воен. пос.) сдѣлаютъ еще два рейса и предположенная вывозка извести не вовсе исполнится. Работы въ 6-й ротѣ идутъ успѣшно; но г. м. Эйлеръ боится остановки, если не подоспѣютъ бревна и доски (изъ Нов-

города). Артиллеристы приступили къ дѣлу и работаютъ хорошо и весело. Іюня 20, 1819 г. Л. Канроберъ.

А насъ удивляютъ египетскія пирамиды и работы!! Кто же были рабочіе и откуда ихъ набирали? На это я нашелъ отвѣтъ въ одной изъ купленныхъ мною книжекъ у отставнаго писаря. Вотъ онъ.

«Приказъ по отряду корпуса поселенныхъ войскъ въ новгородской губерніи расположенному. С. П. Б. марта 10 дня, 1827 года, № 27-й» Не выписываю всего здѣсь приказа, онъ состоитъ изъ 24 пунктовъ и будетъ почти печатный листъ; пожалуй кто-нибудь вступится за литературную собственность, хотя творецъ его давно умеръ: приказъ подписанъ Аракчеевымъ.

Въ округахъ графа Аракчеева полка 25-й пѣхотной дивизіи.

На кирпичныее заводы 1-й, 2-й и 4-й морскіе батальоны. Въ каменную работу къ строеніямъ штаба 3-й морской батальонъ. Для подноски кирпича и прочихъ валовыхъ работъ у строенія штаба 1-й и 2-й егерскіе баталіоны. Инженеръ-капитану Детлову съ разрѣшенія директора работъ военныхъ поселеній, въ случаѣ надобности, для распиловки досокъ, кои потребны будутъ при отдѣлкѣ штабныхъ строеній, употреблять людей по своему распоряженію сколько нужно, изъ числа же баталіоновъ, назначенныхъ выше къ строенію штаба, а пилы требовать отъ временнаго члена полковаго комитета гренадерскаго графа Аракчеева полка полковника Мевеса; для успѣшнѣйшаго же приготовленія сихъ досокъ и удовлетворенія надобности въ нихъ, назначенъ въ сію работу на весь *Апрѣль мѣсяцъ* по особому предписанію, еще одинъ баталіонъ.

2-й гренадерской дивизіи.

Для планировки мѣстоположенія штаба и выгрузки матеріаловъ—московскій и таврическій гренадерскіе и 3-й карабинерный баталіоны. Къ отдѣльнымъ работамъ 4-й карабинерный баталіонъ. Къ отдѣлкѣ бульваровъ, улицъ и мостовъ въ 5-й и 6-й фузелерныхъ ротахъ, гренадер-

скихъ артиллерійскихъ бригадъ, три батарейныя парочныя роты—№ 4-й.

Биваки сихъ войскъ должны быть на слѣдующихъ мѣстахъ: баталіоновъ 25-й пѣхотной дивизіи, противу строенія штаба, гдѣ были расположены въ истекшемъ году баталіоны 1-й и 4-й морскіе, 2-й егерской. Военно рабочій баталіонъ № 7-й и команда кирпичниковъ, и прочія на лѣвомъ флангѣ 4-й *фузеріи* роты и т. д.

17) Требованія задѣльной или валовой платы, какъ равно и довольствіе пищею, и отвѣтственность за оное баталіонныхъ и бригадныхъ командировъ остается во всей силѣ на правилахъ предписанныхъ и исполнявшихся въ истекшемъ году и т. д. Подлинный подписалъ генералъ графъ Аракчеевъ.

Изъ этого приказа взято только то, гдѣ говорится о войскахъ, употребляемыхъ на работы одного каменнаго штаба; а если перечислить всѣхъ солдатъ, занимавшихся постройками штабовъ и поселенныхъ ротъ, устройствомъ дорогъ и расчисткою полей, то наберется ихъ до *пятидесяти тысячъ* и всѣмъ имъ шла задѣльная плата, а офицерамъ порціонныя! Сколько же было израсходовано денегъ на устройство военныхъ поселеній и на матеріалы, если къ этому прибавить еще расходъ на переписку и прогоны служащимъ... А что отъ этого осталось? Каменные штабы, очень неудобные для стоянки войскамъ! Слова Сперанскаго fumus ex fulgore невольно приходятъ... на память.

Красивая деревенька на крутомъ берегу Волхова манила къ себѣ, да и дальнѣйшія розысканія по штабу не вели ни къ чему утѣшительному; я поплелся въ деревню.

Потертое пальто и котомка за плечами располагали въ мою пользу крестьянъ; они принимали меня за странника по монастырямъ и не отказывали въ гостепріимствѣ. Странное дѣло, наши крестьяне не питаютъ довѣрія и расположенія къ людямъ чисто и щеголевато одѣтымъ, особенно во фракъ и модный сюртукъ. Оборванцы напротивъ пользуются у нихъ искреннимъ участіемъ, особенно если стараются зарекомендовать себя предъ ними наружною набожностью. Вотъ почему у насъ на Руси есть много людей,

толкающихся безъ всякаго дѣла и имѣющихъ вездѣ теплый пріютъ и радушный пріемъ. Мнѣ не разъ случалось видѣть людей, которые дальше Кіева не бывали; а выдавали себя за поклонниковъ іерусалимскихъ и дивныя, небывалыя вещи разсказывали безъ зазрѣнія совѣсти. Надобно видѣть, съ какимъ простосердечіемъ и любопытствомъ слушаетъ крестьянинъ разсказы этихъ безнравственныхъ бродягъ, чтобы оцѣнить наивность нашего крестьянина.

Былъ вечеръ, когда я пришолъ въ деревню; крестьяне возвращались съ работъ, скотъ подходилъ уже къ околицѣ. Хозяйки выбѣгали изъ воротъ, встрѣтить скотину. Густое облако пыли носилось надъ стадомъ овецъ, впереди прочаго скота бѣгущихъ къ деревни. Только что овцы вбѣжали въ деревню, бабы, дѣвки и ребятишки кинулись къ нимъ, поднялся гвалтъ и суматоха, всякому хотѣлось захватить своихъ овецъ и пригнать во дворъ. Овцы, испуганныя встрѣтившими ихъ, разбѣжались въ стороны съ блеяньемъ, за ними кинулись хозяева, призывая во все горло; многія бабы старались поймать ихъ, спотыкались и падали, ребятишки во всю прыть гнались за овцами вдоль улицы, нѣкоторыя бабы успѣли схватить барановъ за рога и волокли ихъ по улицѣ къ дому, точно верхомъ ѣхали на нихъ. Пока гонялись за овцами, подоспѣло стадо коровъ, та же исторія повторилась снова, многія коровы, а особенно телята, испуганныя встрѣчей, неслись во всю прыть по улицѣ поднявъ хвостъ къ верху. Картина была очень оживленная, много было смѣшныхъ сценъ, неудобныхъ для передачи на бумагѣ. Понемногу все пришло въ порядокъ и послышался на улицѣ мѣрный стукъ молотка, которымъ крестьянинъ отбивалъ затупившуюся косу.

Много надо имѣть навыка, чтобы молоткомъ, похожимъ на кирку, искусно отбитъ лезвее косы, чтобы сдѣлать ее острою и заравнять зубья, которыхъ много надѣлается на косѣ отъ цѣлодневнаго кошенія травы.

Мнѣ приглянулся домъ на самомъ краю деревни, у ручья; наружность его была очень скромна, я попросился и меня впустили безъ всякаго затрудненія.

За столомъ покрытымъ толстою скатертью, въ переднемъ углу сидѣлъ старикъ и мялъ зеленый лукъ, накрошенный въ деревянную чашку, деревяннымъ пестомъ. Вотъ помолились Богу: мужикъ лѣтъ сорока и еще двѣ бабы равныхъ лѣтъ, и сѣли за столъ. Меня пригласили тоже. Старикъ въ мятый лукъ налилъ квасу, посолилъ, отрѣзалъ всѣмъ по толстому ломтю хлѣба и начали ужинать. Не было никакой возможности ѣсть эту похлѣбку: кромѣ непріятной горечи отъ лука, квасъ былъ теплый и до того кислый, что щипалъ во рту; а они только покрякивали и ѣли не безъ аппетита. Потомъ *большуха*,—надо здѣсь замѣтить, что большухою въ этомъ краю называется старшая невѣстка въ домѣ, заправляющая хозяйствомъ по части женской, т, е. стряпней и уборомъ молока, яицъ и прочаго, что подлежитъ вѣденію женщинъ,—эта большуха встала и принесла горячихъ щей, въ которыхъ было только нарублено сѣрое капустное листье. Ужинъ тѣмъ и кончился; мнѣ отвели ночлегъ на сараѣ, гдѣ лежало свѣжее недавно сваленное сѣно.

Въ два часа утра заигралъ пастухъ на рожкѣ; на его музыку отозвались собаки лаемъ и воемъ, коровы тихимъ мычаніемъ. Бабы уже суетились съ подойниками на дворѣ и перебѣгали отъ одной коровы къ другой. Въ избѣ хозяинъ завтракалъ: ѣлъ съ хлѣбомъ творогъ, разведенный водой, что называется у нихъ—*лажсное молочко*; старикъ сидѣлъ въ углу; ему было лѣтъ восемьдесятъ.

— На будущей недѣлѣ надо будетъ прихватить кого, а то Лабутиной нивы мнѣ не одолѣть будетъ одному, говоритъ мужикъ, прихлѣбывая молоко.

— Отчего же и не прихватить, отвѣчаетъ старикъ, сходи завтра въ штабъ, да спроси солдата, что косилъ ономнясь.

— *Косовищъ* на него не надюжишь, здоровъ ихъ ломать; а подъ-часъ и коса пополамъ у него разлетится. Видишь какой онъ здоровенный, а сноровки нѣтъ, на нивѣ-то пеньковъ много.

— Такъ кого же взять?

— Не собрать-ли помочи въ воскресенье?

*

— Помочи... не прежняя пора, когда шли для добраго дѣла только. Теперь знаешь, все смотрятъ, чтобы вино было, да еще до сыти напиться; а ты знаешь, сколько нужно вина, чтобы ихъ до сыти напоить? Двумя полштофами и не думай отдѣлаться отъ нихъ. Нѣтъ, ужь лучше понанимать дня три, хоть по трехрублевому дать за день, все выгоднѣе будетъ помочи.

Мужикъ всталъ изъ-за стола и помолился Богу.

— Ты Марѳу-то съ Авдотьей *поторови*, чтобы онѣ поскорѣе справлялись, вишь день-то красный какой; а кучья много сегодня ставить надо, сказалъ мужикъ и ушолъ на работу.

Мы двое остались въ избѣ.

— Это сынъ твой, должно быть? спросилъ я старика.

— Да, было и много ихъ, да судилъ меня Господь только съ однимъ остаться на старости. Пятеро всего было.

— Гдѣ же они теперь?

— Трое-то умерли; а четвертый, Богъ его знаетъ, живъ-ли—мертвый-ли, ничего не извѣстно. Мы ужь и молебны и панихиды по немъ служили; а до сихъ поръ вѣсточки нѣтъ.

— Что же онъ на промыслы куда отправился?

— Въ службу былъ отданъ, заслали далеко куда-то. Писалъ годовъ пять тому назадъ, съ Польши, да съ тѣхъ поръ ни слуху, ни духу. Вотъ младшая невѣстка—Авдотья, жена его, заѣли вѣкъ бѣдной бабы, ни вдова, ни мужья жена. Была семья, любо было посмотрѣть, а теперь вотъ съ кѣмъ остался. Знать мнѣ ужь такъ на роду было написано. Сыновья всѣ были у меня погодки, парни *ражіе* такіе. Какъ поднялись на ноги, такъ одного и взяли въ солдаты, старшій былъ, послужилъ сердяга три годочка и померъ, въ гвардіи служилъ, въ Питерѣ. Прошло пять лѣтъ и другого взяли, вотъ того-то, что вѣсти нѣтъ, пришла холера, взяла еще двоихъ. Такъ и остался я съ однимъ Никифоромъ жить. Не благословилъ Богъ его дѣтьми: ино и поропчешь, а ино и подумаешь, что и слава Богу: съ сыновьями-то видишь наша участь какая,—ро-

стишь, ростишь, а все тебѣ кормильцемъ не будетъ, да и сердце повыболитъ все по немъ, какъ попадетъ на службу въ чужую сторону. Вотъ одиночкамъ-то лучше жить; у кого только всего одинъ сынъ, заботы ужъ никакой нѣтъ, что возьмутъ сына въ солдаты.

— Надобно же, дѣдушка, и въ солдатахъ служить кому-нибудь.

— Вѣстимо, надо кому-нибудь служить, знать нужно солдаты царю; да обидно только, что иной сосѣдъ вѣкъ тягости этой не знаетъ, изъ поконвѣку у него идетъ такъ, что все приходится только отецъ съ сыномъ; а мы-то чѣмъ Богу согрѣшили, что сыновей больше наростили; вѣдь мы за это льготы передъ ними никакой не получаемъ, все едино тягости несемъ: больше семья, больше и оброку и прочихъ тягостей. Такъ вотъ оно и обидно, сказалъ старикъ и пошолъ вонъ изъ избы.

За перегородкой растапливала печь Мареа, а Авдотья что то дѣлала на дворѣ, я вышелъ на улицу и сѣлъ на лавочку у дома.

Солнышко довольно высоко поднялось, было около пяти часовъ утра, ребятишки уже бѣгали по улицѣ.

— Васька! Васька!—кричалъ во все горло мальчишка, качаясь уцѣпившись руками и ногами за высунувшійся изъ изгороды колъ, смотрика я-то какъ.

Подбѣжалъ другой мальчишка, немного побольше этого и уцѣпился за колъ. Колъ обломился, мальчишки упали на землю, встали и задрались: первый вцѣпился въ волосы Васькѣ, а Васька далъ такую затрещину первому, что тотъ повалился на землю и заревѣлъ во весь ротъ. Вы сунулась старуха изъ калитки сосѣдняго дома.

— Я тебя, разбойникъ ты этакой,—кричала старуха, грозя кулакомъ, удирающему Васькѣ.

— Поди сюда, Ѳединька, поди родненькой! Я его ужо разбойника, говорила своему внучку старуха.

— Купаться, купаться, на Волховъ! кричалъ во все горло Васька по срединѣ деревни! Ѳединька бѣжалъ уже

къ Васькѣ, за которымъ толпа ребятишекъ бѣжала на рѣку.

Старуха посмотрѣла, покачала головой и захлупнула калитку.

1862 г.

ЭКОНОМКА.

ЭКОНОМКА.

Быль.

I.

Лѣтъ сорокъ назадъ тому существовала на берегу рѣки Волхова прекрасная мыза богатаго помѣщика. Въ самомъ центрѣ этой мызы красовался большой каменный домъ съ террасою, выходящею въ садъ; на сѣверъ отъ дома разстилался довольно большой садъ, а на югъ было выстроено нѣсколько деревянныхъ домиковъ; за ними, на площади, каменная церковь, за церковью—еще нѣсколько домиковъ, отъ которыхъ шла земляная дамба къ пристани на Волховѣ.

Въ одномъ изъ деревянныхъ домиковъ, самомъ близкомъ къ каменному, помѣщалась экономка помѣщика. По наружности этотъ домикъ былъ очень простъ и не великъ, всего въ три окна; подъ нимъ, въ подвалѣ была кухня; а на верху три комнаты, съ довольно большими окнами въ каждой. Въ первой комнатѣ сидѣла за самоваромъ молодая женщина въ чорномъ шолковомъ платьѣ. Она играла съ маленькимъ шпицомъ, который вертѣлся передъ нею на заднихъ лапкахъ и подпрыгивалъ кверху, чтобы схватить кусочекъ сахару изъ руки хозяйки. Нѣжная, пухлая рука, державшая сахаръ, украшенная золотымъ браслетомъ и кольцами съ брильянтами, была нѣсколько смугла, сама молодая женщина была брюнетка. Черные блестящіе волосы ея падали крупными локонами на крутой матовый лобъ и еще сильнѣе оттѣняли яркій румянецъ щокъ; полное лицо было кругло и смугло; розовыя, какъ кораллъ, губы

ея были немного тонки; онѣ по временамъ раскрывались отъ улыбки и выказывали рядъ бѣлыхъ, ровныхъ, крѣпкихъ зубовъ; носъ, немного вздернутый кверху, былъ очень граціозенъ; но вся сила и обаяніе этого очень хорошенькаго лица заключались въ большихъ, чорныхъ какъ агатъ, глазахъ. Полные огня, они по временамъ метали искры или дѣлались такъ мягки и нѣжны, что взоръ утопалъ въ нихъ. Игра съ собачкой ее очень занимала; она весело и громко смѣялась при каждомъ неловкомъ прыжкѣ шпица. Это занятіе, можетъ быть, долго бы забавляло ее если бы шпицъ не бросился стремительно и съ громкимъ лаемъ къ двери.

— Жучка!.. Назадъ... крикнула она на шпица, и собачонка пошла тихо отъ двери, поджавъ хвостъ и по временамъ злобно озираясь. Дверь отворилась; въ комнату вошолъ большаго роста, толстый мужчина, среднихъ лѣтъ, въ длинномъ, синемъ, суконномъ суртукѣ, застегнутомъ на глухо. Бѣлый галстухъ, придавленный пухлымъ подбородкомъ, еще рѣзче выказывалъ его грубое, рябое лицо, которое расплылось отъ жира и казалось безконечнымъ отъ огромной лысины. Маленькіе сѣрые глаза полны были лукавства; они были очень подвижны, трудно было уловить, на что́ именно они смотрятъ.

— Здравствуйте, сударыня, Настасья Өедоровна,—сказалъ почтительно вошедшій, останавливаясь у порога.

— Здравствуйте, Никита Өедоровичъ,—сказала ласково хозяйка.—Милости прошу. Пожалуйте.

Никита Өедоровичъ подвинулся шага на два поближе къ хозяйкѣ.

— Какъ въ своемъ здоровьѣ быть изволите?—проговорилъ онъ жеманно.

— Слава Богу, слава Богу! Да садитесь, пожалуйста, поближе ко мнѣ, вотъ тутъ на стулѣ.

Никита Өедоровичъ облизнулся, подошолъ медленно къ столу, расправилъ полы сюртука и сѣлъ на край стула.

Хозяйка занялась чаемъ, а гость сталъ смотрѣть по сторонамъ, изрѣдка поглядывая на хозяйку. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Тяжело было въ это время

гостю: ему хотѣлось начать разговоръ съ хозяйкой, но, какъ будто на зло, въ это время всѣ мысли его разбѣжались; онъ судорожно жалъ въ своихъ рукахъ бѣлыя, бумажныя перчатки, на лбу его началъ выступать потъ, отъ сильнаго напряженія—найти какой нибудь предметъ для разговора. Посматривалъ онъ и на потолокъ, и на полъ, и на хозяйку, и на столъ; и по сторонамъ; но все было тщетно. Хозяйка разливала чай и лукаво выглядывала на гостя, не старалась вывести его изъ затруднительнаго положенія, которое ее забавляло. Молча подала она гостю стаканъ чаю. Никита Ѳедоровичъ судорожно хлебнулъ чаю изъ стакана, немного обжогся, поставилъ стаканъ, поморщился, обтерся платкомъ, посмотрѣлъ въ стаканъ, помѣшалъ въ немъ ложечкой, посмотрѣлъ на хозяйку.

— Такимъ манеромъ вы, сударыня, и устроились теперь хорошо?—проговорилъ онъ наконецъ.

— Еще бы! Вѣдь я давно здѣсь живу.

— Да-съ... оно кончено... Но вамъ, сударыня, у насъ въ деревнѣ не такъ, чтобы очень весело было, особенно зимой?

— Мнѣ здѣсь очень нравится.

— Здѣсь хорошо-съ, слава Богу, особенпо нашему брату жизнь... можно Бола благодарить, всѣмъ довольны. Но вамъ-то, сударыня, въ столицѣ все жить поскладнѣе. Тамъ и разныя увеселенія такія есть, и общество благородное; ну и знакомство... Ужь все не то, что здѣсь.

— Я въ Петербургѣ жила почти также, какъ и здѣсь, ни куда не ходила и ко мнѣ мало кто ходилъ.

— Ну, все же кто нибудь и бывалъ, все не однѣ вы скучные вечера осенніе проводили... Было хоть съ кѣмъ нибудь слово перекинуть. А здѣсь съ кѣмъ вамъ компанію водить?... совершенно не съ кѣмъ. Вотъ хоть бы, родственникъ, что ли вамъ, тотъ молодой коммисаріатскій офицеръ, куда какой веселый, котораго я видѣлъ у васъ, когда отъ барина приходилъ съ гостинцами.

Глаза Настасьи Ѳедоровны блеснули и румянецъ ярче выступилъ на щекахъ ея.

— Конечно, съ родными весело; но съ родными вѣкъ

не жить,—отвѣтила она Никитѣ Ѳедоровичу.—Правду сказать, я не очень скучлива, особенно если есть дѣло. Только вотъ мое горе: у меня нѣтъ хорошей горничной.

— Степанида хорошая у васъ дѣвушка; она всегда и за барыней ходила.

— Можетъ быть, она и знаетъ что нибудь; но мнѣ угодить вовсе не старается; всѣ мои волосы перепортила, никогда порядочно головы мнѣ не уберетъ: такая взбалмошная, что изъ рукъ вонъ.

— Барыня была всегда ею довольна; не знаю, можетъ послѣ ее она поизбаловалась.

— Очень не мудрено: дѣвка молодая, замужъ хочется... Впрочемъ, я ее держать долго у себя не буду, найду другую, немного пріучу, а Степаниду съ Богомъ и замужъ.

— Развѣ ужь за кого нибудь изъ дворовыхъ, а за крестьянина ей идти не рука; она совсѣмъ отвыкла отъ крестьянской работы.

— Ну, дворовыхъ-то тоже распложать не велика выгода. Женатый дворовый всегда ужь будетъ стараться стащить что нибудь у барина: иначе чѣмъ ему семью свою кормить и одѣвать.

— У насъ, по милости барина, всѣмъ всего довольно.

— Оно такъ. Но зачѣмъ же распложать дармоѣдовъ; я всегда противъ этого.

— Даромъ хлѣбъ у насъ никто не ѣстъ во дворѣ. Женщины во дворѣ нужны: и на скотный дворъ, и въ прачки; а ребятишки, мало мальски подростутъ—такъ пойдутъ на посылки и на разную работу.

— Ну ужь отъ замужней женщины не много дѣла: то беременна, то маленькія дѣти. Какая тутъ работа? Конечно, безъ женщины во дворѣ нельзя обойтись.

— Совершенно невозможно.

— Для этого можно взять вдову или пожилую сироту, дѣвушку, а такихъ у насъ въ вотчинѣ не мало.

— Ваше замѣчаніе справедливо; но расторопныхъ и смышленыхъ вы, сударыня, здѣсь, въ вотчинѣ, не найдете. Можетъ со стороны откуда?

— А вотъ я поговорю съ Павломъ Ивановичемъ, онъ

всѣхъ въ вотчинѣ на-перечотъ знаетъ и мнѣ сыщетъ еще двухъ-трехъ дѣвушекъ для прислуги; одной Степанидѣ не успѣть.

— Совершенно справедливо. Потому можетъ быть, Степанида и угодить не можетъ вамъ, что одна; а вотъ какъ дадите ей еще двухъ помошницъ, такъ я увѣренъ, что вы ею останетесь довольны,

— Не думаю... А есть, Никита Ѳедодоровичъ, въ погребѣ у васъ шампанское?

— Есть, должно быть, немного.

— Пришлите ко мнѣ бутылки три; у меня желудокъ разстроенъ, такъ докторъ совѣтовалъ его пить понемногу на тощакъ.

— Оно-бы для чего не отпустить... отвѣчалъ съ разстановкой Никита Ѳедоровъ,—только то, что теперь всего-то дюжина осталась; безъ барскаго приказа опасно это сдѣлать. Вотъ какъ пріѣдутъ они, я доложу-съ.

— Въ такомъ случаѣ совсѣмъ не надобно его, отвѣтила сквозь зубы Настасья Ѳедоровна.

Чай былъ конченъ; гость всталъ, раскланялся и ушолъ. Настасья Ѳедоровна кликнула Степаниду и приказала ей убирать со стола, а сама сѣла къ рабочему столику и задумалась. У ногъ ея смирно улегся жучка.

Настасья Ѳедоровна была дочь кучера Ѳедора Минкина, ее выдали замужъ за горькаго пьяницу, садовника Андрея, жившаго въ Петербургѣ у своего господина. Въ первые годы замужства Настасьи, познакомился съ нею тотъ помѣщикъ, у котораго она была экономкою въ настоящее время. Помѣщикъ выкупилъ на волю всю семью и взялъ къ себѣ Настасью экономкою. Мужъ ея съ радости, что сдѣлался вольнымъ, опился; такимъ образомъ Настасья стала совершенно свободною и зажила припѣваючи, но не долго. Помѣщика выкупившаго Настасью женили. Настасья была отпущена съ довольно значительною суммою денегъ, и, конечно, могла бы составить себѣ очень выгодную партію; но она не теряла надежды снова сдѣлаться экономкою у своего благодѣтеля. Надежды ея сбылись. Года два благодѣтель пожилъ съ своею женою и разошолся совсѣмъ.

Лѣгко можетъ быть, что это сдѣлалось не безъ тайнаго участія Настасьи, которую не забывалъ въ это время ея благодѣтель. И вотъ она призвана къ прежней должности въ имѣніе своего благодѣтеля, наученная собственнымъ опытомъ, что въ ея положеніи надобно быть очень осмотрительною, чтобы снова не лишиться своего мѣста, тѣмъ болѣе, что ея благодѣтель былъ козлиной натуры. Жены благодѣтеля своего она не опасалась; она знала, что эта женщина, твердаго и благороднаго характера, никогда не согласится возвратиться къ мужу, не разъ ее жестоко оскорбившему; но она опасалась новыхъ сонерницъ, въ которыхъ не было недостатка. Въ своей вотчинѣ она придумала такъ дѣлать: дѣвушекъ мало-мальски красивыхъ и смѣтливыхъ держать при себѣ въ должности горничныхъ, чтобы удобнѣе было наблюдать за ними, стараться, какъ можно скорѣе, лишить красоты и сбыть ихъ подальше отъ глазъ благодѣтеля. Потому свои ее не такъ безпокоили; но стороннія крѣпко ее смущали. Благодѣтель не постоянно жилъ въсвоей усадьбѣ, онъ разъѣзжалъ по всей Россіи и по-долгу жилъ въ Петербургѣ. Надо было наблюдать за нимъ и разрушать вновь возникающія знакомства. Какъ же было ей устроить это, когда она сама жила въ усадьбѣ и не могла вездѣ слѣдовать за своимъ благодѣтелемъ? Постороннимъ людямъ, окружающимъ благодѣля, ввѣриться ей было невозможно; надобно было отдаться имъ въ руки и совершенно быть отъ нихъ зависимой; кромѣ того, окружающіе благодѣтеля были ненадежные люди, все предатели, готовые и его самаго продать, если представится удобный случай; а фаворитку они не очень жаловали, естественно по зависти, что она пользовалась бо́льшимъ предъ ними предпочтеніемъ. Къ благодѣтелю своему Настасья, разумѣется, не чувствовала никакой искренней привязанности: сердце ея давно было отдано одному молодому коммисаріатскому чиновнику, выдаваемому ею за близкаго родственника, про котораго говорилъ ей Никита Ѳедоровичъ за чаемъ. Положеніе Настасьи въ настоящее время было очень затруднительно. Она вернулась въ домъ благодѣтеля послѣ двухлѣтняго отсутствія; лица, окружающія

его, были почти всѣ новыя, которыхъ она мало или вовсе не знала. Ей надобно было или привлечь ихъ на свою сторону, по просту прибрать къ своимъ рукамъ, или совсѣмъ сбыть съ рукъ, что́ сдѣлать было трудно. Благодѣтель былъ крутой человѣкъ, не любилъ, чтобы его водили за носъ, характера же былъ бѣшенаго и жестокаго. Малѣйшая неосторожность или ловкая интрига со стороны окружающихъ благодѣтеля могли погубить ее.

—

Утромъ, часовъ въ пять, Степанида осторожно будила свою барыню.

— Что нужно тебѣ?—сердито проговорила Настасья.

— Баринъ какой-то желаетъ васъ видѣть.

— Кто?

— Офицеръ пріѣзжій.

— Дура!

Степанида замолчала.

— Ты что стоишь болваномъ? Кто тамъ такой? Говори!

— Пріѣзжій офицеръ.

— Вотъ животное-то! погоди, я съ тобой разберусь. Ты будешь толкомъ мнѣ докладывать.

— Да я его спрашивала,—заговорила сквозь слезы дѣвушка,—какъ доложить объ васъ, а онъ только и сказалъ—пріѣзжій офицеръ.

— Еще разсуждать вздумала,—вскрикнула, топнувъ ногой Настасья.—Давай одѣваться.

Настасья одѣлась и вышла въ свою гостиную. Каково же было ея удивленіе, когда она тамъ нашла своего милаго коммисаріатскаго чиновника.

— Нанси, проговорилъ тотъ тихо и протянулъ къ ней руки.

Жанъ!.. вскрикнула было Настасья и хотѣла броситься къ нему на шею, но опомнилась и, приложивъ палецъ къ губамъ, поглядѣла на окно.

— Какими судьбами вы попали къ намъ, Иванъ Иванычъ?—заговорила Настасья громко, офиціальнымъ тономъ.—Очень рада васъ видѣть, прошу садиться. На-

стасья сѣла на кресло лицомъ къ окну и подлѣ себя указала мѣсто гостю.

— Нанси! милая Нанси! заговорилъ шопотомъ Иванъ Иванычъ, садясь возлѣ Настасьи.

— Да не шепчи ты, ради Бога! Тамъ все слышно,— при этомъ словѣ она указала на сосѣднюю комнату.

— Чѣмъ васъ подчивать, Иванъ Иванычъ, дорогой мой братецъ, сказала громко Настасья и ушла въ другую комнату.

— Какой ты сумасшедшій! говорила Настасья, покачивая головою, когда вернулась.—Ты погубишь и себя, и меня. Можно ли быть такимъ опрометчивымъ!

— Ахъ, Нанси, какъ ты безжалостна! Я умиралъ безъ тебя... Я хотѣлъ тебя видѣть, во что̀ бы то ни стало, хотя бы мнѣ за это пришлось поплатиться жизнью... А ты съ упреками встрѣчаешь меня! Онъ хотѣлъ поцѣловать ея руку.

— Боже мой! какая неосторожность! Въ окно все видно... ты нисколько неостерегаешься.

— Ты меня больше не любишь!—сказалъ съ отчаяніемъ Жанъ и откинулся на спинку креселъ.

— Ахъ, какой ты, право! Ты не знаешь, что я здѣсь окружена шпіонами; каждое мое слово, каждое мое движеніе извѣстно ему. А ты еще сюда пріѣхалъ!..

— Ты не рада мнѣ!

— Жанъ! Жанъ! Я еще вчера о тебѣ плакала! Ты знаешь, какъ здѣсь мнѣ безъ тебя скучно.

— Милая моя Нанси! сказалъ ласково Жанъ.

— Поговоримъ лучше о дѣлѣ; дѣвушка сейчасъ вернется съ кофеемъ и тогда намъ невозможно будетъ говориять; я нарочно ее услала, чтобы она не подслушала насъ.

— Ужели я ни одной минуты не могу побыть съ тобою на единѣ?—съ отчаяніемъ спросилъ Жанъ.

— Да, теперь это невозможно. Дай мнѣ здѣсь устроиться, тогда мы съ тобою будемъ часто видѣться. Да раскажи мнѣ, гдѣ ты бываешь, что ты дѣлаешь?

— Гдѣ мнѣ бывать? Я умиралъ отъ тоски по тебѣ. Посмотри какъ я похудѣлъ.

Жанъ безсовѣстно лгалъ въ этомъ случаѣ; онъ былъ здоровъ какъ быкъ.

— Бѣдненькій,—говорила, лаская взоромъ его, Настасья.—Какъ ты сюда пріѣхалъ?

— Я нарочно выпросилъ себѣ командировку въ Тихвинъ, чтобы заѣхать сюда. Дня черезъ три я опять поѣду назадъ и тоже заѣду.

— Нѣтъ, этого не дѣлай, милый Жанъ. Лучше ты вернись другой дорогой, а черезъ наше имѣніе не ѣзди. Боже избави, если онъ что нибудь узнаетъ и догадается. Ты погибнешь непремѣнно!

— Для меня теперь все равно!—сказалъ, махнувъ рукою, Жанъ.

— Не отчаявайся, милый Жанъ; для насъ еще не погибло счастье. Мы будемъ счастливы,—наше счастье впереди!

— Нѣтъ, мое счастье погибло. Безъ тебя мнѣ нѣтъ счастья на землѣ!

— Не отчаявайся, милый Жанъ; я скоро къ тебѣ пріѣду. Я даже на этихъ дняхъ хотѣла ѣхать къ тебѣ,— такъ я соскучилась... Въ это время дверь скрипнула въ сѣняхъ и Настасья замолчала.

Горничная вошла въ комнату, подала кофе и скрылась. Вертовскій напился кофе и уѣхалъ.

—

Степанида бѣжала черезъ дворъ; изъ за угла вышелъ къ ней на встрѣчу Никита Өедоровичъ.

— Здравствуй, Стеша, каково поживаешь?—говорилъ Никита Өедоровичъ.

— Плохо! Толчки да пинки на каждомъ часѣ достаются.

— Потерпи, милая, немного!

— А послѣ что? Куда отъ ней сбудешь, развѣ въ воду?

— Эхъ, горемыка! Потерпи, говорю; перемелется, все мука будетъ.

— Да и теперь она меня словно въ ступѣ толчетъ.

— Потерпи, говорю тебѣ, слюбитса самой. Кто это у ней былъ?

— Офицеръ какой-то.

— Какъ его зовутъ.

— А Богъ его знаетъ.

— Да какъ-же ты о немъ докладывала?

— Охъ! ужъ эти мнѣ доклады!..

— Какъ онъ тебѣ сказалъ-то?

— Душенька, милая, доложи Настасьѣ Өедоровнѣ, что проѣзжій офицеръ желаетъ ее видѣть. Вотъ я и пошла къ ней.

— Ну, что же она?

— Я разбудила. Она встала злая, презлая,

— Вышла къ нему....?

— Да, вышла къ нему, да какъ закричитъ что-то не порусски.

— А онъ?

— Онъ тоже ей что-то тихо отвѣтилъ,—а потомъ они и начали, какъ быть должно, разговаривать.

— Какъ же она его называла?

— Иваномъ Иванычемъ—братцемъ.

— О чемъ же они говорили?

— О чемъ обыкновенно люди говорятъ. Спрашивала про здоровье, угощала.

— А больше ни очемъ не говорили?

— Ни о чемъ.

— Осторожны проклятые!

— А вы ихъ знаете?

— Гдѣ ихъ знать.... да мнѣ до нихъ и дѣла нѣтъ. А ты куда?

— За рыбой на погребъ. Сегодня середа, такъ постный обѣдъ заказала.

— Вишь тоже и она посты наблюдаетъ.

— Прощайте, Никита Өедоровичъ! Мнѣ недосугъ,

— Прощай, прощай, кралечка моя, сказалъ Никита Ѳедоровичъ и снова потрепалъ по щекѣ Степаниду.

II.

— Анютка!—крикнула сиплымъ голосомъ съ печи старуха и, кряхтя, поворотилась на другой бокъ.

— Чего, бабушка,—отвѣтила дѣвушка лѣтъ шестнадцати, сидѣвшая на лавкѣ за прялкой.

— Полно тебѣ прясть-то, скоро пѣтухи запоютъ. Идика, добро, спать ко мнѣ на печь.

— Ато ты, бабушка, не давно ссумерилось да и спать. Ночь еще велика, высплюсь.

— Выспишься.... просидишь ночь напролетъ, а утромъ не добудиться, Только лучину палить.

Въ это время заплакалъ въ люлькѣ ребенокъ.

— Качни-ка Ѳедьку, Анютка; а не то разбуди мать; пусть покормитъ его. Да ложись спать-то, полуночница неугомонная,—говорила старуха, которой не спалось самой и хотѣлось поговорить.

Анюка встала, подошла къ матери, поглядѣла на нее, мать крѣпко спала, Анюка пожалѣла и не разбудила. Она сама поближе подвинула къ люлкѣ скамью, сѣла, подцѣпила къ ногѣ веревку, привязанную къ люлькѣ и снова стала прясть, покачивая ногою люльку. По временамъ она наклонялась къ кудели и помачивала ее слюнями. Веретено пѣло, быстро вращаемое правою рукою Анны, которую она далеко отмахивала отъ себя, вытягивая тонкую и ровную нитку.

— Статочное ли дѣло—дѣвкѣ сидѣть одной за прялкой?—забормотала снова старуха. Поневолѣ сонъ одолѣетъ и рука-то не такъ ходитъ, какъ надобно. То ли дѣло, бывало, въ наше время на посѣдкѣ!

— Отъ чего же, бабушка, теперь посѣдокъ нѣтъ,—спросила дѣвушка, оставивши прясть и поворотившись къ печи.

— Да, вишь, баринъ-то не приказываетъ.

— Да отчего онъ не приказываетъ?

— Богъ его вѣдаетъ. Спрашивать что ли его станешь? Не приказываетъ, да и только;

— А весело, бабушка, бывало на посѣдкахъ?—спросила дѣвушка, снова принимаясь прясть.

— Еще-бы те. Соберется, бывало, съ деревни дѣвокъ пятнадцать. Марѳа старшинова, Пелагея Волочугина, Дарья Воронина. Куда онѣ всѣ подѣвались? Марфа осталась только жива,—и та на—силу бродитъ... Давно ли, кажется, все это было, а ужъ всѣ примерли. Господи Боже мой! Какой народъ-то сталъ не долговѣчный!:.. И чего тогда не было!... Все больше у Вороны собирались: онъ бѣднѣе всѣхъ былъ въ деревнѣ; богатый мужикъ небось не пуститъ къ себѣ.

— Да для чежъ не пустить?

— Ну, вѣстимо дѣло—безпокойно. Пѣсни, шумъ... мало ли чего бываетъ? Попы на духу бранятъ, петимье накладываютъ.

— Да развѣ грѣхъ на посѣдки ходить, бабушка?—спросила внучка, съ любопытствомъ.

— Грѣхъ, не грѣхъ, да и не спасенье. Соберется народу много,—все молодые, всячины бываетъ. Воронѣ то мы платили за зиму по гривнѣ, да свои дрова носили и лучину. Избушка у Вороны была ледащая, такъ вѣтеръ бывало въ щели и свищетъ. Парни наѣдутъ съ Притони, Любуни, съ Огорева, ну и наши толкутся тутъ же; накупятъ баранковъ, орѣховъ пряничныхъ и угощаютъ. Сначала сидимъ смирно; а какъ станутъ парни къ свѣтцамъ подвигаться, держи ухо востро! Разомъ озорники затушатъ лучину. Пока дуютъ огонь, попадешься въ руки другому, такъ намнетъ... А какъ пойдетъ дѣло за полночь, иная и сдремлетъ. Марфушка зла была спать, такъ и суется носомъ за прялкой. Какой-нибудь озарникъ подсунетъ подъ куделину то огня,—такъ и засопитъ куделя, ажно пламя ударитъ въ потолокъ;

— Дѣвушка засмѣялась.

— Чего тебѣ любо, глупая? не до смѣха, какъ куделину сожгутъ; отъ матери тумаковъ не мало достанется да и отъ дѣвокъ прохода нѣтъ, засмѣютъ, хотя носа не

показывай изъ избы. Другой парень выхватитъ изъ рукъ веретено, да пополамъ его и переломитъ; сватать, значитъ, задумалъ.

— Кого?—спросила дѣвушка.

— Извѣстно, чье веретено переломитъ,—отвѣчала старуха.

— Доставалось мнѣ за эти веретена..... Многонько ихъ было поломано....

Дѣвушка лукаво улыбнулась.

— Спать то ложись, полунощница, проговорила старуха и, охая, повернулась на другой бокъ.

Лучина ярко пылала и освѣщала красивое лицо дѣвушки. Волосы ея, темнокаштановаго цвѣта, очень близкаго къ черному, были густы, длинны и съ лоскомъ. Лицо было бѣло, чисто и нѣжно, формы его были тонки и пріятны. Чорные, выразительные, большіе глаза были оттенены длинными, густыми рѣсницами; надъ глазами красовались брови чорною дугою, какъ будто нарисованныя. Но одѣта она была въ толстой холщовой рубахѣ и синемъ крашенинномъ сарафанѣ, и босая.

Какимъ то страннымъ явленіемъ казалось это милое личико въ крестьянской избѣ—низкой, черной и душной, только въ двѣ квадратныхъ сажени. Треть этой избы занимала неуклюжая печь, вдоль двухъ стѣнъ передней и боковой тянулись лавки, у задней стѣны, гдѣ дверь, былъ прирубленъ изъ бревенъ не высокій сундукъ, служащій ходомъ въ подполье и кроватью отцу и матери Аннушки. Два маленькихъ окна только съ одпѣми лѣтними рамами очень мало давали свѣта; они еще были покрыты льдомъ и инеемъ чуть не на вершокъ, съ нихъ текла вода и распространяла сырость по всей избѣ. Посрединѣ потолка на шестѣ, продѣтомъ въ кольцо висѣла люлька.

На дворѣ наконецъ пропѣлъ пѣтухъ, а за нимъ и по всей деревнѣ стали перекликаться полуночные крикуны. Старуха все еще ворчала, брюзжала и укладывала спать внучку. Наконецъ Аннушка, одолѣваемая сномъ, или неволимая брюзгою старухи, положила прялку на лавку, загасила лучину и пошла на печь къ своей бабушкѣ. Ти-

шина водворилась въ избѣ, но не надолго. Заплакалъ ребенокъ, проснулась мать, вздула огня, покормила ребенка, умылась, усердно помолилась Богу и, принесши дровъ, затопила печь. За нею всталъ хозяинъ, также умылся, помолился Богу, поѣлъ, одѣлся, засунулъ за кушакъ топоръ, перекрестился и надѣлъ шапку.

— Ты куда поѣдешь-то, на Красные Мхи, что ли?— спросила его съ печи старуха.

— На Красные Мхи,—отвѣтилъ хозяинъ.

— Чай, до сумерокъ пробудешь?

— Только бы къ этой порѣ вернуться,—сказалъ хозяинъ и пошолъ къ двери.

— Хлѣба-то взялъ ли съ собой? крикнула вслѣдъ ему старуха. Но онъ не слыхалъ ея.

Кряхтя и охая, слѣзла сторуха съ печи, подошла къ окошку и посмотрѣла на улицу.

— Какъ-то ѣхать-то батюшки? темь какая,—сказала она.

— Ато ты, на улицѣ свѣтель такая, хоть шей, вишь стекла-то затянуло морозомъ,—отвѣтила хозяйка.—Сядька ты съ Ѳедюшкой, а я пойду коровъ прибирать.

Охо, хо, хо, о, о, о... зѣвала старуха, сидя у люльки—Что-то тамъ у ней въ печи?—сказала она, заглядывая въ печь;—ну, да это никакъ вода кипитъ, ничего что и сплыветъ. Молчи, неугомонный,—говорила она, качая люльку, когда ребенокъ плакалъ.

Между тѣмъ въ деревнѣ, состоящей дворовъ изъ двадцати и расположенной близь лѣса, на берегу маленькой рѣчки Танцы, всѣ встали; дымъ столбомъ валилъ изъ трубъ и, скопляясь въ одно мѣсто, образовалъ густое облако, нависшее надъ деревнею. Изрѣдка бабы съ ведрами на плечахъ, въ однихъ сарафанахъ, перебѣгали черезъ улицу къ колодцу,—который былъ посрединѣ деревни,— за водою. Разсвѣло. Начали перебѣгать бабы изъ избы въ избу. Ребятишки вылѣзали со дворовъ съ дровеньками, собирались въ кучи, кричали и дрались.

Въ Петрову избу вошла молодая баба, въ полушубкѣ, накинутомъ на плечи.

— Здорово, Пахомовна!—сказала она, помолясь Богу и кланяясь старухѣ.

— Здорово, Ганюшка, можешь ли?—отвѣчала ей та.

— Да ни что,—отвѣчала Агафья, оглядывая избу.—А гдѣ жъ Авдотья?

— Вышла, сейчасъ придетъ.

Агафье заглянула въ печь.—Да никакъ у васъ и печка стопилась?—заговорила она на распѣвъ.—Анютка то еще спитъ?

— А ну ее,—сказала старуха, махнувъ рукой.—Ужь такая-то злая прясть, всю ночь на пролетъ просидѣла. Легла спать, какъ ужь мать печь затопила.

— Вишь ты!

Вошла хозяйка.

— Здравстуй, Авдотья,—сказала Агафья.

— Здорово!—отвѣтила хозяйка.

— А у насъ-то горе какое, Авдотьюшка!

— Что случилось?—спросили въ одинъ голосъ хозяйка и старуха.

— И не говори. Коего дня мой-то поѣхалъ за лучиной, да и сруби дерево не тамъ, гдѣ приказано. Сегодня утромъ пришолъ къ намъ старшина и говорилъ, что приказываетъ баринъ тебя къ себѣ на село. У моего хозяина и руки опустились. Что-то будетъ?

— Ну, что будетъ? Побранитъ да и отпуститъ;—замѣтила старуха.

— Эхъ, кабы такъ-то, такъ ничто. Боюсь, палками поколотятъ.

— Эво ты! За дерево-то?—возразила старуха.

— А что ты думаешь? сказала Авдотья:—Митьку Морозова за дубокъ, что вырубилъ на вязья къ дровнямъ. такъ отдули, ажно недѣлю въ лазаретѣ лежалъ.

— А моего Ивана и подавно; пожалуй, и безъ вины выхлещутъ: человѣкъ онъ смирный,—заголосила Агафья, разводя руками.

— Не диковина!—подхватила Авдотья. Головиха не Ивану чета и та не спаслась.

— Неужто и ее побилъ баринъ?—спросила Агафья.

— Побить-то не побилъ, а настрамилъ на всю жизнь. Лѣтось, въ будни, сидитъ головиха у окна, сложивши руки, а баринъ-то идетъ;—вездѣ, вѣдь, день-то деньской шныритъ;—зашолъ онъ къ ней, Нѣтъ ли, говоритъ, у тебя чего закусить, мнѣ что-то поѣсть захотѣлось. А та ему и подай горячій рыбникъ, да сладкій пирогъ.

— Въ будни-то? съ удивленіемъ спросила старуха.

— Да, поди ты вотъ... Отщипнулъ баринъ по кусочку того и другаго.« Хорошо, говоритъ, ѣстъ голова, и я не каждый день такъ обѣдаю. А ты, говоритъ, для-че ничего не дѣлаешь?» спросилъ онъ головиху. «Дѣлать,—говоритъ,—сударь, нечего.» Онъ ей на то ничего не сказалъ, усмѣхнулся только и вышелъ. Приходитъ, опосля того, самъ-то голова: звѣрь—звѣремъ. Да какъ напустится на головиху—такъ съ кулаками къ носу и лѣзетъ.» Острамила ты, говоритъ, на всю вотчину. Статочное ли дѣло—ходить головихѣ ходить въ садъ на поденщину, какъ простой бабѣ? Неумѣла, стерва, дать слѣдующаго отвѣта графу, такъ и таскайся каждый день въ садъ по звонку съ метлой и лопатой. Меня то ты оконфузила передъ графомъ. Каково мнѣ было отъ его сіятельства все это выслушать?»

— Неужто?—перебила Агафья.

— Право-тка... взвыла бѣдная головиха... бросилась было къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ: она ея, вишь, воспитанница, да и та не помогла. Цѣлую недѣлю такъ и ходила въ садъ на работу. Было говору по-всей вотчинѣ, заключила Авдотья.

— Да ты что не сядешь?—сказала старуха Агафьѣ.

— Некогда! забѣжала къ вамъ про свое горе разсказать,—отвѣчала та, садясь, впрочемъ, на лавку.

Въ избу вошла другая баба.

— Здравствуйте,—сказала она, помолившись Богу.

— Можешь ли, Маланьюшка?—спросила старуха.

— Да ничто,—говорила пришедшая, стоя на срединѣ избы, сложивши руки крестомъ на груди.

— Садись,—сказала хозяйка.

— Чего садиться, у меня бурая корова перестала до-

итъ, словно оторвала. Ума не приложу, что съ ней сталося. Не знаешь ли, Пахомовна, чѣмъ пособить?

— Чѣмъ пособить?—проговорила старуха.—Извѣстное дѣло, домовой нашутилъ.

— Ато ты?

— Такъ что же больше? Случалось у меня это не разъ. Возьмешь ложки или чашки, какъ отобѣдаютъ; перемоешь ключевой водой; потомъ круто насолишь ее, воду-то, и дашь выпить коровѣ, да подъ матицу вересину въ хлѣвѣ воткнешь;—какъ рукой сниметъ.

— Вотъ оно что,—сказала Маланья и, отгоревавши свое горе, обратилась къ Агафьѣ.

— А что твоего мужика, говорятъ, во дворъ стребовали?—спросила она ее.

— Еще до свѣту со старшиной уѣхали,—отвѣтила, со вздохомъ, Агафья.—Что-то будетъ?

— Что будетъ? Стрѣбовали, такъ добра не жди.

— О-о-охти мнѣ!—простонала еще разъ Агафья и, наконецъ, простившись, ушла.

— Сама подвела мужика подъ палки, а теперь вонъ воетъ,—сказала Маланья.

— Неужь-то?—спросила Авдотья.

— Все брюзжала, что лучина худая, что онъ безпрокой, не можетъ хорошей лучины въ лѣсу добыть. Вотъ и добылъ хорошей лучины.

— А чего онъ слушаетъ ее?—спросила старуха.

— По неволѣ послушаешь, какъ собачится съ утра до ночи: надоѣстъ.

— Надоѣстъ?—замѣтила старуха.—Побилъ бы хорошенько, такъ и перестала бы.

— Гдѣ ему? смиреный такой, что и слова поперегъ не скажетъ.

— За то и бьютъ самаго,—сказала старуха.—Вотъ мой покойникъ, бывало: говори при немъ, да непроговаривайся; какъ разъ косу расправитъ.

— Та теперь пора, гляди!—перебила ее хозяйка: иву бабу то хозяинъ и пальцемъ не смѣетъ тронуть.

— А то ты?

— Еще наша деревня далече отъ села, и то... а что тамъ немного наговоришь: у кажинной заступникъ есть.

— Ой, согрѣшили, согрѣшили мы грѣшныя,—подтвердила и Маланья, а потомъ, постоявъ еще немного, покалякавъ кой о чемъ, поклонилась и ушла.

— Анютка!—кликнула Авдотья дочь.

— Нетронь ты ее. Пусть поспитъ; она всю ночь пряла,—замѣтила старуха.

— Что ты балуешь-то, отвѣтила Авдотья,—выспалась: пора вставать!

Анютка между тѣмъ соскочила съ печки, умылась и обернувшись старенькой шубенкой, вышла за ворота и встала, прижавшись къ углу дома.

Изъ калитки сосѣдняго дома выглянула дѣвушка, тоже закутанная шубой.

— Анютка!—кликнула дѣвушка.

— Чего,—отвѣтила Аннушка.

— Поди-ка сюда.

— Нѣтъ, ты поди.

— Да, поди.

— Не пойду.

— А я тебѣ что скажу.

— Что?

— Да, поди же.

— Не пойду,—упрямо сказала Аннушка.

Сосѣдка подошла къ Аннушкѣ.

— Аксютку просватали,—сказала сосѣдка.

— Знаю,—равнодушно отвѣтила Аннушка.

— Вчера вечеромъ образа цѣловали.

Аннушка молчала.

— Завтра повезутъ Аксютку къ барину.

— Зачѣмъ?

— Извѣстное дѣло, на показъ. Видишь къ нему возятъ показывать невѣсту съ женихомъ.

— Вотъ что!

— Сегодня я у ней была.

— Что же она?

— Рада. Женихъ такой хорошій-хорошій, изба новая,

хлѣба много и свекрови нѣтъ. Сегодня я была у нихъ; ручники разбирази, чтобы повѣсить ихъ на рукобитьи.

Въ это время подошолъ къ нимъ парень и обхватилъ ихъ руками.

— Отстань,—сердито сказала Аннушка, оттолкнувши парня.

— У! ты, вострoглазая!—прохрипѣлъ парень.

— Проваливай, куда идешь,—сказала Аннушка.

— Я тебя сватать пришлю,—сказалъ онъ, немного помолчавъ.

— Вонъ посватай прежде Аксютку Воронину,—со смѣхомъ отвѣтила Аннушка.

— Змѣя,—прошипѣлъ парень и пошолъ прочь.

Дѣвушки засмѣялись ему вслѣдъ. Парень повернулся и погрозилъ кулакомъ. Дѣвушки еще звонче засмѣялись. Парень вернулся къ нимъ, но онѣ убѣжали домой.

—

На дворѣ заскрипѣлъ снѣгъ подъ тяжелымъ возомъ. Хозяйка вздула огня и стала готовить мужу обѣдать. Чререзъ нѣсколько времени вошолъ хозяинъ въ домъ. Конны его волосъ и брови были въ снѣгу, а усы и борода такъ обмерзли, что на нихъ были сосульки. Онъ началъ ощипывать ледъ съ усовъ и бороды.

— Садись обѣдать-то,—сказала съ печи старуха,—шутка-ли, до которой поры проѣздилъ?

— Дай отогрѣться-то,отвѣтилъ хозяинъ.

— Хорошо бы выпить съ холоду тебѣ стаканчикъ вина,—сказала съ печи старуха.

— Хозяинъ облизнулся.

— Какое тамъ вино,—проговорилъ онъ сердито.—Наговори на свою голову.

— А кто тебя услышитъ? Печь что-ли?

— Нынче и печи бойся, и у той языкъ добудутъ.

— Ваньку-то Степкина на село сегодня стребовали, чѣмъ свѣтъ,—перемѣнила разговоръ старуха.

— Ну?—мыкнулъ хозяинъ.

— Приходила Агафья, такъ и заливается слезами. Боится что накажутъ.

— Кого?

— Извѣстно кого, Ваньку, не то дерево срубилъ въ лѣсу.

— За дѣло, не слушайся бабы.

— Баба ему въ лѣсу не указывала,—замѣтила хозяйка.

— Напрасно она въ лѣсъ его не провожала, хоть бы языкъ-то тамъ подморозила себѣ, брюзжавши.

— Маланья приходила, заговорила, немного помолчавъ старуха.

— Ну, мыкнулъ хозяинъ.

— Плачется, что бурая корова доить бросила.

Хозяинъ ничего не сказалъ на это.

— Видишь, попритчилось что то ей. Чѣмъ бы пособить спрашивала.

— Попритчилось..... вела бы ее на село, тамъ и лѣкаря есть.... съ злобой проговорилъ хозяинъ и ушелъ изъ избы.

— Чего онъ осерчалъ?—спросила старуха.

— Богъ его знаетъ,—отвѣтила хозяйка.

Хозяина звали Петромъ Лунемъ,—какъ за его несловоохотливость, такъ и за цвѣтъ его волосъ и бороды, походившихъ на ленъ. Онъ былъ мужикъ трудолюбивый, честный и добрый; но съ вида угрюмый и сердитый; онъ терпѣть не могъ бабьей болтовни, которою надоѣдала ему сильно мать старуха и за которую не мало доставалось отъ него и женѣ.

— Анютка кликнула опять съ печи старуха,—что ты сидишь молча, хоть бы пѣсню спѣла.

— Я не знаю, бабушка, пѣсенъ.

— Вотъ, дѣвка невѣста, а пѣсенъ пѣть не умѣешь; тебя эдакъ никто и замужъ не посватаетъ. Спой, не лѣнись!

— Пусть не сватаютъ.

— Ато-ты, сказала, круто повернувшись на печи, старуха, какъ будто кто кусилъ ее за больное мѣсто:—Да

ты, пожалуй, и при людяхъ такъ ляпешь—острамишь всю семью.

— Статочное ли дѣло, не знать пѣсенъ пѣть дѣвкѣ! заговорила старуха. Да ты все врешь; я, дѣвка, слышала какъ ты на качели-то пѣла. Голосъ-то у тебя звонкой такой!... Спой ка, спой, не лѣнись.

— Что те хочется, чтобы отецъ ее выбранилъ? замѣтила хозяйка.

— А развѣ онъ услышитъ?

— Да какъ домой придетъ.

— А куда онъ пошолъ?

— Кто его знаетъ? Можетъ и Ваньку навѣдать.

— А что, поѣдетъ онъ завтра въ лѣсъ? спросила, помолчавъ, старуха.

— Кто его знаетъ? спроси, какъ придетъ,—отвѣтила хозяйка.

— Спроси! какъ спросится? еще не уладишь спросить. Да ты что молчишь, Анютка, будто безъ языка.

— Да что я стану говорить?

— Что говорить? Вѣдь ходила сегодня за ворота. Кого тамъ видѣла?

— Пашутку.

— Ну что же говоритъ Пашутка?—живо спросила старуха.

— Аксютку Воронину просватали.

— Просватали!

— Завтра къ барину на смотръ повезутъ.

— Къ барину смотрѣть? Да на что ему смотрѣть?

— Такой порядокъ,—замѣтила хозяйка.

— Порядокъ,—сказала въ раздумьи старуха.—Этакъ и нашу Анютку повезутъ ему на смотрины, когда просватаемъ.

— До этого еще долго,—отвѣтила хозяйка.

— Что же, Аксютка плачетъ?

— Нѣтъ, рада-радехонька, отвѣтила Аннушка.

— Ну ужь ныньче и дѣвки!—сказала старуха,—просватали и не плачетъ.

— Да о чемъ ей плакать-то?—спросила Аннушка.

— Какъ о чемъ?—проговорила старуха и задумалась.— Хоть бы и не очемъ, а поплакать надо, коли просватали...

Вошолъ хозяинъ, сѣлъ на лавку и повѣсилъ голову.

— Ты у Ивана, что ли, былъ?—спросила старуха.

— Ты почему знаешь?

— Гдѣ же тебѣ больше быть. Что онъ?

— Что, лежитъ.

— Чтоже на селѣ насѣлѣ сказали ему?

— Талъ не любятъ много разговаривать. Отсчитали, что надо, и отпустили.

— Ты не ѣзди, пожалуйста, куда ужь заказано въ лѣсъ-то.

— А ли я безума, что ли?

— Да Иванъ-то не безъ ума, а видишь какъ опростоволосился.

— За дѣло,—сказалъ хозяинъ,—не слушай бабы.

— У васъ все бабы виноваты. Сами что ни сдѣлаютъ, а бабы виноваты,—вмѣшалась хозяйка.

— Ну, мыкнулъ хозяинъ.

III.

На террасѣ двухъ-этажнаго каменнаго дома, выходящей въ садъ, стоялъ красивый рослый лакей, лѣтъ двадцати, въ синемъ сюртукѣ, и перевесившись за чугунныя перила, поплевывалъ на снѣгъ. Изъ тогоже дома потихоньку выскользнулъ другой лакей, маленькій, худенькій и рыжій; подкравшись къ товарищу, онъ схватилъ съ него шапку и бросилъ въ снѣгъ. Первый очнулся, оставилъ свое занятіе и побѣжалъ въ садъ ловить убѣжавшаго отъ него товарища. Долго они бѣгали друъ за другомъ,—наконецъ, утомившись, вернулись на терассу и, отпыхавшись, глядѣли съ улыбкой другъ на друга.

— Ты, что, Пуптя, алырничаешь? сказалъ рыжій.

— А тебѣ что за дѣло?—отвѣтилъ красивый.

— Не хочешь ли за рѣку къ Садомскому въ гости.

— Не знаемъ, кому сперва придется.

Въ это время снова отворились двери дома и на террасу вышелъ Никита Өедоровичъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—спросилъ онъ, съ важностію, лакеевъ, снявшихъ передъ нимъ шапки.

— Да такъ-съ, Никита Өедоровичъ, провѣтриться вышли-съ,—отвѣчали въ голосъ оба.

— Провѣтриться,—а въ домѣ, поди, ничего не прибрано. Рады, что проводили барина.

— У меня все въ готовности, хоть бы сейчасъ ему пріѣхать,—отвѣтилъ рослый лакей.

— Не мы одни гуляемъ: вонъ и Стешка сейчасъ пробѣжала на скотный дворъ,—отвѣтилъ Ясняга.

— Баклуши-то вы здѣсь не бейте, а ступайте на дѣло,—сказалъ Никита Өедоровичъ и плавно пошолъ съ террасы къ скотному двору.

— Проваливай, проваливай дальше,—сказалъ Ясняга, когда Никита Өедоровичъ ушолъ такъ далеко, что не могъ слышать

— Ты плутъ Ясняга,—сказалъ съ лукавой улыбкой Пуптя.

— Эка штука, барскій камердинеръ! Смотри пожалуй, словно графъ выступаетъ,—сказалъ Ясняга.

— Что ни говори, а онъ все-таки камердинеръ.

— Эко диво, камердинеръ! Я самъ буду камердинеромъ.

— Быть бы тебѣ камердиперомъ, да рожей не вышелъ.

— Вотъ и барыня-то его идетъ, надобно ихъ стравить,—сказалъ Ясняга.

— Полно тебѣ,—возразилъ Пуптя.

Изъ за угла вышла женщина въ заячьей шубкѣ, обвязанная платкомъ. Она была худа и блѣдна, едва двигалась и постоянно кашляла.

— Здравствуйте, Палагея Павловпа,—сказалъ Ясняга кланяясь, вы не Никиту ли Өедоровича ищете? Онъ пошолъ на скотный дворъ дѣвокъ разгонять: Стешка туда ихъ собрала пѣсни пѣть.

— Полно змѣй!—сказалъ тихо Пуптя, дернувши за руку Ясиягу.

Женщина молча прошла мимо террасы и повернула къ ближайшему деревянному домику.

— Къ Настасьѣ пошла,—сказалъ Ясняга.

— Охота тебѣ ее тревожить! она и то еле дышетъ,—говорилъ Пуптя.

— Живуча, небось. Раза по три въ день ее Никита колотитъ, только звонъ идетъ, а она все живетъ.

— Да тебѣ-то что за радость, коли она умретъ?

— Свадебъ больше будетъ: Никита на Стешкѣ бы женился, а ты на Анюткѣ.

— На какой Анюткѣ? тревожно спросилъ Пуптя.

— Чего ты всполошился? Вишь замигалъ, какъ словно сорина въ глазъ попала. На Луневой. Что, отпираться станешь?

— Чего ты не выдумаешь!

— Дѣвка важная. Счастье ея только, что баринъ не видалъ. Лунь плутъ! прячетъ все ее.

Пуптя задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Что тебя словно лихорадка затрясла? спросилъ съ лукавой улыбкой Ясняга.

— Озябнулъ, сколько времени стоимъ, хоть съ кровель и каплетъ, а все же не лѣто,—отвѣтилъ Пуптя.

— Сходи за рѣку къ Садомскому: отогрѣетъ.

Прошла мимо ихъ женщина въ черномъ салопѣ и въ черномъ капорѣ.

Лакеи выпрямились и почтительно поклонились. Она взглянула на нихъ и кивнула головой.

— Смотри, Какъ Настасья-то умильно на тебя взглянула,—сказалъ Ясняга, когда скрылась Настасья,—чего зѣваешь?

— Ну тебя!—махнувъ рукою, сказалъ Пуптя и ушолъ въ домъ.

Ясняга сошолъ съ терассы и пошолъ скорыми шагами за Настасьей. Догнавъ ее, онъ пошолъ тише позади ея.

— Ты куда идешь? спросила, огзянувшись, Настасья.

— Да такъ-съ, никуда, отвѣтилъ, снявъ шапку, Ясняга.

— Промышляешь гдѣ бы выпить?

— Эхъ сударыня, Настасья Өедоровна! Было бы на что еще, да и за деньги ныньче не достать винца.

— Разсказывай! Кто другой, а ты найдешь.

— Да гдѣ же найти? Сами знаете, сударыня. Никита Өедоровичъ, Господь съ нимъ, сталъ не на что похожъ; ужь такой суровый, что всѣмъ только и знаетъ—грозить.

Настасья остановилась у своего дома.

— Хочется тебѣ выпить?—спросила она Яснягу.

— Желательно, сударыня, Настасья Өедоровна. Цѣлый мѣсяцъ языка не помазалъ.

— Онъ и безъ того у тебя ловко вертится. Поди ко мнѣ, я, такъ и быть, промочу тебѣ горло, сказала Настасья, входя въ домъ.

— По гробъ мой буду служить вѣрой и правдой вашей милости,—говорилъ Ясняга, пробираясь по—зади Настасьи, какъ кошка.

—Услуга на дѣлѣ, а не на словахъ,—замѣтила Настасья, входя въ комнату.

—На!—сказала Настасья,—ни одной дѣвки нѣтъ дома, некому и салопъ принять.

Ясняга ловко принялъ салопъ и повѣсилъ его на гвоздь.

— Да ихъ никакъ Никита Өедоровичъ собралъ на скотномъ дворѣ за чѣмъ-то. Стешка бѣжала туда, я видѣлъ, а за ней слѣдомъ и Никита Өедоровичъ пошолъ,—сказалъ Ясняга.

Легкая улыбка досады мелькнула на губахъ Настасьи.

— Дѣлать нечего, обѣщала, такъ сама ужь поднесу,— сказала она и вышла въ другую комнату. Она скоро вернулась съ порядочнымъ стаканомъ водки.—Закусить нечего дать, дѣвокъ нѣтъ дома.

— Ничего-съ, я и языкомъ закушу.

— Не мѣшало-бы его убавить, онъ у тебя длиненъ. Только всего не съѣшь, можетъ пригодиться.

— Кому нуженъ мой языкъ, сударыня?

— Не людямъ, такъ себѣ.

— Для меня онъ злѣйшій врагъ.

— Ну, нѣтъ на свою голову ты что-то мало болтаешь.

— На все, пожалуй, наговоришь. Вотъ хоть-бы и вчера, проводивши барина.

— Что вчера?

— Не могу сказывать-съ. Зарокъ далъ. Больно ужъ неприличныя рѣчи.

— Вѣрно другой стаканчикъ захотѣлъ выпить, что-то очень ужъ скромничаешь... Скажешь, такъ поднесу.

— Нѣтъ-съ, не отъ того, а что единственно собачій лай лаемъ и будетъ; невсегда тоже собака лаетъ по дѣлу.

— Говори, какъ надо: я въ загадки не люблю играть.

— Изволите видѣть, неприличное слово для вашей милости сказано было, такъ оно и неловко какъ-то-съ.

— Что? перебила Настасья и глаза ея загорѣлись...

— Дѣло-то пустое, да не слѣдовало бы говорить тому, кто снисканъ вашими милостями: хоть бы тотъ же Никита Ѳедоровичъ. Проводивши барина, идемъ мы съ нимъ, я и Пухтя. Пухтя-то и говоритъ: «проводили одного чорта, съ позволенія сказать, со двора, да кабы и другого спровадить, хоть бы вздохнули свободно.» А Никита-то Ѳедоровичъ и говоритъ, этакъ сквозь зубы: «не долго и ей поцарствовать; какъ блинъ со сковороды слѣзетъ скоро, я знаю...» да и спохватился. «Смотрите вы, сказалъ онъ, оборотясь къ намъ, держите языкъ-то покороче, а не-то угодите къ Садомскому.»

Настасья поблѣднѣла, глаза ея загорѣлись, какъ свѣчи.

— Что онъ знаетъ?—спросила она.

— Богъ его знаетъ, что онъ знаетъ такое.

— Врешь, ты знаешь?

— Матушка, государыня, Настасья Ѳедоровна! Убей меня Богъ, если знаю!

Послышались чьи-то тяжолые шаги на лѣстницѣ. Еняга прижался къ самому косяку двери и скорчилъ подобострастную рожу. Настасья начала прохаживаться по комнатѣ.

Потихоньку отворились двери, вошолъ мужикъ въ синей сибиркѣ, на чорной мерлушкѣ. Перекрестившись на

образъ, онъ низко поклонился Настасьѣ, проговоривъ на распѣвъ!—здравствуйте, сударыня, Настасья Өедоровна!

Пока входилъ мужикъ, Ясняга такъ ловко выскользнулъ въ двери, что тотъ и не замѣтилъ, кто былъ у Настасьи.

— Здравствуйте, Павелъ Ивановичъ! прошу покорно садиться,—сказала Настасья.

— Покорнѣйше благодаримъ! Все сидѣли.

— Да садитесь, пожалуйста!

Гость сѣлъ, расправляя правою рукою свои большіе русые усы и окладистую бороду. Это былъ вотчинный голова имѣнія. Онъ былъ высокаго роста, толстый и красивый собой.

— Чѣмъ бы васъ попотчивать?—сказала Настасья и пошла въ другую комнату.

—Напрасно изволите безпокоиться,-сказалъ ей вслѣдъ голова.

Когда ушла Настасья, голова всталъ со стула, заглянулъ въ другую комнату, потомъ подошолъ къ зеркалу, посмотрѣлся, погладилъ бороду и сѣлъ на прежнее мѣсто.

Вошла Настасья съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ были поставлены бутылка винограднаго вина и двѣ рюмки.

Да, что это вы, Настасья Өедоровна, сударыня, такъ безпокоитесь сами-то? сказалъ голова, разводя руками.

— Что прикажете дѣлать? всѣ дѣвки разбѣжались, осталась одна.

— Ишь озорницы какія. Вы ужь больно милостливы къ нимъ.

— Что же дѣлать-то? Вѣдь имъ погулять хочется.

— Извѣстное дѣло, молодость.

— А ну ихъ,—сказала Настасья и стала наливать вино.—Прошу покорно.

— Нѣтъ, ужь сами изволите впередъ дорожку указать,—жеманно говорилъ голова.

Настасья выпила рюмку, за нею выпилъ голова и утеръ рукою усы свои.

— Что хорошенькаго скажете, Павелъ Ивановичъ?—спрашивала Настасья, усаживаясь на диванѣ.

— Чему быть хорошему? Все хлопоты.

— Кому жить безъ хлопотъ,—замѣтила Настасья.

— Особенно топерече, продолжалъ голова: все, что дѣлалъ кажинный крестьянинъ годъ годенскій, все, что есть у кажиннаго имущества до нитки,—обо всемъ нужно предоставить его сіятельству.

— А что, свадебъ много еще будетъ?—перебила вдругъ Настасья.

— Да надо быть десяткамъ двумъ.

— Не найдется ли у васъ хорошаго жениха Стешкѣ? Дѣвка на порѣ, смазливая; того и гляди во дворѣ избалуется.

Голова задумался.

— Что же? Неужели и жениховъ у васъ не стало?—спросила Настасья.

— Какъ не быть? Да только не сталъ бы перечить одинъ человѣкъ.

— Кто смѣетъ перечить вамъ? Вы хозяинъ въ вотчинѣ.

— Плохой ужь, видно, хозяинъ, какъ всякъ указываетъ, кому и дѣла нѣтъ. Вотъ, хоть бы и Никита Ѳедоровичъ, приходилъ ономнясь ко мнѣ просить пятьдесятъ рублей въ займы. Гдѣ мнѣ взять столько денегъ? Отказалъ, а онъ началъ грозить. А и теперь, ежели, примѣрно, еще Стешку отдать замужъ, такъ это что такое будетъ?

— Ну этого вамъ бояться нечего, онъ ничего не посмѣетъ противъ васъ.

Голова задумался.

— А я и жениха знаю Степашкѣ, сказала, немного помолчавъ, Настасья.

— Какого же это, сударыня?

— Да Алешку Скрябина.

— Помилосердуйте, матушка, Настасья Ѳедоровна! Алешка парень смирный и вся семья степенная такая, а Стешка бѣдовая дѣвка: она сокрушитъ парня и всю семью.

— Чѣмъ же сокрушитъ? Стешка дѣвка проворная; посмотрите, какъ еще они хорошо заживутъ.

— Алешка, признаться сказать, уже и засваталъ у Омели,—замѣтилъ голова.

— Это не бѣда. Зачѣмъ безъ спроса сватать. Онъ вѣдь вамъ, кажется, сродни?

— Есть немного-съ.

— Я благословленною матерью пойду.

— Нельзя ли ужь покрайности,—заговорилъ вдругъ голова, вставая почтительно передъ Настасьей,—хошь отложить, пока я съѣзжу въ Питеръ. Въ Питеръ я ѣду-съ... Не угодно ли вамъ наказать, тамъ купить, что-ли чего для васъ.

— Деньгами-то я какъ-то поиздержалась,—отвѣчала съ раздумьемъ Настасья.—Развѣ не одолжите ли хоть вы сотенку мнѣ,—премного бы очень одолжили.

Отъ этихъ словъ у головы все лицо повело.

— Для васъ, извѣстно, хоть нѣтъ, да найдешь; только то, что теперь въ наличности-то совершенно не имѣю: за недоимщиковъ то же свои деньги внесъ, на свадьбу тамъ роденькину поизъянился... Не будетъ ли милость теперь половинку получить, а остальные послѣ.

— Послѣ-то у меня и свои будутъ!—перебила его съ усмѣшкой Настасья;—когда нѣтъ у васъ, такъ извините, что безпокоила.

Голова вздохнулъ.

— Только вотъ одна новенькая бумажка и осталась; для себя было берегъ,—проговорилъ онъ, вытаскивая изъза пазухи бумажникъ и подавая Настасьѣ сто—рублевую ассигнацію.

— Благодарю,—отвѣчала та жеманно, да ужь и шампанскаго, пожалуйста, привезите ящикъ; оно у насъ все вышло?—прибавила она такъ будтобы къ слову.

Голова на это ничего ужь и не отвѣчалъ.

— Какъ же-съ на счетъ Алешки-то прикажите?—спросилъ онъ.

— Да если онъ сосваталъ, такъ и въ самомъ дѣлѣ, что ему мѣшать. Стѣшкѣ и другаго можно найти жениха.

— Покорнѣйше благодаримъ за угощеніе,—сказалъ голова, раскланиваясь.

— Не хотите ли вы еще на дорожку?

— Покорнѣйше благодарю,—отвѣчалъ онъ замѣтно ужь печальнымъ голосомъ, и, поклонившись, ушолъ.

— Жидоморъ проклятый!—сказала ему въ слѣдъ На

стасья,—грабитъ вотчину, а ста цѣлковыхъ жалко! Благодари Бога, что ты еще мнѣ нуженъ на случай; а то бы и двухъ сотъ не взяла, а Стешку всунула бы тебѣ въ родню.

Между тѣмъ голова шолъ домой медлиннымъ шагомъ и плевался. «Тьфу ты пропасть какая! Экое анаѳемство»—повторялъ онъ тысячекратно. Къ нему подвернулся Ясняга.

— Здравствуйте, Павелъ Ивановичъ,—сказалъ тотъ, съ видимо-почтительнымъ тономъ.

— Здравствуй!—сказалъ голова, слегка приподнявъ фуражку.

— Гдѣ побывать изволили? У Настасьи Ѳедоровны, кажется.

— Да, было до нея дѣльцо.

— Небось невѣстъ ходили сватать; у нея дѣвушки славныя.

— Ну ихъ къ Богу, надоѣли мнѣ эти свадьбы!

— Что же такъ-съ?..

— То, что Стешку какую нибудь въ родню навязываютъ,—сказалъ съ досадой голова.

— Да за кого же это ее хотятъ выдать?

— За Алешку Скрябина.

— Какая она ему пара! Да и то сказать, выдать Стешку замужъ, надо обидѣть одного человѣка.

— Поди ты, охота людямъ досаждать.

— Такъ и дѣло поладили?

— Нѣтъ, насилу уговорилъ, чтобъ оставили.

— Добрѣйшій вы человѣкъ, Павелъ Ивановичъ! Помилуй васъ Господь,—сказалъ Ясняга, поклонился и пошолъ къ барскому дому.

Голова прибавилъ шагу. «Идти скорѣе домой,—а то отъ этихъ собакъ проходу нѣтъ», ворчалъ онъ самъ съ собою.

Ясняга пришолъ въ официантскую, тамъ были: буфетчикъ—Ѳедоръ Максимычъ, скрипачъ—Гаврило Прокофьичъ и Пухтя.

— Здраствуйте,—сказалъ онъ, поклонившись съ комической важностью.—Что Өедоръ Максимычъ, стишки, что-ли, читать изволите?

— Какіе стишки?—спросилъ буфетчикъ, смутившись.

— Да хоть бы тѣ, что ты къ милой сочинилъ.

Лакеи засмѣялись.

— Выдумывай больше,—сказалъ покраснѣвшій буфетчикъ.

— Нѣтъ, братъ, мнѣ такъ не выдумать, какъ ты. Полно, потѣшъ публику-то, прочитай.

— Отстань, пожалуйста,—сказалъ съ сердцемъ буфетчикъ,—я никакихъ стиховъ не знаю.

— Запирается еще. Ты думаешь, не видали, какъ ты въ гостинной утромъ сегодня стоялъ передъ патретомъ, приложивъ руку къ сердцу; а другую протянулъ, гдѣ предметъ-то живетъ, точно на театрѣ; и читаетъ... и читаетъ.

— Тьфу ты, рыжій чортъ,—сказалъ съ сердцемъ буфетчикъ.

— Вы думаете, онъ разсердился,—сказалъ Ясняга, обратившись къ товарищамъ.—Притворяется только сердитымъ; у него сердце жалостливое, по издохшей собакѣ, пожалуй, заплачетъ.

— А вотъ хоть бы ты сейчасъ издохъ, не заплачу,—сказалъ буфетчикъ.

Лакеи засмѣялись.

— Больно оскорбительно выражаетесь, Өедоръ Максимычъ, неприлично. Лучше стихи-то ваши прочитайте. Пухтя затвердитъ ихъ на память, да подъ часъ и скажетъ своей Аннушкѣ, можетъ, и смягчитъ ими жестокую,—сказалъ съ ироніей Ясняга.

— Что ты меня то трогаешь, что тебѣ отъ меня-то еще надо?—проговорилъ Пухтя и сдѣлалъ грозное движеніе къ Яснягѣ.

Тотъ бросился къ двери; но она въ ту минуту отворилась и Ясняга ударился о нее затылкомъ.

— Дверь-то безсловесная и та тебя бьетъ,—сказалъ съ злостью буфетчикъ.

Въ комнату вошолъ камердинеръ.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—спросилъ онъ сердито.

Лакеи оробѣли.

— На свадьбу собираемся, Никита Ѳедоровичъ!—отвѣчалъ одинъ только Ясняга.

— На какую свадьбу?

— Да вотъ Ѳедоръ Максимычъ стишки приготовляетъ и—прежалостные-жалостные; Гаврило Прокофьичъ скрипочку свою ладитъ, а Пухтя поплясать изготовился; а вы какъ на грѣхъ и помѣшали.

Камердинеръ разсмѣялся.

— Ты все лясничаешь, да зубы скалишь,—сказалъ о[illegible] Яснягѣ.

— Не до смѣху, батюшка, Никита Ѳедоровичъ. К[illegible]къ бы вы знали горе-то какое!

— Какое-же у тебя горе?—спросилъ съ милостивой улыбкой камердинеръ

— Стешку замужъ отдаютъ,—сказалъ съ отчаяніемъ Ясняга.

Лакеи едва удержались отъ смѣха.

Камердинеръ нахмурился.

— Сваты ужь сегодня здѣсь были,—продолжалъ Ясняга.

— Какіе сваты?

— Извѣстные, давишніе! Голова, да Настасья Ѳедоровна.

— Гмъ,—мыкнулъ камердинеръ, стиснувъ зубы.

— Да, кажись, и Палагея Павловна съ ними вмѣстѣ, вотъ и Пухтя видѣлъ, какъ она шла утромъ сегодня къ Настатьѣ Ѳедоровнѣ.

Камердинеръ быстро повернулся и ушолъ.

Ясняга злобно улыбнулся.

— Охота, вѣдь, мутить людей,—замѣтилъ кроткій Пухтя.

— Чего ихъ жалѣть-то: пускай потѣшатся, возразилъ Ясняга.

— Ахъ ты злоба—злоба человѣкъ,—проговорилъ скрипачъ-Гаврило;—попадешь когда нибудь и самъ къ Садомскому

— Что мнѣ мнѣ Садомскій-то. Вамъ онъ страшенъ, а я, братъ, зналъ его еще матросишкомъ... можетъ, и помилуетъ по старому знакомству,—сказалъ дерзко Ясняга и ушолъ,

— Что бы головы тебѣ не сносить проклятому! произнесъ ему на прощанье Пухтя.

— Всѣ тутъ на одинъ ладъ, всѣ другъ противъ друга ехидствуютъ; и не жить-бы, кажись, лучше промежъ экаго народу,—объяснилъ буфетчикъ Федоръ.

IV.

Никита Ѳедоровъ расхаживался съ трубкою по комнатѣ, Вася—сынокъ его лѣтъ осьми, босой и въ одной ситцевой рубашкѣ бѣгалъ изъ угла въ уголъ, иногда онъ подскакивалъ къ отцу, тотъ давалъ ему легонько подзатыльника, баловень—мальчишка ловко прискакивалъ. На столѣ кипѣлъ самоваръ, Палагея, жена Никиты, какъ тѣнь бродила отъ стола къ шкафу и собирала чашки.

— Скороли ты съ чаемъ то соберешься, проворчалъ Никита.

— А вотъ сейчасъ, отвѣтила отрывисто сиплымъ голосомъ Палагея.

— Сейчасъ.... Сей-часъ... Чертъ знаетъ! Ужъ цѣлый часъ самоваръ кипитъ на столѣ, а чаю недождаться....

— Что же мнѣ дѣлать, какъ насилу ноги волочу? Все вѣдь по твоей милости..., Позвалъ бы Стешку.... мигомъ бы она тебѣ угодила.

— Молчать! крикнулъ Никита и заскрипѣлъ зубами.

— Скоро дамъ тебѣ покой.... Не долго мнѣ помаяться... сильный кашель прервалъ ея рѣчь.

Наконецъ Палагея розлила чай, Никита сѣлъ къ столу.

— А сливки то гдѣ? спросилъ онъ.

— Вспомни, антихристъ, день-то какой сегодня, язвительно возразила жена.

— Змѣя подколодная! тоже дни разбираетъ....

— А для тебя такъ все равно—что христовъ день,—

то страстная пятница! Совсѣмъ обусурманились вы съ бариномъ-то—живодеры!

— Поговори еще! Или еще мало учена!

— Не перестану говорить, пока языкъ еще служитъ,

— Ну. Сливокъ давай, а не то.... грозно перебилъ Никита.

— Палагея потащилась за сливками, приговаривая.—

— Молоканъ проклятый! ни среды ни пятницы не почитаетъ!

— На, лопай, сказала она, подавъ сливки.—Господи Боже мой! какъ это ты такимъ грѣхамъ-то терпишь? Жрутъ скоромъ и ничего имъ не дѣлается! Вѣдь всю дворню и дѣвокъ-то развратили!

— Замолчи Пелагея. Не введи въ грѣхъ.

— Не буду молчать. Содомскіе беззаконники!

— Эхъ Пелагея—Пелагея!....

— Скоромъ жрутъ; бабамъ и дѣвкамъ проходу нѣтъ отъ васъ.

— Молчать! грозно произнесъ Никита.

— Хоть бы страшнаго-то суда побоялся!.... Сколько слезъ то на тебя.... Народу-то сгубилъ сколько... Покайся, Никита Ѳедоровичъ, пока еще Господь грѣхамъ терпитъ....

Слова эти смутили Никиту.

— Да развѣ я по своей волѣ, отвѣтилъ онъ. На то не моя воля....

— Не твоя воля! какъ бы самъ не захотѣлъ, такъ его бы не сталъ потѣшать,

— И нерадъ да дѣлаешь; приказываютъ.

— Да, приказываютъ... вотъ и сегодня бѣжать за Стешкой на скотный дворъ тоже видно было приказано-...

Никита вскочилъ и пошелъ тузить жену. Васютка заревѣлъ во все горло а жена хрипѣла:

— Хоть сейчасъ убей, а все говорить буду, что грѣшно скоромъ жрать да садомничать.

Подъ окномъ раздался чейто злой смѣхъ.

—

Къ Настасьѣ вошолъ Ясняга.

— Что тебѣ нужно?—спросила она.

— Помилуйте, Настасья Өедоровна! У насъ драка несовмѣстимая,—сказалъ онъ, притворяясь какъ бы испуганнымъ.

— Что такое случилось?—спросила Настасья. Она приложила палецъ къ губамъ и указала на другую комнату рукою.

— Никита Өедоровичъ бьетъ жену не на животъ, а на смерть,—сказалъ тихо Ясняга; я шолъ мимо, такъ на улицѣ даже слышно, какъ онъ ее учитъ.

— Дѣвки!—сказала Настасья, отворивъ дверь въ другую комнату,—бѣгите къ Синицѣ и скажите, чтобы онъ взялъ людей и рознялъ Никиту съ женой.

Дѣвки всѣ побѣжали, обрадовавшись случаю побѣгать.

— Да изъ за чего у нихъ драка?

— Кто ихъ знаетъ, сударыня; каждый Божій день раза по три бываетъ.

— Надобно будетъ объ этомъ барину сказать.

— Что сказывать-то-съ? Господинъ очень ужь милостивъ къ нему за его службу.

— Да вѣдь и вы всѣ служите также.

— Служимъ-то служимъ: можетъ и больше еще его дѣлаемъ; а все ужь такъ намъ не угодить, какъ онъ.

— Чѣмъ же онъ особенно угождаетъ?—спросила съ любопытствомъ Настасья.

— Мало-ли-съ, разсказывать только неловко разныя ихъ разности.

— Замололъ... говори, какъ слѣдуетъ, почеловѣчески.

— Да все насчетъ швейцарскаго домика-съ.

— Что, что такое?—сердито сказала Настасья.

— Никита Өедоровичъ главный тутъ распорядитель и поставщикъ есть. Кажинную ночь предоставлялъ туда разнаго товару.

— А, такъ вотъ что! вотъ это кто!—сказала со злостью Настасья.

— Не даромъ онъ такъ и похваляется.

— Чѣмъ-же онъ похваляется?

Послышались шаги на крыльцѣ. Ясняга опять прижался къ косяку.

Вошолъ Синица.

— Ну, что? спросила Настасья.

— Крѣпко избилъ-съ, еле дышетъ, отвѣтилъ Синица.

— Скажи ему, чтобы онъ сейчасъ отправилъ ее въ лазаретъ. А ты, Ясняга, смотри завтра къ вечеру будь здѣсь, да трезвый. Синица и Ясняга ушли.

V.

На другой день утромъ какая-то старуха съ узелкомъ подмышкой, завязаннымъ въ дырявый и полинялый платокъ стояла у настасьина дома.

— Стешинька, родная! Заговорила старуха, подойдя къ выбѣжавшей изъ дому Степанидѣ.

— Ну, что тебѣ нужно? Круто спросила Степанида.

— Нельзяль, родная, дойти до Настасьи Ѳедоровны!

— Иди, отвѣтила Степанида и повернула прочь.

— Это, жедобная! какъ я пойду? На, желанная, полотенечко, только доведи ты меня до барынито.

— Пообожди, бабушка, здѣсь, ласково заговорила Степанида, взявъ полотенцо, барыня сейчасъ поѣдетъ въ графскій домъ.

Старуха осталась дожидать. Долго она дрогла на холоду: но вотъ вышла Настасья, старуха, неговоря ни слова, повалилась ей въ ноги.

— Что тебѣ нужно? нетерпѣливо спросила Настасья.

— До вашей милости, и старуха снова повалилась въ ноги.

— Говори, что тебѣ надо.

— Моего Ванюшку насильно женитъ голова на Дуняшкѣ Лосевой.

— Такъ что же такое?

— Эво-ты: парень то совсѣмъ извелся съ горя!

— Ты-то сама откуда?

— Съ Мелехова, желанная, съ Мелехова... Помнишь,

чай, моего то покойнаго, Никиту Лысаго, рабочій былъ мужикъ; вѣрой и правдой служилъ вашей милости.

— Говори дѣло.

— Сама ты знаешь. Ванюшка то мой спалъ и видѣлъ взять за себя Пашутку.

— Чью.

— Сусѣда, что направо живетъ, она его любитъ, мужикъ ражій такой и живетъ справно.... и дѣвка-то охотитъ за моего Ванюшку.

— Ничего не понимаю.

— Да слышь ты, дѣвка то и закладъ дала, платъ такой хорошій—хорошій и сарафанъ ситцевый—новый.

— Сумашедшая, сердито сказала Настасья и хотѣла идти прочь.

— Какая она сумашедшая, дѣвка въ своемъ умѣ. Коего дня вечериной вынесла и парню моему своими руками отдала. На, говоритъ.....

— Ничего не понимаю.

— Чего тутъ понимать; дѣло ясное; дѣвка сама охотитъ за моего Ванюшку; а голова то вотъ и перечитъ.

— Ну, не важное дѣло.

— Какъ бы ты, сударыня, посмотрѣла на Ванюшку то. Вѣдь хлѣба лишился... Съ кругу сопьюсь, говоритъ, если женятъ меня на косоглазой Дуняшкѣ.

— Пускай его женится на комъ хочетъ.

— Да, слышъ ты, голова то Пашутку за Алешку Скрябина силой выдаетъ; а моему то Ванюшкѣ приказываетъ жениться на Дуняшкѣ. Какая она ему невѣста; съ пастухомъ, говорятъ, связавшись, послѣднія слова произнесла старуха, приставивъ ротъ къ самому уху Настасьи.

— Иди ты къ головѣ.

— Была и унего. Да куда, и слова завести не даетъ,

— Я въ этомъ ничего не могу тебѣ помочь.

— Помилосердуй, матушка, заставъ по гробъ—вѣчно молить за тебя. Старуха повалилась въ ноги Настасьѣ.

— Вотъ трубочку тебѣ точива принесла, только не оставъ безъ помощи, проговорила со слезами старуха и подала холстъ.

— Убирайся къ чорту, гнѣвно отвѣтила Настасья, оттолкнула руку старухи съ холстомъ и ушла прочь.

Настасья обошла всѣ комнаты барскаго дома, за нею слѣдомъ шелъ Пухтя, понуривъ голову.

— Спасибо, сказала ему Настасья; все у тебя въ порядкѣ. Отчего ты такой пасмурной? спросила она Пухтю, пристально глядя на него.

— Я—съ, ничегосъ, отвѣтилъ, смѣшавшись, Пухтя.

— Ты не пьешъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Отъ чего ты такой скучный?

— Я—съ? Такъ-съ.

— Обижаютъ, чтоли, тебя?

— Никакъ нѣтъ.съ.

Настасья отъ него отвернулась. Вошелъ камердинеръ.

— Какъ это вамъ, Никита Ѳедоровичъ нестыдно драться съ женой сказала ему Настасья.

— Этосъ дѣло домашнее, отвѣтилъ Никита.

— Какое домашнее! На всю улицу слышно! Вамъ бы слѣдовало примѣромъ быть для другихъ, а какой отъ васъ примѣръ!

— Я всегда-съ въ правѣ учить свою жену.

— Плохая наука. За чтоже вы ее такъ учили?

— За чѣмъ она неприличныя рѣчи говоритъ.

— Сами вы часто неприличныя рѣчи говорите.

— Когда это? сударыня.

— Я ужъ знаю когда.

— Вотъ ужъ сколько лѣтъ служу и никогда еще неслыхалъ такихъ выговоровъ, высказалъ съ обидой Никита.

— Такъ еще нето услышите, злобно возразила Настасья и ушла, крѣпко хлопнувъ дверью.

— Вотъ ужъ этого я отъ тебя, Пухтя, не ожидалъ, обратился съ упрекомъ камердинеръ къ Пухтѣ, когда ушла Настасья.

Тотъ только вытаращилъ глаза на камердинера.

— Чего глаза то на меня таращишь; я знаю, что ты все ей насучилъ.

— Непонимаю, что вы изволите говорить, Никита Ѳедоровичъ.

— Ты непонимаешъ, а я понимаю. Ну, братъ, не ждалъ я отъ тебя такихъ дѣловъ; правду говорятъ, что въ тихомъ то омутѣ черти и водятся. Видишь праведникомъ какимъ прикинулся, ничего незнаю—невѣдаю; а самъ только дождался случая наединѣ съ ней поговорить и давай плести на добрыхъ людей. Не боюсь я васъ никого. Плевать я хотѣлъ на всѣхъ васъ!

— Помилуйте, Никита Ѳедоровичъ, я, ей Богу, съ ней ни слова не говорилъ.

— Не грѣши, не божись напрасно, меня не проведешь.

— А пойдемка, я посмотрю, все ли у тебя исправно! Если что найду неладно, не прогнѣвайся, безъ барина разделку дамъ.

При всемъ желаніи камердинера найти какую-нибудь не исправность, онъ ни чего не замѣтилъ, за что можно было бы придраться къ Пухтѣ. Вернувшись въ прихожую камердинеръ обратился къ Пухтѣ,

— А Ясняга гдѣ?

— Незнаю-съ, отвѣтилъ Пухтя.

— Не знаешь!... А кто же долженъ знать? А? Что же ты не отвѣчаешь? Вы вмѣстѣ мошенничаете, пьянствуете—хамы проклятые! Я ужо съ вами разберусь, только бы дождать барина, сказалъ камердинеръ злобно и ушелъ.

«Вотъ такъ жизнь, думалъ Пухтя, оставшись одинъ въ домѣ; адъ кромешный! Да тамъ покрайности знаешь за что въ смолѣ кипишь, а здѣсь?... Ума не приложу, что это за люди. Всѣ будто бѣлены объѣвшись, ругаются.... грозятся.... Никакъ не приноровиться къ нимъ. Правду говоришь—ругаются; дѣло дѣлаешь, какъ слѣдуетъ—тоже ругаютъ; оплошалъ въ чемъ—бьютъ; сталъ не натомъ мѣстѣ—тоже; ошибешься баринъ пальцемъ укажетъ—тебя ужъ и тащатъ за Волховъ на мѣсто другаго. Да хоть бы зачитались эти разы то...... Пріѣдетъ графъ, по пробую попроситься на крестьянство. Хоть и тяжело, за то самъ себѣ господинъ. Женюсь на Анютѣ!» И Пухтя такъ замечтался, что незамѣтилъ, какъ подкрался къ нему Ясняга.

— Объ Аннушкѣ задумался, сказалъ ему Ясняга, ударивъ по плечу.

— Врешь, съ сердцемъ отвѣтилъ Пухтя.

— Чего врать? Смотри какъ ты скраснѣлъ, поди къ зеркалу.

— Да, покраснѣешь, какъ за всякаго тутъ ругаютъ.

— Кто это тебя обидѣлъ, дитетко мое желанное? говорилъ Ясняга, гладя обѣими руками по головѣ Пухтю.

— Отстань, сердито сказалъ Пухтя и тряхнулъ головой.

— Ты никакъ и въ самомъ дѣлѣ разсердился.

— Еще бы не сердится.

— Кто такъ тебя растревожилъ?

— Пришла Настасья и пошла выпытывать, отъ чего ты скученъ, да пьешъ ли... отвѣтилъ—нѣтсъ—не учился.

— Рожа! Кладъ дается—брать неумѣешь.

— Какой тамъ кладъ?

— Настасья Ѳедоровна, пропѣлъ на распѣвъ Ясняга.—Чего ты озираешся? Не придетъ, нежди; насосалась шампанскаго, такъ дрыхнетъ теперь. А еще что?

— Приходилъ Никита.

— А тотъ что?

— Поругался съ Настасьей. Да и меня облаялъ, за чѣмъ незнаю, гдѣ ты болтаешся.

— Ну, тому не долго покуражится.

— А куда онъ денется?

— Впрочемъ, прощай, сказалъ Ясняга.

— Куда ты опять?

— Тебѣ на что знать?

— Не равно опять спросятъ.

— Скажи не знаю.

— Опять облаютъ.

— Непривыкать стать.

—

Ясняга идя по двору, встрѣтилъ Степаниду.

— Здравствуй, Стешинька желанная!—сказалъ онъ и развелъ свои руку, чтобы загородить ей дорогу.

— Убирайся, рыжій чортъ,—сказала Степанида и повернула въ сторону.

— Да постой, постой! Я тебѣ что-то скажу.

— Ну что? спросила, остановясь, Степанида.

— Съ женихомъ поздравляю!

— Полно лясничать-то. Я думала, онъ что нибудь въ самомъ дѣлѣ скажетъ. Она хотѣла идти.

— Да, постой, я не шутя говорю.

Степанида остановилась.

— Развѣ ты ничего незнаешь?—спросилъ Ясняга.

— Что знать-то,—возразила Степанида.

— Вчера голова приходилъ—тебя сватать.

— За кого?

— За своего родича, за Алешку Скрябина.

— Ахъ онъ лѣшій лонскій! что вздумалъ! Пойду я за экаго урода безъязыкаго. Лучше ужь за тебя пойду, если станутъ неволить.

— И на томъ спасибо. Да есть получше насъ женихи. Вотъ хоть бы Пyптя? Молодецъ хоть куда!

— Былъ бы молодецъ, какъ бы неходилъ носъ повѣся, а то словно омегу наѣвшись ходитъ.

— Горе у него есть. Хоть ты бы пожалѣла его.

— Сердца не станетъ всѣхъ васъ жалѣть.

— Врѣзался въ такую красавицу, что во всей вотчинѣ, говорятъ, первая.

— Кто жь это такая?—съ любопытствомъ спросила Степанида.

— Анютка Лунина съ Некшина. Знаешь?

— Какъ не знать. Невидальщина какая! Ничего въ ней хорошаго нѣтъ.

— Его ужь дѣло .. Ты попроси когда эдакъ подъ веселый часъ Настасью Өедоровну, чтобы она его женила на Анютѣ.

— Эво что выдумалъ! Да Настасья Өедоровна и не знаетъ ее.

— Такъ укажи ей, когда она въ церковь придетъ.

— Да Анютка никогда сюда и неходитъ, отецъ не пускаетъ.

— Плутъ Лунь!—сказалъ лукаво Ясняга.

— Чего ты его ругаешь; онъ мужикъ хорошій.

— Никто его и не ругаетъ. А ты куда? Небось на скотный дворъ.

— Да хоть бы и туда,—сказала Степанида и побѣжала.

—

— Ты гдѣ бѣгаешь?—спросила ее Настасья, когда она вернулась домой.

— Ходила за сливками вашей милости къ кофею.

— Готовъ кофей?

— Готовъ-съ.

— Подавай.

— Подали кофе. Настасья усѣлась пить. Степанида стояла у двери. Губы у ней такъ и шевелились, ей хотѣлось сказать что-то; но она не смѣла начинать говорить, пока ее не спросятъ.

— Ты что-то сказать хочешь?—спросила, взглянувъ на нее, Настасья.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Говори, вижу ужь я...

— Я шла на скотный дворъ, такъ встрѣтила...

— Никиту Ѳедоровича, что ли?

— Никакъ нѣт-съ,—покраснѣвъ, отвѣчала Степанида.

— Кого же это?

— Яснягу.

— Онъ вездѣ поспѣетъ.

— Онъ мнѣ сказывалъ-съ, отчего Пухтя скученъ.

— Вотъ что! Я думала, что она дѣльное что слышала! Не музыкантовъ-ли ужь заставить играть, чтобы его веселили.

Степанида замялась.

— Ему жениться хочется,—проговорила она.

— Не на тебѣ ли ужь, сказала Настасья и засмѣялась.

— Нѣтсъ-съ, отвѣтила жеманно Степанида и, потупивъ взоры, стала ощипывать кончики платка.

— На комъ же?

— На Анюткѣ Луневой...

— Какая это Анютка Лунева? Я ее не знаю.

— Съ Нѣкшина.

— Красива?

— Ничего хорошаго нѣтъ,—поджарая такая.

— Вотъ что, сказала Настасья, сжавъ губы.

Степанида молча стояла у двери.

— Ступай за работу, сказала Настасья.

— Степанида ушла.

— Анютка Лунева?.. нѣкшинская... думала оставшись одна, Настасья.—Надо посмотрѣть, что за Анютка. Вотъ оно что!.. По Анюткѣ скучаетъ... жениться задумалъ. Я его женю! злобно прошипѣла Настасья и принялась за кофе.

VI.

Настала Святая недѣля. Былъ въ исходѣ апрѣль мѣсяцъ; солнышко грѣло, снѣгу совсѣмъ не видно было, молодая травка зеленѣла и жаворонки звонко пѣли въ полѣ. Посреди деревни Нѣкшина дѣвушки качались на качели и дружно пѣли хоровыя пѣсни, не щадя своего горла. У качели стояли молодые парни и подпѣвали дѣвушкамъ. Немного поодаль отъ нихъ, на самомъ солнопекѣ собрались въ кучу мужики и разсуждали между собою.

— Вотъ и Егорьевъ день надворѣ, пора приниматься и за яровое, сказалъ сѣдой мужикъ.

— Ужъ и не вспоминай, дядя Трофимъ, возразилъ ему не взрачный мужиченко, почесывая затылокъ.

— Аль посѣять нечѣмъ? спросилъ его одинъ изъ мужиковъ.

— Посѣять есть чѣмъ, къ тебѣ просить непойду. Сѣять то какъ будешь!

— Поучись у добрыхъ людей, коли не знаешь.

— Я самъ поучу другаго, какъ сѣять, возразилъ, обидѣвшись, не взрачный мужиченко. Да не въ томъ дѣло.

— Въ чемъ же?

— Въ чемъ? злобно отвѣтилъ мужиченко. Ваши полосы—со-всѣмъ другое дѣло.

— Полосыто всѣ равны, земля одна и таже.

— Эхъ! Какъ бы всѣ равны были, и мы бы всѣ равны были; а то все не то...,

— Ну, Яковъ, ты что то неладно замололъ. Вишь, что выдумалъ! Не уровнялъ Богъ лѣсу, гдѣ же людямъ то равными быть, возразилъ высокій и видный мужикъ.

— Не хвалися больно собой. Ты думаешь, что больше всѣхъ—такъ и умнѣе. Дѣло то не въ томъ.

— Въ чемъ же? скажи.

Мужиченко озлился.

— А тебѣ что за дѣло? Что первымъ съ краю живешь, такъ думаешь верхъ надъ всѣми брать, что ты ко мнѣ пристаешь? возразилъ онъ.

— Чего ты задоришься понапрасну.

— Что ты—въ самомъ дѣлѣ!...

— Да что ты такое?...

— Чего ты? Раздалося со всѣхъ сторонъ, поднялся шумъ, посыпалась крупная брань.

— Полно вамъ, полно, грѣховодники! унималъ дядя Трофимъ: но за шумомъ его едва было слышно. Брань усиливалась, парни подвинулись къ мужикамъ, которые кричали и ругались во все горло, сами не понимая изъ за чего. Наконецъ Трофиму удалось унять ихъ.

— Не по росту ты, Яковъ, задоренъ попусту всполошилъ всю деревню. Вспомнилъ бы дни то какіе теперь, время ли заводить брань. Тебя добромъ спрашивали, а ты, не сказавъ дѣла, заругался, упрекнулъ Якова Трофимъ.

— Я бы сказалъ все по слѣдующему, да Ванька началъ похваляться, слова никому недастъ сказать.

— Чего ты задоришься? Одному тебѣ, чтоли, говорить? возразилъ Иванъ.

— А ты что за укащикъ, запальчиво отвѣтилъ Яковъ, я братъ....

— Полно вамъ, полно. Ты, Иванъ, будь по умнѣе, отойди прочь отъ него.

— Что же я то? отвѣтилъ Иванъ и попятился.

— Въ чемъ же дѣло то? Яковъ Петровичъ?

Мужики засмѣялись.

— Вамъ смѣяться то можно; а мнѣ не досмѣха, какъ полоса то у самой дороги.

— Тебѣ же лучше, ближе ѣздить.

— Дивья тебѣ говорить, какъ твоя въ самомъ концѣ поля.

— А не все одно?

— Да, какъ у самой то дороги, такъ все на виду, улаживаешь, улаживаешь, выгладишь, что ладонь на гумнѣ; видишь какой онъ лютый, увидитъ комья на полосѣ, такъ спину гладить начнетъ.

— Не ты одинъ, всѣ мы улаживаемъ.

— Тото и есть, что не всѣ. Моя то первая, прямо въ глаза кидается, вотъ и дѣлаешь какъ бы получше: а какъ каткомъ то проѣдешь, такъ приколотишь, что у людей хлѣбъ ростетъ, уменя только земля лоснитъ. Наѣдетъ самъ то, спроситъ, который номеръ, пятый—и ложись на полосу. Спина то своя. Вотъ что.

— А никакъ кто то идетъ къ намъ, сказалъ Трофимъ, глядя на дорогу.

— Идетъ ктото.

— Надо быть, что идетъ....

— Да, идетъ....

Говорили мужики, глядя на дорогу.

По дорогѣ къ Нѣшкину шли Ясняга съ Пухтей, торопясь и размахивая руками. Подойдя къ мужикамъ, они поздоровались и похристосовались со всѣми, по обычаю. Тѣ обступили ихъ кругомъ; парни придвинулись къ кружку, и на качели дѣвушки замолкли, съ любопытствомъ посматривая на пришедшихъ. Мужики посматривали на лакеевъ, а лакеи на нихъ, не рѣшаясь первые заговорить. Наконецъ старикъ Трофимъ первый прервалъ молчаніе.

— Что у васъ хорошаго?—спросилъ онъ.

— Да все слава Богу; проводили графа—такъ вотъ вы просились погулять,—отвѣтилъ Ясняга.

— Проводили... А куда его милость изволили уѣхать,— спросило нѣсколько голосовъ вдругъ.

— Въ Малороссію,—отвѣчалъ Ясняга.

— Въ Малороссію?... Куда же это? снова спросили въ одинъ голосъ мужики.

— Вотъ оно что. А на долго ли?—спросилъ Трофимъ.

— Да какъ сказать?.. примѣрно этакъ съ мѣсяцъ пробудутъ въ отлучкѣ,—глубокомысленно отвѣтилъ Ясняга.

— Слава тебѣ Господи!... сказалъ, крестясь, Иванъ.

— Что ты—шепнулъ Лунь, стоявшій во все время возлѣ него, и толкнулъ его въ бокъ.

Иванъ нахлобучилъ шапку и попятился назадъ.

— Такъ на мѣсяцъ?.. говорилъ въ раздумьѣ Трофимъ.

— Оно не то, чтобы совершенно такъ было; вѣдь Богъ ихъ знаетъ! Сами ничего не говорятъ; а примѣрно по приготовленію судишь, прикажутъ уложить въ дорожную карету этакъ платья, бѣлья и всего прочаго—такъ и видно на сколько времени заготовляется,—отвѣтилъ Ясняга.

Трофимъ съ сомнѣніемъ смотрѣлъ на Яснягу во все время его рѣчи. Въ глазахъ старика видно было, что ему хотѣлось сказать Ясиягѣ: «что-то ты больно не складно говоришь.» Но онъ промолчалъ.

— Такъ можетъ и скоро вернутся?—спросилъ Яковъ.

— Воля ихъ, господская; не захотятъ ѣхать,—такъ и съ дороги вернутся, отвѣтилъ Ясняга.

— Вотъ что, почесываясь, отвѣтили мужики, съ несовсѣмъ довольнымъ видомъ.

Ясняга и Пухтя подошли къ качели.

— Христосъ Воскресе! красныя дѣвицы!—сказали они въ одинъ голосъ.

Дѣвушки засмѣялись въ отвѣтъ.

— Да что вы? похристосуемтесь,—сказалъ Ясняга и, схвативши обѣими руками за веревки, остановилъ качель. Дѣвушки закричали, соскочили съ качели и разбѣжались во всѣ стороны. Парни злобно и косо посмотрѣли на лакеевъ.

— Видишь, какія спесивыя!—говорилъ, сладко улыбаясь, Ясняга.

Между тѣмъ дѣвушки собрались вмѣстѣ и, обнявшись, стояли въ кучкѣ.

— Такъ постойте, я васъ!—крикнулъ Ясняга и побѣжалъ къ дѣвушкамъ. Онѣ съ крикомъ разбѣжались.

— Полно тебѣ дурить,—сказалъ Пухтя, и удержалъ товарища за полу.

— Пошутить, что ли, нельзя? Ты думалъ, я и въ самомъ дѣлѣ побѣгу за ними?—отвѣтилъ Ясняга.—Да полно вамъ, чего вы боитесь? Васъ не тронутъ,—говорилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкамъ.

Тѣ смѣялись и переминались на одномъ мѣстѣ. Наконецъ Анна Лунева пошла гордо и смѣло къ качели; а за нею и всѣ.

Ясняга толкнулъ локтемъ Пухтю и подмигнулъ ему на Анну.

— Чего же ты зѣваешь,—шепнулъ онъ на ухо товарищу.

Дѣвушки усѣлись на качель. Вотъ одна изъ нихъ затянула пѣсню; прочія хоромъ подхватили послѣднія слова ея—и веселье пошло попрежнему. Ясняга подпѣвалъ съ разными ужимками, отъ чего пѣсни перерывались звонкимъ смѣхомъ дѣвушекъ. Пухтя стоялъ, прислонившись къ столбу качели, и не сводилъ глазъ съ Анны Луневой.

Мужики между тѣмъ снова разсѣлись по прилавкамъ около избъ.

— Ничего нѣтъ и не будетъ хорошаго,—говорилъ Лунь, качая головою;—вотъ хоть бы подняли пустошь Горюшу. Сколько было работы!.. бились, бились; корчевали пни; однихъ канавъ выкопали на цѣлую версту. А что будетъ?

— Что будетъ?.. замѣтилъ Трофимъ,—года два попашутъ, а потомъ бросятъ.

— Извѣстное дѣло. Какъ подняли дернъ-то, такъ земля-то словно съ морозу: бѣлая такая, все подзолъ; что было добраго, то все внизъ плугомъ завалили.

— А вѣдь хорошо плугомъ беретъ; такъ ровно оборачиваетъ деренъ.

— Хорошо-то, хорошо, слова нѣтъ; да не на нашу землю.

— Чуть вѣдь не на четверть проклятый хватаетъ; а корка хорошей земли у насъ не глубока, въ лучшемъ мѣстѣ вершка на три; а на Горюшѣ-то много на полтара.

— Еще хоть бы навозу клали погуще; можетъ что и было бы.

— А гдѣ его взять? Нешто, какъ было бы коровъ по двадцати у каждаго крестьянина на дворѣ. А то у многихъ ли есть столько. Хоть и напираютъ они на то, чтобы скота больше разводили, да гдѣ?

— А зачѣмъ же дворы-то велитъ тѣсные строить? Вишь выдумалъ, бѣлый да черный, а не въ одномъ повернуться нельзя. Сдѣлалъ бы одинъ, какъ изстари бывало, дѣло-то было-бы ближе.

— Не говори. Завелъ бы и больше скота, да не сдюжить, корму не напасти; сѣнокосъ тоже время хваткое, а гдѣ тутъ: то канавы ступай рыть, то коренья корчевать, то камень собирать и бить. Мало ли у него затѣй-то? Не успѣешь кончить одного, а на другое наряжаютъ; что день, то новый нарядъ.

— Глянько-сь, сказалъ Трофимъ Луню и указалъ на качель.

Лунь взглянулъ и нахмурился; на концахъ качели стояли лакеи.

— Зачѣмъ этотъ народъ только шляется? произнесъ съ неудовольствіемъ Лунь.

— Объѣдать да опивать нашу братью.

— Какъ бы за этимъ—невелика еще бѣда; хлѣбомъ—солью не разорятъ.

— Вѣстимое дѣло.

— А то шнырятъ да шебонничаютъ, что видятъ и слышатъ въ добрыхъ людяхъ.

— Правда твоя истинная. Вотъ Ясняга-то приводится мнѣ сдвуродный племянникъ; а по правдѣ сказать, словно чужой.

— Какая намъ родня, неподходящіе люди.

— И въ кого это уродился этотъ Ѳедюшка—рыжій такой, никого у насъ и въ роду рыжаго нѣту: а проходимъ какой!

— Поди ты!

— Сидитъ вотъ такимъ манеромъ у меня за столомъ о праздникѣ и говоритъ: «а что дядя, хоть бы этакъ примѣрно языкъ помазать». Что? говорю ему. «Ну по просту сказать, хоть бы стаканчикъ поднесъ.» Эку штуку выдумалъ, говорю ему; съ залѣсковъ ты, чтоли, аль незнаешь нашихъ порядковъ? «Какъ не знать—знаю. Для родни можно и соблюсти какъ нибудь.» Не велено, такъ ни для себя, ни для родни нѣтъ. «Для племянника хоть въ людяхъ бы занялъ; быть неможетъ, чтобы во всей деревни вина небыло. Вотъ ты и гляди на него.

— Хорошъ нечего сказать.

— А тыбы послушалъ, что на селѣ онемъ толкуютъ; открещиваются отъ него всѣ, словно отъ нечистой силы.

— И не поминай про село; опричь Божьяго храма, добраго въ немъ мало; словно народъ другой.

— И съ чего бы они такъ обусурманились.

— Отъ кого доброму то научиться тамъ? Набравшись около барина то все нехристи.

— Удивительные порядки!—проговорилъ со вздохомъ Лунь.

— А Өедора Рогатенскаго на село перевозятъ,—доложилъ опять тотъ же невзрачный мужикъ.

— Жена, значитъ, смазливая, да вертлявая; а человѣка-то разорили... проговорилъ сквозь зубы Трофимъ,—выстроятъ домъ: ни крестьянину ни барину,—продолжалъ онъ, разводя руками,—да еще и деньги за то возьмутъ: съ Савкиныхъ 2 тысячи содрали, а какое угодье! Во дворѣ повернуться негдѣ; курицъ въ заперти держи, а метлы цѣлый день изъ рукъ не выпускай; пронесъ сѣна скотинѣ—и подметай, чтобы сѣнинки не было во дворѣ; вышли играть на дворъ ребятишки—а ты и стой тутъ да смотри, чтобы земли не расковыряли, да камешка не вынули бы изъ мостовой; хоть на работу не ходи, сиди дома, да смотри за чистотой; а коли есть дочка, да на бѣду еще смазливая—такъ и ходи за ней съ дозоромъ,—и то не укараулишь никакъ, непремѣнно сбалуется.

— Плохое житье!—сказалъ, глубоко вздохнувши, Лунь.

— И чего онъ не выдумаетъ! Умнѣе всѣхъ быть хочетъ. Видишь, онъ впередъ знаетъ, когда Богъ дастъ ведро, и когда непогоду,—язвительно замѣтилъ Трофимъ.

— Ну не все онъ выдумываетъ, есть кому. Мало ли разнаго народу есть у него. Надобно же чѣмъ нибудь выслужиться-то передъ нимъ. Мы-дескать такъ умны, что и всякому укажемъ.

— Не говори!—замѣтилъ Трофимъ.

— У нѣмца въ Г—ѣ, такъ и машина такая на стѣнѣ виситъ, которая указываетъ ему, какая будетъ погода, да все неладно, все что то вретъ! Не забыть, какъ прошедшаго лѣта насъ выгнали на покосъ барскій. Только разошлись было мы по мѣстамъ—бѣжитъ Синица и кричитъ во все горло. «Не косите!» А самъ руками такъ и машетъ. «Что»? спрашиваетъ его голова,—самъ тогда былъ на лугахъ.—«Не приказано косить,» говоритъ Синица.—«Почему?»—«Дождь будетъ.»—«Кто это тебѣ сказалъ?» Синица назвалъ по прозвищу нѣмца. «Вретъ онъ, нехристь немытый,» сказалъ голова и посмотрѣлъ на небо. Оно, дѣйствительно, позаволокло этакъ немного съ востока,—да совсѣмъ не къ дождю. «Что же, Павелъ Ивановичъ?» спрашиваемъ голову. «Не приказано, такъ идите домой; когда прикажутъ, соберетесь снова» сказалъ голова и распустилъ насъ. Вотъ прошолъ день безъ дождя, другой, третій,—все погода стоитъ ясная. На четвертый день снова собрали насъ на луга, говорятъ, нѣмецъ обѣщаетъ ведро на двѣ недѣли. Вотъ и подвалили почти всѣ луга, долголи? Народу было со всей вотчины. Ночью какъ ударитъ дождь, да недѣли двѣ шолъ въ перемежку. Побились мы съ покосомъ тогда.

— Что-же было нѣмцу?

— Нѣмцу что сдѣлается? Изъ воды сухъ выйдетъ. Машина, говоритъ, соврала, а съ машины что возмешь, не нашъ братъ мужикъ, у ней нѣтъ спины...

— Житье ихъ—не наше; посмотри какъ хлѣбно живутъ: а на своей-то сторонѣ, небось, съ голоду мерли; съ доброй воли небросали бы родины и не лѣзли бы къ намъ.

— Мудреный народъ; свою родину бросить ни почемъ словно тараканы; попригрѣетъ гдѣ да есть чѣмъ поживиться, такъ и лѣзутъ и не брезгливы, хоть за печью пристроятся было бы тепло да сыто.

— Придетъ ледащій такой, нивиду, ни одеженки, измаяннымъ такимъ смотритъ, словно монахъ съ великаго поста: а по обживется.... брюхо раздуется, что у лошади съ мякины и бариномъ начнетъ смотрѣть на тебя.

— Можетъ и въ самомъ дѣлѣ они господа.

— Богъ ихъ вѣдаетъ, кто они такіе.

— Извѣстное дѣло—нѣмцы.

— Можетъ быть и такъ.

— Я думаю пора и ужинать,—сказалъ Трофимъ, вставая со скамьи. Видишь ужь и солнышко за лѣсъ садится.

— Надо быть такъ,—сказалъ Лунь, вставъ.—Прости сказалъ онъ Трофиму и ушолъ домой.

Поплелся и Трофимъ къ дому. Подойдя къ качели, онъ остановился.

— Ночевать идите,—сказалъ онъ лакеямъ.

— Покорнѣйше благодаримъ,—отвѣтили они,—намъ домой велѣно ночевать приходить.

— Ну, такъ ужинать ступайте.

— Благодаримъ покорно, не хочется,—отвѣтили лакеи.

— Чего-же отъ хлѣба соли отказываться?—замѣтилъ Трофимъ, постоялъ немного, подождалъ и пошолъ домой одинъ. Лакеи остались у качели.

— Анютка!—кликнула Авдотья Луниха свою дочку, высунувшись въ окно.—Отецъ велитъ идти домой.

— Иду, сказала Аннушка, простилась съ подругами и пошла къ дому.

— Прощайте, Анна Петровна!—сказалъ въ слѣдъ ей Ясняга.

Аннушка обернулась и поклонилась молча.

Разошлись всѣ. Лакеи пошли домой молча, каждый съ своими завѣтными думами, которыми они нехотѣли дѣлиться другъ съ другомъ.

—

VII.

На той же самой террасѣ стоялъ Пухтя, но уже не за пріятнымъ своимъ занятіемъ, а вытянувшись во весь ростъ и не смѣя моргнуть глазомъ. Комары облѣпили его лицо и безъ жалости сосали кровь, но Пухтя не смѣлъ махнуть рукой: въ саду, въ его глазахъ, прогуливался баринъ, по сторонамъ котораго шли два мальчика и длинными павлиньими перьями обмахивали комаровъ. Вотъ баринъ повернулъ въ густую аллею и скрылся. Пухтя встряхнулся, смахнулъ рукою съ лица комаровъ и облокотился на перила. Онъ хотѣлъ-было приняться за обычное свое занятіе—поплевывать на землю въ одно мѣсто, какъ вышелъ къ нему Ясняга.

— Гдѣ?—спросилъ онъ Пухтю.

— А вотъ пошолъ въ эту аллею,—отвѣтилъ Пухтя, указавъ рукою въ правую сторону.

Ясняга пошолъ по слѣдамъ барина, стараясь не быть замѣченнымъ.

Баринъ прошолъ длинную аллею, подошолъ къ цвѣтнику, гдѣ подвязывалъ цвѣты старикъ-садовникъ, поглядѣлъ на него и, не сказавъ ни слова, пошолъ далѣе.

Когда онъ скрылся, Ясняга подошолъ къ садовнику.

— Богъ на помощь,—сказалъ Ясняга.

— Спасибо отвѣтилъ садовникъ, взлянувъ на Яснягу.

— Не по лѣтамъ тебѣ эта работа, Антипычъ. Я думаю, вечеромъ и спины не расправить, какъ день-то цѣлый такъ походишь, наклонившись!

— Что-же станешь дѣлать? доля видно, наша такая. Да еще лаются, того и гляди въ зубы съѣздятъ... и, не докончивъ фразы, старикъ махнулъ рукой.

— Кто-жь это такъ?—спросилъ Ясняга.

— Извѣстно кто: Никитка паршивый!

— Какъ у него рука-то поднялась?

— На доброе-то не поднимается, а на худое...

— Да за что-же это онъ?

— За что почтешь! Пришолъ ко мнѣ вчера, вотъ на самомъ этомъ мѣстѣ? я подвязываю цвѣты, а онъ, словно

съ цѣпи сорвавшись, не сказавъ добраго слова, ругаться началъ. «Ты что старый чортъ, ничего несмотришь, за тебя только выговоры получай,» говоритъ, а самому рожу покосило отъ злости. Мнѣ стало обидно, я ему и говорю: «я въ ваши дѣла не мѣшаюсь Никита Ѳедоровичъ, такъ и вамъ не слѣдъ и въ мои вступаться.» «А какъ ты смѣешь такъ отвѣчать мнѣ? Знаешь ли кто я?» «Какъ не знать! Я еще зналъ васъ, какъ Никиткой звали, какъ вы сопли рванымъ рукавомъ утирали.» Онъ бацъ меня по рожѣ.

— Бестія, больше ничего,—произнесъ съ участіемъ Ясняга, чѣмъ только вышелъ въ люди-то! Плутовствомъ-то, да мошенничествомъ.?

— Извѣстное дѣло, чѣмъ же больше?

— Вонъ птичка-то плыветъ,—продолжалъ старикъ, указывая на плывущаго по пруду лебедя,—сколько онъ съ нея денежекъ получилъ!

— Да, говорятъ,—произнесъ Ясняга, скромно потупляя глаза.

— Да, какъ-же, братецъ, помилуй! Заставляютъ молодицъ да дѣвушекъ стеречи ихъ по ночамъ; которая угодила, такъ ладно, а нѣтъ—лебедя недосчитаютъ.

— Куда-же лебеди-то дѣваются? — спросилъ Ясняга прежнимъ-же скромнымъ тономъ.

— Куда? Мало-ли ихъ, и счета-то имъ никто незнаетъ такъ кому тоже охота въ экіе сторожа: ну, откупаются у Никиты Ѳедоровича. Ни стыда, ни совѣсти въ этомъ человѣкѣ нѣтъ. Еще когда мальчишкой-то былъ, такъ небольно Бога-то боялся. Развѣ только что силой, бывало, и загонишь въ церковь, а по своей охотѣ никогда не хаживалъ.

— И теперь-то туда не часто ходитъ.

— Какое ужь хожденіе! коли бываетъ, такъ за тѣмъ развѣ, что бабъ и дѣвокъ посмазливѣе выглядываетъ.

— Господи, Боже мой! Какое беззаконіе,—сказалъ со вздохомъ Ясняга.—Мало ему, что барскій камердинеръ! Какъ, посмотришь, люди-то забываются въ счастіи!

— То-то и бѣда, что камердинеръ,—надъ нимъ, кромѣ

барина, нѣтъ никого старшаго, а барину до всего не дойти, Сдѣлай хоть и тебя камердинеромъ, такъ, такой-же, чай, какъ и Никита, будешь.

— Что ты Антипычъ! Али я Бога не боюсь, али у меня совѣсти нѣтъ? Конечно, мнѣ камердинеромъ не бывать, да я и не ищу этого, больно хлопотливо; а если бы и случилось такъ, то я не сталъ бы никогда ни барина обманывать, ни добрыхъ людей обижать. Убей меня Богъ, не сталъ бы!—сказалъ Ясняга.

— Ну, не зарекайся, отвѣтилъ садовникъ.

Черезъ часъ изъ барскаго каменнаго дома вышелъ камердинеръ Никита Ѳедоровичъ, блѣдный какъ полотно, съ вытянувшимся лицомъ; онъ шолъ тихо и шатался, точно пьяный. За нимъ слѣдовалъ съ торжествомъ Ясняга, лукаво и злобно улыбаясь.

— Не печальтесь, Никита Ѳедоровичъ,—говорилъ Ясняга, поровнявшись съ нимъ,—для васъ оно дѣло непривычное, такъ и страшновато немного; а, право, оно не-то, чтобы смертная бѣда.

Никита, какъ будто не слыхалъ словъ Ясняги; по временамъ только дрожь пробѣгала по его членамъ.

— Эка благодать какая! Какъ тихо-то! Слышите, какъ жаворонки-то заливаются. Словно жалобную какую пѣсню поютъ. Ну ужь и денекъ сегодня какой пріятный!—продолжалъ Ясняга. Никита сѣлъ въ ожидавшую его на рѣкѣ лодку.

— Баринъ идетъ,—сказалъ гребшій на лодкѣ матросъ. Никита вздрогнулъ и затрясся всѣмъ тѣломъ; его подъ руки вывели на берегъ.

—

Все было тихо въ комнатѣ Никиты. Онъ лежалъ на постели и водилъ вокругъ глазами и нечего не могъ ни сообразить, ни понять. Близь него раздался хриплый, чахоточный кашель. Никита хотѣлъ повернуться въ ту сторону, откуда раздавался кашель; но едва онъ пошевелился какъ острая, раздирающая боль вызвала изъ груди его дикій стонъ.

— Что живодеръ?.. Каково?.. Услышалъ наконецъ Богъ мои молитвы, сказала хриплымъ, едва слышнымъ голосомъ Палагея.

— Палаша! это ты?—спросилъ Никита.

— Ага вспомнилъ и Палашу! Думалъ что спихнулъ меня съ рукъ въ лазаретъ, такъ самъ царствовать будешь... Думалъ, что я околѣю здѣсь скоро... Вотъ и самому Богъ привелъ побывать... Будешь молоканничать, да развратничать?...

— Только-бы оправиться... не только по средамъ и пятницамъ, по понедѣльникамъ буду строгій постъ держать. Къ святымъ угодникамъ пойду на богомолье.

— А Стешка-то съ кѣмъ останется? Такъ тебя и допостятъ къ себѣ святые угодники грѣшника кромѣшнаго!..

— Палаша!.. Палаша!..

— Поздно, Никита Өедоровичъ, вздумалъ каяться! Надобно бы раньше подумать объ этомъ. Останется бѣдный Васютка круглой сиротой, а добрые люди, вспоминаючи отцовы добродѣтели, будутъ вымещать на немъ свои обиды... Сколько горя-то онъ увидитъ, несчастный!.. А все за твои грѣхи.

Никита заметался на постели и застоналъ.

Что? Это видно не чай сосливками пить, да въ трубку курить!.. Въ аду-то не-то еще будетъ.

Долго еще причитала Палагея, на что ей Никита отвѣчалъ только глухими стенаніями.

VIII.

Съ самодовольнымъ видомъ сидѣлъ Яснига въ своей квартирѣ, когда къ нему вошолъ голова, Павелъ Ивановъ.

— Здравствуйте, Өедоръ Осиповичъ!—сказалъ голова.

— Здравствуйте,, Павелъ Ивановичъ, здравствуйте,—говорилъ Яснига, подавая важно руку головѣ. Прошу покорно садиться.

— Съ новою должностью я зашелъ поздравить. Дай

бѣгъ вамъ съ честію, да въ добромъ здоровьи проходить ее?—говорилъ голова, присѣдая на ступъ.

— Покорно васъ благодарю-съ; веселья-то только отъ этого нашему брату что-то мало.

— Что же такъ-съ?

— Очень трудно. Покойный Никита Ѳедоровичъ не мнѣ былъ чета и служилъ сколько лѣтъ, а чѣмъ покончилъ?

— Все, вѣдь, это для него изъ этого неудовольствія вышло... началъ голова и замялся на послѣднемъ словѣ.

— Съ Настасьи Ѳедоровны, извѣстно,—докончилъ за него Ясняга.

— И что ему тогда это вздумалось?.. Отчего бы и не угодить было ей?

— Слишкомъ понадѣялся на себя, да на расположеніе барина, анъ вышло такъ, что плетью обуха не перешибешь.

— Что мнѣ дѣлать съ его сынишкомъ Васюткой—не знаю,—произнесъ голова, какъ бы въ видѣ вопроса.

— Возьмите его къ себѣ. Вамъ не грѣшно сдѣлать доброе дѣло; покойникъ-то былъ съ вами пріятель.

— Куда мнѣ взять, помилуйте, своя семья большая. Лучше ужь если такъ теперь, такъ отдать его Трофиму Нѣкшинскому. Онъ мужикъ зажиточный; ему и пайка давать не нужно.

— Въ самомъ дѣлѣ. Баринъ на дняхъ еще вспоминалъ Трофима и хвалилъ его,—сказалъ Ясняга съ важностію.

— Баринъ значитъ, какъ былъ въ Нѣкшинѣ, такъ видѣлъ его.

— Да... мы вмѣстѣ ѣхали, баринъ въ кабріолеткѣ, а я верхомъ... Пашутка Степанова полетъ въ огородѣ у самой дороги, да такъ и распѣваетъ пѣсни. Баринъ сошолъ съ лошади, подошолъ къ Пашуткѣ да и говоритъ: «Богъ помощь красавица!» Она, видно, не слыхала, какъ мы подъѣхали, взглянула на барина, да и оторопѣла. «Чья ты?» спросилъ тотъ. «Изъ десятаго номера» отвѣтила, оправившись, Пашутка. «Какъ тебя зовутъ красавица,» говоритъ баринъ, а самъ треплетъ ее рукою легонь-

ко по щекѣ. «Пашей,» отвѣтила она. «Хорошее имячко.» «Ужь какое попъ далъ, отвѣтила Пашутка, дѣвка бой! Баринъ усмѣхнулся и все время, какъ былъ въ Нѣкшинѣ, былъ превеселый. Вотъ пріѣхалъ домой, да и говоритъ Настасьѣ Ѳедоровнѣ, что въ Нѣкшинѣ видѣлъ прехорошенькую и преумную дѣвушку. А Настасья Ѳедоровна призвала меня и спрашиваетъ: «чью дѣвушку видѣлъ баринъ въ Нѣкшинѣ?» Я сказалъ чью. Ну, «говоритъ», когда она понравилась барину, такъ я возьму ее къ себѣ въ горничныя.»

— А Луневу Анютку онъ видѣлъ?

— Нѣтъ, да.....

Въ это время вбѣжала въ комнату, запыхавшись, Степанида.

— Что тебѣ надо?—спросилъ сердито Ясняга.

— Я мыла на рѣкѣ, да увидала, что какой-то баринъ ѣдетъ къ намъ, такъ пришла доложить вамъ,—отвѣчала оторопѣвшая Степанида.

— Тебѣ-то что за дѣло? Ступай въ свое мѣсто,— строго сказалъ Ясняга.

Степанида ушла.

— До пріятнаго свиданія,—заговорилъ голова, вставая съ своего мѣста.

— Куда вы торопитесь? Посидите!

— Можетъ вамъ надобно идти встрѣтить.

— Скажутъ, когда нужно будетъ, успѣю.

Однако голова всталъ и ушолъ. Проводивъ его, Ясняга пошолъ въ садъ, гдѣ за грунтовыми сараями встрѣтилъ Степаниду.

— Не сердись, моя кралечка, что я прикрикнулъ на тебя сейчасъ. Видишь ты какая неосторожная; ну, можно ли такъ дѣлать?—сказалъ ласково Ясняга.

— Да,—отвѣчала съ обидой Степанида,—я дѣлала отъ усердія; а ты ругаешься.

— Не сердись же, моя кралечка! Ты видѣла, кто былъ у меня. Ты бы хоть поостереглась маленько..... Послушала бы, нѣтъ ли кого у меня.

— Ты самъ мнѣ не велѣлъ подслушивать... Прощай-ко однако!.. меня чертовка-то дожидается.

— Прощай, прощай! проговорилъ ей вслѣдъ Ясняга.

Степанида пришла въ домъ, прокралась къ гостиной, посмотрѣла въ замочную скважину и приложила ухо къ двери.

Настасья ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Глаза ея были заплаканы; она безпрестанно грызла ногти и, казалось, была въ сильно тревожномъ состояніи духа.

— Стенька! крикнула она нѣсколько разъ, замѣтно думая о другомъ.

Степанида вошла въ комнату.

— Гдѣ Ясняга, спросила Настасья.

— Ѳедоръ Осиповичъ?

— Ну, да!

— Должно быть у себя-съ.

— Поди позови его скорѣй.

Чрезъ нѣсколько минутъ Ясняга явился.

— Есть у тебя деньги?—спросила Настасья.

Ясняга пошарилъ въ карманѣ жилета, вытащилъ оттуда два четвертака и, подавая Настасьѣ, проговорилъ:— только всего и осталось отъ жалованья.

— Убирайся ты къ чорту съ этими своими деньгами. Сколько у тебя бариновыхъ?

— Въ кассѣ двѣ тысячи.

— Дай мнѣ тысячу?

— Да какъ же это такъ?

— Не разсуждать!

— Вѣдь объ нихъ, сударыня Настасья Ѳедоровна, я отчетъ барину долженъ отдать?

— Ну, это когда еще потребуютъ.

— Баринъ послѣ завтра домой будутъ.

— Безъ разсужденій. Это мое дѣло.

Ясняга пожалъ плечами и пошолъ въ контору. Настасья послѣдовала за нимъ. Тамъ онъ изъ конторки вынулъ тысячу рублей и подалъ ей. Она проворно взяла деньги въ карманъ и ушла къ себѣ.

— Теперь ты у меня, бестія эдакая, не вывернешь-

ся!—проговорилъ ей въ слѣдъ Ясната. Настасья между тѣмъ, возвратившись домой, часа полтора по крайней мѣрѣ писала длинное предлинное письмо.

«Такъ какъ ты теперичи душенька мой Жанъ, писала она, въ своемъ несчастіи находишься, потерявши проклятые казенные деньги, чѣмъ меня не малое удивленіе привелъ и причинилъ мнѣ тѣмъ великое огорченіе, такъ что я можетъ быть теперь нахожусь разсудку лишившись, и тѣмъ самымъ чтобы утѣшить твои и свои горести, я взяла барскихъ денегъ, кои къ тебѣ и посылаю, такъ вся моя жизнь супротивъ твоего счастія ничего для меня не стоитъ; только обнимать и прижимать тебя къ груди своей денно и нощно я желая и посылая тебѣ миліонъ поцѣлуевъ остаюсь по гробъ обнимающая тебя.

Н.—

Письмо это на конвертѣ было адресовано Верстовскому и отправлено въ Петербургъ.

IX.

Баринъ вернулся домой и отдалъ приказаніе, чтобы какъ на мызѣ, такъ по всей вотчинѣ все приведено было въ порядокъ, потому что къ нему обѣщалъ пріѣхать въ гости его покровитель, которому онъ хотѣлъ показать свое хозяйство во всемъ блескѣ. Поднялась бѣготня всюду. Нѣмцы отправились осматривать дома крестьянъ, дороги и поля и приводить все въ порядокъ. На мызѣ поднялась такая чистота, что на площадяхъ и дорожкахъ не только выщипали травку, но даже подобрали мелкія соринки и камешки. Настасья Ѳедоровна съ Яснягой смотрѣли, какъ убирали и чистили комнаты и повѣряли провизію въ кладовыхъ. Неподалеку отъ дома Настасьи два мужика ровняли у тротуара канавку, выстланную камнемъ.

— Посмотри-ка, Ефимъ, ровно-ли?—говорилъ одинъ изъ нихъ, постарше своему товарищу, прикидывая ватерпасомъ вдоль канавы.

— Кажись, ладно, дядя Ефремъ,—отвѣчалъ товарищъ, поглядѣвши на отвѣсъ.

— Ладно... А вонъ камень-то высунулся изъ ряду. Возьми-ка вынь, да положи его поровнѣе.

— Сойдетъ и такъ.

— Сойдетъ, гляди.

— Ведь это не плита, гдѣ уровнять! Притесывать, что ли, станешь?

— Тише!... Глянь-ка какимъ фертомъ рыжій-то чортъ стоитъ на балконѣ;—проговорилъ почти уже шопотомъ первый мужикъ.

— Камердинеромъ сдѣлали, такъ теперь и знать никого не хочетъ,—проговорилъ его товарищъ тоже тихо.

— И такой, говорятъ, лютый сталъ, что и Боже упаси,—продолжалъ Ефимъ:—теперь кому нужда до барина—и нейди безъ денегъ.

— Что вы тутъ ратозѣйничаете? раздался позади ихъ строгій голосъ и мужики обернулись назадъ. Это проходилъ голова.

— Да мы, Павелъ Ивановичъ, вотъ ватерпасомъ прикидываемъ,—проговорили въ одинъ голосъ.

— Ватерпасаномъ прикидываютъ, окаянный народъ!—проговорилъ голова и прошолъ къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ. Ея не было дома; вновь взятая горничная, Парасковья, пошла сказать ей. Настасья пришла, поздоровалась съ головой и, отпыхиваясь, сѣла въ кресло.

— Утомились, сударыня, хлопотъ-то вамъ много,—сказалъ голова.

— И не говорите, Павелъ Ивановичъ, дѣла столько, что голова кругомъ идетъ. Да что это вы не садитесь!

Голова продолжалъ переминаться на мѣстѣ.

— Что вы, по дѣлу, что ли, какому?—продолжала Настасья.

— Да то по дѣлу: рыжій этотъ плутъ, Яснѣга, насчитываетъ на меня тысячу рублевъ. Говоритъ, что отдалъ мнѣ на дняхъ для уплаты мнѣ за хлѣбъ, что̀ куплено для Сиворскихъ крестьянъ. Я ни гроша не получалъ отъ него.

— Какъ же это такъ?

— Да такъ, сударыня,—въ конецъ разорить хочетъ.

— Странно! Не было ли у васъ съ нимъ разсчетовъ какихъ нибудь прежде?

— Всѣ счеты, какіе были, сведены съ нимъ и за мною не оставалось ни гроша. Просто грабитель такой, что поміру отъ него иди. Заступитесь, сударыня Настасья Өедоровна, не дайте напрасно въ обиду.

— Не безпокойтесь, Павелъ Ивановичъ, коли ваше дѣло правое...

— Да съ этимъ плутомъ и правый виноватымъ станешь. Худъ былъ покойникъ, не тѣмъ будь помянутъ; а этотъ и сказать не умѣю, какъ худъ.

— Не безпокойтесь, Павелъ Ивановичъ, я постараюсь разузнать все... Ясняга, можетъ быть, какъ нибудь и ошибся.

— Не оставьте, сударыня, вашей милостью, сказалъ голова и вышелъ.

Настасья Өедоровна снова отправилась въ домъ смотрѣть, какъ развѣшивали драпировку на двери и окна бариновой спальни.

Вошолъ Ясняга. Настасья Өедоровна отозвала его въ сторону и въ полголоса стала говорить ему.

— Зачѣмъ ты такъ много насчиталъ на голову?

— А онъ уже успѣлъ вамъ наябедничать на меня?

— Я тебя спрашиваю, отчего ты такъ много насчиталъ на него; вѣдь я тебѣ говорила, что бы на него только показалъ только двѣсти, сказала она строго.

— Остальныя-то откуда прикажете взять?

— Какъ откуда? развѣ я тебѣ неговорила?

— Дожидаться этого, сударыня, долго; а баринъ того и гляди станетъ кассу повѣрять.

— Повѣрять онъ не будетъ, теперь не до того. Народу столько наѣдетъ... можно, я думаю, въ расходъ вывести, сколько хочешь... и не этакую сумму.

— Да что вы такъ плута этого жалѣете? Должно быть онъ казанской сиротой прикинулся. Не вѣрьте ему, сударыня, ни на грошъ... что ни скажетъ—все совретъ, за гривенникъ побожиться радъ.

Настасья хотѣла было ему на то возразить; но въ то время вошолъ въ комнату лакей и позвалъ ее къ барину.

Пріѣхалъ гость, пробылъ два дня и остался очень доволенъ всѣмъ, что́ ему показывали. Осчастливленный его вниманіемъ, помѣщикъ, противъ обыкновенія, сдѣлался ласковъ и снисходителенъ къ окружающимъ его, что́, конечно, отразилось и на его челяди. Всѣ были веселы и развязны, дружелюбно обходились между собою, и, какъ будто, вражда и мелкія интриги прекратились.

Къ Настасьѣ пришла пожилая деревенская баба.

— Что хорошаго, Агафошиха скажешь? спросила ее Настасья.

— Хорошаго мало, громко заговорила баба.

Настасья приложила палецъ къ губамъ и указала на сосѣднюю комнату.

— Не сумлевайтесь, сударыня; всѣ дѣвки выкопившись на улицу.

— Садись да разсказывай.

— Голова, сударыня, все ехидствуетъ, грозится идти на васъ графу жаловаться. Про какія деньги вспоминаетъ, что пропали изъ конторы.

— Этого нечего бояться, уходится.

— Какое, сударыня уходится. Съ нимъ станется, что къ графу залѣзетъ; теперь въ такую фанаберію ввалился, что угодилъ графу, знать никого не хочетъ. Особливо же крѣпко бѣднуется на Яснягу.

— За что такъ.

— По правдѣ сказать, человѣкъ то нехорошій; разбезсовѣстный—безсовѣстный. Этта, какъ господа-то гостили, по всѣмъ ходилъ да за хлопоты просилъ, рублевъ до двухсотъ собралъ.

— Полно правдали, замѣтила Настасья, закусивъ губу.

— Да неужели я передъ вашей милостью врать стану: отсохни мой языкъ, если онъ на то поворотится.

— Ну, теперь мнѣ не до него; я ѣду, а вернувшись домой-разберусь съ нимъ.

— Настасья пошла садиться въ коляску, ее проводили

до экипажа, всѣ ея дѣвушки, кромѣ Степаниды, которая уже передавала Яснягѣ разговоръ Агафонихи.

— Не зату тянетъ, порветъ, сказалъ на это Ясняга.

— А. Павелъ Ивановичъ! милости прошу. Я васъ свѣженькимъ чайкомъ поподчую,—говорила Настасья ласково,—головѣ, когда тотъ явился къ ней послѣ ея поѣздки;—что у васъ хорошаго?

— Скверныя дѣла пошли.... голова оборвался на послѣднемъ словѣ, потому что дѣвушки въ это время внесли самоваръ.

Настасья Ѳедоровна встала и пошла въ дѣвичью, чтобы выслать ихъ, для безопасности.

— Кто это лежитъ тамъ въ углу!—спросила Настасья Ѳедоровна.

— Степанида захворала, жалуется, что ее животомъ замучило,—отвѣтила Парасковья.

Настасья Ѳедоровна подошла посмотрѣть больную, но та спала крѣпкимъ сномъ, даже по временамъ всхрапывала.

— Ну, пусть дрыхнетъ, а вы ступайте на кухню: ты, Пашутка, сдѣлай мнѣ миндальнаго молока, да смотри, хорошенько вытолки миндаль. Дунька пусть чиститъ мою мѣдную посуду, а ты, Малашка, выстирай мнѣ это платье,—сказала Настасья Ѳедоровна и, увѣренная, что никто ихъ не подслушаетъ, пошла толковать съ головой.

— Что такое случилось, Павелъ Ивановичъ?—спросила она, начавъ разливать чай.

— Скверные порядки заводитъ этотъ Ясняга,—началъ тотъ.

— Что же такое?

— А вотъ изволите видѣть,—продолжалъ голова, принимая стаканъ чаю отъ Настасьи Ѳедоровны,—когда гость теперь этотъ былъ, плутъ этотъ Ясняга не въ очередь назначилъ караулить лебедей съ Нѣщкина Анютку Луневу.

— Какую это Анютку Луневу?... Помнится мнѣ, что что про нее говорили что-то. Ахъ, да! Что же дальше?

— Надобно вамъ сказать,—дѣвушка смазливая, особливо этакъ на барскій вкусъ.

— Вотъ что. . проворчала, прикусывая губы, Настасья.

— И такой то разбестія этотъ Ясняга,—продолжалъ голова, прихлебывая чай съ блюдца,—когда пошли вечеромъ гулять по саду баринъ съ гостемъ, онъ возьми да и забѣги впередъ; да и поставь Анютку на такое мѣсто, чтобы господа то ее видѣли. Они, какъ ее увидали, такъ и ахнули! очень, значитъ, имъ она понравилась: постояли съ ней, пошутили.

— Что-жь потомъ?—спросила Настасья; голосъ ея замѣтно начиналъ дрожать.

— Потомъ, извѣстно: Ясняга ее чѣмъ свѣтъ спровадилъ домой; а вечеромъ, гляжу, ее опять наряжаютъ въ караулъ; «какъ такъ?—говорю—она свой чередъ отбыла!» «Баринъ, говоритъ, приказалъ.» Дѣлать нечего послали за ней! Скачетъ отгуда старшина верхомъ. «Нейдетъ, говоритъ, мать и бабушка не пускаютъ. «Смотрю, баринъ идетъ по деревнѣ... Я вышелъ къ нему, поздоровался онъ со мной таково ласково. Дай, думаю спрошу самого: не проврался-ли какъ Ясняга... «Какъ молъ, говорю, ваше сіятельство, насчетъ сегоднишней очереди для лебедей прикажете» «А развѣ, говоритъ, вамъ Ѳедоръ нечего не говорилъ?..» А самъ такъ и съѣсть глазами хочетъ,.. «Говорилъ-съ,» говорю. «Ну такъ, говоритъ, что вамъ сказано, то и дѣлайте.» Я дѣлать неча, запрягъ лошадь и поѣхалъ въ Нѣшкино.

— И не стыдно вамъ, Павелъ Ивановичъ. было это дѣлать?

Голова только махнулъ рукой.

— И какого тамъ страму-то набрался, такъ и не вспомнить бы, продолжалъ онъ:—пріѣхалъ въ Нѣкшино-то прямо къ Луню въ избу и говорю, собирайся Анютка на село. Она и говоритъ сквозь зубы: «не пойду.» И такая-то нравная, что какъ затвердила одно, такъ едва силой ужь въ телѣгу посадили. Мать-то съ старухой такъ и заголосили. Ну я тоже крикнулъ на нихъ: мать-то унялась, а старуха всю деревню провожала, да словно все по покойникѣ все причитала. Хотѣла было и дальше идти, да я ужь велѣлъ старшинѣ домой ее тащить. Хорошо, что

еще Луня-то не было самого дома, а то и не знаю, что было-бы. Опять это тоже Яснягины штуки. Съ какой-бы то стати было самому барину назначать Луня ѣхать въ тверское имѣніе.

— Что-же дальше-то было?—перебила съ нетерпѣніемъ Настасья?

— Дальше что было, я ужь и не умѣю какъ и разсказать вамъ. Ну, просто привели ее въ садъ, сдали Яснягѣ; а тотъ проводилъ ее въ швейцарскій домикъ; и теперь тамъ гоститъ.

— Вонъ ее мерзавку! сейчасъ вонъ!—закричала въ злости Настасья Өедоровна, вставая съ своего мѣста, и начиная ходить по комнатѣ.

— Нельзя-съ ее вонъ,—сказалъ голова.

— Какъ нельзя? Что-же ты слушаться меня не хочешь,—кричала Настасья Өедоровна и съ сжатыми кулаками подступила было къ головѣ.

— Да оттого и нельзя.—говорилъ тотъ, отступая отъ нея,—на ней женится Ясняга.

Настасья опустила руки и устремила пылающіе глаза свои на голову. Минутъ пять стояла она неподвижно. Между тѣмъ первые порывы гнѣва ея прошли и она, немного успокоившись, спросила голову:—Что это еще такое?

— А то, что ужь сама теперь нейдетъ. «Непойду, говоритъ, домой. Что мнѣ тамъ дѣлать?»

— Эво, извергъ какой!—злобно замѣтила Настасья.

— А разбойникъ то и тутъ нашолся. Что говорила Анютка—барину ничего не сказалъ, а повалился въ ноги и сталъ просить позволенія жениться на ней.

— Что же баринъ?

— Барину это понравилось. «Хорошо, говоритъ, я, говоритъ, за это тебя никогда не оставлю.» Отцомъ даже благословленнымъ обѣщалъ быть.

— Ну, пусть его женится,—злобно сказала Настасья Өедоровна.

Голова поднялся.

— Благодарю васъ. что сообщили мнѣ все это, сказала она ему ласково.

Павелъ Ивановичъ ушолъ; а Настасья Θедоровна оставшись одна, долго ходила въ раздумьѣ по комнатѣ и до крови почти обкусала ногти своихъ красивыхъ рукъ.

XI.

На другой день послѣ свиданія головы съ Настасьей Θедоровной рано утромъ Степанида пришла къ Яснягѣ.

— Здравствуй, моя кралечка,—сказалъ тотъ ласково.

Степанида молча стояла и какъ то дико изъ-подлобья выглядывала на Яснягу, которому страннымъ показался такой видъ дѣвушки, всегда бойкой и разговорчивой.

— Подлецъ ты, подлецъ!—заговорила наконецъ она съ горечью, послѣ минутнаго молчанія.

— Что ты ругаешься—строго проговорилъ Ясняга.

— А! ругаешься! кровь моя говоритъ во мнѣ, а не я, душегубецъ проклятый.

— Что такое съ тобою?

— Іуда-предатель! видишь какимъ праведникомъ прикинулся, будто ничего и не знаетъ; а я-то, дура безталанная, повѣрила ему, какъ доброму человѣку.—И степанида, закрывъ лицо свое руками, бросилась на скамейку и громко зарыдала.

— Стеша! Стеша! что съ тобой,—нѣжно заговорилъ Ясняга и подошолъ было къ ней.

— Прочь, змѣй! а на то я задушу тебя,—вскричала вскочивши, Степанида.

Ясняга отскочилъ прочь.

— Что ты съ ума спятила!—сказалъ онъ уже съ злостію.

— Господи, Боже мой! долго ли я такъ буду маяться? Знать и конца не будетъ моимъ мукамъ! На-ка посмотри,—произнесла скороговоркой Степанида и, засучивъ рукавъ, показала Яснягѣ свою руку, покрытую сплошными синяками.—Все тѣло мое избито; а все изъ за васъ, предателей!

Ясняга молча пожалъ плечами.

— Что кобянишься-то,—злобно прошипѣла Степанида.

Потомъ, помолчавъ немного, снова заговорила.—Послужи, Стешенька, дай только мнѣ немного пообжиться, а тамъ женюсь на тебѣ, барыней заживешь, пальцемъ тебя никто не посмѣетъ тронуть. Подлецъ! Обманщикъ!

— Ну что жъ? Говорилъ, такъ женюсь.

— На Анюткѣ, Іуда, женишься!—вскрикнула Степанида.—А мнѣ, видно, все въ томъ же котлѣ быть.

Съ послѣднимъ словомъ она снова упала на скамью и зарыдала. Ясняга отошолъ къ окну и далъ волю выплакаться Степанидѣ. Долго она плакала, наконецъ сѣла на лавку и стала утирать слезы рукавомъ своей рубахи.

— Развѣ я по своей волѣ это дѣлаю,—заговорилъ сквозь зубы Ясняга.—Какъ бы ты знала, что у меня здѣсь!... онъ указалъ на грудь.

— Не обманывай,—проговорила недовѣрчиво Степанида.

— Чего обманывать-то?—говорить надо дѣло.

— Дѣло говорить, а самъ на Анюткѣ женишься,—съ горечью проговорила Степанида.

— Да ужъ если на то пошло, такъ это дѣлается, чтобы только глаза отвести Настасьѣ. А Анютка мнѣ не жена!

Степанида съ сомнѣніемъ смотрѣла на Яснягу.

— Не вѣришь? Такъ увидишь, что будетъ! Скоро ей конецъ будетъ.

Въ это время къ окну подбѣжала Авдотья.

— Ѳедоръ Осиповичъ, нѣтъ ли у васъ Стешки? Съ часъ ее ищемъ, не можемъ найти: барыня ее спрашиваетъ.

Степанида опрометь бросилась отъ Ясняги.

— Вотъ дура-то шальная, совсѣмъ съ ума спятила. Велика важность, что бьютъ... За мужикомъ-то бы замужемъ жила все равно били-бы!—рѣшилъ онъ мысленно.

Настасья Ѳедоровна была очень взволнована разсказомъ головы. Она всю ночь не спала и думала какъ бы сбыть съ рукъ опасную соперницу: выслать ее совсѣмъ вонъ изъ имѣнія не было никакой возможности, это значило явно вооружиться противъ воли барина, который былъ непреклоненъ и никогда не прощалъ тому, кто осмѣливался идти ему наперекоръ. Оставить же ее въ усадьбѣ, значило

дать возможность укрѣпиться соперницѣ на погибель себѣ. Явилась ей мысль избавиться отъ соперницы посредствомъ яда и она не задумалась бы это сдѣлать, еслибы страхъ—быть обличенной не удерживалъ ее, а тѣмъ болѣе, что Ясняга былъ не изъ такихъ, чтобы его легко можно было обмануть. Теперь только вполнѣ она поняла этого человѣка и горько ужь раскаялась, что сама способствовала сдѣлаться ему камердинеромъ. Все это подымало ея жолчь и она нещадно тиранила своихъ дѣвушекъ. Въ отношеніи же Ясняги и Аннушки затаила все и даже послѣднюю перевела къ себѣ изъ швейцарскаго домика и съ материнскою нѣжностію ухаживала за ней, стараясь снискать къ себѣ ея довѣріе и расположеніе и вызнать ее характеръ.

Отпраздновали свадьбу Ясняги съ Аннушкой. Баринъ былъ отцомъ благословеннымъ; а Настасья Θедоровна матерью, и уже потомъ она прямо говорила, что не нарадуется счастью названныхъ дѣтей своихъ. Аннушка сдѣлалась любимою ея гостью, которую она отъ всего усердія подчивала шампанскимъ, такъ, что та не разъ возвращалась отъ нея домой въ очень веселомъ расположеніи. Это не нравилось Яснягѣ; онъ старался удерживать отъ этого жену свою и внушать ей, чтобы она была очень осторожна съ Настасьей Θедоровной.

— Ты вся, какъ есть, должна быть мужнина,—говорилъ онъ ей; въ законѣ теперь сказано: «жена да боится своего мужа.» Тайна сія велика есть; окромя мужа, ни съ кѣмъ не должна водить никакихъ тайностей.

Аннушка молча смотрѣла на мужа.

— Хоть бы и Настасья Θедоровна,—продолжалъ Ясняга, послѣ минутнаго размышленія,—въ отношеніи наружности доброты совершеннѣйшей; а что у ней на умѣ— одинъ Богъ вѣдаетъ и вдаваться ей, безъ всякой осторожности, не для чего!..

Съ минуту подождалъ отвѣта жены Ясняга, но, не получивши его, продолжалъ:

— Я говорю, въ отношеніи благороднаго обращенія съ Настасьей Θедоровной быть должно, но секретныхъ сюжетовъ имѣть не надобно. Поэтому и ходить часто къ ней

а тѣмъ болѣе разсказывать тто нибудь объ мужѣ не слѣдуетъ.

— Ты что хочешь говори. а я къ Настасьѣ Өедоровнѣ ходить буду, пока она звать къ себѣ будетъ,—отвѣтила упрямо Аннушка.

— То есть какъ бы тебѣ сказать? Не въ противность супружескому согласію отчего не сходить; но я говорю къ тому, чтобы ты, какъ ни наесть, что въ разговорахъ съ нею на счетъ мужниныхъ дѣлъ никакихъ сюжетовъ не имѣла; развѣ только что Настасья Өедоровна въ подозрѣніи имѣть будетъ, то передавать слѣдуетъ мужу для выраженія ему своей супружеской обязанности.

— И ходить, и говорить съ нею всегда все буду,—отвѣтила твердо Аннушка.—Кромѣ ей, у меня нѣтъ никого: отецъ и мать отъ меня отступились...

Ясняга злобно и подозрительно посмотрѣлъ на жену свою.

— Я тебѣ ничиго худого и не говорю про нее и ходить не запрещаю, но стараюсь внушить тебѣ, какъ ты должна вести себя. Ты человѣкъ темный, жила какъ есть въ деревнѣ, хоть бы и теперь затвердила одно: «ходить буду.» Ходить, какъ есть, по благородному, значитъ знать время и порядокъ. Придти не на всякій зовъ, а такъ—изрѣдка. Не вступать въ разглагольствія безъ соображенія, и ни въ чемъ не имѣть излишества.

Аннушка отвѣрнулась омъ мужа, Яснягѣ тоже тяжело было выражаться (какъ онъ думалъ) по ученому; для него это дѣло было непривычное. Онъ тоже отвернулся отъ жены, и сталъ по столу выводить пальцемъ узоры. Молчаніе водворилось въ комнатѣ и молодые супруги просидѣли съ часъ, не глядя другъ на друга.

Начало смеркаться; Аннушка покрылась платкомъ, и вышла изъ комнаты. Ясняга ударилъ кулакомъ по столу.

— Вотъ сатана-то назязался на шею!—сказалъ онъ съ злобой.Еще на первыхъ порахъ такую рысь показала. Что дальше отъ ней будетъ. Не хочетъ слушать! Да я не долго буду смотрѣть ей въ зубы. Это Настасьины внушенья. Видишь, какъ подольстилась къ ней. Матерью родной при-

кинулась. А ну, чортъ съ ней! пропади она, когда не хочетъ слушаться: мы и безъ ней найдемъ смѣну Настасьѣ! Съ послѣднимъ словомъ Яснига махнулъ рукою и ушолъ на улицу.

Между тѣмъ Настасья твердо держалась задуманнаго плана; ласкала и поила Аннушку, въ присутствіи ея старалась быть кроткою; но какъ скоро уходила Аннушка, она съ яростію кидалась на своихъ дѣвушекъ, била и тиранила ихъ. Особенно доставалось больше всѣхъ Прасковьѣ и Степанидѣ, первой за то, что она была очень красива и умна; а вторую она просто ненавидѣла, по какому-то инстикту.

Больнѣе всего было смотрѣть на бѣднаго Пухтю. Съ тѣхъ поръ, какъ Аннушка появилась на мызѣ, онъ странно измѣнился. Блѣдный и унылый онъ ходилъ медленно, съ опущенной головой и по цѣлымъ часамъ стоялъ на одномъ мѣстѣ съ безсмысленно устремленнымъ взорами на какой-нибудь предметъ. Что́ было у него на душѣ, этого никто незналъ. Онъ почти ни съ кѣмъ ни разговаривалъ, потому что былъ одинаково равнодушенъ ко всѣмъ, и когда только онъ встрѣчался съ Яснягой, то вздрагивалъ, какъ будто при видѣ какого-нибудь гада и въ глазахъ его мелькалъ огонь злобы. Настасья Ѳедоровна прежде всѣхъ обратила вниманіе на перемѣну Пухти. Она старалась пріобрѣсти его расположеніе, всегда съ участіемъ обращалась къ нему, и даже во многихъ случаяхъ спасала его отъ расправы за упущеніе по должности, которыя случались съ нимъ частенько. Пухтя долго не обращалъ на это вниманія; но постоянное вниманіе къ нему Настасьи побѣдило его упрямство, и онъ какъ-то ласковѣе на нее сталъ посматривать. Настасьѣ только этого и надобно было. Послѣ долгихъ усилій ей удалось, наконецъ, добиться откровенности отъ Пухти. Онъ высказалъ ей всю свою любовь къ Аннушкѣ и безнадежность своей горькой участи. На этомъ Настасья задума построить новыя козни.

Степанида, все это время ревѣвшая отъ собственнаго горя и безпрестанно битая барыней, полоскала разъ вечеромъ бѣлье на плоту.

Къ ней подошла коровница Марѳа.

— Здорово Стешинька, родная. Каково поживаешь?— сказала та. кланяясь Степанидѣ.

— Ужь каково житье наше!—отвѣчала Степанида, оставивъ свою работу.—Дня не пройдетъ, чтобъ не тиранила насъ подлянка-то наша. Вчера Пашутку такъ избила, что все лицо изуродовала.

— Чтожь Паша-то?

— Что Паша? переносливa ужь она очень! Все молчитъ, а словно береста ужь побѣлѣла.

— Да за что она ее такъ?

— Поди, узнай за что! Временемъ на нее это находитъ: вдругъ взбѣсится, какъ бѣшеная, и начнетъ на всѣхъ кидаться.

— Подишь ты! Правда ли Стешинька, что она, говорятъ, и барина-то къ себѣ приворожила?—спросила потихоньку коровница.

— А будто и нѣтъ? Она каждую ночь все ворожитъ.

— Ахъ ты Господи!—проговорила, всплеснувъ руками, коровница.

— Ночью возметъ чорную книгу, развернетъ и начнетъ смотрѣть по ней. Да вѣдь такая проклятая! сейчасъ все узнаетъ. Этакъ вздумаешь посмотрѣть къ ней въ замочную скважину; а она и подойдетъ къ двери. Будто нечистый что ей подскажетъ.

— Говорятъ, будто къ ней огненный змѣй, мать, летаетъ. Игнашка божится, что самъ видѣлъ, какъ змѣй-то надъ надъ ея домомъ разсыпался въ полночь. Самъ, говоритъ, видѣлъ, когда въ ночныхъ ходилъ.

— Очень можетъ быть, очень! Другой разъ ночью такъ загудитъ въ трубѣ, что какъ крѣпко ни спи, а проснешься непремѣнно. Ужь крестишься, крестишься!

— Эка подумаешь, какъ лукавый-то владѣетъ человѣкомъ.

— Не говори. Теперь ей далась эта Анютка, такъ все съ ней и нянчится.

— Это Яснягина-то?

Да, зазоветъ къ себѣ и ну поить ее, и такъ напоитъ,

что та шатается! а она ее плясать заставитъ, та и пляшетъ и валяется. Смѣху-то, смѣху.

— Вишь ты!

— Свела теперь ее съ Пухтей. Коего дня зазвала какъ-то Пухтю,—ну а Анютка-то завсегда ужь торчитъ у ней,—напоила ее а Пухтя-то не сталъ пить, какъ она ни приставала. А ей все это неймется: заставила Анютку цѣловать при себѣ Пухтю. Анютка-то къ нему лезетъ, а тотъ краснѣетъ, да отъ ней отворачивается,—такъ просто комедія.

— Что же Ясняга-то смотритъ?

— Присмирѣлъ; видитъ, что не взять ему, такъ и сталъ хвостъ подкидывать всѣмъ.

— А ужь куда онъ прохитростный такой.

— Что онъ ни дѣлай, а Настасьи ему не пересилить; хоть кого приворожитъ,—проговорила Степанида.

— Степанида!—раздался звонкій дѣвичій голосъ съ горы въ это время. Коровница пошла прочь, будто она шла мимо; а Степанида стала поспѣшно дополаскивать бѣлье и сбираться домой.

XII.

Настасья сидѣла вечеромъ въ своей комнатѣ за чаемъ; вдругъ къ ней стремительно вбѣжала растрепанная Аннушка и повалилась въ ноги.

— Матушка, защити!—проговорила она задыхаясь.

Настасья, встревоженная такою неожиданностью, сурово спросила ее:

— Что это значитъ?

— Разбойникъ-то дерется, посмотри, какъ онъ избилъ меня,—проговорила Аннушка и громко зарыдала.

— Кто избилъ?—проговорила Настасья, какъ—бы не догадываясь въ чемъ дѣло.

— Мой мужъ-разбойникъ.

Настасья задумалась.

— За что же онъ прибилъ тебя?—спросила Настасья.

— Безъ всякаго резону,—отвѣчала та;—какой-то дья-

волъ насучилъ ему, будто-бы я съ Пухтей гуляю. А что у насъ съ нимъ худого было? . ровно ничего! Развѣ когда при васъ съ нимъ поцѣлуемся и то въ угодность только вамъ. А, онъ разбойникъ, и Богъ вѣсть, что́ подумалъ!

Настасья снова задумалась.

— Все таки онъ мужъ твой! какъ же тебѣ идти противъ него?—проговорила она.

— Какой онъ мнѣ мужъ! Онъ злодѣй мой!—съ злобой отвѣчала Аннушка.

— Такъ зачѣмъ же ты шла за него замужъ?

— Кто за него шолъ? Развѣ я волей шла за него? подвернулся въ тѣ поры кроткимъ да добрымъ; думала, что заступитъ мнѣ отца и мать. Кто могъ знать, что у него на душѣ было, что онъ замышлялъ недоброе... Она не могла продолжать далѣе, рыданія прервали слова ея.

— Что же онъ замышлялъ?

— Что замышлялъ?—извѣстно! Беззаконникъ проклятый! только еще когда повѣнчали насъ, такъ сперва-наперво сталъ уговаривать меня, чтобы я къ вамъ не ходила, что мнѣ неприлично водить съ вами знакомство.

— Это почему?

— А вотъ поди! Ему хотѣлось, чтобы у меня никого заступниковъ не было. Потомъ сталъ научать, какъ барина мнѣ обольщать.

— Какъ же онъ училъ тебя?—нетерпѣливо перебила Настасья.

— И говорить-то не хочется. Скаялась да ужь поздно было.

— Что же ты и послушалась его?

— Стану я его слушать! Али у меня нѣтъ креста на вороту? За тѣмъ развѣ замужъ шла, чтобы сдѣлаться....

— Самъ училъ, а теперь колотитъ за одно подозрѣніе,—проговорила Настасья.

— Билъ-бы за дѣло, такъ и не обидно бы и было; а то ни за что. Просто сказать бьетъ за то, что не удалось ему...

Между тѣмъ подали вино. Аннушка съ жадностію посмотрѣла на бутылку. Настасья сей часъ-же налила ей

цѣлый стаканъ. Она выпила его залпомъ и потомъ сама ужь налила себѣ еще и еще, и совершенно забывъ свое горе, стала пѣть пѣсни и смѣяться безъ всякой причины, а къ концу вечера, раскраснѣвшись, шла, пошатываясь, домой и въ полголоса напѣвала пѣсни.

Настасья торжествовала. Повидимому, обстоятельства принимали оборотъ для нея самый благопріятный; противъ. Ясняги все вооружалось; даже и жена его. Впрочемъ Настасья не довольствовалась еще врагами Ясняги; она старалась вооружить противъ него и Пухтю; драка съ Аннушукой давала самый удобный къ тому поводъ. Она умѣла внушить Пухтѣ, что изъ за него Аннушка страдаетъ, а потому онъ долженъ защищать ее отъ жестокостей мужа. Пухтя и безъ того ненавидѣлъ Яснягу, а подстрѣкаемый Настасьею, онъ сталъ искать случая, чтобы отмстить Яяснягѣ за все зло, которое онъ терпѣлъ отъ него. Случай скоро представился. Баринъ уѣхалъ кудато; Ясняга на свободѣ выпилъ, по обыкновенію, порядочно и принялся расправляться съ своей женой. Пухтя явился на защиту и пошла такая свалка, что еслибы сбѣжавшаяся на крикъ дворня не разнела ихъ, то врядъ-ли бы остался Ясняга въ живыхъ; потому что Пухтя расходился, трое лакеевъ едва могли съ нимъ справиться. Настасья съ нетерпѣніемъ дожидалась возвращенія барина, чтобы передать о происшествіи, въ полной надеждѣ, что это окончательно погубитъ Яснягу; но ошиблась. Какъ она ни старалась обвинить Яснягу передъ бариномъ, тотъ ему ничего ничего не сдѣлалъ; а Пухтю отдалъ въ солдаты Аннушку же велѣлъ наказать розгами и такъ озлобился на нее, что, встрѣчая ее, всегда отварачивался въ сторону. Настасья призадумалась: она сейчасъ же совершенно перемѣнилась къ Аннушкѣ: перестала ее звать къ себѣ и старалась снова сблизиться съ Яснягой, который больше всего ее безпокоилъ взятыми у него барскими деньгами. Объ этомъ она рѣшилась наконецъ поласковѣй переговорить съ нимъ и позвала его къ себѣ.

— А что, другъ мой, какъ же, ты росписалъ-ли въ расходъ деньги, о которыхъ я тебя просила?

— Никакъ, сударыня, невозможно этого сдѣлать,—отвѣчалъ тотъ.

У Настасьи загорѣлись глаза.

— Вотъ какъ ты,—проговорила она;—а если я тебѣ приказываю? Ты долженъ, кажется, меня слушаться.

— Въ чемъ слѣдуетъ-съ, я никогда изъ вашей воли не выходилъ; а такого приказанья я исполнить не могу.

— Ахъ ты, свиное рыло, смѣешь мнѣ такъ говорить,—вскричала въ гнѣвѣ Настасья.—Да знаешь ли, что я тебя уничтожу, какъ червя.

— Неприлично вамъ, сударыня, говорить, а мнѣ слушать такія рѣчи,—отвѣтилъ съ важностью Ясняга.—Мы люди подчиненные барину: его воля—казнить насъ и миловать. А вѣдь и вы такъ же, какъ я, можете отвѣтъ дать барину.

— Въ чемъ, хамъ проклятый, я могу дать отвѣтъ барину?

— Да мало ли въ чемъ. Хоть бы въ тѣхъ-же деньгахъ; извѣстно куда они ушли! Ивану Ивановичу на промотъ. Его не насытишь. Мы знаемъ, что такое Иванъ Ивановичъ и по какой линіи онъ вамъ приходится. Такъ и вамъ бы, сударыня, нужно быть поснисходительнѣе, какъ-бы, неровенъ часъ, и Ясняга не сказалъ вамъ того, что̀ вы ему говорить изволили...

— Вонъ съ глазъ моихъ...—закричала, затопавъ ногами, Настасья.

— Не больно брыкайся, умнешься,—проговорилъ злобно Ясняга, выходя отъ Настасьи.

Когда прошолъ порывъ гнѣва, Настасья одумалась; она видѣла, что поступила очень неосторожно, явно выказавши свое нерасположеніе къ Ясныгѣ; но еще болѣе смущала ее грубость его. Вѣрно, думала она, онъ имѣетъ какія-нибудь дѣйствительныя доказательства, что такъ осмѣлился говорить мнѣ. Мысль, избавиться отъ Ясняги какимъ бы то ни было средствомъ, недавала ей покоя.

Въ субботу вечеромъ Настасья встрѣтила Аннушку и, сама ужь хорошенько не зная зачѣмъ, зазвала ее къ себѣ.

— Давно мы не видались съ тобой, Аннушка;—говорила она.—Какъ-то ты поживаешь?

— Какое ужь, сударыня, житье мое,—отвѣчала сквозь слезы Аннушка.

— Что жь, мужъ обижаетъ?

— Да вотъ, какъ уѣхалъ баринъ, каждое утро встанетъ, отправится въ свою камердинерскую, нализжется, прибьетъ меня и ляжетъ спать, послѣ обѣда опять натрескается, и драться лѣзетъ. Вотъ такъ-то я и маюсь съ нимъ.

— Ахъ ты бѣдная!

— Вотъ завтра праздникъ; а онъ ужь въ церковь не пойдетъ къ обѣдни, къ этой порѣ успѣетъ нализаться. А вѣдь все ромъ пьетъ.

— Экой грѣховодникъ какой,—проговорила Настасья.—Да что ты ко мнѣ стала рѣдко ходить? Заходи почаще.

— Покорно благодаримъ,—отвѣтила Аннушка и ушла.

Проводивши гостью, Настасья сдѣлалась какою-то озабоченною, безъ всякой нужды брала разныя вещи, перекладывала ихъ безсознательно на другія мѣста, однимъ словомъ, была во весь вечеръ сама не своя. Утромъ на другой день она поднялась очень рано и суетилась безъ всякой надобности. Отдавала приказанія и сряду же отмѣняла ихъ. Наконецъ, она вскинулась на горничныхъ, что онѣ никогда въ церковь не ходятъ и услала ихъ всѣхъ къ обѣдни, а сама тихонько прокралась въ камердинерскую. Ясняга спалъ крѣпкимъ сномъ; пустая бутылка изъ-подъ рому стояла возлѣ его постели. Настасья потихоньку подошла къ спящему Яснягѣ и дотронулась легонько до лица его; но тотъ такъ крѣпко спалъ, что даже не пошевелился. Тогда Настасья оглядѣлась кругомъ, вынула изъ кармана бритву и хватила ею со всего размаху по горлу спящаго Ясняги. Ясняга забился на постели, но Настасья удержала его, стараясь только, чтобы не замараться въ крови, которая хлынула изъ раны. Потомъ она вынула ключь отъ кассы изъ кармана Ясняги, сходила въ кассу, взяла тысячу рублей и снова положила ключь въ карманъ мертвому Яснягѣ. Послѣ всего она осмотрѣла свое платье,

ушла такъ же незамѣтно въ свою комнату, раздѣлась и легла въ постель.

Вечеромъ разнесся по мызѣ слухъ, что Ясняга зарѣзался. Доложили Настасьѣ, та съ участіемъ пожалѣла о немъ и велѣла послать за полиціей и запечатать кассу.

Черезъ два дня похоронили Ясныгу за кладбищемъ безъ отпѣванія, какъ самоубійцу.

XIII.

Настасья, избавившись отъ Ясняги, торжествовала; ей уже некого было опасаться,—по ея проискамъ былъ сдѣланъ камердинеромъ Ефимовъ, человѣкъ тихій, простой и добрый, который ни въ чемъ не противорѣчилъ ей. Все покорилось ей, она сдѣлалась полною госпожою въ усадьбѣ, гдѣ всѣ трепетали и безпрекословно повиновались ея волѣ. Но, несмотря на такаго рода торжество, она постоянно была въ дурномъ расположеніи духа; постоянно была всѣмъ недовольна: угодить ей не было никакой возможности и бѣдныя дѣвушки терпѣли такія страшныя истязанія, что и вообразить было трудно. Онѣ были такъ забиты и загнаны своею тиранкою, что смотрѣть было на нихъ больно. Одна только Прасковья была несокрушимо тверда; никакія мученія не могли вызвать изъ груди ея ни стона, ни жалобы. Только по впалымъ и блѣднымъ щекамъ ея, да по большимъ голубымъ глазамъ, полнымъ безотрадной грусти, можно было видѣть, что она, при всей твердости своего характера, не въ силахъ была сносить тиранства Настасьи. А надъ нею-то всего болѣе разражалась злоба Настасьи. Прасковья была старшею ея горничной, она убирала ея голову, одѣвала ее, смотрѣла за ея гардеробомъ и, какъ старшая, отвѣчала за всѣ проступки прочихъ.

— Ну, Паша, какая ты переносливая,—говорила ей Степанида,—словно ты желѣзная!

Прасковья поглядѣла на подругу и улыбнулась; но въ этой улыбкѣ выразилась вся тяжесть и безнадежность ея страданій.

— Что ни говори, а мы надивиться тебѣ не можемъ,— продолжала Степанида.—Али ты приговоръ какой знаешь, что когда она бьетъ тебя, ты все молчишь, словно убитая: развѣ тебѣ не больно?

— Не велика радость и рюмить-то послѣ каждаго щелчка!—отвѣчала Прасковья.

— Извѣстное дѣло; а все-таки полегче, какъ поплачешь.

— Плачь пожалуй; ей же, варваркѣ, это удовольствіе,— сказала съ презрительной улыбкой Прасковья.

— Провались она сквозь землю! Эко удовольствіе смотрѣть на слезы человѣчьи!

— Что же, Стешенька, дѣлать; вѣрно на роду намъ такъ написано.

— Али нѣтъ никакого средства сбыть отъ ней?

— Да какъ же ты сбудешь-то?

— Хоть бы уйти куда нибудь.

— Эхъ ты, простота сердечная! Куда ты пойдешь?

— Да мало ли куда! Вотъ хоть бы Лунь ушолъ какъ Анютку выдали за Ясиягу, да и до сихъ поръ найти не могутъ. Нашолъ же онъ мѣсто, куда уйти.

— То Лунь, а то ты. Разница большая. Гдѣ ты бывала? Дальше Нѣшкина и дороги не знаешь.

Степанида задумалась на минуту.

— Дороги не знаешь,—проговорила она нерѣшительно,—добрые люди укажутъ дорогу.

— Тѣ же добрые люди свяжутъ и приведутъ обратно, тогда еще не такая раздѣлка будетъ,—съ горечью замѣтила Паша.

— Ахъ ты Господи! Терпишь, терпишь горе и конца ему невидно,—проговорила Степанида.

Прасковья глубоко вздохнула.

— Знаешь-ли что?—заговорила Степанида.—Пойдемъ, упадемъ въ ноги барину и станемъ просить его, чтобы онъ избавилъ насъ отъ этой напасти.

— Отправитъ за волховъ; а оттуда опять вернешься сюда,—отвѣтила съ горечью Паша.

— А можетъ быть онъ и смилуется!

— Попробуй!

— Что мнѣ пробовать? Идти, такъ идти всѣмъ вмѣстѣ.

— Пашутка!—раздался голосъ Настасьи изъ сосѣдней комнаты.

— Ты что мерзавка мнѣ худо завила локоны!—И громкія пощочины раздались по комнатамъ.—Поправь сейчасъ.

Паша схватила щипцы, которыми припекала волосы Настасьи, завернула волосы Настасьѣ въ бумажки, и стала зажимать щипцами. Легкій паръ отъ волосъ отразился въ зеркалѣ. Настасья вскочила, Прасковья не успѣла отнять щипцовъ и ухо Настасьи коснулось ихъ слегка. Настасья вскрикнула и пришла въ бешенство.

— Ты жечь меня вздумала, жечь,—говорила она, скрипя отъ злости зубами.—Такъ вотъ я тебѣ! Она разорвала рубашку Паши и калеными щипцами начала хватать за голую грудь бѣдной дѣвушки. Щипцы шипели и дымились; а нѣжная кожа лепестками оставалась на щипцахъ. Паша задрожала всѣмъ тѣломъ и глухо застонала; въ глазахъ ея заблестѣлъ какой-то фосфорическій свѣтъ и она опрометью бросилась вонъ изъ комнаты.

Братъ Паши, молодой парень, лѣтъ девятнадцати, находился поваренкомъ на кухнѣ барина. Онъ въ окно увидалъ, что сестра его разстрепанная побѣжала по направленію къ рѣкѣ. «Что нибудь да неладно», подумалъ онъ и погнался за сестрою, которую едва догналъ на берегу рѣки,—и схватилъ ее, чтобы остановить.

— Пусти меня, пусти,—говорила Паша, стараясь освободиться изъ рукъ брата.

— Куда ты бросаешься? Что съ тобой?—спрашивалъ братъ.

— Въ воду... утопиться...—отрывисто отвѣчала Паша Съ ней сдѣлался сильный истерическій припадокъ. Она зарыдала и опустилась на руки брата, который бережно опустилъ ее на лугъ и самъ незналъ, что̀ ему дѣлать.

— Паша!... Парасковья... Что съ тобою?... Что это ты задумала?—говорилъ растерявшійся братъ, ходя вокругъ сестры. Параша металась и рыдала. Наконецъ братъ до-

гадался и началъ носить пригоршнями воду и поливать на голову и грудь бѣдной дѣвушки. Она очнулась.

— Дай мнѣ испить,—проговорила дѣвушка слабымъ голосомъ.

Братъ принесъ воды и сѣлъ возлѣ сестры.

Паша молча показала брату истерзанную грудь свою и заплакала.

— Кто это такъ тебя истерзалъ?—спросилъ братъ, тревожнымъ голосомъ.

Паша разсказала брату, какъ тиранила ее Настасья.

Во время всего разсказа братъ молчалъ. Онъ только изрѣдка поскрипывалъ зубами, глаза его налились кровью и онъ судорожно сжалъ свои кулаки.

— Змѣя подколодная!—прошипѣлъ онъ, когда кончила разсказъ свой Паша. Долго продолжалось молчаніе, прерываемое болѣзненными вздохами Паши и скрипомъ зубовъ брата. Придя немного въ себя, онъ началъ что-то шептать на ухо Пашѣ, та отрицательно трясла головой, онъ горячился и махалъ руками, наконецъ Паша сама стала говорить шопотомъ брату на ухо. Долго они шептались и, повидимому, о чемъ-то жарко спорили, наконецъ Паша сказала громко.—Ну, ладно! Пусть будетъ, что будетъ!—и вмѣстѣ вернулись на мызу.

Не прошло и пяти дней послѣ этого происшествія, какъ рано утромъ прибѣжала на кухню къ барину Паша, отозвала его въ сторону и стала съ нимъ шептаться. Братъ взялъ большой поварской ножъ и сталъ точить его на брускѣ. По временамъ онъ выдергивалъ изъ головы своей волосъ, клалъ на лезвіе ножа и дулъ на него; но волосъ оставался цѣлъ, тогда съ новымъ усиліемъ онъ принимался точить ножъ. Наконецъ ножъ такъ сдѣлался остръ, что съ разу пересѣкалъ волосъ. Тогда поваренокъ спряталъ ножъ подъ передникъ и вышелъ изъ кухни.

— Что, спитъ?—спросилъ поваренокъ сестру, которая встрѣтила его у Настасьина дома.

— Спитъ, иди смѣло,—говорила Паша, проводя брата въ сѣни.

— Поди, посмотри, не проснулась ли,—сказалъ оста-

новившись въ дверяхъ, поваренокъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ и дико озирался во всѣ стороны. Паша ушла, поваренокъ вынулъ изъ подъ передника ножъ, попробовалъ его на ногтѣ большаго пальца и спряталъ.

— Спитъ мертвымъ сномъ,—сказала Паша, вернувшись къ брату.

— Нѣтъ ли кого, посмотри,—говорилъ поваренокъ, неохотно идя за сестрой.

— Да никого нѣтъ,—говорю тебѣ; я ихъ всѣхъ разослала, проговорила нетерпѣливо Паша, вводя брата въ комнату Настасьи и вышла вонъ, замкнувъ брата съ Настасьей.

Тихонько, на цыпочкахъ подкрался поваренокъ къ спящей. Настасья, закутанная до самой шеи въ бѣлое тканое одѣяло, лежала навзничь. Поваренокъ затрясся всѣмъ тѣломъ, взмахнулъ ножомъ и ударилъ имъ въ горло Настасью. Онъ былъ въ такомъ изступленномъ состояніи, что не видѣлъ, что дѣлалъ, и потому ударъ былъ невѣренъ: онъ только легко ранилъ ее въ шею и отскочилъ прочь, съ намѣреніемъ бѣжать вонъ изъ комнаты.

Настасья вскрикнула и проснулась. Поваренокъ подбѣжалъ къ ней, занесъ ножъ, чтобы повторить ударъ; но Настасья уже освободила изъ подъ одѣяла вравую руку и схватилась за ножъ убійцы: два пальпа ея правой руки упали на полъ и кровь фонтаномъ брызнула въ лицо поваренка. Онъ ударилъ ее ножомъ въ грудь.

— Вася, Василій! пощади меня: вѣдь тебѣ я ничего не сдѣлала худаго,—проговорила Настасья. Она сдѣлала усиліе, чтобы встать съ кровати и упала на полъ. Лѣвой рукой она такъ крѣпко схватила за ноги убійцу, что тотъ упалъ на нее, нанося ей раны ножомъ, куда попало.

— Не убивай меня,—просила его Настасья.—Я выхлопочу тебѣ вольную, отдамъ тебѣ всѣ деньги, какія у меня есть, я дамъ тебѣ десять тысячъ, только оставь меня живою.

Поваренокъ молчалъ и не переставалъ наносить ей новыя раны. Настасья захрипѣла. Поваренокъ бросился вонъ, вышибъ двери и побѣжалъ на кухню.

Поваръ стоялъ у плиты, задомъ къ двери, когда вошолъ Василій въ кухню и бросилъ на столъ окровавленный ножъ.

— Ты гдѣ былъ?—спросилъ его поваръ, не глядя на Василья.

— Свѣжевалъ скотину,—отрывисто отвѣтилъ Василій.

— Ты съ ума сошолъ... проговорилъ поваръ и взглянулъ на Василья.—Ты весь въ крови?—прибавилъ онъ.

— Ну, что?.. что сдѣлано, того не вернешь. Я зарѣзалъ Настасью... мрачно проговорилъ Васька.

— Караулъ! крикнулъ поваръ въ окно во все горло.

Васька бросился-было бѣжать, но сбѣжавшаяся дворня успѣла схватить его. Поваренка связали и вмѣстѣ съ сестрой посадили въ подвалъ до пріѣзда барина, который еще на канунѣ уѣхалъ изъ усадьбы верстъ за тридцать.

— Ты правду говорила, что добра изъ того не будетъ. Такъ и вышло,—говорилъ Василій сестрѣ и въ отчаяніи старался разорвать веревки, которыми былъ связанъ.

— Баба,—отвѣчала съ твердостію Паша и отвернулась, чтобы не видѣть малодушія брата.

XIV.

Прошло лѣтъ съ пять послѣ смерти Настасьи. На паромѣ рано утромъ ловилъ удочкой рыбу Гаврило Прокофьичъ. Онъ такъ былъ занятъ, что невидалъ, какъ съ другой стороны подъѣхалъ на лодкѣ солдатъ и, взойдя на паромъ, подошолъ къ удившему Гаврилѣ и взялся за удочку.

— Не балуй, отстань,—сердито проговорилъ Гаврило и взглянулъ на солдата.

— Пухтя! вона это кто—а!—воскликнулъ радостно Гаврило, бросая удочку.

— Еще Богъ судилъ намъ свидѣться, Гаврило Прокофьичъ! Все ли по добру по здорову у васъ? говорилъ Пухтя, цѣлуясь съ Гавриломъ.

— Да что-же мы тутъ стоимъ? Пойдемъ на мызу,—заговорилъ Гаврило.

— Нѣтъ, вотъ сядемъ здѣсь на скамейку да потолкуемъ. Успѣемъ еще, сказалъ, садясь на скамейку, Пухтя.

Гаврило сѣлъ возлѣ него и внимательно разсматривалъ стараго товарища.

— Какъ у васъ и что подѣлывается? Что баринъ?

— Баринъ,—проговорилъ Гаврило и оглянулся,—еще сталъ лютѣе, а особливо послѣ смерти Настасьи.

— Развѣ она умерла? Вотъ дѣло-то какое.

— У насъ дѣловъ сколько хочешь. Не своей смертью умерла, покойница, не тѣмъ будь помянута. Зарѣзали ее.

— Кто же?

— Васютку поваренка помнишь?

— Какъ не помнить. Такой былъ шустрый мальчишка.

— Ну, вотъ онъ и зарѣзалъ ее. Сестра-то его, Пашутка, терпѣла, терпѣла, да хотѣла ужь топиться съ горя; а онъ и позаступился за нее.

— Что-же, небось, баринъ его запоролъ до смерти?

— Какое!.. И не вспоминай! Страсти такія были, что и не приведи Господи! Сколько народу православнаго погибло.

— Какъ же это такъ?

— Просто брали, да въ острогъ въ городъ отправляли, а потомъ здѣсь же кнутомъ и сѣкли.

Пухтя покачалъ головою.

— Васютку съ Пашуткой засѣкли на смерть.

— Бѣдные, бѣдные!

— Чего, даже протопопа выгналъ вонъ баринъ.

— А протопопа-то за что?

— Видишь, баринъ удумалъ въ церкви похоронить Настасью, тотъ не согласился; онъ его и вонъ, а Настасью все таки похоронилъ въ церкви.

— Экой грѣхъ какой!

— У насъ во дворѣ все новые, насъ только трое осталось,—помолчавъ проговорилъ Гаврило.

— А Ясняга?—спросилъ Пухтя не безъ волненія.

— Зарѣзался, сердечный!

— Какъ такъ?—поспѣшно спросилъ Пухтя.

— Пилъ да гулялъ, да деньги барскія промоталъ. Бритвой и хватилъ себя по горлу. Двухъ тысячъ цѣлковыхъ не досчитались, какъ стали послѣ него повѣрять кассу. Хоть бы женѣ сколько нибудь оставилъ; а то осталась бѣдная безъ гроша.

— Гдѣ же она теперь? Жива?—съ участіемъ спросилъ Пухтя.

— Жива-то жива; а лучше бы было, еслибы ее прибралъ Богъ.

Пухтя поблѣднелъ, какъ полотно.

— Какъ зарѣзался мужъ-то,—продолжалъ говорить Гаврило, не обращая вниманія на волнненіе Пухти,—ей дѣться то было некуда. Отецъ, самъ знаешь, бѣжалъ; говорятъ, что ушолъ въ скиты къ раскольникамъ, мать извелась съ горя, осталась только бабка старуха и та живетъ въ чужихъ людяхъ. Куда ей было дѣваться? Вотъ и опредѣлили ее на скотный дворъ. Сперва крѣпилась она долго, потомъ начала пить да гулять съ матросами да такъ догулялась, что теперь ее и не узнаешь: долго была въ лазаретѣ несчастная, да, знать, ее ужъ не вылечить. Такъ теперь Христовымъ именемъ и живетъ.

— — Да что это ты, аль нездоровится,—спросилъ Гаврило Пухтю, посмотрѣвъ на помертвѣвшее лицо его.

— Такъ, ничего, это пройдетъ.

— Пойдемъ же на мызу.

— Нѣтъ ужъ, спасибо! Я вернусь назадъ. Дѣлать мнѣ тамъ нечего.

— Да хотѣ пообѣдать.

— Спасибо, Гаврило Прокофьичъ!—сказалъ Пухтя, обнялъ крѣпко стараго товарища, поцѣловалъ и пошолъ къ лодкѣ.

—Вернись, пообѣдай!—кричалъ ему въ слѣдъ Гаврило.

Пухтя даже не обертывался на его слова.

1860 г.

ЕСТЬЯНСКАЯ ШУРМА.

ЕСТЬЯНСКАЯ ШУРМА.

I.

На рѣчкѣ Нишѣ широко раскинулась деревня Естьяны, деревня богатая, при столбовой московской дорогѣ, верстахъ въ двухъ отъ знаменитаго въ то время бронницкаго перевоза черезъ рѣку Мсту. Весной и осенью, а вчастую и лѣтомъ обозы, лошадей по сту и болѣе, дожидали перевозу по недѣлямъ; движенie было большое по дорогѣ; тогда Бронница не могла вмѣщать у себя всѣхъ проѣзжихъ, отчего доставалось много Естьянаммъ. Земли, принадлежащiя естьянскимъ крестьянамъ, были самыя лучшiя въ Новгородской губернiи. Кому неизвѣстно бронницкое сѣно? Этимъ-то сѣномъ промышляла вся Холынская волость, широко-раскинувшаяся къ Новгороду и къ Ильменю озеру верстъ на сто изъ конца въ конецъ. Въ этой волости было двадцать-девять деревень. Изъ всѣхъ этихъ деревень Естьяны имѣли большее значенie по своему положенiю у большой дороги, многолюдству, богатству и большей развитости крестьянъ; даже Холыня—не менѣе богатая и населенная—уступала Естьянамъ, несмотря на то, что вся волость носила ея имя. Привольно и весело жили крестьяне въ Естьянахъ: хлѣба у нихъ было вдоволь, промысловъ всякихъ, въ деньгахъ не больно нуждались, за то въ деревенскiй праздникъ вся волость гостила въ Естьянахъ и гуляла дней по пяти.

Въ 1817 году, въ ильинъ день, послѣ обѣдни, божонскiй священникъ отецъ Андрей, въ эпитрахели, съ крестомъ въ рукахъ, съ открытою головою ходилъ изъ дома въ домъ по Естьянамъ; за нимъ слѣдовали дьячокъ и пономарь: у одного было въ рукахъ блюдо со святой водой и кропило, а другой подъ мышками носилъ хлѣбы. Народъ

толпился на улицѣ, не обращая вниманія на священника; шумные разговоры перерывались иногда крикомъ или пѣснью, вдругъ обрывающеюся на полсловѣ смѣхомъ; изъ оконъ выглядывали крестьяне съ раскраснѣвшимися и потными лицами отъ сытнаго угощенія. Дѣвки стояли кучами у большихъ домовъ или у качелей; хороводы еще не начинались. Священникъ гдѣ-то скрылся въ дому; остался на улицѣ посреди толпы мужиковъ длинный дьячокъ въ нанковомъ синемъ полукафтаньѣ, нескрывающемъ широкихъ голенищъ сапоговъ, осѣвшихъ къ самой ступнѣ. Онъ разсуждалъ горячо, махалъ хлѣбомъ—въ правой его рукѣ, а лѣвою поправлялъ длинные густые волосы, которыми игралъ вѣтеръ. Его неровныя движенія и покачиваніе изъ стороны въ сторону показывали, что онъ уже успѣлъ вкусить отъ празднественной трапезы малую-толику.

У двора Евдокима Немочая, на широкой площадкѣ, раздался здоровый, звонкій голосъ запѣвалы, собрался хороводъ, народъ къ нему прихлынулъ. Сзади густой толпы, до двадцати порядочныхъ дѣвушекъ, взявшись за платки, едва двигались вокругъ и пѣли хоромъ пѣсню; въ срединѣ ходилъ статный парень въ ситцевой, александрійской рубахѣ, заломивши шляпу на бекрень и помахивалъ платкомъ. Это былъ младшій сынъ Немочая—Калина.

Мальчикъ дѣвушкѣ поклонъ...
И платочекъ изъ рукъ вонъ

пѣли въ хороводѣ. Калина остановился противъ Груни, молодой и красивой дѣвушки, снялъ шляпу и низко поклонился. Груня раскраснѣлась, опустила въ землю глаза, выдернула изъ рукъ его платокъ и бросила на землю. Хороводъ остановился, а пѣсня продолжалась. Долго ломались они другъ передъ другомъ по содержанію пѣсни: вотъ Груня пошла въ средину, хороводъ двинулся, и Калина съ Груней заходили въ срединѣ его, стараясь выражать движеніями содержаніе пѣсни. Около часу расхаживали Груня съ Калиной, окруженные хороводомъ и закончили игру церемоннымъ поцалуемъ. На все это народъ смотрѣлъ молча; только молодые парни, стоящіе за хороводомъ, иногда подмигивали дѣвушкамъ, когда встрѣчали ихъ глаза, или

послѣ какой-нибудь остроты, отпущенной полупьянымъ мужикомъ, раздавался оглушительный хохотъ, покрывающій пѣсни. Къ вечеру народъ все больше-и-больше скоплялся на улицѣ. Пьяные мужики, человѣкъ по пяти взявшись за руки, ходили, подергивая другъ друга изъ стороны въ сторону и дико горланя пѣсни, какая кому пришла въ голову. Или, уставившись одинъ противъ другаго и тщетно стараясь соблюсти равновѣсіе, разсуждали, нисколько не слушая и не понимая другъ друга. У домовъ на скамьяхъ и на землѣ было много группъ крестьянъ; имъ выносили ведрами пиво, которое они тянули изъ большой *ендовы*, переходящей изъ рукъ въ руки. Бабы на всю улицу разсказывали свои секреты и, широко размахивая руками, повѣряли другъ другу свое горе и радости. Ребятишки шмыгали, какъ стрижи вечеромъ, съ крикомъ и воплемъ. Въ иныхъ мѣстахъ молодые парни играли въ *городки*, хвастая силой и удальствомъ; когда же побѣдители, взобравшись на плеча побѣжденнымъ, ѣздили на нихъ изъ городка въ городокъ, мальчишки съ гиканьемъ и смѣхомъ бѣгали толпами за ними при общемъ веселомъ хохотѣ. Вездѣ, куда ни посмотришь, кипѣлъ и копошился народъ, а въ воздухѣ безостановочно гудѣли пѣсни.

«Праздницкая»—желанный день для русскаго крестьянина! Для него онъ бьется цѣлый годъ, на него онъ тратитъ послѣдній грошъ, чтобъ на славу угостить своихъ *сродцевъ* и *суспдовъ*, чтобъ вдоволь было и пива и вина, и хлѣба-соли всякому *хрещоному*—встрѣчному и поперечному. Широко распахнуты двери для всякаго, хлѣбъ-соль не сходитъ со стола, пиво и вино подается всѣмъ безъ разбору. Зайдетъ странникъ, его не спрашиваютъ чей онъ и откуда, а подаютъ кусокъ пирога и пива—сколько душа приметъ; идетъ ли мимо двора человѣкъ, котораго разъ въ жизни только видѣлъ хозяинъ гдѣ-нибудь на праздникѣ—его усердно просятъ хлѣбомъ-солью, крѣпкимъ пивомъ и зеленымъ виномъ; или ввалится въ избу веселая толпа и садится прямо за столъ; несмотря ни на какую пору, имъ предлагаютъ хлѣбъ-соль и радушное угощеніе. Хозяйка только и знаетъ, что бѣгаетъ въ клѣть за пирога-

ми и лазитъ въ печь за щами и кашей; а хозяинъ ходитъ въ подъизбицу за пивомъ и виномъ. За то верстъ за тридцать идутъ на праздникъ. Идетъ другой въ деревню на праздникъ, тащитъ на плечахъ узелъ съ нарядами и сапогами, вовсе не имѣя ни родныхъ, ни короткихъ пріятелей, и въ полной надеждѣ, что будетъ сытъ и пьянъ. Славное русское хлѣбосольство—вѣрное выраженіе славянскаго братства! Ты сохранилось только между простымъ народомъ, наше славянское братство, въ силу котораго такъ крѣпко сплотился русскій народъ; ему всякій землякъ, будь онъ съ Москвы, съ Нижняго, съ Архангельска, все одинъ и тотъ же русскій человѣкъ, тотъ же *хрещоный* и ему нѣтъ отказа нигдѣ, ни въ тепломъ углѣ, ни въ хлѣбѣ-соли. Пришелся ты русскому человѣку по сердцу—онъ побратается съ тобою, помѣняется крестами за стаканомъ вина и отдастъ за тебя свою послѣднюю копейку и свою душу, только если ты ему по обычью и по норову. Русское братство! Не ты ли было началомъ русской общины; не ты ли спасало Русь, когда ей грозили бѣды, когда она возставала предъ изумленными врагами вся поголовно съ такою страшною силой, что могущественные народы трепетали тебя? И на это-то братство, на эту хлѣбъ-соль русскую накладывали руку, хотѣли изъ русскаго человѣка сдѣлать, если не француза, то по крайней мѣрѣ нѣмецкаго бюргера, чтобъ онъ за кружкой пива и въ копоти табачнаго дыма сидѣлъ по цѣлымъ часамъ молча въ харчевнѣ, или толковалъ о политикѣ, не принимая въ ней дѣятельнаго участія. И зачѣмъ было гнать это историческое братство изъ русской земли? Кому оно мѣшало? Мало ли кому... несогласно съ новѣйшими теоріями, не укладывается въ соціальныя рамки Прудона и Луи-Блана... Пировали же наши предки по цѣлымъ недѣлямъ и не ходили по міру, не умирали съ голоду. Прожили же они безъ Миля и Прудона и мы прожили безъ нихъ. Недаромъ русскій человѣкъ отъ нѣмца держалъ себя подалѣе; онъ зналъ, что татаринъ и цыганъ его обманутъ, оберутъ, если оплошаетъ: но этимъ дѣло и кончится; а нѣмецъ норовитъ взнуздать, да сѣсть на тебя верхомъ и ѣздить, по-

ка совсѣмъ не измочалитъ. И онъ былъ правъ въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ ниже.

Между-тѣмъ, на улицѣ народъ все прибывалъ и разгулъ усиливался. Вотъ выдѣлились изъ толпы три мужика еще не очень старые, но одѣтые вовсе не попраздничному, въ лаптяхъ, крѣпко притянутыхъ къ ногамъ длинными ременными *оборами*, заплетавшими ногу крестъ на крестъ отъ ступни чуть не до колѣна, въ сѣрыхъ поношеныхъ кафтанахъ, застегнутыхъ кожанымъ ремнемъ, на которомъ болтались складень и рогъ, заплетенный берестой. Народъ разступался передъ ними и давалъ дорогу, Мужики вошли въ домъ, хозяйка засуетилась, хозяинъ началъ угощать виномъ дорогихъ гостей. Это были пастухи. Пастухъ—бранное слово между народомъ; этимъ словомъ доѣдешь другаго мужика лучше, чѣмъ другимъ крѣпкимъ, которое ему уже пріѣлось. Между тѣмъ пастухи у нашего народа пользуются почетомъ. Бездомный бобыль—большею частью изъ Витебской губерніи, безъ пристанища и имущества, съ однимъ только складнемъ и рогомъ—пастухъ нанимается на лѣто пасти стадо и кормится въ деревнѣ у кого день, у кого два, носитъ чужую одежду, того хозяина, у котораго ночуетъ. Какое бы могъ имѣть значеніе онъ въ деревнѣ? Его боятся и уважаютъ, чтобъ онъ не причинилъ какого зла *животу*, не наворожилъ, не испортилъ бы. Сколько вы ни увѣряйте крестьянина, особенно бабу, что пастухъ не можетъ колдовствомъ сдѣлать ничего, что это—вздоръ, они останутся при своемъ убѣжденіи, что если *животы* здоровы, что если нѣтъ потраты отъ звѣря, они обязаны умѣнью пастуха заговаривать стато отъ *болѣстей* и звѣря. Крестьяне вполнѣ убѣждены, что если осердится пастухъ—наворожитъ такія бѣды, что весь скотъ изведется. Пастухи это знаютъ и пользуются невѣжествомъ крестьянъ, важничаютъ передъ ними, а тѣ оказываютъ имъ почетъ и чествуютъ лакомымъ кускомъ. Конечно, всему этому есть причины: постоянно обращаясь со скотомъ, пастухи подмѣчаютъ его инстинктивныя влеченія, которыя умѣютъ употреблять въ свою пользу; такъ въ большомъ лѣсу у хорошаго пастуха никогда не

разбредется стадо, не заблудится корова; у него корова даетъ больше молока, если онъ во время гоняетъ стадо къ водопою, не держитъ его въ лѣсу во время сильнаго *овода*; но если онъ захочетъ доѣхать мужика, такъ загоняетъ корову, что та начнетъ доиться кровью. Все это поселяетъ въ простомъ человѣкѣ убѣжденіе, что пастухъ—колдунъ, и потому онъ честитъ ихъ, чтобы были къ нему милостивы. За то возмутительно-безсовѣстно пользуются невѣжествомъ крестьянъ пастухи, небрежно пасутъ стадо и даромъ только берутъ деньги съ крестьянъ; по буднямъ пастухъ по цѣлымъ днямъ спитъ гдѣ-нибудь подъ тѣнью или ковыряетъ лапти, а стадо, пущенное на произволъ, бродитъ гдѣ попало. Въ праздникъ же пастухъ всегда угощается въ деревнѣ и ему никто не смѣетъ слова сказать. На всѣ праздницкія пастухи ходятъ другъ къ другу въ гости; деревенскій пастухъ водитъ ихъ изъ дома въ домъ; до стада же имъ нѣтъ заботы—оно брошено безъ присмотра; сплошь и рядомъ случается, что послѣ праздницкой, другой крестьянинъ ищетъ лошади или коровы дня по три и совсѣмъ не находитъ. Это—одно изъ золъ, разоряющихъ крестьянъ; *животомъ* богатъ крестьянинъ; но гдѣ же можетъ быть хорошъ скотъ, когда такъ дурно пасутъ его лѣтомъ. На это зло не обращаютъ вниманія. Стоитъ ли заниматься такой дрянью, какъ пастухи; безъ нихъ у насъ есть много важныхъ дѣлъ!...

Къ ночи разгулъ пошелъ шумнѣе, завязывались во многихъ мѣстахъ драки, не мало было побито скулъ и носовъ, не мало валялось на улицѣ и за дворами пьяныхъ. Пѣсни далеко разливались въ воздухѣ по зарѣ и вплоть до утра народъ бродилъ и оралъ на улицѣ.

II.

Въ избѣ у Евдокима Немочая было собраніе. Въ переднемъ углу за столомъ сидѣлъ крестьянинъ въ александрійской рубахѣ лѣтъ подъ шестьдесятъ, но здоровый и бодрый; кое-гдѣ пробивалась въ густыхъ рыжеватыхъ его волосахъ сѣдина, лицо его все заросло волосомъ, борода и усы вились космами и закрывали всю грудь; изъ подъ гу-

стыхъ и длинныхъ, нависшихъ бровей сверкали маленькіе, зеленоватаго отлива глазки и бойко бѣгали съ предмета на предметъ; носъ немного расплылся по лицу и оканчивался плоскою пуговицею, рдѣвшею багроватымъ цвѣтомъ и покрытый изрѣдка блестящими волосами. Это былъ Знатный. Съ Знатнымъ рядомъ сидѣлъ немного помоложе его земской съ совершенно плѣшивой головой и съ широкой бородой, распущенной по груди, какъ вѣеръ, русаго цвѣта. У окна возлѣ Земскаго помѣщался Немочай; ему было пятьдесятъ-пять лѣтъ, но онъ казался старѣе своихъ товарищей; сухощавое, чистое лицо его все было покрыто морщинами; въ темнокаштановыхъ волосахъ его много было сѣдины, борода его была не велика, клиномъ; рѣдкіе волоса, цвѣта близко къ черному, были жестки и грубы какъ конскій волосъ. Далѣе кругомъ стола сидѣли Осипъ Тимоѳѣевъ, Пароенъ Ѳоминъ, Архипъ Черный, Пароенъ Карповъ, Ѳилатъ Александровъ, все пожилые крестьяне. У чулана, опершись на липу, стоялъ старшій сынъ Немочая, Ѳома, здоровенный дѣтина лѣтъ тридцати бѣлый и румяный, съ занимающеюся бородой золотистаго цвѣта по всему лицу.

— Одолѣла насъ вражья сила, говорилъ плавно, не торопясь, Знатный, ровнымъ голосомъ:—попустилъ Господь по грѣхамъ нашимъ, и не откуда ждать намъ спасенья.

— Сами вы виноваты, Антипъ Спиридонычъ, отвѣчалъ ему разбитымъ, тонкимъ голосомъ Немочай.—Не хотѣли жить въ святомъ *согласіи*, распустили дѣтей своихъ, вотъ и прогнѣвили Господа-Бога и послалъ на васъ скорбь великую, яковаже не бысть отъ начала вѣка.

— Не такъ думаютъ, Евдокимъ Михайлычъ, замѣтилъ земскій:—высоцкіе; они этимъ похваляются, новизна ихъ обольстила, глаза заслѣпила, считаютъ они великимъ благодѣяніемъ и молютъ еще за графа Бога, что далъ имъ льготъ столько.

— Антихристово навожденье, отвѣчалъ Немочай.

— Нечѣмъ намъ хвалиться, сказалъ Знатный:—было плохо житье, теперь еще плоше приходится, а впредь и не уразумѣешь, что будетъ. Да вотъ хотя бы на счетъ

такихъ порядковъ, что вы скажете? Вотъ, Никонъ Степанычъ, прочти-ка эту граматку, пусть *послухаютъ хрещоные* да умомъ-разумомъ раскинутъ, что изъ этого выйдетъ.

Знатный подалъ земскому листъ бумаги, четко исписанный.

Земскій развернулъ бумагу, стряхнулъ ее, расправилъ рукой по столу и началъ читать нетвердо, повременамъ складывая про себя слова. Всѣ его слушали съ напряженнымъ вниманіемъ.

«Приказаніе графа Аракчеева, октября дня 1816 года.

«По повѣленію его сіятельства генерала графа А. А. Аракчеева, Высоцкая волость, получивъ новое управленіе, пользуются нижеслѣдующими преимуществами:

«1) Пожаловано отъ е. и. в. каждому крестьянину волости въ полную собственность по одной лошади.

«2) Каждое селеніе оной избавляется отъ подводъ въ Спаскую Полѣстъ.

«3) Отъ исправленія псковской дороги (эта дорога отстоитъ отъ волости за пятьдесятъ верстъ).

«4) Отъ содержанія сборной избы.

«5) Отъ содержанія сотскаго въ вотчинѣ и отъ посылки его въ Новгородъ.

«6) Отъ подводъ для земскаго суда и фор... рцы... та... твердо... мыслете... есть... форшт... форт... форъ» твердилъ земскій и никакъ не могъ произнести слова форштмейстеровъ.

— Оставь это богомерзкое прозвище и читай дальше, сказалъ Немочай.

Земскій продолжалъ:

«7) Отъ провожанія колодниковъ, которые проводимы будутъ солдатами.

«8) При выходѣ вдовъ или дѣвокъ замужъ за солдатъ, выдается въ награжденіе по двадцати-пяти руб.

«9) Батальонный лекарь будетъ казенными лекарствами лечить больныхъ обывателей безъ всякой платы...»

Немочай плюнулъ на сторону и перекрестился большимъ крестомъ; собесѣдники послѣдовали его примѣру... «кто пожелаетъ и прививать дѣтямъ коровью оспу» продолжалъ земскій.

«10) Для предохраненія отъ пожаровъ, какъ случилось съ 23-го на 24-е августа въ селѣ Высокомъ (гдѣ, отъ неосторожности одного обывателя, пострадали всѣ крестьяне съ потерею домовъ и имущества), приказывается строго: во всякой избѣ имѣть фонарь и свѣчи и не иначе, какъ съ ними выходить во дворъ; лучину же зажигать въ избѣ не запрещается. Ежели же кто изъ *поселянъ* будетъ примѣченъ, что выйдетъ въ амбаръ, въ гумно или хлѣвъ не съ фонаремъ, а съ лучиною, или не будетъ имѣть въ домѣ своемъ исправнаго фонаря со свѣчей, то въ примѣръ другимъ строго того накажутъ; зачѣмъ и приказано смотрѣть, и, въ случаѣ неисполненія сего, доносить солдатамъ, у нихъ квартирующимъ. Фонарь долженъ всегда висѣть въ избѣ подъ палатями, такъ чтобы вошедъ въ избу, всякій могъ его видѣть.

«11) Каждому жителю не возбраняется обо всѣхъ своихъ нуждахъ во всякое время входить съ просьбами откровенно въ комитетъ, въ селеніе Буреги.

«12) Имѣть дороги и мосты, *ежели есть въ близости къ деревнямъ*, въ исправности.

«13) Всѣ препорученія ввѣряются старшинѣ, коему и исправлять въ точности, а крестьянъ оберегать по долгу совѣсти и присяги.

«14) Непремѣнно руководствоваться особымъ предписаніемъ о нарядѣ подводъ, отнюдь не смѣя безъ вѣдома начальства дѣлать излишній нарядъ.

«15) Денегъ никакихъ съ крестьянъ безъ письменнаго его сіятельства приказанія не собирать.»

Земскій кончилъ, сложилъ бумагу и подалъ Знатному. Настала глубокая тишина. Немочай свѣсилъ голову на грудь и соображалъ; прочіе собѣсѣдники кидали на него любопытные взоры изподлобья; но Немочай все сидѣлъ молча и понуривъ голову.

— Стало-быть, послѣднія времена пришли, Евдокимъ Михайлычъ? спросилъ съ глубокимъ вздохомъ Парфенъ Ѳоминъ.

Немочай окинулъ ястребинымъ взоромъ собраніе.

— Ѳомка! что стоишь, развѣся-то уши? Хоть бы пив-

ца принесъ да почестилъ бы дорогихъ гостей, сказалъ онъ сыну.

— Послѣднія времена... антихристово царство... заговорилъ протяжно своимъ разбитымъ голосомъ Немочай:— или не разумѣете, что святое писаніе во очію сбывается. Знаменія небесная въ разумѣніе людямъ приходятъ.

Ѳома поставилъ на столъ большую мѣдную ендову съ пѣнившимся и шипѣвшимъ пивомъ.

— Милости прошу, Антипъ Спиридонычъ, Никонъ Степанычъ и всѣ *хрещеные*, говорилъ Немочай, стоя и кланяясь на всѣ стороны. Знатный сложилъ руку, пригнувъ большой палецъ съ мизинцемъ и безъимяннымъ и дунувъ на вытянутыя указательный и средній персты, сотворилъ большой крестъ на себѣ и надъ ендовой, подулъ на нее крестообразно, потянулъ пива и передалъ земскому. Ендова пошла изъ рукъ въ руки.

Немочай оперся обѣими руками на столъ, положилъ на руки голову и заговорилъ.

— Не видѣли развѣ эту зиму знаменія на небеси, когда врата небесныя растворилися и сіяніе славы озарило все небо отъ сѣвера?

— Видѣли, Евдокимъ Михайлычъ, видѣли всѣ хрещоные, заговорили собесѣдники.

— Видѣли и не уразумѣли знаменія сего, отвѣчалъ имъ Немочай.

— А что оно знаменуетъ? спросилъ Знатный.

— Знаменуетъ оно, завелъ разбитымъ голосомъ плавно Немочай:—что съ святой книги снята отцомъ большая первая печать и на землю пришло антихристово царство. Пришелъ онъ, и кроется въ глубинахъ морскихъ, въ пространствахъ аера и посылаетъ на землю клевретовъ своихъ смущать хрещоныхъ людей разными соблазнами. Вотъ ты, Никонъ Степанычъ, читалъ въ бѣсовской-то граматѣ, обратился онъ къ земскому:—что Высоцкая волость пользуется нижеслѣдующими преимуществами. А какія это преимущества? Одно дьявольское навожденіе. Хитро лукавый врагъ ихъ путаетъ. Говоритъ, ни подворъ въ Полѣсть, ни сотцкихъ не будетъ... подумаешь, что настала

красная пора для хрещоныхъ: а тамъ говоритъ, что подводы будутъ брать.

— Значитъ, оно если принять въ разсужденіе знаменіе и все прочее, какъ надо быть, стало быть приходится самъ-то онъ Аракчеевъ и выходитъ антихристъ, произнесъ съ разстановкой Парѳенъ Ѳоминъ.

— Не онъ антихристъ, а дѣйствующій силой антихриста, Аполліонъ звѣрь седмирогій, драконъ, ему же царствовать на землѣ сорокъ-два мѣсяца, мучить святыхъ и праведныхъ и устраивать антихристово царство. Ты слышалъ, что Никонъ-то Степанычъ читалъ во вражескомъ писаніи, что лекаря будутъ лекарствами лечить, то есть проклятыми зельями будутъ мучить и отравлять хрещоныхъ, кто не съ доброй воли будетъ принимать на себя знаменіе антихристово. А младенцовъ-то святыхъ удумали они печатію антихристовою печатать, будто бы какую-то коровью оспу прививать. Какъ выржжетъ онъ на рукѣ печать, такъ на всю жизнь и останется, съ нею и умретъ.

— А вотъ если кому привьютъ во младенчествѣ оспу эту, у того не бываетъ ужь ей и лицо гладкое, нещадривое; я много видалъ таскихъ, возразилъ Знатный.

— Надо сперва испытать, откуда это исходитъ, отвѣчалъ Немочай.—Лучше остаться съ корявымъ лицомъ и сохранить образъ божій, чѣмъ на вѣки-вѣчные погубить душу свою и мучиться въ гееннѣ огненной. Васъ одолѣла вражья сила, вы потому и стоите за вражью новизну. Укажи мнѣ, гдѣ въ писаніи сказано про коровью оспу?... Да что и говорить про васъ, когда съ доброй воли исказили образъ божій, сбрили себѣ бороды... «Постризало да не взыдетъ на браду твою»— вотъ, что̀ въ заповѣди сказано.

— Не кори насъ напрасно, Евдокимъ Михайлычъ, отвѣчалъ ему огорченный Знатный.—Встали-было мы за святые обычаи нашихъ праведныхъ родителей, да не подъ силу стало—одолѣла вражья сила.

— Кто у васъ всталъ и много ли? спросилъ Немочай съ насмѣшливымъ видомъ.

— Немного насъ было, правду сказать. Захаръ да

Петръ съ Высока, Антонъ да Иванъ большой да Трофимъ съ Крупичина, Герасимъ съ Шевелева, Юда съ Паспоротна, съ Горокъ трое еще пристали, начали народу *хрещоному* говорить, что не слѣдъ Аракчееву кориться да отъ вѣры отступать... Перехватали всѣхъ, заковали и увезли далеко за Сибирь.

— Когда это ихъ провезли? Мимо насъ, кажись, никого не провозили, сказалъ земскій.

— Не мимо васъ и везли; а черезъ Тихвинъ на Ярославъ, чтобы и Москву миновать. Сказываютъ, на край свѣта увезли, гдѣ день-то одинъ разъ въ году бываетъ...

— А не хватило васъ постоять грудью... сказалъ язвительно Немочай.

— Если бы ты видѣлъ, Евдокимъ Михайлычъ, сколько нагнано у насъ солдатъ, видимо невидимо, въ каждомъ домѣ по пяти человѣкъ; а еще въ полѣ сколько... Никакой силой не возмешь съ ними. Пришлось кориться, отвѣчалъ Знатный.

— Слухъ носится, что и шинели понадѣвали иныя, сказалъ земскій.

— Да. Всѣмъ этимъ дѣломъ заправляетъ нѣмецъ Бухмаръ (Бухмееръ), прехитростный человѣкъ...

— Двурогій звѣрь, помощникъ ему, иже и чудеса содѣетъ, вставилъ Немочай.

— Онъ сперва, продолжалъ говорить Знатный:—нарядилъ ребятъ лѣтъ отъ десяти до семнадцати. Вдругъ этакъ по всѣмъ деревнямъ понаслалъ солдатъ съ платьемъ, собрали ребятъ на улицу и стали наряжать въ солдатское платье. Завидѣли все это бабы и старухи, ударились выть и причитать, подняли на улицѣ такой гвалтъ, что стонъ стономъ пошелъ. Ну, и то сказать, думали, что сейчасъ и угонятъ... А ребята, народъ глупый еще, не понимаютъ, одна игра на умѣ... Одѣли это ихъ, отпустили, только строго на строго заказали, чтобы во весь день не скидали солдатскаго платья и на другой день велѣли одѣваться въ него же; а чтобы мужицкаго ничего не смѣли носить и въ однѣхъ рубахахъ не ходили, приставили надсмотрщиковъ изъ солдатъ. Ну, ребята глупые, пошли рас

хаживать по улицѣ, да солдатъ представлять...

— Такъ только ребятъ-то и одѣли? Надъ младенцами издѣваются! замѣтилъ Архипъ Черный.

— Черезъ недѣлю привезли новое платье и взрослымъ, продолжалъ Знатный.—Старое поопаслися дать, чтобы не побрезговали, собрали крестьянъ въ Высокомъ, да поголовно всѣхъ до сорока лѣтъ и одѣли. Истинно горестно смотрѣть было на нихъ: у иного бородища большущая, чуть не до колѣнъ и широкая, во всю грудь—а самъ куцый въ солдатскомъ платьѣ, повернуться не знаетъ какъ въ немъ. Иные подумали, что не стать носить бороду, когда одѣли солдатами, взяли и остригли сами бороды, да волоса на память попрятали, чтобы, какъ умирать станутъ, вмѣстѣ съ ними положили.

— Удумали знатно! замѣтилъ насмѣшливо Немочай.— Не пристанутъ волосы къ бородѣ; коли сами волей остригли! И то сказать, отшатнулись отъ святаго *согласія*, съ доброй воли вошли въ кабалу антихристову слугѣ.

— Да вѣдь Аракчеевъ—царскій слуга, Евдокимъ Михайлычъ, замѣтилъ земскій.

— Не царскій онъ слуга, а антихристовъ. Нашъ царь необневолитъ народа хрещенаго въ кабалу идти къ нечистому. Давно ль была пора, что понадобилось ему войско съ супостатомъ биться. Не одѣлъ онъ насильно въ солдатское платье, не велѣлъ брить бородъ: а какъ есть хрещеный во образѣ божіемъ, только на шапки кресты надѣлъ: знай, молъ, что идутъ положить животъ свой за вѣру святую, да за царя, и Богъ помогъ ему побороть враговъ. Обольщаютъ его, застилаютъ глаза всякими хитростями; а кабы онъ зналъ, какое горе терпятъ хрещеные, не далъ бы воли Аракчееву хитрить такъ.

— Дойдетъ и до васъ чередъ, сказалъ Знатный.—Питебская и Хутынская волости полны солдатами; а отъ Хутынской волости до васъ рукой подать.

— Не бывать тому: родители наши умолятъ предъ Господомъ за насъ грѣшныхъ, отвѣтилъ встревоженный Немочай.

— Оборони Богъ! сказалъ Осипъ Тимофеевъ.

— Слыхалъ я за вѣрное, что Аракчеевъ хочетъ всѣ волости здѣшнія на «поселенія» повернуть, проговорилъ Знатный.

— Да еслибъ и хотѣлъ, такъ не попуститъ Богъ; немного ему дѣйствовать: времени-то всего сорокъ-два мѣсяца, отвѣтилъ Немочай.

— А съ которой поры считать-то надо? спросилъ земскій.

— Извѣстно, съ той, какъ онъ началъ хрещеныхъ смущать и утѣснять.

— Ну, такъ ему еще много времени остается, сорокъ-одинъ мѣсяцъ, оно выходитъ не вступно четыре года. Въ это время онъ успѣетъ все русское царство въ солдаты сдать при помощи вражьей силы, замѣтилъ знатный.

Немочай задумался.

— А что, Евдокимъ Михайлычъ, если и въ правду онъ до насъ доберется? спросилъ Осипъ Тимофеевъ.

— Не добраться ему до насъ: молитвы родителей нашихъ праведныхъ не допустятъ, говорю я вамъ.

— Крѣпко ты надѣешься на родителей, Евдокимъ Михайлычъ; не застали бы врасплохъ, сказалъ ему Знатный.

— Мы отъ вѣры родителей не отступали; на нихъ и надѣяться можемъ. Мы не *фармазоны*, возразилъ Немочай.

— И мы твердо держимся отеческихъ преданій, что насъ коришь; и у насъ есть старцы не глупѣе другихъ, отвѣчалъ злобно Знатный.

— Кто у васъ есть? Гдѣ у васъ разумѣющіе писаніе?

— А Власъ на Бору? Чѣмъ онъ хуже тебя? Постарше будетъ и въ писаніяхъ гораздъ, самъ книги читаетъ.

— Да вотъ и дочитался. Научилъ васъ бороды брить. Скоро табаки проклятые будете вмѣстѣ курить съ солдатами.

Знатный всталъ изъ-за стола, помолился на образъ и взялся за шапку; за нимъ повставали и другіе.

— Да ты, что жъ? Или хлѣбъ-соль моя тебѣ не по обычаю! Или слово какое сказалъ тебѣ супротивное? спрашивалъ его Немочай, кусая губы отъ злости.

— За твою хлѣбъ-соль благодарствую и за слово ласковое спасибо, отвѣчалъ Знатный;—а мнѣ нужда идти до Новгорода, время не терпитъ.

— Не на чемъ, не осуди, отвѣтилъ Немочай.—Коли нужда гонитъ, держать не стану.

Гости ушли. Ѳома пошелъ провожать ихъ, а отецъ остался сидѣть въ избѣ за столомъ и думать о грозящей бѣдѣ.

III.

Время шло къ вечеру. Солнце уже золотило своими ласкающими лучами поспѣвающую рожь; тихо она колыхалась отъ перелетнаго вѣтра, который то стихалъ, то вдругъ изъ-за посада наносилъ ароматъ отъ скошеннаго сѣна. Сверчки неугомонно трещали во ржи, иногда вскрикивалъ жалобно куликъ или блеялъ бекасъ, описывая дугу на лету. На небѣ не было видно ни одного облачка; тёмносинее съ сѣвера, оно шло свѣтлѣе къ западу, гдѣ, на краю горизонта, начинало уже принимать легкій розовый оттѣнокъ. Отъ лѣса къ Естьянамъ медленно подвигалось стадо, подымая густымъ облакомъ пыль по дорогѣ; его глухое рычаніе разносилось по полю. Изрѣдка срывался жаворонокъ изъ зелени овса, начиналъ-было трель, но вдругъ затихалъ и падалъ камнемъ на землю. Сѣрый копчикъ, то стремительно проносился надъ полемъ, надъ самой землей, то подымался къ верху, становился на одномъ мѣстѣ, какъ привязанный, и быстро махалъ крыльями. Изрѣдка кое-гдѣ блестѣли на солнцѣ косы между ржанымъ полемъ по дорогѣ; крестьяне возвращались съ покосовъ; слышались звонкія пѣсни дѣвокъ и молодицъ, которыя чуть не бѣгомъ спѣшили на ночлегъ. По большой дорогѣ къ Естьянамъ щедушная, сивая лошадка тащила огромный возъ сѣна, который глухо скрипѣлъ, покачиваясь съ боку на бокъ. На возу, оборотившись животомъ кверху, лежалъ молодой парень въ пестрядинной рубахѣ и порткахъ, босый и безъ шапки и тянулъ съ натугой пѣсню:

Шуба рвана,
Нѣтъ кафтана,
Безъ подошвы сапоги.

Эти слова онъ растягивалъ до безконечности.

— Митька! Что ты воешь, какъ волкъ на болотѣ, окликнулъ лежащаго на возу другой молодой парень, одѣтый въ ситцевую, яркаго цвѣта рубаху, плисовые штаны и сапоги съ наборами. Ямская шляпа съ павлинымъ перомъ едва прикрывала его голову, умащенную деревяннымъ масломъ до послѣдней возможности. На плечѣ онъ несъ синій свернутый армякъ.

Митька приподнялъ свою растрепанную и засоренную сѣномъ голову, похожую на клокъ худаго сѣна, взглянулъ на прохожаго и радостно заговорилъ:

— Ермошка, здорово! Вишь какъ вырядился!

— Не по твоему, чучело косматое! отвѣчалъ Ермолай.

— Ты чего безъ шапки ѣздишь? Этакимъ маненромъ встрѣтится графъ, чѣмъ ты ему почтеніе отдашь?

— Чего ты лаешься? отвѣчалъ Митька.—Какіе здѣсь графы? Не чаешь ли, что тебя за графа сочтутъ, что такъ вырядился, да кланяться тебѣ станутъ. Погоди, дай завтрашнаго вечера дождаться, я *тѣ* бока-то нащупаю подъ ситцевой рубахой.

— Ой-ли полно? *Не артачься*! Вотъ пріѣдетъ къ вамъ графъ, такъ плесень-то съ васъ счиститъ. А то вишь ты мохомъ обросъ какъ!

— Заладилъ одно графъ да графъ да графъ... Сказывай толкомъ, не заставь меня съ воза къ тебѣ слѣзть...

— А ну тебя! Что съ тобой, оборотнемъ, толковать! Вишь, кляча-то у тебя, что ракъ ползетъ! сказалъ Ермолай и пошолъ скорымъ шагомъ къ Естьянамъ.

— Оборотень... ворчалъ сквозь зубы Митька:—оборотень. Наемна шкура!... Вишь, похваляется какъ, что плисовы штаны надѣлъ... Оборотень! Я тебѣ, бахвалу, бобылю бездомному, поравняю завтра бока, чтобы глаже сидѣла рубаха... Оборотень!...

Митька снова затянулъ недокопченную пѣсню, повременамъ прерывая ее выразительными возгласами для поощренія лощади.

Подъ самой деревней Ермолай догналъ Груню, ходившую въ хороводѣ съ Калиною Немочаемъ на праздницкой.

Груня—дочь Мирона, тихаго и честнаго крестьянина въ Естьянахъ—славилась своею красотою въ околодкѣ; она была дѣвушка бойкая и неглупая. Отецъ ея, Миронъ, не изъ послѣднихъ былъ мужиковъ въ деревнѣ; но и не славился богатствомъ, какъ Немочай и большая часть жителей Естьянъ—старовѣровъ, которые составляли аристократію въ Естьянахъ и славились богатствомъ на всю окрестность; онъ былъ одинъ работникъ въ семьѣ; у него кромѣ Груни, больше дѣтей не было; потому только успѣвалъ прокормить свою семью.

— Здравствуй, Груня, проговорилъ бойко Ермолай и, снявши свою нарядную шляпу, низко ей поклонился.

— Здорово! отрывисто отвѣчала ему Груня.

— Можется ли?

— А что мнѣ дѣлается. Вишь, какъ вырядился, говорила она, окидывая его бойкимъ взглядомъ.

— Не ходить же такимъ лапотникомъ, какъ ваши ребята. У насъ на яму засмѣяли бы и Калинку, какъ бы онъ явился въ александрійской-то рубахѣ своей.

— Вишь какъ!

— Здѣсь-то онъ важничаетъ, а тамъ бы его и не замѣтили.

— Стало быть, у васъ тамъ ребята такіе гордые, что и подойти къ нимъ не смѣй!

— Не со всякимъ. Примѣрно съ Калинкой... можетъ, и говорить не станутъ; а съ такой кралечкой, какъ ты...

— Я не кралечка, перебила его Груня.—Тамъ у васъ на яму много есть всякихъ. Можетъ, и кралечки есть. А ты мнѣ не моги такихъ рѣчей говорить.

— Да чего же гнѣваешься? Я не то, чтобы чего, а такъ какъ есть, какъ въ хорошихъ людяхъ насчетъ разговору слѣдуетъ, и сердиться тутъ не слѣдъ бы тебѣ, не въ обиду будь сказано.

— Поди—куда ты наторѣлъ языкомъ-то во рту вертѣть, а мнѣ такого слова при добрыхъ людяхъ не моги говорить; а не то насрамлю такъ, что вѣкъ не забудешь, сказала Груня и пошла къ своему двору.

Это было вечеромъ въ субботу. На другой день, въ

воскресенье, когда народъ послѣ обѣда выкатился на улицу, Ермолай важно расхаживалъ по Естьянамъ въ своемъ праздничномъ нарядѣ, небрежно накинувъ синій суконный армякъ на плечи. Онъ подходилъ къ большой кучкѣ крестьянъ, въ срединѣ которой стоялъ сѣдой мужикъ съ большой бородой, смотрѣвшій на Ермошку и говорившій:

— Вишь какъ вырядился! А давно ли овчаремъ былъ у насъ?... Поди—узнай его теперь, словно хозяинъ съ ямской слободы; еще, пожалуй, напередъ ему и шапку сымешь?... Берегъ бы лучше деньгу-то на черный день... На синемъ кафтанѣ полосы не засѣешь.

Ермошка тѣмъ временемъ поравнялся съ мужиками, скинулъ шляпу и, кланяясь, проговорилъ:

— Здравствуйте, почтенные, добрые люди!

— Спасибо, спасибо, отвѣчали ему мужики.

Ермошка остановился, надѣлъ шляпу на бекрень.

— Вѣстей какихъ не принесъ ли; вишь ты все къ Питеру поближе живешь? спросилъ сѣдой мужикъ.

— Какъ не быть; есть вѣсти. Любы ли только вамъ будутъ, Ларіонъ Васильичъ, отвѣтилъ Ермошка и запустилъ лѣвую руку себѣ въ затылокъ.

— Ну, съ такими вѣстями проваливай дальше,

— Солдатчина что ли у васъ тамъ въ ямщинѣ? спросилъ кто-то.

— Да какъ сказать? Не то чтобы солдатчина; оно, пожалуй, и не лучше солдатчины, стоитъ того, да только не у насъ въ ямщинѣ.

— Вишь что.

— Ономнясь хозяинъ, дядя Митрофанъ, былъ въ Питерѣ, такъ слыхалъ...

— Слышь ты! дядя Митрофанъ слыхалъ... ну, знать что ни есть да слыхалъ, заговорили между собою мужики.

— А вотъ что слыхалъ, заговорилъ Ермошка, когда мужики призатихли.—Слыхалъ онъ, что нашу Холынскую вотчину царь пожаловалъ!... На этомъ словѣ Ермошка остановился и посмотрѣлъ на мужиковъ.

— Слышь ты, вотчину-то нашу батюшка-царь пожаловалъ, опять затолковали между собою мужики.—Ну,

чѣмъ же насъ пожаловалъ? спросило нѣсколько голосовъ вдругъ.

— Нѣтъ, не насъ... а можетъ быть и насъ... Вотъ какъ добрые люди разсудятъ...

— Что ты тамъ такое плетешь? Насъ, да не насъ. Въ толкъ не возмешь. Можетъ, такъ на ямщинѣ тамъ толкуютъ, а съ нами говори по нашему, по христіански, замѣтилъ ему Ларіонъ Васильевъ.

— И на яму такіе же хрестьяне, какъ есть; оно, конечно, народъ бывалый, съ царемъ ѣзжали многіе и всякихъ людей видали—королей, принцевъ иноземныхъ: а такъ же говорятъ, какъ и вы хрещеные.

— Вишь ты навострился онъ какъ въ ямщинѣ; что рѣпу ножемъ рѣжетъ—говоритъ. Чѣмъ же батюшка царь-то пожаловалъ.

— Вотъ что: дядя Митрофанъ говоритъ, что молъ на Питерѣ говорятъ, что батюшка-царь взялъ нашу Холынскую волость да и пожаловалъ.

— Ужь не дядѣ ли Митрофану?

— Не дядѣ Митрофану, а графу Аракчееву подъ военное поселеніе.

— Брешитъ твой дядя Митрофанъ съ похмѣлья.

— Дядя Митрофанъ, Ларіонъ Васильичъ, хмѣльнаго во всю *жисть* въ ротъ не бралъ. Значится, похмѣлью быть не откуда.

— Ну, такъ *попритчилось* ему.

— И не попритчилось. А онъ правду истинную сказалъ, хоть побожиться.

— Ну, тебѣ молокососу, хоть разбожись, вѣры дать не можно. Еще бы самъ Митрофанъ говорилъ, да и тому на слово вѣры не далъ бы я...

— Не кори напрасно, Ларіонъ Васильичъ! Умъ бороды не ждетъ, сказалъ разобиженный Ермошка и пошелъ прочь.

— Ишь какія лихія вѣсти принесъ!

— Чтобы ему языкъ внутро поворотило!

— Можетъ и быть тому, когда Высоцкую волость поворотили.

— А ступай ты къ нему антихристу, коли любъ тебѣ.

— Что же надо намъ-то завести дѣлать?

— Оборонятся.

— Разбѣжимся по лѣсамъ—не сыщетъ.

— Чего *галдишь-то?* Лучше скопъ собрать да посовѣтовать всѣмъ хрещенымъ.

— Эй, зови, ребята, на скопъ всѣхъ. Дядю Немочая.

— Немочая зови.

— Собирайте всѣхъ хрещеныхъ.

Гарланили мужики.

Немочай сидѣлъ дома за столомъ; возлѣ него сидѣлъ Калина и читалъ, едва разбирая по складамъ, книгу, писанную полууставомъ четко, точно напечатанную.

И со-со би-ра-ютъ-ютъ зе-лі-е са-та-ни-нин-слово-какоонъ-ско-е сатанинское про-зя-ба-ю-ще-е веди-еры-покойрцы-слово-еры, твердилъ Калина и не могъ сложить его.

— Выспрь, сказалъ Немочай.

— Выспрь, повторилъ Калина и продолжалъ читать такъ же дальше:—и сокрушаютъ его въ прахъ...

Въ это время раздался звонкій голосъ Груни подъ окномъ. Калина обернулся къ окну; Немочай запустилъ ему руку въ загривокъ, пригнулъ голову къ самой книгѣ и такъ крѣпко дернулъ за волосы, что у бѣднаго Калины показались на глазахъ слезы. «И потомъ возносятъ надъ устама своима и вдыхаютъ въ ноздріе, оное же восходяще до мозговъ, омрачаетъ діавольскими помыслы умъ и совращаетъ въ люторское нечестіе. Пріемше нѣкую малую цѣвницу, воздѣваютъ на ню...» читалъ плачевно по складамъ Калина, безпрестанно запинаясь. Вошелъ мужикъ и прервалъ тяжкій трудъ Калины.

— Евдокимъ Михайлычъ! хрещеные всѣ собрались на скопъ, просятъ тебя, сказалъ мужикъ, помолившись Богу и поклонившись ему въ поясъ.

— А какая нужда? спросилъ Немочай.

— Да слышь ты, Ермошка съ ямщины вѣсти какія-то принесъ, такъ міръ проситъ тебя разсудить.

— Не што, міръ послухать надо, сказалъ Немочай,

взялъ книгу отъ сына, бережно уложилъ ее въ шкапикъ подъ образами и заперъ на замокъ.

— Подай-кось, Калина, кафтанъ да шапку, сказалъ онъ сыну.

— А мнѣ, батюшко, какъ прикажете? спрашивалъ Калина робко отца.

— Тебѣ-то? Вишь тебѣ не сидится дома, словно кто шиломъ торкаетъ... Ну. Да не што, иди. Только смотри, не загуливайся. А то ты радъ всю ночь напролетъ на улицѣ проблыкаться, сказалъ Немочай и медленно пошелъ къ дверямъ. Калина схватилъ шляпу и отправился къ хороводу.

На скопу мужики *галдѣли* во всю ивановскую... но разобрать было трудно, кто чего хотѣлъ; одна только русская брань произносилась выразительно. Тщетно загодилъ Немочай свои хитрыя рѣчи: его постоянно прерывали: особенно какъ-то шумна была эта сходка, можетъ быть и потому, что мужики еще не успѣли осмыслить хорошенько дѣла или вѣсть о поселеніи ихъ сильно взволновала. Обиженный такимъ невниманіемъ отъ своихъ сосѣдей, Немочай отвелъ въ сторону Ларіона Васильева, потолковалъ нимъ немного и повелъ къ себѣ въ домъ.

Ермошка ходилъ индѣйскимъ пѣтухомъ вокругъ хоровода; ему хотѣлосъ забраться въ средину, чтобы блеснуть своею развязностью: но въ хороводѣ ходилъ Калина, а на Ермошку никто не обращалъ вниманія: днемъ уже успѣли всѣ насмотрѣться на его щегольской нарядъ. Онъ съ завистью и вмѣстѣ съ насмѣшкой поглядывалъ на Калину, кобянился, стоя на мѣстѣ, какъ бы стараясь показать людямъ, какимъ бы козыремъ онъ заходилъ въ хороводѣ.

На скопу шумъ сталъ утихать и толпа значительно рѣдѣла; мужики подвое и потрое отходили прочь, все еще разсуждая и размахивая руками. Наступила пора ужина; всякій пробирался къ дому, чтобы поѣсть на ночь и завалиться спать. Изъ хоровода то и дѣло исчезали одна за другой дѣвушки; наконецъ онъ совсѣмъ разстроился и играющіе разбились на пары, отдѣлялись по сторонамъ и перешептывались.

Калина догналъ Груню, направившуюся было домой.

— Груня! откликнулъ онъ ее.

— Что̀ скажешь? спросила она и остановилась.

Калина занесъ-было руку, чтобы охватить ее.

— Не замай, произнесла она строго и отвѣла его руку.

— Недотрога! произнесъ съ укоромъ Калина.

— Затѣмъ-то ты меня и звалъ! сказала Груня и направилась къ дому.

— Постой!

— Ну, что тамъ еще? спросила Груня и остановилась.

Калина подошолъ къ ней и сталъ смотрѣть ей въ лицо какъ-то странно.

— Что ты лунемъ-то уставился на меня?

— Э-эхъ! Груня! Груня! произнесъ Калина, вздохнувъ, какъ кузнечный мѣхъ.

Груня разсмѣялась ему въ отвѣтъ.

— Тебѣ все любо да весело!

— Не плакать же мнѣ! Смѣйся пока смѣется; наплакаться еще успѣю.

— Эхъ! Какъ бы ты знала...

— Разскажи, такъ и знать буду.

— Что тебѣ разсказывать! Какъ бы у тебя была тала душа: а то... Калина махнулъ рукой.

— Ну, какъ знаешь. А мнѣ домой пора, и Груня снова направилась къ дому.

— Слушай, Груня, постой на минуточку еще.

Груня остановилась.

— Ну, парень! Да ты никакъ рехнулся! постой да постой: а зачѣмъ? Самъ не знаетъ, говорила Груня.

— То-то и есть. Какъ бы знала...

— Что̀ знать то мнѣ? Завелъ одно—знала да знала. Аль ты только *изгиляешься*, чтобы время вадить.

— Сегодня меня отецъ за тебя за волосы оттрясъ, произнесъ печально Калина.

— Ну, бѣда еще невелика; головы не оторвалъ.

— То-то и есть, не правду я сказалъ, что ли, что въ тебѣ жалости ни на волосъ нѣтъ. Не правда, что ли?

— Небольшая важность, что отецъ тебя за волосы оттрясъ. А коли больно, такъ заплачь.

— Не въ томъ дѣло, что отецъ за волосы трясъ; бивалъ онъ меня и больнѣе, да не плакалъ; а въ томъ, что въ тебѣ жалости нѣтъ ни на волосъ!

— Жалѣтъ-то нечего. Аль ты умирать сбираешься, аль въ солдаты задумалъ?

— Можетъ, и задумалъ... не почемъ знаете.

— Да ты никакъ, парень, и въ самомъ дѣлѣ рехнулся. Какое у тебя горе?

Какое горе? Груня, Груня! Жалости въ тебѣ нѣтъ. Вотъ хоть бы мы съ тобой, стоимъ, а ты мнѣ слова ласкова не вымолвила. А вотъ отецъ еще меня за волосы оттрясъ; а за что? Заслышалъ твой голосъ и не утерпѣлъ, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на тебя.

— За дѣло; не заглядывайся!

Она лукаво улыбнулась.

— Дивья тебѣ такъ говорить, когда въ тебѣ, можетъ, жалости ко мнѣ нѣтъ; а я...

— А ну, что ты?

— Что я! А вотъ что я, заговорилъ онъ съ особеннымъ воодушевленіемъ:—когда не вижу тебя, все думвю о тебѣ; а если заслышу твой голосъ, такъ хоть ножъ къ горлу ставь, а ужь загляну на тебя. Я не въ тебя!

Груня вся раскраснѣлась.

— Послушай, Калина, что̀ я скажу тебѣ. Напрасно ты коришь меня, что во мнѣ жалости нѣтъ. Нѣтъ, если ты хочешь знать всю правду истинную, такъ я тебѣ скажу, что ни закого бы замужъ, кромѣ тебя, не пошла, вотъ ей-богу! Только воля-то не наша.

— Груня! заговорилъ разнѣжась Калина и потянулъ было руки, чтобъ обхватить ее; но Груня увернулась и юркнула въ ворота своего дома.

А Калина долго стоилъ и смотрѣлъ на ворота.

«Вотъ ужо она выйдетъ ко мнѣ», думалъ онъ, ждалъ долго и не дождался. Нехотя отошелъ наконецъ Калина отъ дому и поплелся вдоль дороги, только не къ своему дому, а въ конецъ деревни. Зачѣмъ и куда онъ шелъ—

самъ не зналъ, шелъ потому что ноги несли его; а голова была занята чѣмъ-то другимъ; но чѣмъ именно, онъ не могъ дать себѣ отчета. Вертѣлись въ его головѣ какія-то смутныя мысли: и Груня, и отецъ, и свадьба, и еще что-то смутное, чего и самъ Калина растолковать бы не могъ.

Калина все шелъ и шелъ прямо, и далеко бы ушелъ, еслибы крикъ на задворцахъ не остановилъ его. Онъ повернулъ въ ту сторону, гдѣ слышалъ крикъ. Чѣмъ ближе подходилъ Калина, тѣмъ яснѣе становились слова.

— А вотъ я тебѣ дамъ знать, наемна шкура, какъ хрещеныхъ людей называть оборотнями! кричалъ одинъ голосъ.....

— Что ты, разбойникъ! Кто тебя трогаетъ, отстань! кричалъ другой.

Калина сталъ высматравать изъ-за угла. Онъ узналъ Митьку и Ермошку; его заняла эта ссора и Калина остановился, дожидаясь, чѣмъ кончится ссора.

Недолго дожидалъ Калина развязки. Наступающій Митька изловчился и такъ брякнулъ Ермошку, что у того шляпа отлетѣла чуть не къ самому Калинѣ. Ермошка далъ сдачи, завязалась рукопашная, которая длилась недолго; Митька сшибъ съ ногъ противника, наскочилъ на него и сталъ душить за горло. Бѣдный Ермошка захрипѣлъ. Тогда Калина бросился на выручку, схватилъ Митьку за *шиворотъ* и далеко откинулъ его въ сторону.

-- Подлецъ! нечесаная башка! говорилъ Ермошка, подымаясь на ноги и осматривая свое платье.

Но, увы! зрѣлище для него было самое горькое. Армякъ былъ весь въ грязи, а новая ситцевая рубаха распорота отъ ворота до подола.

— Спасибо, Калина Евдокимычъ, что выручилъ, говорилъ онъ кланяясь Калинѣ:—вѣкъ не забуду твоей услуги.

— Не начемъ, отвѣчалъ Калина и повернулся къ дому: ему не было надобностм защищать Ермошку. Митька, выбранивши ихъ обоихъ, сколько хватило у него на то разума, отправился домой.

Подходя ко двору, Калина заслышалъ голосъ отца и притаился у воротъ.

Немочай провожалъ Ларіона Васильевича.

— Спасибо, Евдокимъ Михайлычъ, за хлѣбъ-соль и доброе слово, говорилъ Ларіонъ.

— Не *обезсудь,* Ларіонъ Васильичъ; чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, отвѣчалъ Немочай.—Да побывай самъ на Лучнѣ-то у головы, да усовѣсти его, чтобы собралъ скопъ со всей волости на Боженку въ село. Всѣмъ міромъ надо разсудить; дѣло не шуточное, самъ разумѣешь.

— Ладно, ладно! говорилъ, выходя изъ калитки, Ларіонъ.

IV.

Быстро катилась Мста въ обрывистыхъ берегахъ по песчаному дну; чистая вода крутилась и завивалась вьюрами; мѣстами посреди рѣки виднѣлись песчаныя косы, мѣстами рѣка подкатывалась къ одному берегу, вымывала изъ него пѣсокъ; съуживалась въ маленькій протокъ, оставляя все пространство до другаго берега сухимъ, гдѣ песокъ ложился пластами, какъ широкія ступени. На крутыхъ берегахъ красовались дубы и раскидистая, дуплистая ветла, и индѣ, наклонившись съ кряжа, смотрѣла въ рѣку, точно выбирала себѣ получше мѣсто, свалиться; прочее пространство покрывалась сплошною массою кустарника, за которымъ шли необозримые луга, усѣянные безчисленными стогами сѣна. На лѣвомъ берегу Мсты раскинулось небольшое село Боженка по кряжу; деревянная церковь на погостѣ терялась въ зелени деревъ; а за погостъ къ сѣверу стѣной закрывалъ горизонтъ сосновый боръ, высоко поднявшіся надъ песчанымъ грунтомъ. На востокъ виднѣлись Бронницы, замыкаемыя огромнымъ холмомъ. Построенная на холмѣ каменная церковь ярко блестѣла на солнцѣ и рѣзко отдѣляясь отъ зелени холма, сливалась съ синевою неба. Въ другія стороны тянулись безконечные луга съ раскиданными по мѣстамъ дубами, которые гуще сходились у деревень и закрывали ихъ собою; виднѣлись только дымъ да кое-гдѣ высокій гребень кровли.

Куда вы дѣвались, высокіе дубы, гордо поднимавшіе

свои кудрявые, густые верхи? Слѣду не осталось отъ васъ, и еслибы не разсказывали про васъ старики, если бы не увѣряли они, что вы были въ два обхвата толщины, никто бы и не подозрѣвалъ, что вы здѣсь красовались. И васъ не пощадила жесткая рука—красоту нашихъ лѣсовъ и васъ надо было уничтожить, что бы торчали въ глазу, чтобы не застѣняли свѣта. По одной прихоти, изъ страсти, чтобы все падало и стиралось въ прахъ подъ жесткою рукою, человѣкъ ломаетъ и коверкаетъ все, не сознавая самъ зачѣмъ, если на сторонѣ его стоитъ сила. Конечно, не безъ желанія—на развалинахъ прошедшаго создать что нибудь новое... чтобы посадить щедушный прутъ, который еще богъ-вѣсть выростетъ ли... И какъ безобразна бываетъ природа, если человѣкъ погладитъ и поскребетъ ее своею рукою, чтобы придать ей художественный видъ! Ничѣмъ не лучше плѣши во всю голову. По вамъ, дикіе берега Мсты, прошла рука Аракчеева, и вы оплѣшивили. Деревни, дубы, ветлы, кусты... все исчезло, ихъ замѣнило ровное пространство, которое утомляетъ взоръ, наводитъ уныніе. Боженки и слѣдовъ нѣтъ; только въ память тому, что на ней покоились кости *родителей праведныхъ*, поставили убогую часовеньку, заросшую теперь чахлою ольхою. Правда, берега Мсты, успѣли уже зарости послѣ Аракчеева ветлою и кустами; но того, что̀ было и какъ было до *него*, того не воротишь. Мста во время весеннихъ разливовъ разрыла снова берега, снова явились ямы и рытвины, гдѣ ровнялъ Аракчеевъ землю для приличія; время уничтожило поселенныя роты, явились снова деревни и крестьянскія избы, но не на тѣхъ уже мѣстахъ и не въ такомъ безпорядкѣ, какимъ отличаются наши старинныя жилыя мѣста. Деревни вытянулись какъ по ниточкѣ, дома̀—одинъ въ однаъ, и между ними ровное число ровныхъ березокъ. Отвратительное равнообразіе! Какъ въѣдишь въ деревню, взглянешь на первый домъ и отвернешься; знаешь, что и второй и третій такіе же: ничего выдѣляющ гося нѣтъ, ни изгибовъ, ни замысловатыхъ поворотовъ; не упрется тебѣ на дорогѣ домъ на

встрѣчу, на который смотришь и думаешь: вотъ конецъ дороги и дальше пути нѣтъ; а подъѣдешь къ дому—направо тѣсный *пилюхъ*, за которымъ деревня распалась на четыре улицы: поѣзжай по которой хочешь. На берегу Волхова и теперь есть деревня *Претешно*, въ которой мужикъ проблудилъ всю осеннюю ночь и не могъ выбраться: куда ни повернетъ, ему на встрѣчу колодезь; онъ насчиталъ одинадцать колодцевъ, ѣздивъ по деревнѣ; а колодезь былъ всего одинъ посрединѣ деревни; но переулковъ въ ней пропасть: что домъ, то закоулокъ. Вотъ такъ русская деревня!

Рано утромъ со всѣхъ сторонъ народъ направлялся къ Боженкѣ. Пѣшіе, верхами и на телегахъ перебирались черезъ Мсту въ бродъ мужики, все болѣе пожилые съ плетеными изъ бересты кошелями за спинами. Около сборной избы скоплялись мужики и располагались группами: иные лежали въ кружокъ на лужкѣ; другіе усѣлись на края телеги, иные просто стояли въ кучѣ и разсуждали. Говоръ, шумъ, ржаніе лошадей... Собаки снюхивались, дрались и лаялись; малодушнѣйшія изъ нихъ забивались подъ ноги лошадямъ и подъ телеги. Пѣтухи разводили за собою куръ между лошадей, точно патрули; иные взлетали на телеги и клевали овесъ подъ самымъ носомъ у лошади.

Въ ожиданіи пріѣзда начальства, крестьяне занимались чѣмъ было ближе. Кто завтракалъ, вынималъ изъ кошеля ржаные калитки, помазанные творогомъ и кашей, или пироги съ *каликой* (брюквой), кто мѣнялся лошадями, кто хвасталъ новой телегой или показывалъ больную ногу лошади, прося совѣта, чѣмъ бы пособить.

Подошли толпой естьянскіе крестьяне; изъ нихъ выдѣлились Осипъ Тимофѣевъ, Филатъ Александровъ, Парѳенъ Ѳоминъ, Архипъ Черный, Ѳома Нѣмочай и разсыпались между крестьянами. Шумъ увеличился и мужики стали скопляться около агитаторовъ, подосланныхъ отъ Евдокима Немочая.

Заклубилась пыль по дорогѣ отъ Бронницы и показались двѣ телеги—одна впереди на парѣ и сзади объ одной лошади, быстро приближались къ Боженкѣ.

— Ѣдетъ, ѣдетъ! раздалось въ толпѣ; народъ окружилъ сборную избу.

На парѣ пріѣхалъ голова съ земскимъ, на одной Немочай съ Ларіономъ Васильевымъ; народъ встрѣтилъ ихъ почтительно. Голова съ пріѣзжимъ ушли въ избу, на улицѣ сдѣлалось тихо. Голова замѣшкался вд избѣ; толпа начала глухо шумѣть, потомъ сильнѣе и сильнѣе; наконецъ терпѣніе толпы истощилось—она заревѣла. На крыльцѣ показались Немочай съ Ларіономъ; толпа стихла; крестьяне ожидали рѣчей отъ нихъ, но тѣ молчали.

— За чѣмъ вы насъ собирали? спросило нѣсколько голосовъ вдругъ.

— Не мы хрещеный міръ скопляли, а голова, произнесъ своимъ разбитымъ голосомъ Немочай.

— Голову сюда.

— Что онъ томитъ насъ напрасно!

— Собралъ, такъ сказывай зачѣмъ.

— Голову... голову, и толпа загудѣла страшно.

Вышелъ голова съ земскимъ; народъ смолкъ. Голова вошелъ въ толпу, которая почтительно разступилась и окружила его съ Немочаемъ и Ларіономъ Васильевымъ. Земскій остался на крыльцѣ.

— Вотъ, православные и всѣ хрещеные, заговорилъ громко голова:—дошли слухи, что есть царскій указъ поворотить вотчину нашу на военное поселеніе; такъ собрали васъ разсудить міромъ и какому приговору быть.

— Не хотимъ... Не надо. Не быть тому... Такъ и пиши, раздалось въ толпѣ, и снова народъ загудѣлъ.

Какъ только немного стихнулъ шумъ, раздался голосъ.

— Просить надо стариковъ, чтобы разсудили, какъ дѣлу быть.

Стариковъ... стариковъ, загудѣла толпа.

— Немочая, раздался голосъ, покрывшій шумъ.

— Немочая, Немочая, подхватили его посланные, а за ними и вся толпа.

Немочай поклонился на все четыре стороны и заговорилъ, усиливая голосъ, чтобы его могли разслушать.

— Стой... Молчи. Слухай. Немочай говоритъ, раздалось въ толпѣ и она стихла до того, что слышно было, какъ только дышалъ народъ.

— Хрещоные люди, всѣ—святое согласіе и православные. Мы всѣ подъ однимъ Богомъ ходимъ и всѣ—дѣти царя нашего милостиваго; жили мы въ полномъ согласіи, какъ всѣмъ хрещенымъ слѣдъ, никого не утѣсняли, не изобиждали и въ мірскомъ дѣлѣ другъ другу не перечили Не было между нами ни ссоръ, ни обидъ, стояли мы другъ за друга, какъ законъ велитъ и изъ бѣды выручали, и теперь намъ надо постоять за весь народъ хрещеный, постоять и постоять твердо, какъ есть, чтобы обиды никому не было и чтобы мірское дѣло было улажено по общему согласію, по приговору.

Немочай перевелъ духъ и продолжалъ:

— Пришла намъ бѣда неминучая, настаютъ послѣднія времена, власть антихристова грозится на всѣхъ хрещеныхъ, извести насъ и отдать на муки вѣчныя. Великій соблазнъ заводитъ Аракчеевъ въ народѣ и губитъ народъ хрещеный: бороды брѣетъ, дѣтей, младенцевъ въ солдатское платье наряжаетъ, ругается надъ ангельскими душами жила и пепелища, что наши праведные родители завѣщали, истребляетъ, и церкви роетъ, и могилки праведныхъ родителей заравниваетъ, чтобы и память известь о нихъ, чтобы наши обычаи святые уничтожить и вѣру родителей нашихъ, а повернуть все на нѣмецкій ладъ. Вотъ въ Высоцкой волости онъ уже у хрещеныхъ бороды обрилъ, и въ платье солдатское одѣлъ и старыхъ и малыхъ, и дома роетъ; а на мѣсто ихъ строить связи и безъ милосердія палками и батожьями тиранитъ, чтобы отреклись отъ святыхъ обычаевъ праведныхъ родителей и отдались въ кабалу антихристу, и печать антихристову кладетъ на младенцевъ. Замышляетъ и у насъ то же сдѣлать и наши души загубить, отдать подъ власть антихристову. Такъ разсудите, добрые люди, статочное ли дѣло намъ съ доброй воли идти въ кабалу лукавому и дать наругаться ему надъ святыми обычаями нашихъ родителей, и дома и все добро наше разорить? Не обезсудьте на глупомъ словѣ

моемъ, произнесъ Немочай и поклонился на всѣ стороны.

Минуты съ двѣ молчалъ народъ, какъ будто онъ чего-то еще ждалъ; потомъ вдругъ взрѣвелъ, точно буря; ничего нельзя было разобрать, что кричала толпа; только гулъ какъ отъ бури носился въ воздухѣ. Мало по малу первый порывъ стихъ и заслышались голоса:

— Такъ и пиши.

— Не быть поселенію.

— Не сдадимся съ доброй воли Аракчееву.

— Лучше всѣ умремъ, а въ кабалу не пойдемъ.

— Пиши, какъ Немочай говоритъ. Всѣ руки за него даемъ.

— Пиши приговоръ, что не хотимъ.

— Костьми ляжемъ за вѣру и праведныхъ родителей, раздавались возгласы въ толпѣ.

—Голова пожелалъ унимать; но его не слушали, и послѣ большихъ хлопотъ кое-какъ удалось утишить толпу. Голова заговорилъ:

— Оно, конечно, графъ Аракчеевъ заводитъ въ супротивность крестьянскимъ порядкамъ: но и то, православные, надо разсудить, что не самовольно какъ ни наесть заводить: а на то воля ему дана, значитъ, отъ царской его милости, нашего царя-батюшки. Ладноль оно будетъ, ежели мы примѣрно въ супротивность пойдемъ? Не прогнѣвить бы намъ его царской милости.

Голова кончилъ; народъ еще не успѣлъ поднять шума, какъ Немочай началъ говорить:

— Статочно ли дѣло, чтобы безъ нужды, безъ войны, царь милостивый батюшка завелъ поголовную солдатчину! Недавно была пора, когда его царской милости понадобилось войско, когда супостатъ въ Москву вошолъ, и тогда не было поголовной солдатчины: а собирали, кто по доброй волѣ шелъ, и бородъ не брили и жилья нашего не трогали, и указы царскіе были прибиты на всѣхъ будкахъ и столбахъ по городамъ: а теперь на то и указовъ царскихъ нѣтъ, а заводитъ все по мимо воли царской Аракчеевъ по антихристову наущенію. Еслибы милостивый царь-батюшка зналъ, да вѣдалъ, какъ Аракчеевъ

утѣсняетъ хрещеный народъ, такъ заковалъ бы Аракчеева въ желѣза, а насъ бы хрещеныхъ ослобонилъ. Затѣмъ и приговоръ надо писать, чтобы недаваться съ доброй воли, доколь указъ не будетъ отъ самаго царя-батюшки милостиваго.

— Такъ! такъ! загремѣла толпа.

— Пиши приговоръ со словъ Немочая, а мы руки дадемъ, заревѣла толпа.

— Закону нѣтъ на такой приговоръ; а печать недамъ отвѣчалъ голова.

— Дашь! мы тебя заставимъ, кричали въ толпѣ.

— Что вы? Рехнулись, что ли? Кто смѣетъ меня заставить? закричалъ голова.

— А вотъ мы смѣемъ, и нѣсколько рукъ потянулись къ головѣ.

— Молчать, разбойники! Я васъ задеру! закричалъ было голова, но ему недали докончить грозной рѣчи: удары кулаками посыпались на него, и голова упалъ на землю Еслибы не заступились за него Немочай съ Ларіономъ, ему бы не быть живому, и такъ ему досталось порядкомъ.

Голову выхватили изъ толпы и отнесли на телегу.

Вотъ что писалъ объ этомъ происшествіи новгородскій губернаторъ, Николай Назарьевичъ Муравьевъ, графу Аракчееву:

«Сего вечера явился ко мнѣ вручитель сего, г. исправникъ Зиновьевъ, и голова Холынской отчины. Сей съ жалобою, что сегодня онъ былъ жестоко прибитъ его одновотчинными крестьянами на мірскомъ скопу, за то, что не согласился на ихъ приговоръ и не далъ къ нему волостно печати—приговоръ, чтобъ всѣмъ за одно стоять и не соглашаться на распоряженія, которыя имѣютъ послѣдовать при поселеніи въ ихъ отчинѣ войскъ. Г. исправникъ разскажетъ вашему сіятельству нѣкоторыя подробности сего происшествія, изустно намъ головою разсказанныя.

«Я рѣшился не медля объ этомъ донесть вашему сіятельству безъ малѣйшей разгласки и просить, да не соизволите ли приказать Перновскому баталіону тотчасъ изъ Хутынской въ Холынскую двинуться, какъ бы собственно

для того, что баталіонъ полка короля прусскаго имѣетъ нынѣ же вступить въ Хутынскую волость. Ежели нѣтъ непреодолимыхъ пвепятствій, сдѣлайте милость не отвергните сей мѣры. Весьма, весьма бы не худо, когда бы и прочихъ баталіоновъ прибытіе по ихъ назначенію было ускорено Даже мнѣ кажется, и о старорусскихъ отчинахъ отлагательства не должно дѣлать, по всѣмъ отношеніямъ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать разрѣшеній касательно холынцевъ. Новгородъ. 28 августа 1817 года».

V.

Не вдругъ еще розошлась сходка; мужики долго шумѣли, спорили и разсуждали, но вели себя скромно: самые задорные изъ нихъ, осмѣлившіеся поднять руку на начальство, тутъ же улизнули домой, чтобы спрятаться или какъ нибудь избѣжать наказанія. Быстро разнеслась вѣсть о сходкѣ съ ея происшествіями, но больше всего толковали объ Аракчеевѣ и объ антихристѣ; нѣкоторыя бабы начали увѣрять, что онѣ даже видѣли, какъ антихристъ леталъ огненнымъ змѣемъ ночью. Паническій страхъ напалъ на всѣхъ; дѣвки по ночамъ не смѣли высунуть ногу за двери; объ ребятишкахъ и толковать было нечего, когда взрослые вздрагивали и крестились, если ночью слышался стукъ или крикъ, а когда завывала собака, приводило всю деревню въ ужасъ. Работа шла не споро; чуть только появлялось въ полѣ два-три мужика, собирались вмѣстѣ и толкамъ не было конца. Все какъ-то распустилось, дѣло валилось изъ рукъ, ждали все чего-то. А время все шло да шло; насталъ и сентябрь, темные вечера, ненастье, мелкій безпрерывный дождь, сильные вѣтры и пронзительный холодъ. Толки объ Аракчеевѣ и антихристѣ стали стихать, народъ поуспокоился, страхъ поупалъ.

Вечеръ былъ такой темный, хоть гласъ выколи. По Естьянамъ брелъ пьяный мужикъ, высоко подымая ноги и шлепая ими изо всей силы; грязь летѣла отъ него во все стороны и попадала ему въ лицо, что приводило въ ярость мужика; онъ еще сильнѣе топалъ, произнося во всю ули-

цу фразу, которая никакъ не могла относиться къ грязи — а грязь еще больше его облипала. Повременамъ онъ останавливался и заводилъ разговоръ съ самимъ собою или затягивалъ пѣсню во всю мочь и на первомъ же словѣ обрывался. Въ избахъ пылала лучина и бросала яркій свѣтъ только на тѣ мѣста на улицѣ, куда приходились окна, отчего между домами мракъ былъ менѣе. У каждаго дома мужикъ останавливался и внимательно смотрѣлъ на окно «А! Петрухинъ! произносилъ онъ, узнавая домъ:—значится изба дальше за Мирономъ на углу... Петрушка! подлецъ!» оралъ онъ во все горло. «Не одналь...» заводилъ онъ пѣть и обрывался, плевалъ и бранился. «А вотъ и Миронъ... произносилъ онъ, добавляя одну неизбѣжную фразу.— А человѣкъ хорошій... Хорошій человѣкъ... А ну его!.. Вотъ Аракчеевъ всѣхъ поровняетъ... солдатами подѣлаетъ..-» разсуждалъ онъ, стоя противъ Мироновой избы на свѣту. «Ну что жь?.. солдатомъ такъ солдатомъ... Развѣ мы не съумѣемъ?... Здравія желаемъ ваше—ство!» заоралъ онъ во весь ротъ, хотѣлъ вытянуться, потерялъ равновѣсіе и прямо сорвался въ грязь. Фразы посыпались одна за другой; но онѣ ему не помогали: только что онъ хотѣлъ приподняться на рукахъ, руки ему измѣняли, онъ снова падалъ. Съ полчаса барахтался несчастный, всю грязь размѣсилъ, отъ маковки до пятокъ вывалялся въ грязи, извертѣлъ извѣстную фразу на разные лады до невозможнаго, и все не могъ выбраться изъ грязи и никто не шелъ ему на помощь, хотя и слышали его брань и даже близко отъ него стояли два человѣка.

У самаго угла избы давно стоялъ Калина съ Груней; первый опахнулъ ее своимъ кафтаномъ и крѣпко жалъ рукою, нашептывая ей что-то въ ухо. Груня смѣялась потихоньху и старалась высвободиться изъ рукъ Калины.

—Ну, полно, пусти, говорила Груня.

—Погоди еще часочикъ, куда торопиться? отвѣчалъ Калина.

—Аль завтра дня не будетъ?

—Какъ знать, что завтра будетъ. Мудреныя времена настали, Груня! Отецъ только и знаетъ, что толкуетъ о

преставленіи свѣта, объ антихристѣ. Страсти такія, что ужасъ! Кажиной день у насъ изба полна народу, по ночамъ ходятъ. Ѳома съ ногъ сбился, все по деревнямъ бѣгамши. И что только они затѣваютъ?

—А что они затѣваютъ?

—Все народъ сбиваютъ, чтобъ стояли міромъ да не давались бы бриться, какъ солдатъ нагонятъ.

—А развѣ солдаты къ намъ идутъ?

—Идутъ ужъ, говорятъ; ѣздилъ сегодня нарочно Ѳома въ Губарево справляться, ждутъ тамъ, говоритъ.

—Такъ и взаболь на солдатъ поворотятъ всѣхъ... А что, если тебя солдатомъ сдѣлаютъ?

—Не сдѣлаютъ, Груня.

—Эво ты! Коли безъ очереди, всѣхъ подъ рятъ будутъ брать въ солдаты, такъ и тебѣ не устоять.

—Будь, что будетъ, а солдатомъ я небуду съ доброй воли: я клятву далъ отцу. Ономнясь призвалъ онъ насъ съ Ѳомой и началъ говорить намъ о послѣднихъ дняхъ, объ антихристѣ; ты знаешь, какъ отецъ умѣетъ складно говорить, ажно слезы насъ прошибли. Вотъ говоритъ онъ намъ все такъ, обо всемъ этомъ, и объ поселеніяхъ завелъ, и говоритъ, что всего живота лишусь, головы своей не пожалѣю, а не допущу хрещеный народъ лукавому погубить; самъ на образъ глянулъ и перекрестился. «Дѣти вы мои дѣти! говоритъ намъ:—постойте за Бога и за святую вѣру, не жалѣйте грѣшной плоти; если и тиранить васъ будутъ, за то душу спасете, сподобитесь въ свѣтлыхъ одеждахъ встать одесную Бога на страшномъ судѣ праведномъ!... Пойдешь въ солдаты, какъ приневоливать станутъ? спросилъ онъ, вдругъ оборотившись ко мнѣ. Я такъ весь и сомлѣлъ.—Что же ты молчишь? говоритъ, тебѣ я говорю, или съ доброй воли думается кориться антихристу? И думать, смотри, не моги! Въ тартарары тебя прокляну, анаѳемой будешь отнынѣ и до вѣка! «Что ты, клянешь меня? говорю ему; зло взяло меня, знаешь.—Кто тебѣ сказалъ, что я къ антихристу съ доброй воли пойду?»—Такъ что же молчишь, аль языка нѣтъ отвѣтить, говоритъ. Пойдешьли? я спрашиваю тебя.—Не пойду, говорю я.—

Полно такъ ли?—Да съ чего ты взялъ, что я съ доброй воли чертямъ въ руки отдамся? А онъ мнѣ—поклянись.—Изволь, говорю. Вотъ онъ снялъ съ покутья крестъ и сталъ держать передо мной, а я ему и поклялся и крестъ поцаловалъ; такъ ажно старикъ заплакалъ!

—Ну, а если и взаболь солдаты придутъ и силой приневоливать будутъ?

—Не послухаю.

—А они убьютъ тебя.

—Ну, такъ что жь, что убьютъ?

Груня заплакала.

—Чего ты? глупая! говорилъ Калина, стараясь поднять голову Груни, чтобы поцаловать ее.

—А меня на кого покинешь? отвѣчала, рыдая Груня и упрямо клонила голову на грудь Калины.

—Полно тебѣ, брось, чего ты? Достанется, нѣтъ ли, что мужикамъ, а вашего брата не тронутъ, уговаривалъ Калина.

— А какъ я безъ тебя останусь? И нашего брата неволятъ за мужъ силкомъ за пришлыхъ солдатъ, развѣ не слыхалъ ты.

—А еще что будетъ!.. Да брось ты. Еще какъ удастся сладить съ нами...

Въ это время мужикъ свалился въ грязь передъ ними и разсмѣшилъ ихъ. Они забыли горе и стали смотрѣть, какъ онъ барахтался въ грязи.

—Это—Никита Косой; экъ нализался, сказалъ Калина. Какъ ни пьянъ былъ Никита, а осмотрѣлъ, что кто-то за угломъ копошится.

—Кто хрещеный? окликнулъ онъ, но не могъ получить отвѣта.

—Кто хрещеный? снова заоралъ Никита.

—Караулъ! воры! Разбой, закричалъ онъ на всю улицу.

Калина пошелъ по тихоньку къ дому, а Груня юркнула въ ворота. Никита остался на улицѣ, пока не вышелъ Миронъ и не свелъ его домой.

Дома Калина засталъ полную избу народа. Пришла

вѣсть, что съ Хутынской волости двинулась рота солдатъ въ Губарево и майоръ ѣдетъ въ Есгяны за чѣмъ-то. Думали и гадали, зачѣмъ ѣдетъ майоръ къ нимъ, но никакъ не могли отгадать. Немочай потолковалъ о божественномъ, поуговаривалъ стоять крѣпко за святую вѣру и около полуночи всѣ разошлись.

Только что улеглись спать, раздался легкій стукъ въ окно.

—Ѳомка! глянько въ окно, никакъ стучится кто-то, сказалъ Немочай съ печи сыну.

Ѳома подошелъ къ окну, и спросилъ:

—Кто хрещеный?

—Свой, отвѣчалъ голосъ съ улицы тихо:—отвори Ѳома Евдокимычъ.

—Никакъ Знатный, сказалъ Ѳома отцу.

—Дуй огня, да иди отворяй, говорилъ отецъ, слѣзая съ печки.

Ѳома пошелъ къ печи, выгребъ изъ заметки два горячихъ угля, приложилъ къ нимъ сухую лучину, подулъ... лицо его озарилось багровымъ свѣтомъ, лучина загорѣлась. Онъ зажегъ въ избѣ свѣчу, и съ лучиною пошелъ отворять ворота Знатному.

—Миръ дому сему, говорилъ Знатный, помолившись Богу и поклонившись хозяину.

—Милости просимъ. Откуда Богъ несетъ въ такую пору? спрашивалъ Немочай.

—Лучше не спрашивай, Евдокимъ Михайлычъ. Былъ дома.

—Ну, что̀ тамъ дѣется у васъ на Высокомъ?

—Окромѣ грѣха ничего добраго... Поражу пастыря и разыдутся овцы, сказано; такъ оно и на самомъ дѣлѣ выходитъ. Знаешь ли что̀, Власа-то съ Бору взяли и повезли въ Грузино.

—Власа? спросилъ Немочай, едва скрывая радость.—Его зачѣмъ?

—Вѣрно Господу угодно, чтобы пострадалъ за святую вѣру. Страшное гоненіе воздвигъ Аракчеевъ на святое наше согласіе. Говоритъ, что и духу неоставлю старовѣровъ, всѣхъ выведу.

—Господь непопустит.

—Послѣдния времена настали, Евдокимъ Михайлычъ; сила его антихристова перемогаетъ хрещеныхъ. У насъ всѣ такъ устрашились, что не смѣютъ и заявить о своей святой вѣрѣ, православными зовутся..

—Я давно видѣлъ, что у васъ тамъ вѣра святая шатается семо и овамо, и что рано-ли поздно-ли, а отпадутъ отъ святаго согласія. Хоть бы и Власъ.. Гордость сатанинская обуяла его; никакого совѣта, ни слова разумнаго въ резонъ не бралъ;-я, дескать, всѣхъ умнѣе и старше, недаромъ Господь умудрилъ меня въ грамотѣ и въ святомъ писаніи; мѣры себѣ не ставилъ. Ну, вотъ и предалъ его Господь въ руки лукавому и наказалъ его гордость.

—Ты что ниговори, Евдокимъ Михайлычъ. а онъ былъ человѣкъ разумный и въ писаніяхъ свѣдущій; имъ только и держались мы. Теперь погибнетъ безъ него святославное согласіе, поддержать некому; народъ такъ сокрушился, что хошь дѣлай съ нимъ, слова поперегъ немолвитъ. А что творится то у насъ! Господи.

—Что же?

—Удумалъ антихристъ-то переженить всѣхъ холостыхъ ребятъ, вдовцовъ и своихъ солдатъ, которыхъ хочетъ поселить на житье у насъ. Самъ по спискамъ назначаетъ кому на комъ жениться; такъ силой и тащутъ невѣстъ въ церковь; попы вѣнчать неуспѣваютъ, свадебъ по двадцати въ день вѣнчаютъ. Такъ не то что говорить, плакать-то не смѣютъ.

—Все за грѣхи Богъ наказываетъ. Да нехошь ли чего перехватить?

—Спасибо; не дото. Я только завернулъ къ тебѣ, Евдокимъ Михайлычъ, на часокъ, проститься, Можетъ несудитъ Богъ намъ больше и свидѣться.

—А то, что ты, Антонъ Спиридонычъ?

—Да, Евдокимъ Михайлычъ, прости, не поминай лихомъ; а я твоего хлѣба-соли и ласковаго слова по гробъ не забуду.

—Да что ты задумалъ, Антонъ Спиридонычъ?

—Задумалъ, Евдокимъ Михайлычъ, идти въ скиты святые, спасти свою душу; дома мнѣ житья не стало: врагъ ищетъ души моей. Какъ отъ васъ-то я пошелъ въ городъ, хорошо, что къ ночи дѣло случилось, вотъ прихожу къ благодѣтельницѣ нашей Ананьишнѣ; а она и говоритъ мнѣ: «Антонъ Спиридонычъ! уходи ты поскорѣе куда тебѣ ближе; не сдобровать тебѣ; вотъ другой день тебя поискомъ здѣсь ищутъ, чтобы заковать да въ Высокое вести». Какъ она мнѣ это сказала—у меня и ноги отнялись, такъ и грянулся на лавку. Вотъ я поопамятовался немного, добылъ лошадей, да прямо ночью-то въ Боръ, думалъ, что у Власа укроюсь. Пріѣзжаю къ нему; а его еще наканунѣ забрали, заковали да въ Грузино увезли. Я подумалъ было къ дому поближе полѣсу пробраться, такъ куды?... вездѣ солдаты ходятъ съ ружьями. Я опять въ Полѣсть къ Ефиму Снопу, у того день прохоронился, а ночью домой направился. Идти больно опасно было, а идти надо: съ семьей проститься и денегъ захватить на дорогу. День-то лежамши на сараѣ у Снопа, я придумалъ, что лучше идти мнѣ въ скиты святые, чѣмъ отдаваться лукавому въ руки. Знать, угодно Господу было мое желаніе: онъ помогъ мнѣ благополучно добраться до дому. Набрался же я и страху дорогой! Ночь—ни зги не видно; шелъ я лѣсомъ, такъ и въ лѣсу-то солдаты, рубятъ лѣсъ, огни разведены. Ужь я обходилъ-обходилъ ихъ и страхъ—сколько нагнано ихъ! Сталъ къ деревнѣ-то подходить—то и дѣло ходятъ солдаты, человѣкъ по пяти и больше идутъ, разгоааривают межь собой, оно ужь издали ихъ слышно. Я завалюсь въ канаву или за кустокъ, такъ и пройдутъ мимо. Какъ пришелъ я домой, такъ вся семья такъ и сгорѣла отъ страху. Ну, говорю женѣ и дѣтямъ, не судилъ мнѣ Господь жить съ вами; оставайтесь съ Богомъ жить, а я пойду въ скиты святые; можетъ пройдутъ тяжкія времена и увидимся еще, а теперь прощайте! Поплакали, благословилъ я ихъ на добрыя дѣла, и поскорѣе изъ дому, чтобы до свѣту отправиться было мнѣ можно. До Ксенофонтья всю ночь лѣсомъ прошолъ, тутъ поотдохнулъ немного, да на Плашкино; а оттуда и къ тебѣ зашелъ проститься. Толь-

ко бы мнѣ до Сольцы добраться, а тамъ я буду на полной волѣ.

—Зачѣмъ тебѣ идти далеко: оставайся у насъ; мы тебя не выдадимъ.

—Спасабо, Евдокимъ Михайлычъ. Вамъ и безъ меня хлопотъ много. Какъ еще самихъ Богъ милуетъ.

—Его святая воля. На его милость мы нетеряемъ надежды. Сложились мы всѣ крѣпко стоять и несдаваться. Насилу я уломалъ Ларіона Васильева съ нами совокупиться. Крѣпко онъ упирался; вишь, говоритъ: «мы православные, а вы по старой вѣрѣ». Ну, я и то и сё, не сдается. Вотъ и говорю ему: «Ты знаешь, что мы хоть и по старой вѣрѣ, а всѣ денежные, да и ходатаевъ имѣемъ; значитъ, мы ничего не пожалѣемъ, чтобы не сдаться съ доброй воли; а ужь если и постигнетъ бѣда неминучая, съ нами не пропадешь, всегда выручимъ». Вотъ и послушался. Былъ и скопъ, и всѣ на скопу рѣшили, чтобы не сдаваться; приговоръ хотѣли писать такой, такъ голова перечить сталъ; его поколотили. Тѣмъ дѣло и кончилось. Ждали-было за это бѣды, робѣли словно, однако ничего не было. Теперь всѣ пріободрились. Такъ, можетъ, какъ нибудь и устоимъ.

—Дай вамъ Богъ. Ну, прости, Евдокимъ Михайлычъ! Знатный повалился въ ноги Немочаю.

—Да куда ты на такой порѣ? Вишь, темь какая! Хоть свѣту дождаться.

—Ничего; дорога знакомая. Мнѣ только до озера добраться, а тамъ найду лодку, и въ путь.

—Останься, переночуй, до свѣту недолго; хоть отдохнешь.

—Спасибо. Опасно оставаться. Нѣтъ; не держите меня.

—Ну, какъ знаешь; неволить не смѣю, проговорилъ Немочай и распростился съ Знатнымъ.

VI.

Рано утромъ въ Естьяны прискакалъ исправникъ и разослалъ по всей Холынской волости верхсвыхъ, чтобы собирали народъ на скопъ въ Естьяны. Встревожился на-

родъ; трусы разбѣжались по лѣсамъ, похрабрѣе стали скопляться въ Естьяны.

У Немочая шло совѣщаніе, идти или нѣтъ на скопъ.

—Ну, неважная вещь, что майоръ пріѣдетъ; съ нимъ говорить можно. Коли зартачится—уступать не надо. Грозить тоже не слѣдъ; а уступать не надо. Онъ слово, а вы —два.

— Развѣ ты, Евдокимъ Михайлычъ, не пойдешъ на скопъ? спросилъ Ларіонъ.

—А зачѣмъ я пойду? Невелика важность, что тамъ майоръ будетъ. Безъ меня столкуетесь съ нимъ. Ты, Ларіонъ Васильичъ, сходи посмотри да послухай. что тамъ... какія рѣчи будутъ. Самъ съ нимъ не связывайся. Ну, его, Ваньку Сысоева наускни, онъ его отбрѣетъ; рѣчистъ шибко Ванька,

Въ избу вбѣжалъ Калина.

—Майоръ пріѣхалъ! крикнулъ онъ.

—Ну, идите съ Богомъ; потачки ему не давайте, да и не задорьтеся много; особенно не грозите ему ничѣмъ. Ну, его; такъ уберется. А послѣ его народу нерасиускать; потолкуемъ, какъ уѣдетъ.

Народъ собрался; вышли майоръ съ исправникомъ.

—Здорово ребята, крикнулъ звучнымъ голосомъ майоръ.

— Здорово, здорово, отвѣчали нехотя мужики; кто скинулъ шапку, кто только пошевелилъ; а многіе и до шапокъ не дотронулись.

Майоръ, покрутивъ плечами, крикнулъ.

— Что вы буяните здѣсь!

— Мы не буянили, отвѣчали мужики.

— Какъ не буянили? Какъ вы смѣли прибить вашего голову? А?

— Голова—нашъ; мы выбирали и ставили его, значитъ мы и взыскивать съ него можемъ, какъ супротивъ насъ пошелъ, отвѣчалъ голосъ изъ толпы.

— Кто это говоритъ? Кто?

— Я, отвѣчалъ голосъ.

— Подика-сюда, поди.

— А зачѣмъ я къ тебѣ пойду? мнѣ и здѣсь хорошо.

Майоръ обратился къ исправнику.

— Разбойники! настоящіе разбойники! сказалъ онъ.

Исправникъ только махнулъ головой.

— Подайте его сюда, ребята! крикнулъ майоръ.

Никто не пошевелился.

— Что же вы, разбойники! Я вамъ приказываю.

— Бери его самъ, коли онъ тебѣ нуженъ, отвѣчали мужики.

Исправникъ проговорилъ что-то тихо майору.

— Я ужо его проберу; будетъ онъ меня знать. А теперь я, ребята, вотъ что̀ вамъ скажу. Я присланъ отъ его сіятельства, графа Алексѣя Андреича Аракчеева объявить вамъ его приказъ, чтобы вы больше сходокъ не собирали и приговоровъ никакихъ не составляли; потому что вы назначены быть переименованными въ военные поселяне.

Поднялся шумъ въ толпѣ.

— Смирно! крикнулъ майоръ.

Толпа пріутихла.

— Слушайте! Я еще разъ вамъ говорю, чтобы не смѣли мірскихъ сходокъ заводить.

— Ну, баринъ, не задорься больно; пока еще не нашимъ командиромъ, мы слухать тебя не гораздъ станемъ; а мірскіе сходы дѣло наше; захотимъ, по три раза на день скопляться будемъ; намъ ты не указъ.

— Хотѣлось бы знать, кто это такъ отвѣчать мнѣ смѣетъ?

— Тебѣ говорятъ, что я.

Майоръ позеленѣлъ отъ злости.

— Подайте мнѣ его сюда!

Мужики засмѣялись. Исправникъ опять что-то поговорилъ майору.

— Такъ я вамъ еще повторяю, чтобы вы не смѣли сходокъ дѣлать.

— Ты дѣлай свое дѣло, а мы свое будемъ дѣлать. Говори, что̀ еще тамъ тебѣ Аракчеевъ приказывалъ, раздался тотъ же голосъ.

— Какой это дьяволъ тамъ говоритъ? Ну, да хорошо, я ужо съ вами раздѣлаюсь, сказалъ майоръ и ушолъ.

— Вотъ такъ-то лучше, раздался голосъ.

— Я пріѣхалъ вамъ объявить, заговорилъ исправникъ:—что волость ваша поступаетъ въ военное поселеніе, потому всѣ земскіе сборы прекращаются и недоимки вамъ государь императоръ прощаетъ.

— Мы не желаемъ въ военное поселеніе, а хотимъ остаться въ прежнемъ положеніи; недоимки всѣ заплатимъ сполна, отвѣчали мужики.

— Разговаривать нечего; что̀ вамъ объявлено то̀ и знайте, сказалъ исправникъ и ушелъ.

Мужики остались; шумъ часъ отъ часу дѣлался сильнѣе и сильнѣе; голова хотѣлъ-было уйти, но его удержали.

Вышелъ къ народу Немочай и съ обычною церемоніею началъ рѣчь:

— Хрещеный весь міръ, послухайте моего глупаго слова, коли оно не будетъ вамъ супротивно и придется по обычаю, произнесъ онъ разбитымъ своимъ голосомъ. Народъ смолкъ и со вниманіемъ вслушивался въ слова его.

— Молитеся Богу, хрещеные; а онъ не оставитъ своею милостію, посрамитъ врага нашего лукаваго. Видимо Богъ за насъ: онъ смутилъ лукаваго антихристову слугу, и теперь онъ подсылаетъ къ намъ клевретовъ своихъ съ льстивыми рѣчами, чтобы какъ ни есть уловить насъ хитростью и обольстить корыстью. Знаемое дѣло, что сила его сокрушается и не смѣетъ онъ насъ неволить силою; а потому и обѣщаетъ разныя льготы, чтобы мы съ доброй воли пошли въ кабалу къ нему. Не вѣрьте ему! Земскія повинности не въ такую тягость намъ, чтобы и неподсилу было платить; а на счетъ недоимокъ сумнѣваться нечего: кому въ силу пришло—выплатитъ, а кому не въ силу, мы хрещеные, сложившись, затѣхъ выплатимъ. Не такъ ли, хрещоные?

— Согласны, всѣ согласны. Умныя твои рѣчи, Евдокимъ Михайлычъ!

— Теперь—хоть насчетъ бы новаго положенія, про-

должалъ Немочай:—одинъ грѣхъ да бѣда всему хрещеному міру. Отнимутъ домы и имущество, а взамѣнъ дадутъ казенныя фатеры, гдѣ и жить-то не знаешь какъ; имущество все твое отнимутъ и отдадутъ солдатамъ; дѣтей отнимутъ, сыновей въ солдаты и угонятъ на всю жисть на край свѣта, а дочерей выдадутъ за солдатъ силкомъ—словомъ, въ конецъ разорятъ. Такъ не лучше ли, хрещеные, платить подати и отбывать земскія повинности да жить по старому, какъ всѣмъ хрещенымъ Богъ велитъ, чѣмъ съ доброй воли идти въ кабалу къ лукавому, польстясь на его хитрыя козни? Такъ ли, хрещеные?

— Такъ, такъ, Евдокимъ Михайлычъ.

— Не хотимъ въ новое положеніе.

— Что велишь, то и сдѣлаемъ.

— Будемъ стоять крѣпко за свое старое положеніе! Подобные возгласы посыпались со всѣхъ сторонъ.

Немочай снова завелъ рѣчь и всѣ стали слушать.

— Теперь надо намъ, хрещеный міръ, разсудить, что дѣлать, какъ дѣлу быть. Перво наперво надо просить милости у нашего царя-батюшки, чтобы не далъ онъ насъ въ обиду Аракчееву. Вотъ слышно, что вся царская фамилія ѣдетъ въ Москву скоро,—такъ мы царицѣ просьбу сперва подадимъ; можетъ, она и упроситъ за насъ царя-батюшку милостиваго. Ладно-ль такъ будетъ?

— Ладно.

— Подавай, Евдокимъ Михайлычъ; а мы всѣ тебѣ на то руки даемъ.

— Дѣлай, какъ знаешь; ты хорошо разсудилъ.

— Пиши, ребята къ царицѣ просьбу.

— Придумано знатно, кричала толпа съ особеннымъ одушевленіемъ.

— Теперь еще надо вотъ что—довѣренностъ отъ всей волости; чтобы просьбу къ царицѣ писать, такъ надо сперва наперво приговоръ написать объ этомъ. Согласны ли?

— Согласны, согласны, закричала толпа. Земскій пошелъ писать приговоръ. Приговоръ былъ скоро утвержденъ; голова уже не перечилъ больше; онъ передалъ пе-

чать Ларіону Васильеву, какъ добросовѣстному, и уѣхалъ домой.

Народъ распустили. Ларіонъ Васильевъ, земской и еще человѣкъ десять отправились къ Немочаю писать просьбу.

— Какъ же, Евдокимъ Михайлычъ, писать-то мы будемъ просьбу? спросилъ Немочая Ларіонъ.

— Я самъ, Ларіонъ Васильичъ, за эвто дѣло не берусь; ни объ чемъ я свой вѣкъ не просилъ, такъ и порядка эвтаго не знаю; а вотъ Никонъ Степанычъ на это дѣло горазды— пусть пишетъ, а вы всѣ хрещеные присувѣтайте ему, что̀ по вашему разуму требуется.

Земскій взялъ-было листъ бумаги и перо въ руки, что̀бы писать.

— Постой-ка, Никонъ Степанычъ, ты на меня не осердись: что я тебѣ насупротивъ слово скажу. Писать ты немного пообожди, что бумагу задаромъ пачкать да время *вадить* напрасно; лучше мы сперва наперво потолкуемъ, что писать надать-то, сказалъ Осипъ Тимоѳеевъ.

— Ну, такъ говори, что̀ писать, произнесъ земскій и положилъ перо.

— Нѣтъ, ужъ ты, Никонъ Степанычъ, скажи намъ, что̀ писать будемъ, а мы посовѣтуемъ, отвѣтилъ Парѳенъ Ѳоминъ.

— Тебѣ и слѣдъ говорить, Никонъ Степанычъ, подхватилъ Авдей Никитинъ.

Земскій провелъ рукою по лысинѣ, а потомъ по бородѣ, крякнулъ, еще разъ расправилъ свою бороду и нерѣшительно произнесъ.

— Знамое дѣло о чемъ писать. Перво наперво надо писать, что, молъ, мы наслышаны, что Аракчеевъ хочетъ—земскій крякнулъ, посмотрѣлъ.—Ну, положимъ, что Аракчеевъ хочетъ оборотить насъ на военныхъ поселянъ...

— Постой, постой, Никонъ Степанычъ, перебилъ его Ѳилатъ Александровъ—смѣкается мнѣ, что наперво надать ее вывеличать по слѣдующему: какъ вотъ есть весь титулъ выписать

— Къ ей пишутъ, сказалъ Осипъ Тимоѳеевъ:—всепресвѣтлѣйшая императрица.

— Анъ нѣтъ, подхватилъ земскій.—Всеавгустѣйшая императрица, пишутъ всегда.

— Ладноль будетъ-то, Никонъ Степанычъ? замѣтилъ Парѳенъ Карповъ.—Еще всепресвѣтлѣйшая—туда-сюда; а августѣйшая-то, что, такое и въ толкъ не взять.

— А что, въ самомъ дѣлѣ, эвто слово значитъ? спросилъ Архипъ Черный.

— Что значитъ... извѣстно, что значитъ, такъ значитъ ее величаютъ, отвѣтилъ земскій.

— Можетъ, и такъ ее величаютъ, почемъ знать намъ темнымъ людямъ; только лучше бы по моему глупому разуму величать ее по своему, по нашему русскому обычаю, возразилъ Осипъ Тимоѳеевъ.

— То-есть какъ? спросилъ земскій.

— Ну, хоть просто написать «всепресвѣтлѣйшая», отвѣтилъ Осипъ Тимоѳеевъ.

— Да вѣдь оно что же? пожалуй, можно и такъ, сказалъ земскій.

— А какъ я посмотрю, вы толкуете не ладно, вмѣшался Ларіонъ.—Императрицъ-то двѣ, такъ которую просить-то намъ надо.

— Полно правдали? Откуда ты двухъ взялъ? спросилъ Парѳенъ Карповъ.

— А вотъ у насъ въ церкви попъ на обѣдни всегда двухъ поминаетъ. Одна, значится, мать царю, а другая—хозяйка. Такъ которую мы просить-то станемъ? сказалъ Ларіонъ.

Всѣ посмотрѣли на Немочая, который сидѣлъ опершись головою на руки и щурилъ глаза.

Немочай ни сказалъ ни слова.

— А и въ самомъ дѣлѣ, которую же просить надо? спросилъ Осипъ Тимоѳеевъ.

— Ну, ту, которая постарше, замѣтилъ Василій Евстратовъ.

— Извѣстно, мать; она больше силы имѣетъ, сказалъ Парѳенъ Ѳоминъ.

— Евдокимъ Михайлычъ, что же ты не разсудишь намъ, кого просить-то и какъ писать-то, сказалъ Ларіонъ.

Немочай поднялъ голову, окинулъ всѣхъ своихъ ястребинымъ взглядомъ и проговорилъ тихо:

— Я какъ посмотрю, такъ не слѣдъ намъ просьбы писать.

— Отчего такъ, Евдокимъ Михайлычъ? спросилъ земскій.

— Отчего?... оттого, что ни одинъ изъ васъ ничего незнаетъ.

— Какъ же быть-то? Хрещеный міръ мы обнадежили только, произнесъ въ раздумьѣ Ларіонъ.

— Надо поклониться благодѣтельницѣ нашей Ананьишнѣ; въ городѣ не мало есть свѣдущихъ людей, такъ она намъ съищетъ такого, кто это дѣло уладитъ. Лучше поѣзжайте въ городъ къ Ананьишнѣ.

— Кому же ѣхать, Евдокимъ Михайлычъ?

— Вотъ хоть Никонъ Степанычъ; онъ грамотный, прочитаетъ тамъ, что́ напишутъ; ну, еще хоть Парѳенъ Ѳоминъ съ Елистратомъ, да еще я своего Ѳомку отпущу и денегъ дамъ на расходы. Такъ дѣло-то будетъ вѣрнѣе. Да къ тому и разузнаете тамъ, кто изъ царской фамиліи напередъ поѣдетъ, тому и просьбу подадимъ.

— Вѣстимо, такъ лучше, сказалъ Ларіонъ и собраніе разошлось.

VII.

Въ Новгородѣ, въ Славномъ концѣ, находился большой деревянный домъ за высокимъ заборомъ; густо кругомъ дома разросся садъ и закрывалъ его со всѣхъ сторонъ; ворота постоянно были на замкѣ, а на дворѣ лаяла большая цѣпная собака. Внутри домъ отличался безукоризненной чистотой. Въ большой комнатѣ весь передній уголъ былъ убранъ старинными образами, большею частію въ богатыхъ окладахъ; передъ образами теплилось три лампадки; убранство комнаты отличалось простотою; столы, кресла, шкафы докладывали о древности своего происхожденія, хотя, благодаря аккуратности и опрятности хозяйки, сохраняли приличный видъ. Сама хозяйка—Ананьишна, женщина лѣтъ пятидесяти, здоровая и объемистая—

постоянно творила молитву; она прибирала въ комнатѣ, когда къ ней явился земскій съ товарищами.

— Никонъ Степанычъ! Ѳома Евдокимычъ! восклицала Ананьишна.—Да здоровъ ли Евдокимъ-то Михайлычъ, какъ поживаете?

— Да ништо, слава-богу, отвѣчалъ Ѳома.

— Боже, очисти мя грѣшную! Гости дорогіе! Господи *Іисусе*! Ставь-ка самоваръ, Танюша. Ахъ, Господи совсѣмъ не ждала, хлопотала Ананьишна.

Подали самоваръ; гости расположились и усѣлись къ столу чаевать.

— Что же, какъ васъ Богъ милуетъ? Все ль у васъ по хорошему? Господи! помилуй мя грѣшную, говорила Ананьишна.

— Пока еще Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ, а впредь на него уповаемъ. Приходится-то намъ плохо, матушка ты наша благодѣтельница, отвѣчалъ земскій.

— Не говори, Никита Степанычъ, послѣднія времена настали, народъ весь помутился. Господи помилуй! произнесла Ананьишна.

— Отецъ сказываетъ тебѣ поклонъ, да еще и съ просьбой послалъ къ тебѣ, благодѣтельница наша, сказалъ ей Ѳома.

— Спасибо ему, спасибо. Помилуй, Господи. Нужда что ли какая пристигла?

— Благодаря всевышняго, нужды мы ни въ чемъ не видимъ. Только вотъ видишь-ли, благодѣтельница ты наша, поручилъ онъ дѣльцо одно устроить, такъ ужь намъ просить опричь тебя, болѣе некого здѣсь.

— Изволь, Ѳома Евдокимычъ; для твоего родителя, за его праведную жизнь, что угодно сдѣлаю. Боже, очисти мя грѣшную!

— Такъ что же, Никонъ Степанычъ, говори, что ли тебѣ-то ближе дѣло знать, обратился Ѳома къ земскому.

— Помилуй мя Боже! произнесла Ананьишна.

Земскій оправилъ бороду и обратился къ Ананьишнѣ.

— Есть намъ нужда до царевой фамиліи, и нужда большая. Не безъизвѣстно тебѣ, благодѣтельница ты на-

ша, что насъ поворотить хочетъ на поселянъ Аракчеевъ. Ну, намъ, дѣло извѣстное, разставаться со старымъ состояніемъ больно нежелательно; такъ и хочемъ просить, чтобы оставили насъ на прежнемъ положеніи.

Ананьшпа слушала и творила молитву.

— Такъ вотъ перво-на-перво узнать надо, кто поѣдетъ изъ царской фамиліи въ Москву черезъ нашу волость.

— Что же, узнать можно: у меня есть такіе благопріятели, что сейчасъ узнаютъ. Вотъ хоть бы нашъ фартальный—онъ всѣмъ дѣломъ завѣдуетъ.

— Нѣтъ, ужь ты, благодѣтельница наша, фартальнаго не тревожь; можетъ, онъ и хорошій человѣкъ, да только нашему брату съ господами связываться не пригоже. Нѣтъ ли кого по проще, съ кѣмъ бы потолковать намъ безъ сумнѣнія.

— Да и онъ изъ простаго званія, изъ солдатъ выслужился; а человѣкъ онъ хорошій, табаки только проклятые нюхаетъ, а то отличный человѣкъ. А не то позвать Михайлова, гарнизоннаго солдата. Да ты, я думаю, его знаешь: съ красныхъ станковъ въ солдаты сданъ за фальшивые паспорты.

— Какъ не знать—парень удалый, онъ бы и просьбу-то намъ, пожалуй, написалъ.

— Ну, такъ его позвать. Долго вамъ ждать-то придется: далеко живетъ.

— Ничего; пока за нимъ ходятъ, мы по городу пошляемся; а вечеромъ, какъ ссумерится, пусть придетъ и мы соберемся.

На томъ дѣло порѣшили, и всѣ разбрелись кому куда нужно.

Вечеромъ собрались, сѣли за самоваръ, а солдату полштофа водочки поставили, да и сами компаніи ради выпили. Михайловъ сообщилъ, что сперва поѣдетъ великій князь Николай Павловичъ, а потомъ императрица Марія Ѳедоровна, и взялся написать просьбу великому князю; а къ императрицѣ не взялся и объявилъ, что и въ городѣ никто имъ этой просьбы не напишетъ.

Михайловъ ушелъ, обѣщаясь рано утрмоъ принести имъ просьбу къ великому князю.

Мужики повѣсили носы; но Аваньишка ихъ утѣшила: она разсказала, что въ Питерѣ какой-то благожелатель есть Извѣковъ, у котораго и молельня въ домѣ; онъ на это дѣло гораздъ и просьбу напишетъ и на все дѣло направитъ.

Михайловъ ушелъ, обѣщаясь рано утромъ принести имъ просьбу къ великому князю.

Утромъ Михайловъ принесъ просьбу; прочитали, поправили; онъ взялъ почти десять рублей ассигн., и естьянскіе говоруны поѣхали домой въ полномъ удовольствіи, что дѣло уладили, хоть не совсѣмъ, но добыли просьбу къ великому князю.

Немочай выслушалъ просьбу и взялся подать ее.

О просьбѣ къ императрицѣ хлопотать отправили въ Петербургъ Василья Евстратова, Ивана Петрова и Ѳилата Александрова и дали имъ на расходы двѣсти рублей.

Прошелъ слухъ, что великій князь поѣдетъ въ среду рано рано утромъ и перемѣнять лошадей будетъ на Мшажкѣ; подстава была уже заготовлена. Большая дорога въ Москву отъ Новгорода шла тогда не тамъ, гдѣ теперь шоссе: она шла на Хутынь, Губарево, Мшажку и черезъ деревню Боженку выходила къ бронницкому перевозу. Еще до свѣту скопилось народу человѣкъ до двухъ-сотъ съ Холынской волости, долго ждали, наконецъ показался фельдъегерь—а за нимъ великій князь; народъ обступилъ станцію.

— Что за народъ? спросилъ великій князь.

— Съ просьбою, ваше высочество, отвѣчалъ народъ.

— Я просьбъ неберу, сказалъ великій князь и отвернулся.

Мужики понурились, лошадей перепрягли и экипажъ ушелъ, а мужики все еще стояли безъ шапокъ. потомъ обступили Немочая и спрашивали, что дѣлать.

— Подадимъ матушкѣ-царицѣ, когда поѣдетъ, отвѣчалъ Немочай, и этимъ успокоилъ немного.

Просьба къ императрицѣ не удалась тоже. Иванъ Петровъ вернулся изъ Петербурга и объявилъ, что самаго Извѣсткова они не нашли, а нашли какого-то другаго, который, разсмотрѣвши довѣренность, нашелъ ее неладною, что она написана не такъ. Нужно ее написать на гербовой бумагѣ и засвидѣтельствовать въ земскомъ судѣ. Переписали довѣренность, но какъ засвидѣтельствовать ее? Если объявить, что они просятъ на Аракчеева, то не только не засвидѣтельствуютъ, а еще пожалуй донесутъ Аракчееву. Земскій удумалъ, что волость хочетъ просить о своей бѣдности. Немочай самъ отправился выправлять довѣренность, денегъ не жалѣлъ, довѣренность выправилъ и послалъ ее въ Петербургъ.

Наконецъ посланные явились и привезли просьбу; Немочай съ товарищами стали ждать царицу съ нетерпѣніемъ, чтобы подать ей просьбу, въ полной надеждѣ, что она примѣтъ.

Перемѣна лошадей назначена была въ Губаревѣ, а проѣздъ случился вечеромъ. Народъ весь палъ на колѣни, когда она пріѣхала; но окружающіе ея сказали, что она спитъ, безпокоить нельзя и экипажъ унесся со станціи. Немочай съ двумя товарищами взялъ тройку и погнался сзади. Въ Креспахъ ему удалось-таки подать просьбу, но не на радость. Императрица отдала просьбу городничему, а тотъ посадилъ Немочая съ товарищами въ острогъ и донесъ губернатору.

Скоро дошла вѣсть до Естьянъ, что Немочай съ товарищами сидитъ въ острогѣ въ Кресцахъ. Вѣсть эта повергла всѣхъ въ уныніе. Немочай, одинъ изъ коноводовъ въ волости и глава всѣхъ раскольниковъ, имѣлъ большое значеніе по своему богатсву, уму и знанію устава; онъ хоть и не зналъ грамоты, но близкое знакомство съ нѣсколькими раскольниками сдѣлало его свѣдущимъ въ раскольническомъ ученіи; особенно же онъ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія, когда ему удалось побывать въ Москвѣ: тамъ онъ сошелся съ главными учителями и проживалъ у нихъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, «чтобы напитать душу свою словеснымъ млекомъ и брашномъ», какъ всегда онъ выражался

Изъ всѣхъ раскольниковъ въ околодкѣ, Немочай славился своими познаніями; одинъ только и былъ соперникъ у него Власъ на бору, который былъ старше его и притомъ самъ грамотный; онъ да Немочай, какъ зачинщикъ и голова возстанія противъ Аракчеева, были для волости необходимы. Кромѣ нихъ, дѣломъ некому было заправить, развѣ только Ларіону Васильеву. Этотъ былъ тоже умный мужикъ и съ характеромъ, но не имѣлъ такого богатства, какъ Немочай; а главное дѣло, не былъ раскольникъ; а раскольники-то больше всего возставали противъ новыхъ порядковъ; особенно ихъ сокрушала борода. Странное дѣло, что на все это Аракчеевъ мало обращалъ вниманія и допустилъ этому дѣлу разъиграться, когда скрутивши Немочая, онъ могъ бы овладѣть Холынскою волостью такъ же легко, какъ Высоцкою.

Ѳома бросился въ городъ выручать отца, а Калина остался на полной волѣ дома. Несчастіе съ отцомъ немного сокрушало Калину; любовь къ Грунѣ пересилила горе; онъ только искалъ случая повидаться съ ней, постоять и поговорить гдѣ нибудь наединѣ. Къ тому же въ деревнѣ были посѣдки, на которыя отецъ не дозволялъ ходить Калинѣ; а ему такъ хотѣлось: Груня тамъ бывала постоянно, и около ней увивались другіе парни; безъ отца онъ могъ ходить на посѣдки безопасно. Какъ только услыхалъ Калина, что отецъ арестованъ, въ тотъ же вечеръ отправился онъ на посѣдку.

Далеко на краю деревни, у бѣдной вдовы Василисы, собиралась посѣдка. Сильно билось сердце у Калины, когда онъ шелъ на посѣдку; страхъ, что если вернется отецъ и узнаетъ, то быть ему сильно битому, волновалъ его. Но вотъ вошелъ на посѣдку, окинулъ всѣхъ взглядомъ и увидѣлъ, что около Груни сидитъ съ одной стороны Кузьма, Ларіоновъ сынъ, а съ другой—Митька, котораго онъ отбросилъ въ сторону, защищая Ермошку; мѣста ему не было. Калина остановился у порога и сталъ размышлять, какъ бы ему добыть мѣсто около Груни; онъ зналъ, что ему добровольно не уступятъ.

— Калина Евдокимычъ, заговорили въ голосъ дѣвушки: —милости просимъ!

Онѣ рады были, что явился на посѣдку богатый парень, который будетъ подчивать досыта гостинцами.

А Калина все стоялъ. Потомъ онъ быстро подошелъ къ Грунѣ, схватилъ зазѣвавшагося Митьку за плечо и вытолкнулъ вонъ, а самъ сѣлъ на его мѣсто.

— Ахъ ты, старовѣръ проклятый! Какъ ты смѣешь озарничать, разбойникъ? Отецъ въ острогѣ, и тебѣ тамъ быть! закричалъ Митька, и замахнулся-было на Калину.

Посѣдка взволновалась, но всѣ приняли сторону Калины, Митьку выпихнули за дверь.

Какъ только подсѣлъ Калина къ Грунѣ, разобрало Кузьму, зачесались сильно кулаки, чтобы помять бока сопернику; но онъ скрѣпился. Завели играть въ жгуты, потушили огонь; въ избѣ стало темно, хоть глазъ выколи; жгуты пошли въ ходъ, поднялась бѣготня, сплетаніе жгутовъ; дверь то и дѣло скрипѣла; многіе стали выбѣгать.

Грунька въ сѣни вышла, шепнулъ кто-то на ухо Калинѣ.

Тотъ бросился въ сѣни. Не успѣлъ онъ еще затворить дверь, какъ его столкнули съ крыльца и крикнули: «принимай его!» На улицѣ приняли Калину въ кулаки; онъ не оставался въ долгу; но бороться ему было трудно. Калина сталъ отступать къ углу избы и вдругъ со всѣхъ ногъ пустился на задворки; за нимъ погнались съ крикомъ: «держи! держи!» Калина успѣлъ скрыться: залѣзъ въ тѣсный промежутокъ между амбарами. Походили вокругъ того мѣста враги Калины, Кузьма съ Митькой; послѣдній запасся толстымъ коломъ и упорно искалъ Калины.

— Что намъ здѣсь напрасно грязь мѣсить? пойдемъ къ его дому; придетъ же домой: не станетъ ночевать на улицѣ, сказалъ Кузьма товарищу.

Они ушли.

Что было дѣлать Калинѣ? Идти нельзя было: могъ онъ наткнуться на враговъ; конечно, въ темнотѣ можно было бы пробраться потихоньку домой, да проклятыя собаки сейчасъ откроютъ: залаютъ, а на лай набѣгутъ враги. Въ

проулкѣ оставаться было худо: холодный вѣтеръ насквозь пронизывалъ; его сильно продувало; но Калина рѣшился лучше перенести стужу, чѣмъ рискнуть попасться на кулаки враговъ. Онъ остался дожидать тамъ свѣта.

VIII.

Черезъ десять дней привезли Немочая съ товарищами подъ конвоемъ изъ Крестецъ и сдали въ волость, предоставивъ полную свободу. Арестъ этотъ поднялъ высоко въ мнѣніи холынцевъ Немочая; онъ въ глазахъ своихъ одновотчинниковъ казался мученикомъ и сосредоточивалъ на себѣ общее вниманіе и расположеніе; а скорое освобожденіе на полную волю завѣряло всѣхъ въ силѣ и въ какой-то сверхъестественной, чудной ему помощи отъ Бога. Случаи, чтобы кто изъ острога возвращался, и еще такъ скоро, между крестьянами были рѣдки, а если и бывали, что иногда выходили изъ острога, то непремѣнно при нескончаемыхъ проволочкахъ и издержкахъ, и то не ранѣе, какъ черезъ годъ.

Самъ Немочай не дремалъ; онъ понималъ, какую важность и силу придало ему заключеніе, а желчь, расходившаяся отъ злости, еще болѣе усиливала его энергію. Онъ задумалъ подать просьбу самому царю въ Москвѣ и сталъ сзывать на совѣтъ къ себѣ главныхъ говоруновъ. Всѣ явились, кромѣ Ларіона Васильева, котораго долго ждали.

— Что же это Ларіонъ Васильичъ не жалуетъ? спрашивалъ Немочай.

Никто на вопросъ его не далъ отвѣта; послѣ уже продолжительной паузы, земскій проговорилъ принужденно:

— Посылалъ я Маршушку сказать ему, да отъ него никакого толку не добилась.

— Вишь вздумалъ кого посылать!... Самому-то лѣнь было дойти? Ѳомка, сходи-ка ты къ Ларіону Васильичу, да попроси, чтобы пришелъ. Всѣ хрещеные, скажи, собравшись; его одного только нѣтъ, сказалъ Немочай.

— Скажи намъ, Евдокимъ Михайлычъ, что нибудь изъ

божественнаго, пока не придетъ Ларіонъ Васильичъ; мы давно ждемъ послухать твоего разумнаго слова, сталъ просить Парѳенъ Карповъ.

— О чемъ теперь говорить, какъ не о послѣднемъ концѣ, ибо время его преспѣваетъ, завелъ своимъ разбитымъ голосомъ плавно и ровно Немочай.—Приближается то время, когда отецъ сниметъ всѣ семь печатей со святой и великой книги, и небо, какъ ветхая одежина, совьется отъ гласа трубнаго, солнце затмится, звѣзды попадаютъ въ бездны, а земля восколеблется и океанъ-море побѣжитъ на землю, а горы и острова разсыплются прахомъ, ибо столько уже беззаконностей накопилось на землѣ, что въ немочь ей станетъ держаться.

— Да на чемъ же земля-то держится? спросилъ Архипъ Черный.

— Вона! до сихъ поръ не знаешь ты, на чемъ земля держится: извѣстно, на трехъ китахъ великихъ, отозвался земскій.

— Вѣрно твое слово, Никонъ Степанычъ, подхватилъ Немочай:—на трехъ великихъ китахъ стоитъ земля; а тѣ киты въ морѣ-океанѣ, и какъ придетъ конецъ земли, тѣ киты великіе зашевелятся и земля восколеблется. Потомъ одинъ китъ ударитъ хвостомъ, зальетъ землю съ одной, другой ударитъ хвостомъ—зальетъ землю съ другой стороны, а третій ударитъ хвостомъ—зальетъ землю съ третьей стороны.

Вошелъ Ѳома.

— Ларіонъ Васильичъ не будетъ, произнесъ онъ громко.

— Да что же онъ тебѣ сказалъ, отчего не придетъ? спросилъ Немочай.

— Некогда чтоль ему—кто его знаетъ, проворчалъ Ѳома, и ушелъ въ чуланъ.

— Поспѣсивился, произнесъ Немочай.—Одинъ въ полѣ—не воинъ, и безъ него дѣло уладимъ, коли послужить для хрещенаго міра тяжело.

— Что же дѣлать намъ? спросилъ Парѳенъ Карповъ.

— Что дѣлать? проговорилъ Немочай, и задумался.—

Надо, значитъ, дѣло это міромъ уладить, сказалъ Немочай, надумавшись:—то-есть собрать скопъ и разсудить міромъ: подавать или нѣтъ просьбу царю на Москвѣ; если подавать, то надо составить приговоръ и дать довѣренность написать просьбу, да и выборныхъ избрать, кому нести къ царю просьбу.

— Развѣ ты самъ не поѣдешь? спросилъ земскій.

— Не все же мнѣ подавать; я и то три раза эту службу справлялъ; будетъ съ меня. И то сказать: народу есть и поумнѣе меня. Вотъ хоть бы Ларіонъ Васильичъ, Никонъ Степанычъ, Василій Елистратычъ. Да мнѣ и дома надо побыть: мало ли что̀ случиться можетъ...

— Съ просьбой-то, можетъ, до самаго царя доходить надо, замѣтилъ земскій.

— Вѣстимо, дѣло; иначе не зачѣмъ и ходить будетъ, отвѣтилъ Немочай.

— Мудреное дѣло, Евдокимъ Михайлычъ; я ума не приложу, какъ тутъ быть, проговорилъ земскій.

— Малый ребёнокъ что ль ты! Полно прикидываться-то. Поѣдетъ еще съ вами самъ Ларіонъ Васильичъ, такъ онъ дѣло-то уладитъ получше нашего. Ну, такъ что̀ еще міръ скажетъ; только ѣхать мнѣ не слѣдъ; лучше и не заводите, чтобы я ѣхалъ, а не то отъ всего дѣла откажусь и уйду спасаться въ скиты; а тамъ, какъ знаете, такъ и дѣло ведите безъ меня.

— Когда же скопъ-то собирать, Евдокимъ Михайлычъ? спросилъ Осипъ Тимоѳеевъ.

— Куй желѣзо, пока горячо: мѣшкать не годится. Дня черезъ два скопу быть надо.

— Кто же просьбу-то напишетъ? спросилъ земскій.

— Поѣдетъ самъ Ларіонъ Васильичъ, такъ и напишетъ.

— Какъ ему писать, когда *въ грамотѣ* не знаетъ? возразилъ земскій.

— Онъ придумаетъ, а ты напишешь, дѣло и уладится.

— Что ты, Евдокимъ Михайлычъ, статочное ли дѣло, намъ царю просьбы писать. Аль ты только издѣваешься надъ нами?

— Не про тебя и рѣчь; тебѣ что̀ скажутъ, то̀ и пи-

ши а Ларіонъ—дѣло другое; онъ насъ всѣхъ за поясъ заткнетъ. Ну, да объ этомъ потолкуемъ послѣ тамъ, на скопу.

— Что тебѣ, Ѳомка, Ларіонъ-то сказалъ? спросилъ сына Немочай, когда ушли гости.

— Что сказалъ? Разъерепенившись такъ, что и не подходи, отвѣчалъ Ѳома.—Что вы тамъ съ отцомъ-то помыкаете нами? Не выкупили еще, говоритъ.

— Да съ чего же его такъ разбираетъ? У васъ безъ меня-то не было ли чего?

— Чему быть!

— Да ты не ври. По рожѣ вижу, что у васъ было что-то безъ меня. Смотри, лучше съ добра говори, а если узнаю со стороны, такъ я съ вами раздѣлаюсь по-свойски.

— Я тебѣ вѣрно говорю, чть у насъ съ Ларіономъ ничего не было: окромя поклона, да почету, онъ ничего больше отъ насъ не видалъ.

— Такъ съ чегожь онъ гнѣвается? Нѣтъ, что ты тамъ не говори, а ужь что ни на есть отъ васъ вышло! Съ доброй воли онъ не сдуритъ; это я знаю.

— Развѣ нешто изъ-за Кузьки онъ сердится; съ этого, пожалуй, статься можетъ. Только серчать-то ему не съ чего.

— Что съ Кузькой вы сдѣлали?

— Мы?—Ничего.

— Какъ, ничего. Что у васъ такое вышло?

— Опять же не у насъ. Безъ тебя этто Калина на посѣдку ходилъ.

— Ахъ онъ, собачій сынъ! Какъ онъ смѣлъ? Ну, счастливъ его богъ, что больной лежитъ, а то задалъ бы я ему *сбуду*; узналъ бы, какъ отцовъ наказъ нарушать! А ты чего смотрѣлъ?

— Меня дома не было: ѣздилъ въ городъ тебя выхаживать. Да еслибы и дома былъ, сталъ ли бы онъ меня слухать?

— Что же у нихъ вышло съ Кузькой? говори.

— Извѣстно, что. Поспорили. Кузька-то хотѣлъ по-

колотить Калинку и ребятъ подбилъ, да Калинка спрятался отъ нихъ за амбары. Не отъ чего же онъ боленъ, какъ отъ энтого, что всю ночь, притаившись отъ ребятъ за амбарами, продрогъ.

— Ну, пусть только поправится... я раздѣлаюсь съ нимъ. Изъ-за чего же они повздорили-то?

— Я же тебѣ говорю: изъ чего ребята на посѣдкахъ спорятъ.

— Изъ-за Груньки, вѣрно?

— Можетъ, и объ ней.

— Далась эта проклятая Грунька! Сколько я разъ говорилъ ему, чтобы не вязался за ней, и билъ-то—а ему все неймется! Слухай, Өома! Скажи ты этому Мирошкѣ голопузому, что если онъ будетъ потакать своей дѣвкѣ улыбничать съ Калинкой, я его со свѣту сживу! Не буд я Евдокимъ Немочай! Такъ и скажи ему.

—

Земскій прямо отъ Немочая прошелъ къ Ларіону Васильеву, гдѣ засталъ собраніе своего кружка.

— Что вамъ приказывалъ вашъ набольшой-то? спросилъ его Ларіонъ.

— Что ты меня Немочаемъ-то коришь? Какой онъ мнѣ набольшой; я самъ такой же набольшой: нешто я его подчиненный?

— Ну-ну, не гнѣвайся. Лучше разскажи, что придумалъ Немочай? вѣдь у него разума на сотню народа хватитъ!

— Можетъ, и больше; если онъ разсудитъ—дѣло выйдетъ ладно.

— Да ты намъ разскажи сперва, какъ разсудилъ, а ладно-ль, нѣтъ ли—дѣло видно будетъ.

— Разсудилъ собрать сходъ, чтобы міръ присовѣтовалъ самому царю просьбу подать въ Москвѣ, въ руки самому.

— Что же! Супротивъ этого и слова нѣтъ: и мы такъ же разсудили. Самъ онъ просьбу повезетъ?

— Нѣтъ, больше не берется за это дѣло.

— Острогъ-то, видно, не по нраву ему пришелся; осадило немного. Это не на мірскомъ скопу лясы распускать! Такъ кому жь онъ присудилъ просьбу везти?

— Тебѣ.

— Видишь, Ларіонъ Васильичъ, и Немочай присудилъ то же, что мы, и на мірскомъ скопу то же всѣ присудятъ. Быть—тебѣ съ просьбой ѣхать къ царю, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Какъ бы не Немочай присудилъ—поѣхалъ бы; а теперь не поѣду; что хочешь заводи, а не поѣду; не дамъ себя на послугу Немочаю.

— Ты не Немочаю служитъ будешь, а всему хрещеному міру.

— Не поѣду, говорю... Вотъ и все!

— Ты не поѣдешь, да Немочай не поѣдетъ... кто же поѣдетъ? Безъ васъ кто до царя дойдетъ;

— Оно по правдѣ сказать, Немочай службу эту справлялъ и въ острогѣ посидѣлъ, такъ ему и льготу можно дать. А если его просьба теперь подѣйствуетъ, тогда онъ надъ всѣми верхъ возметъ; съ нимъ и не собразишь. Тебѣ, Ларіонъ Васильичъ, слѣдъ ѣхать, чтобы и наша православная сторона въ мірскомъ дѣлѣ не была послѣдняя.

— А отчего тебѣ самому, Ѳоимъ Михайлычъ, не ѣздить; разума что ль не хватитъ?

— Извѣстно, не хватитъ; дѣло мое непривычное: я царя въ глаза не видалъ. Что же я послѣ этого заведу дѣлать?

— Оно отчего и Ѳоиму Михайлычу не съѣздить; онъ самъ по себѣ; а кому свѣдущему все надо ѣхать. Ужь подавать просьбу къ самому царь не одному идти, а человѣкамъ десятку или еще поболѣ.

— Умно ты, Омеля, придумалъ! возразилъ съ усмѣшкой Ларіонъ.—Лучше всей волостью къ нему привалить! Да знаешь ли ты, разумная твоя голова, что одного-то или двухъ много; тѣхъ-то къ царю черезъ силу допустятъ. А-то выдумалъ больше десятка. Москву смотрѣть ѣхать, кто не видалъ. Никону Степанычу статнѣе всѣхъ ѣхать:

онъ грамотный, порядки знаетъ, сколько лытъ земскимъ служитъ и царя видалъ...

— Нѣтъ, Ларіонъ Васильичъ, одинъ я не поѣду: коли ты въ головѣ пойдешь, изволь; я съ тобой готовъ идти, а одинъ—самъ по себѣ не поѣду, хоть убей, возразилъ земскій.

— Вотъ и выходитъ, что Ларіону Васильичу ѣхать надо, вмѣшался Омеля.—И ты, что ни толкуй, а міръ присудитъ тебѣ ѣхать.

— Вотъ, что я вамъ скажу. Слово мое твердо, вы знаете. Если вы міромъ заставляете кориться меня передъ Немочаемъ, отопруся отъ всего дѣла. Пусть будетъ его святая воля, а я и на скопъ не пойду, сказалъ Ларіонъ.

IX.

Еще до свѣту разнеслась вѣсть по деревнѣ о дракѣ Кузьмы съ Калиной; бабы нарочно бѣгали другъ къ другу, чуть не на самый край деревни, чтобы сообщить новость и потолковать досыта.

Едва успѣла въ стать Груня, мать ей задала такую выволочку, что бѣдная Груня сидѣла у окна и горько плакала.

— Безсовѣстная! Грѣха ты не боишься, брюзжала мать у печи:—связалась съ староверомъ! Что? На *богачество* его польстилась! Въ домъ къ нему попасть хочешь, чтобы по буднямъ пшеничные пироги ѣсть. Не возьметъ онъ тебя, да послѣ такого сраму и пастухъ-то тебя не посватаетъ. Ахъ ты, Господи! Не думала я, не гадала, что такая бѣда стрясется. Съ староверомъ связаться... Перехрещиваться задумала... Да знаешь ли ты, что за это ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ отпущенія не будетъ. Не ждала я такой бѣды, попуталъ тебя лукавый. Ты у меня смотри, не выдумай уходомъ за него уйти! Прокляну живую. Съ этимъ словомъ она стремительно подскочила къ дочкѣ и добавила еще къ утренней расправѣ.

Вошелъ Миронъ, мать стихла, а Миронъ, не сказавъ слова, сѣлъ у окна и повѣсилъ голову. Груня не смѣла поднять глазъ на отца, который иногда взглядывалъ на нее; въ его глазахъ не было ни злобы, ни упрека, а одно толь-

ко горе. Груня чувствовала это, не глядя на него, и не могла сдерживать слезъ. Отецъ ничего не говорилъ, но его молчаніе для Груни больше было брани и побоевъ матери. Къ вечеру мать уже и не споминала ничего, сердце ея уходилось, а отецъ все хранилъ упорное молчаніе. На другой день новая вѣсть, что Калина Немочаевъ захворалъ, что ему попритчилось, что то, такъ что своихъ не узнаетъ и на стѣну лѣзетъ, дала новую работу языкамъ въ деревнѣ. Говорили, что и чортъ-то вселился въ него, что когда мать окурила его ладономъ, такъ онъ совсѣмъ помертвѣлъ, что образа и поднести близко не даетъ, что и трясло-то его, и всякаго вздору намололи, пересказать который мало въ цѣлый вечеръ; а мать все пересказала Грунѣ, не опустила ни малѣйшей подробности, а еще прибавила множество родительскихъ наставленій и замѣчаній. Бѣдная дѣвушка! Что она чувствовала въ это время? Ея любовь была опорочена всѣми, даже родной матерью; имя ея сдѣлалось притчей въ деревнѣ... Не съ кѣмъ ей было слова сказать, не съ кѣмъ раздѣлить горя. Она не смѣла выдти изъ избы; а если кто приходилъ, она пряталась и дома. Только черезъ двои сутки, которыя она проплакала напролетъ, сознала всю горечь своего безотраднаго положенія...

Но скоро забыли въ деревнѣ о происшествіи съ Груней; вернулся самъ Немочай, и вниманіе всѣхъ сосредоточилось на немъ и на грозѣ со стороны Аракчеева. Собрался сходъ, шуму было много, долго не являлись къ народу ни Немочай, ни Ларіонъ; это еще больше волновало народъ, у православныхъ завязались споры и брань съ раскольниками, общество раздѣлилось на двѣ половины. Послѣ долгихъ усиленныхъ просьбъ, вышли къ народу оба коновода: но они не ораторствовали, давали полную волю говорить народу. Сходка ничего не рѣшила, только разнеслась молва, что Грунька Миронова развела Немочая съ Ларіономъ; общее негодованіе такъ было сильно на Мирона, что, если бы онъ случился на сходу—не быть бы ему живому. Послѣ схода опять былъ совѣтъ у Немочая, только уже между самыми приближенными. Очень не хотѣлось

Немочаю первому протянуть руку Ларіону на мировую; но обстоятельства насильно заставили его склониться къ миру съ Ларіономъ, отъ котораго зависѣло общее согласіе на мірскомъ скопу; на его сторонѣ была большая половина волости, всѣ православные. Земскому было поручено уладить дѣло. Немочай велѣлъ передать Ларіону, что онъ раздѣлается съ Калиной, какъ только тотъ поправится, за раздоръ съ Кузьмой, что Калинѣ будетъ строго воспрещено не только встрѣчаться съ Грунькой, даже думать о ней; что Ларіонъ долженъ оставить семейныя распри ради общей мірской бѣды. Земскому порученіе было ладно: по праву парламентера, онъ постоянно ходилъ изъ одного дому въ другой, разносилъ разныя вѣсти и къ вечеру такъ напивался, что едва могъ добрести до дому. Дня два длились переговоры. Ларіонъ упорствовалъ *несоразмѣрно*; онъ такъ медленно подавался на миръ, какъ кривая свая, которую только тогда успѣютъ забить бабой въ землю, когда вдоволь намочалятъ ей голову. Черезъ три дня дѣло сладилось: на новомъ скопу положили просить царя на Москвѣ, и депутатами отрядили Осипа Тимофеева, Корнилія Алексѣева и Мелетія Денисьева. Немочай отпустилъ съ ними Ѳому, чтобы руководилъ тамъ, у кого писать просьбу и найдти такого человѣка, который бы направилъ на дѣло, какъ слѣдуетъ, а главное—ему была поручена казна отъ отца на расходы.

Проводили депутатовъ и стали ждать себѣ милости. Прошла недѣля въ томительномъ ожиданіи, о посланныхъ никакой не было вѣсти.

Однимъ вечеромъ возвращался изъ Бронницы домой Карпъ Осиповъ, богатый староверъ изъ Естьянъ, и одинъ изъ близкихъ людей къ Немочаю, принимавшій дѣятельное участіе въ возстаніи. Онъ былъ уже пожилой, бездѣтный, жилъ только съ женой, а на міру пользовался уваженіемъ за свое богатство. Шелъ Карпъ, пошатывался и думалъ свою думу въ слухъ; на полдорогѣ догналъ его прохожій, завелъ съ нимъ разговоръ. Слово за слово, дѣло пошло откровенно. Карпъ узналъ, что его товарищъ—новгородскій мѣщанинъ Пастуховъ, ѣдетъ въ Зайцево по дѣлу

очень нужному. Карпъ разказалъ товарищу про свою заботу; погоревали вмѣстѣ; Пастуховъ высказалъ много дѣльныхъ соображеній по естьянскому дѣлу, пришелся по сердцу Карпу, и когда наступило время разлуки, Карпъ силой затащилъ Пастухова ночевать къ себѣ. Когда они входили въ домъ, Пастуховъ внимательно осмотрѣлъ всѣ входы и выходы, запоры и клѣть, что было не въ домекъ полупьяному Карпу. До полночи протолковалъ Карпъ съ своимъ гостемъ, и такъ подгулялъ, что не помнилъ, какъ онъ спать легъ. Утромъ Карпъ проводилъ своего гостя и хвастался всѣмъ, что свелъ знакомство съ хорошимъ человѣкомъ; онъ въ простотѣ своей не подозрѣвалъ, что его ночлежникъ былъ первый воръ въ Новгородѣ, который былъ впослѣдствіи сосланъ въ Сибирь и бѣжалъ оттуда.

Между тѣмъ отъ довѣренныхъ въ Москвѣ не было ни какихъ слуховъ. Они, какъ пріѣхали въ Москву, сряду стали искать, кто бы написалъ прошеніе; нашли такого человѣка, написали просьбу, вернулись домой... полиція накрыла ихъ и арестовала, оттого они не могли подать о себѣ ни какой вѣсти. Вдругъ отъ губернатора пришло въ Холынскую волость предписаніе, чтобы по требованію государя волость избрала четырехъ депутатовъ, которые бы явились къ царю, объяснить свои желанія и неудовольствіе. Міръ избралъ Немочая, Ларіона, земскаго и Карпа Осипова, въ полной увѣренности, что они отстоятъ свои прежнія права и упросятъ царя, чтобы въ Холынской волости не было заводимо поселеніе. Депутаты отправились, напутствуемые общимъ благословеніемъ и желаніемъ полнаго успѣха. Въ Твери они встрѣтились съ прежними депутатами, возвращавшимися домой; тѣ разсказали имъ, какъ были заарестованы въ части, потомъ представлены къ царю, который убѣждалъ ихъ покориться Аракчееву, потому что Холынская волость вмѣстѣ съ Высоцкою, Хутынскою и Пидебскою должны составить одну дивизію военнаго поселенія, а потому они должны убѣждать всѣхъ, чтобы добровольно корились; на это воля его самого и данъ уже указъ.

Выслушавъ ихъ, Немочай не велѣлъ имъ ничего гово-

рить народу, что сказано было царемъ, пока они сами не вернутся домой. Такимъ образомъ одни отправились домой, другіе къ царю въ Москву.

Последніе депутаты съ тѣмъ же вернулись отъ царя, съ чѣмъ и первые: надо было кориться; а не хотѣлось: какъ было разстаться съ прежнимъ привольнымъ житьемъ и идти въ неволю, да еще сбрить бороды, которыя имъ дороже были головы. Немочай уговорилъ товарищей скрыть отъ міру, что говорилъ имъ государь, и попробовать поискать еще какого либо средства сбыть отъ бѣды; товарищи согласились и дали клятву.

Карпъ Осиповъ нашелъ домъ свой не въ добромъ порядкѣ: кто-то похозяйничалъ въ его кладовой безъ него и унесъ добра почти на двѣ тысячи ассигнаціями.

Вечеромъ явились депутаты домой, а рано утромъ прибылъ губернаторъ въ Естьяны, собралъ скопъ, призвалъ депутатовъ и велѣлъ имъ объявить всему міру, что имъ сказано отъ царя. Волей-неволей надо было сказывать народу, что слышали отъ царя; въ присутствіи губернатора вертѣться было плохо: какъ разъ въ кандалы попадешь. Немочай и тутъ нашелся: онъ такъ запутанно и темно толковалъ на скопу, что его никто не понялъ; хоть губернаторъ и старался разъяснить его слова, но толку не добился; ему ни въ чемъ народъ не хотѣлъ вѣрить, а потому мало и слушалъ. Въ полномъ убѣжденіи, что исполнилъ свою обязанность и успокоилъ народъ, губернаторъ оставилъ сходку. Карпъ Осиповъ подалъ жалобу губернатору, что въ то время, какъ онъ ѣздилъ депутатомъ къ царю его обокрали почти на двѣ тысячи. Немедленно было произведено строгое слѣдствіе. Что дѣйствительно обокрали Карпа почти на двѣ тысячи, открыли, а воровъ не нашли, украденнаго и подавно.

Послѣ губернатора депутаты собрали снова скопъ и объявили народу, что имъ дѣйствительно сказано отъ царя было, что военному поселенію быть въ Холынской волости, но что онъ еще посовѣтуетъ объ этомъ дѣлѣ съ сенатомъ, и если сенатъ присудитъ быть тому, то будетъ, и тогда дадутъ указъ изъ сената, который будетъ

прибить въ Новгородѣ на улицахъ, на столбахъ и будкахъ. Потому присудили міромъ подать просьбу въ сенатъ и не сдаваться, если неволить станутъ, пока не будетъ указа изъ сената на улицахъ и будкахъ въ Новгородѣ. Въ сенатъ просителями отправили тѣхъ же, кто ѣздилъ въ Петербургъ писать прошеніе царицѣ и къ тому же Извѣкову. Міръ порѣшилъ на этомъ и сталъ ждать себѣ милости отъ сената.

X.

Не прошло и недѣли, какъ отправлены были отъ волости съ просьбой въ сенатъ довѣренные, а изъ Петербурга уже получено было слѣдующее увѣдомленіе:

«Благодѣтелямъ нашимъ и ревнителямъ и благосветни желаю вамъ о христе радоватися.

«Увѣдомляю васъ что мы слухи проняли не ложные, и вамъ можно отъ того понять здѣсь есть всенате указомъ предписанія что было предписано бороды брить а теперя отъ государя предписано всенатъ указомъ чтобъ оное брадобритие впредь до повеленія предудержать а только наетой вотчины которая обритая вотчина ея для усмотренія пользы будетли полезно оное то постановлено на разсмотреніе и предписано о семъ вновъгородъ губернатору то и можно вамъ постаратца самимъ выправитца какое предписаніе есть а здѣсь мы о семъ обо всемъ узнали отъ достовереннаго человѣка. ноября 14-го дня 1817 года» (*).

Письмо это было прочитано на скопу. Оно исполнило радостью сердца всѣхъ; надежда, что можно быть отъ поселенія укоренилась сильно въ крестьянахъ, и они бодро подняли головы.

За радостью всегда слѣдуетъ горе, за счастіемъ—разочарованіе; такъ случилось и съ холынцами. Они почти сряду получили отъ губернатора такую грамоту:

«Холынскому волостному правленію.

«Приказъ.

«Его императорское величество узнавъ, что Холынской отчины деревни Естьянъ у крестьянина Карпа Осипова, по прозванію Скоробогатова, въ то время, когда отъ от-

(*) Подлинное письмо это мы привели буквально.—Авт.

чины онъ былъ отправленъ къ его величеству въ числѣ выбранныхъ, учинена была неизвѣстными людьми покража, по объявленію того Карпа Скоробогатова на тысячу девять-сотъ рублей, высочайше соизволилъ мнѣ повелѣть изъ своей государевой казны за ту потерю ему Карпу Осипову сдѣлать справедливое вознагражденіе въ знакъ своего всемилостивѣйшаго особеннаго попеченія о благосостояніи, всемилостивѣйше опредѣляемыхъ «въ отличное званіе военныхъ поселянъ». Во исполненіе таковой высочайшей воли, при семъ препровождаю въ Холынское волостное правленіе тысячу рублей, и предписываю тотчасъ оные вручить съ роспискою деревни Естьянъ крестьянину Карпу Скоробогатову, и во всей отчинѣ учинить извѣстнымъ сей опытъ отличнаго попеченія государя императора о жителяхъ ея. Я не сомнѣваюсь, что они получатъ сіе извѣстіе съ коликою радостію, съ толикимъ же всеподданнѣйшимъ благоговѣніемъ къ отеческому его императорскаго величества попеченію о ихъ благосостояніи, и впредь всегда будутъ тщиться оное заслуживать. Новгородскій гражданскій губернаторъ Муравьевъ. 12-го ноября 1817 года. № 8763 »(*).

Деньги были немедленно выданы Карпу Осипову, а приказъ повергъ волостныхъ властей въ недоумѣніе, объявить ли міру его или нѣтъ; возведеніе ихъ *въ отличное званіе военныхъ поселянъ* не пришлось по сердцу. По совѣту земскаго, было положено сперва спросить главныхъ агитаторовъ, что они на это скажутъ. Голова съ прочими властями и земскимъ отправился на совѣтъ въ Естьяны къ Ларіону.

Полная изба набилась народу у Ларіона. За столомъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ голова, съ правой стороны Немочай, съ лѣвой—Ларіонъ, далѣе земскій, Сысоевъ, Пароенъ Ѳоминъ, Архипъ Черный, Пароенъ Карповъ, еще человѣкъ пять. Засѣданіе началось чтеніемъ приказа губернатора. Земскій прочиталъ его внятно и безъ запинки; онъ успѣлъ затвердить, да и приказъ былъ написанъ нарочито крупно и четко.

(*) Подлинный.

— Прочти-ка еще, я что-то не дослышалъ его хорошенько, сказалъ Немочай, когда земскій кончилъ чтеніе.

Земскій прочиталъ снова. Немочай долго думалъ, никто не нарушалъ тишины.

— Вишь какъ хитро пишетъ! заговорилъ наконецъ Немочай.—И къ чему онъ приплелъ всю нашу волость? Коли была охота купить въ солдаты Карпуху за тысячу рублей, и писалъ бы къ нему: а намъ-то зачѣмъ было всѣмъ писать; не мы воровали у Карпухи добро, не мы за него и просили.

— Дѣло, Евдокимъ Михайлычъ, ведено по слѣдующему, какъ порядку быть подлежитъ. Оно какое бы ни на есть было бы губернатору дѣло до крестьянина, всегда черезъ волостное правленіе учинено, чтобы всѣми своими дѣлами заправляло и что вѣдать надлежитъ—знало, пояснилъ земскій.

— Больно ты, Никонъ Степанычъ, рѣчистъ; послухать тебя—такъ, пожалуй, подумаешь, что безъ земскаго писаря и царству русскому не устоять. Вишь придумалъ что? что безъ волостнаго правленія нельзя было денегъ выслать Карпухѣ! Да развѣ правленіе за него просило? Самъ онъ лично просилъ губернатора, съ нимъ онъ и вѣдайся. Это только однѣ хитрыя пружины подведены. Вотъ, молъ, знайте, какъ васъ будутъ жаловать и награждать, коли охотой пойдете къ намъ въ кабалу. Больше ничто, насъ только заманиваютъ; а какъ отдадитесь въ руки, не только ихъ жалованье, все свое добро и душу-то у тебя заберутъ.

— Въ бумагѣ-то писано, что отъ самаго государя пожалована тысяча рублей, замѣтилъ голова.

— Совсѣмъ не отъ государя, Корнилій Алексѣичъ. Тамъ писано, что губернатору приказано выдать изъ его казны. Въ этомъ дѣлѣ, какъ онъ ни путалъ, а видно, что вретъ; у государя своя собственная казна у себя, а не у губернатора. Виданное ли дѣло, чтобы губернаторъ государевой касной *завиствовалъ!* У царя свои есть повѣренные; не разъ случалось, когда проѣзжалъ царь по Бронницамъ и ямщикамъ награды жаловалъ, всегда выдавали

тутъ же повѣренные его, а не отъ губернатора получали, возразилъ Ларіонъ Васильевъ.

— Стакнувшись за одно съ Аракчеевымъ, вотъ и расхитряются, чтобы какъ ни наесть хрещеный народъ сбить съ толку: вишь удамано-то въ бумагѣ какъ! Опредѣляемыхъ будто «въ отличное званіе военныхъ поселянъ» отъ самаго государя; а у самихъ указъ сената подъ сукномъ спрятанъ, чтобы остановить забривать въ солдаты. Царь не приказалъ имъ приневоливать. Вотъ они и заманиваютъ, что не дадутся ли имъ съ доброй воли въ руки. Дураковъ нашли. Оттого и пишутъ такія бумаги, что, молъ, какъ возьмутъ такую бумагу себѣ, то дескать мы царю и отпишемъ, что, молъ, больше Холынская волость новымъ званіемъ не брезгуетъ. Вотъ оно все къ чему ведется, сказалъ Немочай.

— Оно какъ дѣло-то хорошенько разберешь, такъ и въ правду такъ выходитъ, какъ Евдокимъ Михайлычъ разсудилъ, поддакнулъ Парѳенъ Ѳоминъ.

— Можетъ, оно и такъ, замѣтилъ голова:—только приказъ этотъ все же надо міру явить, чтобы хрещоные знали.

— Незачѣмъ хрещеныхъ и смущать напрасно, возразилъ Немочай.—Просто взять, да оборотить ему антихристову послугу, эту бумагу, что молъ мы понимаемъ твои хитрости и въ обманъ не даемся.

— Не вышло бы чего изъ этого, Евдокимъ Михайлычъ? спросилъ голова.

— А что онъ сдѣлаетъ? Вотъ какъ не отправимъ бумагу-то и промолчимъ, такъ хорошаго мало будетъ, отвѣчалъ Немочай.

— Какъ же мы отправимъ?

— Мало-ль съ Бронницы народу ѣздитъ; попросить, такъ снесутъ къ губернатору, замѣтилъ кто-то изъ собесѣдниковъ.

— По моему глупому разуму, заговорилъ земскій:— все бы слѣдъ было заявить ее на міру; она ко всему хре-

щеному міру писана, такъ онъ и разсудилъ бы, слѣдъ ли отправлять ее къ губернатору.

— Говорятъ тебѣ, что незачѣмъ напрасно міръ безпокоить, хрещеныхъ волочить безъ дѣла на скопъ. А ужь если тебѣ такая охота знать приговоръ мірской, такъ хрещеныхъ и здѣсь полно; что они рѣшатъ, то и міръ присудитъ. Какъ быть, говорите всѣ хрещеные? сказалъ Ларіонъ.

Народъ зашевелился въ избѣ; пошло кряканье, кашлянье, шопотъ.

— Какъ присудите, такъ и мы согласны, раздалось нѣсколько голосовъ.

— Чтобы послѣ чего не было, говорите, отправлять или нѣтъ бумагу; а то если запросъ будетъ, съ мірскаго ли согласія оборочена назадъ бумага, такъ чтобы не отпираться, сказалъ голова.

— Извѣстное дѣло, надо оборотить бумагу къ самому губернатору назадъ: мы, молъ, не хотимъ въ его почетное званіе, провозгласилъ Немочай.

— Воротить, воротить бумагу назадъ, раздалось со всѣхъ сторонъ въ избѣ.

— Приговоръ что ли писать? спросилъ земскій.

— Какой тамъ еще приговоръ! отвѣтилъ Немочай.— взять да сунуть ему назадъ, и все дѣло тутъ.

— Оно, если дѣло по закону вести, отписку надо сдѣлать ему, что мы, молъ, твоей бумаги принять не можемъ и не желаемъ, возразилъ земскій.

— Никонъ Степанычъ дѣло говоритъ; оно, по настоящему, и быть такъ слѣдуетъ, поддержалъ земскаго Ларіонъ.

— Коли по закону слѣдуетъ, пусть и пишетъ самъ, что знаетъ, отвѣтилъ Немочай.

— Надо возвратить приказъ при рапортѣ отъ волостнаго правленія, проговорилъ земскій, обратясь къ головѣ.

Голова оправилъ бороду, поморгалъ глазами и обратился къ Ивану Сысоеву.

— Какъ скажешь, Иванъ Сысоичъ?

— Нехитрое дѣло рапортъ написать; Никонъ Степа-

ничъ напишетъ, отвѣчалъ Сысоевъ.

— Земскій—пиши, сказалъ голова.

Долго разсуждали о томъ, какъ и что писать: земскій разъ десять переписывалъ, наконецъ написали:

«Его превосходительству господину новгородскому гражданскому губернатору статскому совѣтнику и кавалеру Николаю Назарьевичу Муравьеву.

«Новгородскаго уѣзда Холынской вотчины отъ волостнаго правленія.

«Рапортъ.

«Сего ноября 20 числа получено отъ вашего превосходительства приказъ за № 8,763, въ коемъ предписано, что оной же нашей отчины деревни Естьянъ крестьянину Карпу Осипову Скоробогатову прислано яко бы по его императорскому величеству предписанію изъ вашея государственной сумы выдать денегъ тысячу рублей кои мы приняли но таперича разсмотрѣли, хотя же и принято при приказѣ отъ вашего превосходительства, но на оное не согласны и приказъ обратно при семъ вамъ преобращаемъ, а писалъ сей рапортъ съ повеленія головы Корнелья Алексѣева старшины Ивана Сысоева и крестьянъ земскій Никонъ Степановъ руку приложилъ. У сего рапорта Холынскаго волостнаго правленія печать» (*).

— Все это написано у тебя ладно, только мнѣ не любо, что ты величалъ его ужь гораздъ; по моему, ему бы большой потачки давать не надо, замѣтилъ Немочай, когда земскій прочиталъ бумагу.

— Ему такъ писать приказано во всѣхъ бумагахъ, Евдокимъ Михайлычъ; вотъ на, посмотри на форму; съ этимъ словомъ земскій вытащилъ изъ кармана засаленую и потертую бумагу, на которой крупно былъ написанъ полный титулъ губернатора и подложилъ къ Немочаю.

— Отстань ты, если тебѣ съ нимъ любо ватажиться, носи ты его антихристово имя у сердца, произнесъ сердито Немочай и откинулъ прочь бумагу.

— Пусть его потѣшается своимъ величаньемъ; насъ отъ этого не убудетъ; благо ему указано, что мы толкуемъ

(*) Подлинный.

тоже здорово и его хитрости смекаемъ. Только вотъ что мнѣ думается: бумагу эту надо отправить съ кѣмъ ни есть своимъ, чтобы она вѣрно ему въ руки дошла, возразилъ Ларіонъ.

— По слѣдующему, бумагу самому Корнилью Алексѣичу отдать надо губернатору, замѣтилъ земскій.

Голова злобно выглянулъ на земскаго.

— Съ коей стати я бумаги развозить стану? Разсыльный я, что ли? произнесъ онъ сердито.

— Не обижайся, Корнилій Алексѣичъ; я, значится, не въ униженіе тебѣ сказалъ, а такъ единственно потому, по уваженію къ самому дѣлу, чтобы бумага вѣрно къ самому губернатору въ руки попала: а больше ни къ чему другому, извинялся земскій.

— Такъ бы ты и говорилъ. Въ правленьи и безъ меня есть кому дѣло справить, вотъ хоть бы Иванъ Сысоичъ, отвѣтилъ голова.

— А я съ коей стати пойду? Мнѣ какое дѣло? Пусть Карпъ Осиповъ везетъ; изъ-за него хлопоты всѣ пошли такъ пусть онъ и отдувается, возразилъ Сысоичъ.

— И то, послать Карпуху, подхватило нѣсколько голосовъ.

— Карпуху послать, такъ послать, чтобы его подвода была; не даромъ же онъ деньги получилъ; а Ивану Сысоичу надо ѣхать; онъ и въ бумагѣ прописанъ и отвѣтъ съумѣетъ держать, коли рѣчь зайдетъ съ губернаторомъ, сказалъ Немочай

— Что вы на меня навалились! Не поѣду я, вотъ и все. Что мнѣ за охота съ доброй воли въ петлю лѣзть, возразилъ Сысоевъ.

— Онъ тебя пальцемъ тронуть не посмѣетъ; довѣренный, значитъ, отъ волости, отвѣтилъ Немочай.

— А мнѣ думается, что къ самому губернатору лѣзть въ глаза нѣтъ нужды; полно того, что отдать бумагу солдату, что у него на часахъ стоитъ; этотъ ужъ непремѣнно передастъ самому. Значитъ, и опасности никакой нѣтъ, отозвался Ларіонъ.

— Такъ это дѣло и одинъ Карпъ справитъ; мнѣ, зна-

чить, незачѣмъ и ѣхать, произнесъ весело обрадованный Сысоевъ.

— Ну, тебѣ ѣхать-то все надо; за Карпухой надо присмотрѣть: вишь, какъ онъ любъ пришелся, тысячи не пожалѣли, чтобы закупить его, возразалъ ему Немочай.

—

Рано утромъ, только что начинало свѣтать, у губернаторскаго дома толкались два мужика; они со всѣхъ сторонъ заходили и высматривали, пробовали заглянуть и на дворъ. Никто на нихъ не обращалъ вниманія; а они озирались и едва завидѣвъ выходящаго со двора губернаторскаго кого нибудь, чуть не бѣгомъ отходили прочь. Часовой мѣрно ходилъ взадъ и впередъ передъ подъѣздомъ, самъ не понимая зачѣмъ. Мужики прошли мамо часоваго разъ пять, но тотъ не обратилъ вниманія. Наконецъ Карпъ Осиповъ прислонился къ будкѣ, такъ чтобъ его не было видно изъ дому, и сталъ подманивать часоваго рукою.

— Что надо? спросилъ солдатъ.

— Какой губерніи, служивый? спросилъ робко Карпъ.

— Тебѣ на что, сказалъ часовой и пошелъ въ другую сторону.

— Да я такъ подумалъ, не землякъ ли молъ нашъ, и спросилъ, произнесъ Карпъ, когда часовой снова вернулся къ будкѣ.

— Я смоленскій, произнесъ часовой и ушелъ въ другую сторону.

— Смоленскій... а далеко это отсюда?

— Не разговаривай, коли дѣла нѣтъ; на часахъ разговаривать намъ не приказано.

— Ишь ты строгость какая! А къ самому губернатору, ты, служивый, часто ходишь?

— Ступай прочь! тебѣ говорятъ, не разговаривай.

Карпъ отошелъ прочь, пошептался за угломъ съ Сысоевымъ и опять вышли къ губернаторскому дому. Теперь подошелъ къ будкѣ Сысоевъ.

— Я, служба, бывалъ въ Смоленской губерніи: мѣсто доброе, заговорилъ Сысоевъ, когда подошелъ къ нему часовой, и сунулъ ему гривну мѣди.

Часовой взглянулъ привѣтливо.

— Къ губернатору, что ль тебѣ надо? спросилъ онъ Сысоева.

— Намъ до него дѣла нѣтъ никакого; а вотъ ты намъ полюбился, ходишь браво, мы и подумали, что не землякъ ли, побахорить съ тобой захотѣлось, ничего больше, отвѣчалъ Сысоевъ.

— Нечего лясы-то подпускать; я вижу, зачѣмъ вы пришли. Рано забрались, теперь онъ почиваетъ еще, а вотъ какъ зазвонятъ къ обѣднѣ и приходи, въ самый разъ будетъ. Теперь проваливай дальше: разговаривать на часахъ не приказано.

— Хорошій ты человѣкъ, спасибо тебѣ. Только мы не къ губернатору, а такъ...

— Проваливай, говорю, прикрикнулъ часовой.

Сысоевъ съ Карпомъ побрели прочь. Они прошли на рынокъ, побродили, поглазѣли, а къ обѣдни все не звонили; они вошли на мостъ, оперлись на перила и стали глядѣть въ воду. Мимо нихъ прошелъ мѣщанинъ въ синей сибиркѣ, въ накидку. Карпъ вглядѣлся въ него и закричалъ:—эй, почтенный, постой.

Мѣщанинъ прибавилъ только шагу.

— Постой, любезнѣйшій! Пастуховъ, Пастуховъ, закричалъ Карпъ и бѣгомъ пустился догонять его, Сысоевъ кинулся за Карпомъ. Пастуховъ остановился. Пошло здорованье и обниманье, когда Карпъ догналъ Пастухова. Подошелъ и Сысоевъ. Они Пастухову объяснили свое дѣло, что, молъ, отъ вотчины посланы подать губернатору бумагу, да не знаютъ, какъ отдать.

— Подайте часовому, онъ передастъ, посовѣтовалъ Пастуховъ.

— Мы ужь пытались, такъ сердитый такой, говорить не даетъ; не приказано, видишь, разговаривать.

— Разговаривать нечего; подойди, да и сунь ему въ руку бумагу и скажи, что къ губернатору прислано. Подастъ.

Всѣ трое направились къ губернаторскому дому. Карпъ въ Пастуховымъ остановились на углу, а Сысоевъ по-

шелъ прямо къ часовому, держа передъ собой бумагу. Какъ только поровнялся съ нимъ часовой, онъ сунулъ ему въ руку бумагу, произнесъ скороговоркой: «отдай губернатору самому», и чуть не бѣгомъ пустился обратно къ товарищамъ, и всѣ трое стали высматривать изъ-за угла. Часовой постучалъ въ дверь; вышелъ жандармъ, которому отдалъ часовой бумагу, и заходилъ снова взадъ и впередъ у подъѣзда.

— Ну, теперь ваша бумага дойдетъ, сказалъ Пастуховъ.

Карпъ съ Сысоевымъ съ радости повели Пастухова угощаться въ харчевню.

XI.

Учрежденіе военныхъ поселеній шло съ изумительною быстротою на берегахъ Волхова. Солдаты съ каждымъ днемъ все прибывали и прибывали, Высоцкая волость была уже вся обрита и длинныя вереницы связей потянулись вдоль Волхова, лѣсъ исчезалъ быстро, его будто траву косой косили; если случалась помѣщичья земля въ округѣ, назначенномъ подъ поселеніе, ее скупали насильно и мигомъ давали ей одинаковый казенный видъ; усадьбы исчезали безслѣдно. Бритва зашла уже въ Питебскую и Хутынскую волости; народъ волновался; все было переполнено солдатами, о сопротивленіи нельзя было и думать, бѣжать тоже; народъ съ затаенною злобою покорялся. Подходила очередь и Холынской волости; но крестьяне еще бодрились и не отчаявались въ своемъ спасеніи; коноводы ихъ обольщали разными слухами и надеждами.

Изъ Петербурга пріѣхалъ Иванъ Петровъ и явился къ Немочаю.

Первымъ вопросомъ было:—Что, какъ идетъ дѣло въ сенатѣ?

— Все по хорошему, отвѣчалъ Иванъ Петровъ.—Пріѣхали этта мы въ Питеръ и отправились къ благожелателю твоему Извѣкову, самаго не застали дома: сказали, что онъ въ отлучкѣ, а встрѣтилъ насъ тотъ же господинъ, что и первую писалъ намъ просьбу. Мы ударили ему челомъ,

чтобы онъ насъ и на этотъ разъ выручилъ и написалъ бы просьбу въ сенатъ. Долго онъ не подавался на наше моленіе; наконецъ уломали-таки его. Просьбу онъ написалъ намъ разважную, на двухъ листахъ. Пошли мы въ сенатъ. Сторожа, извѣстное дѣло—народъ грубый; однако мы ублаготворили сторожа, онъ намъ вывелъ самого сенатора. Вотъ мы поклонились ему, чѣмъ сказано было, и просьбу вручили. Посмотрѣлъ онъ, повертѣлъ въ рукахъ и приказалъ придти въ понедѣльникъ въ Коломну къ нему за отвѣтомъ. Значитъ, дѣло это правлено по слѣдующему. Меня съ этимъ самымъ отвѣтомъ и послали къ вамъ, чтобы вы не имѣли большаго сомнѣнія на счетъ дѣла, а надѣялись на Бога; въ сенатѣ насъ въ обиду не дадутъ, это вѣрно.

Только что кончилъ Иванъ Петровъ, въ избу поспѣшно вошелъ Парѳенъ Ѳоминъ.

— Я, Евдокимъ Михайлычъ, важные слухи принесъ, такъ пришелъ сказать тебѣ.

— Спасибо, Парѳенъ Ѳомичъ, за добрые слухи; а вотъ послухай, что̀ Иванъ Петровичъ намъ сказываетъ. Тоже вѣсти хорошія привезъ. Просьбу-то нашу приняли въ сенатѣ и ублаготвореніе намъ обѣщали, значитъ, дѣло наше поправилось. А твои слухи? спросилъ Немочай.

Парѳенъ окинулъ избу взглядомъ и съ важнымъ видомъ нагнулся къ самому уху Немочая.

— Говорятъ, что князь Константинъ изъ Аршавы прислалъ приказъ губернатору, чтобы не смѣли насъ неволить въ новое званіе и чтобы земскіе сборы и недоимки сбирали по старому, а Аракчеевъ не смѣлъ бы и касаться насъ, пока онъ самъ на совѣщаніе въ Москву не пріѣдетъ. Вѣрное слово—это Пастуховъ Карпу съ Сысоевымъ говорилъ, въ городѣ, какъ они были, и говоритъ, что и копію можно выходить, только денегъ не пожалѣть—произнесъ шепотомъ на ухо Немочаю Парѳенъ.

Немочай во всѣ глаза поглядѣлъ на Парѳена.

— Мудренаго ничего нѣтъ, произнесъ онъ, немного обдумавши дѣло.— Князь Константинъ Богомъ избранъ со-

крушить силу антихристову, такъ и въ пророчествѣ сказано.

— Знатное бы дѣло, такъ напередъ всѣхъ—намъ бы къ нему и обратиться, давно бы онъ насъ успокоилъ, замѣтилъ Парѳенъ.

— Ему и безъ просьбы нашей Богъ внушилъ, самъ видишъ. Съ его приказу копію намъ выходить надобно, чего бы намъ ни стоило. Мы ею носъ подотремъ, какъ приставать къ намъ станутъ.

— Выходить ее не мудрено, коли Пастуховъ возьмется, только денегъ не пожалѣть.

— Чего ихъ жалѣть, коли на то припасены. Пусть Парѳенъ Карповъ дастъ изъ общественной казны сто рублевъ. А не то, поѣзжайте вы вмѣстѣ.

На другой день Парѳенъ Карповъ и Парѳенъ Ѳоминъ были уже въ Новгородѣ. Они отыскали домъ Пастухова, но самого не застали дома. Мужики постояли у дома Пастухова, погоревали и поплелись отыскивать Михайлова. Того тоже не было дома: стоялъ въ караулѣ на гауптвахтѣ. Оба Парѳена подошли къ гауптвахтѣ; кромѣ часоваго, мѣрно расхаживающаго по платформѣ, некого было попросить, чтобы выслали Михайлова; къ часовому обратиться они робѣли, а на гауптвахту идти тоже не смѣли. Вотъ и стали они ходить кругомъ гауптвахты, да заглядывать на окна и двери.

— Что вамъ надо? спросилъ часовой, давно за ними слѣдившій.

Парѳены оторопѣли.

— Что вамъ надо? васъ спрашиваютъ, опять спросилъ часовой, не переставая ходить.

— Земляка бы повидать хотѣлось, робко отвѣтили въ голосъ оба Парѳена.

— Кого?

— Михайлова съ Красныхъ Станковъ.

Часовой подошелъ къ двери и стукнулъ: «Эй!»

У обоихъ Парѳеновъ дрогнуло сердце; они было-направились бѣжать, но изъ гауптвахты выглянулъ Михайловъ.

— Тебя земляки спрашиваютъ, сказалъ ему часовой и и пошелъ ходить.

Михайловъ подошелъ къ Пареенамъ. Послѣ здорованья они отвели его за уголъ и Парфенъ Ѳоминъ сталъ нашептывать ему на ухо, чтобы онъ досталъ имъ копію съ варшавскаго повелѣнія. Михайловъ подробно распросилъ, въ чемъ состоитъ повелѣніе, Пареенъ все разсказалъ ему. Михайловъ задумался.

— Оно, пожалуй, и можно бы, только это дѣло мудреное... Нѣтъ други, что другое, а за это дѣло взяться— бѣды наживешь, проговорилъ онъ, немного подумавши.

— Будь благодѣтель, заставь вѣчно за тебя Бога молить. Окромя тебя выручить насъ некому, взмолились мужики.

— Для васъ, други мои, готовъ все сдѣлать, только это дѣло куда какое трудное!

— Ты только послужи намъ, а мы тебя ублаготворимъ вотъ какъ! Будешь доволенъ.

— Мнѣ отъ васъ ничего не нужно, я и такъ вами много доволенъ. Радъ бы я всей душой для васъ сдѣлать, да мѣсто-то не такое. Надо это выправку дѣлать въ канцеляріи губернатора, а тамъ вѣдь не въ уѣздномъ судѣ или какомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ съ цѣлковымъ можно войти. Тамъ все господа важные служатъ, съ синенькой ничего съ ними не подѣлаешь, расходъ ужасти какой большой будетъ.

— Мы за расходомъ не постоимъ, только бы намъ бумагу добыть.

— Да знаете ли вы, что только сотней дай Богъ справиться.

— Коли дѣло за деньгами только, ты не сумнѣвайся; намъ сто рублевъ дано на расходы, всѣ отдадимъ тебѣ, только бумагу добудь.

Михайловъ задумался.

— Попытать можно, произнесъ онъ, какъ-бы обдумавши дѣло.—Завтра, какъ обѣдни отзвонятъ, приходи къ кабаку на рынкѣ; тамъ свидимся.

— Будь другъ, выручи, а мы тебя ублаготворимъ. Они уже хотѣли уйти.

— Постойте, сказалъ имъ Михайловъ:—безъ денегъ

туда и носу показать нельзя; а вы сами знаете, что я человѣкъ безденежный, такъ вы мнѣ на расходы-то дайте хоть немного.

— А сколько тебѣ дать?

— Рублей двадцать-пять надо.

Мужики переглянулись. Парѳенъ Карповъ полѣзъ въ карманъ, порылся тамъ, вытащилъ красненькую бумажку и подалъ Михайлову.

— Этого, други, мало; на нихъ ничего не расхитришься, проговорилъ Михайловъ и отдалъ назадъ.

— Да ты бумагу только выходи; а тамъ что̀ будетъ стоить, все тебѣ ублаготворимъ, будь благонадеженъ.

— Вамъ я, кажется, говорю толкомъ, что безъ двадцати-пяти нечего и ходить. Какъ бы еще у меня деньги были, а то сами знаете.

Парѳенъ Карповъ снова полѣзъ въ карманъ, вытащилъ синенькую бумажку и приложилъ къ прежней.

— Съ вами дѣла не уладишь, я вижу, отвѣчалъ Михайловъ и направился-было на гауптвахту.

— Постой, постой, хорошій человѣкъ, мы тебѣ всѣ двадцать-пять дадимъ, только ты не введи насъ въ отвѣтъ передъ обчествомъ, заговорилъ Парѳенъ Ѳоминъ.

— Али я и Бога забылъ! Сумнѣваться вамъ, кажется, не въ чемъ. Завтра у кабака встрѣтимся; если достану бумагу, такъ ее отдамъ вамъ, а если нѣтъ—ворочу деньги назадъ. Вѣрное слово.

Парѳенъ Карповъ отдалъ двадцать-пять рублей Михайлову.

— Такъ завтра у кабака на рынкѣ. А вы припасите и остальныя деньги, чтобы задержки въ чемъ не было, сказалъ Михайловъ и ушелъ на гауптвахту.

Часа еще за два до назначеннаго срока толкались у кабака оба Парѳена. Долго протянулось для нихъ это время, но вотъ зазвонили къ обѣдни... изъ толпы народа вывернулся Михайловъ и знаками имъ указалъ на берегъ рѣки. Тамъ, за каменной стѣнкой, онъ вытащилъ изъ-за обшлага шинели бумагу и прочиталъ. Содержаніе ея было точно такое, какъ разсказывалъ Парѳенъ Ѳоминъ, за

исключеніемъ канцелярскихъ выраженій, которыя придавали й видъ дѣйствительно дѣловой бумаги.

— Та ли? спросилъ Михайловъ.

— Та, вотъ те Христосъ та! подхватилъ радостно Парѳенъ Ѳоминъ.

— Такъ вотъ что, други, мнѣ сейчасъ надо отдать пятьдесятъ рублей тому человѣку, который далъ мнѣ списать ее, я ему свой крестъ оставилъ въ закладъ. Бумагу возьмите эту себѣ; она только не очень разборчиво написана-торопился я очень и писать неловко было, да этому горю, пособимъ: у меня есть благопріятель, который такъ перепишетъ, что малый ребенокъ разберетъ. Вы гдѣ остановились?

— На постояломъ у Архипа.

— Знаю. Теперь вы мнѣ дайте деньги и идите домой-а я только снесу деньги и приду къ вамъ.

Деньги Парѳены отдали и съ торжествомъ вернулись на постоялый дворъ, гдѣ ихъ ждали голова съ земскимъ, Они вошли въ особый чуланъ; земскій сѣлъ къ окну, возлѣ него стали голова и Парѳенъ Карповъ, а Парѳенъ Ѳоминъ сталъ у двери и подперъ ее плечомъ. Долго разсматривалъ земскій бумагу, а разобрать не могъ, приноравливался онъ и по складамъ и по верхамъ, дѣло не подвигалось ни на перстъ. Сомнѣніе стало одолѣвать ихъ, подлинная ли эта бумага, или Михайловъ обманулъ, и денежки пропали даромъ. Пришедшій Михайловъ разсѣялъ сомнѣнія: онъ повелъ съ собою Парѳена Ѳомина къ приказному Еловицкому, чтобы переписать почище варшавское повелѣніе. Тамъ выманилъ послѣдніе двадцать-пять руб. лей и отдалъ Парѳену чисто переписанную копію, а свою черновую тутъ же разорвалъ на кусочки.

Копія съ варшавскаго повелѣнія была читана въ домѣ головы земскимъ при большомъ собраніи народа торжественно и потомъ отослана Немочаю. Ради такого радостнаго событія, земскій загулялъ и остался у головы въ Лучнѣ. Въ Естьянахъ не нашлось ни одного грамотѣя, чтобы прочитать варшавское повелѣніе. Калина хоть уже и поднялся на ноги, но не могъ осилить приказнаго писанія: онъ

только зналъ разбирать полууставъ и то не горазде. Когда протрезвится и воротится въ Естьяны земскій—ждать было долго; Немочай съ товарищами запрягли лошадей и погнали въ Красные Станки къ знакомому грамотѣю, чтобы удовлетворить своему любопытству. Чтеніе бумаги привело всѣхъ въ восторгъ; въ ней говорилось, чтобы Холынскую волость оставить въ прежнемъ положеніи, продолжать собирать съ ней недоимки и земскія повинности губернатору, Аракчееву же не приказано и касаться Холынской волости, пока не будетъ переговорено въ Москвѣ,

Съ восторгомъ вернулись домой естьянцы; ихъ надежды осуществлялись, усилія достигали цѣли. Дома ждали вѣсти нерадостныя: изъ Бронницъ дали знать, что пришли уже квартирьеры перновскаго батальйона, который идетъ изъ Новгорода, чтобы забривать Холынскую волость—а отъ Бронницъ до Естьянъ только двѣ версты... Гонцы поспѣшили во всѣ стороны скоплять хрещеный народъ въ Естьяны на мірской сходъ. Сходка на другой день была большая и шумная. Снова прочитали записку изъ Петербурга, потомъ варшавское повелѣніе и занялись разсужденіемъ, какъ быть, если придутъ солдаты. Одни совѣтовали заблаговременно разбѣжаться по лѣсамъ всѣмъ и скрываться, пока не придетъ изъ сената указъ, чтобы оставить ихъ въ прежнемъ положеніи: вѣра въ этотъ указъ въ крестьянахъ была сильна. Другіе говорили, чтобы, какъ только двинутся солдаты въ Естьяны, собраться всѣмъ съ топорами и кольями и отбиваться: однимъ словомъ, затѣять *шурму*. За это мнѣніе стояли коноводы. Споръ былъ сильный, дѣло чуть не доходило до драки, наконецъ, коноводы пересилили и положили, если только прослышатъ, что солдаты сбираются въ Естьяны, дать тотчасъ знать по всѣмъ деревнямъ и всѣмъ поголовно идти въ Естьяны съ топорами или съ чѣмъ другимъ; а чтобы скорѣе выхлопотать указъ сената, послать въ Варшаву депутатовъ. Всѣ стали упрашивать Немочая, чтобы онъ ѣхалъ, или бы послалъ Ѳому. Немочай не согласился, упираясь на то, что какъ онъ былъ уже у царя самъ, то ѣхать въ Варшаву нельзя ни ему, ни сыну. Міръ избралъ троихъ кре-

стьянъ, далъ имъ двѣсти-пятьдесятъ рублей на расходы и посланные тотчасъ отправились въ Варшаву, чтобы не терять напрасно времени. Все это волновало сильно волость; трусы разбѣжались по лѣсамъ, а озлобленные и посмѣлѣе не нашутку затѣвали дѣло. Слово *шурма* только и слышалось между крестьянами.

XIII.

Двадцать-шестаго ноября праздновали въ деревнѣ Новоселицахъ Георгію. Осенніе праздники по деревнямъ всегда бываютъ веселы и многолюдны; крестьяне освобождаются въ это время отъ своихъ работъ; хлѣба и прочаго хозяйственнаго добра у нихъ достаточно, да и деньги заводятся, отъ продажи сѣна и хлѣба. Въ Новоселицы валилъ народъ, въ надеждѣ попить вина и пива вдоволь и погулять весело; но гроза уже висѣла надъ ними. Въ Бронницы вступилъ перновскій батальйонъ. Немочай отправилъ въ Бронницы Архипа Чернаго развѣдать, куда и зачѣмъ идутъ солдаты.

Въ Бронницахъ у перевоза стояли три унтеръ-офицера и глядѣли на рѣку. Архипъ сталъ возлѣ нихъ, чтобы свести знакомство или хоть подслушать, не будетъ ли какого разговора насчетъ движенія войска. Долго стоялъ Архипъ; но на него не обращали вниманія служивые и отпускали солдатскія шуточки. Онъ рѣшился самъ заговорить съ ними.

— Вона, какъ посмотришь, завелъ издалека Архипъ:— если таперича, рѣка, какъ есть рѣки, а весной... оборони Богъ!

Солдаты взглянули на Архипа.

— Вамъ, можетъ быть, здѣсь впервые, такъ вашей милости и неизвѣстно, что̀ по вѣснамъ здѣсь походитъ, продолжалъ Архипъ.

— А что̀ такое? спросилъ унтер-офицеръ, ближе всѣхъ къ нему стоявшій.

— А вотъ, какъ примѣрно этакъ взять тотъ берегъ и этотъ, т. е. во всю, какъ есть рѣка... Теперь она катится, положимъ, и песочикъ видать; а тогда *смулится*, что

будто глина, вода подымется даже вотъ до этихъ кустовъ— Архипъ указалъ на кусты на противоположномъ берегу— и все вихрями, а ледъ, какъ есть, цѣлыми глыбами такъ плыветъ, вертитъ его, какъ мельничное колесо. Коли если гдѣ подопретъ въ берега, нароетъ этого льду ворохи и землю пробуравитъ. Упаси Боже, что только творится.

— Значитъ, она бойко проходитъ весной, сказалъ одинъ изъ слушателей.

— Ужасти, какъ бойко! Вдругъ такъ подымется и хватитъ; что есть на берегу, все сломаетъ, барка ли что другое. Инорядъ схватитъ съ берега баню или амбарушку и претъ ее, перехватывать не подумай, ни какой снастью не удержишь.

— Рѣка эта значитъ, быстрая.

— А вотъ, какъ видите, и пороги есть тамъ повыше города Боровичъ. Занятно этакъ посмотрѣть, какъ барки въ порогахъ, пустятъ. Летитъ этто барка, что и на тройкѣ не догнать; а ее такъ и этакъ гнетъ, только хряститъ сердечная; народу на ней тьма: кто потесями отбиваетъ, кто ведрами воду льетъ. Лоцманъ только знаетъ—кричитъ: «право, лѣво, сильнѣе...» Чуть если не утрафитъ—бѣда!

— Что же сдѣлается?

— Чуть только немного *отуритъ*, все пропало—или совсѣмъ оборотитъ, или разломитъ, кулье такъ и поплыветъ... А народъ какой смѣлый! На челнахъ всю муку перехватаютъ.

— Вотъ какая сердитая рѣка.

— И не приведи Богъ! А что-то знобко—Архипъ прикорчился немного.—Не въ угоду ли будетъ вашей милости чайкомъ позабавиться! Какъ посмотрю я, люди вы хорошіе и заслуженые. Я то-есть большое имѣю раденье и уваженіе къ военнымъ людямъ. Такъ не осудите, коли что не по нраву.

— Что ты, любезнѣйшій! Помилуй! Мы очень тебѣ благодарны.

— Такъ не ладно ли вотъ въ этомъ трактирѣ, изъ окна и рѣка видна.

Солдаты весело переглянулись и пошли за Архипомъ.

— Двѣ пары чаю, крикнулъ Архипъ въ буфетѣ и повелъ гостей въ особую комнату. Чай явился вслѣдъ за ними; солдаты растегнулись; одинъ досталъ изъ-за обшлага коротенькую трубочку и кисетъ съ табакомъ. Архипу не понравилось это зелье; онъ поморщился, но не сказалъ ни слова. Явился на столъ графинчикъ ерофеичу, разговоръ пошелъ живѣе и откровеннѣе.

— Стало быть, вы сюда на зимнія квартиры пришли? спросилъ Архипъ.

— Нѣтъ, мы только здѣсь на дневкѣ.

— Какъ это на дневкѣ? Я такого слова въ толкъ не возьму.

— У насъ марши всегда такъ располагаются—день, значитъ, идемъ, а другой отдыхаемъ; это называется дневка.

— Вотъ оно что! Значитъ, вы куда ни на есть дальше направляелесь?

— Не гораздо далеко-

— А куда? сталъ допытываться Архипъ.

— Сказывать-то не приказано. Да тебѣ пожалуй, можно, коли уже такъ любопытно. Мы назначены въ Холынскую волость, забривать, значитъ мужиковъ.

— Вотъ оно что! Значитъ, вы въ Холыню самую идете?

— Нѣтъ, въ Естьяны. Тамъ, говорятъ, скопище бунтовщиковъ, которые всю волость возмутили. Такъ перво-наперво ихъ усмирить. Для этого самаго и боевые патроны выданы.

— Что же это такое?

— Какъ тебѣ сказать! Патроны, то есть чѣмъ мы изъ ружей стрѣляемъ. Вотъ этакъ, значится, свернута бумажка; съ одной стороны въ ней порохъ насыпанъ, а съ другой стороны пуля завернута; вотъ такимъ манеромъ ту сторону-то, что съ порохомъ, скусишь зубомъ, насыпишь на полку пороху, а тамъ патронъ-то въ дуло опустишь и шомполомъ прибьешь—все это солдатъ выдѣлывалъ руками, какъ обыкновенно тогда заряжалось ружье на двѣнадцать темповъ.

— Стало-быть, въ мужиковъ-то палить станете?

— Прикажутъ, такъ станемъ палить.

— Такъ вы этакъ денька два, аль больше погуляете здѣсь?

— Тебѣ толкомъ сказано, что дневка. Одинъ, то-есть, день, а завтра рано утромъ выступимъ въ Естьяны.

Архипъ потолковалъ еще немного и, распростившись съ пріятелями, во всю прыть поскакалъ къ Немочаю.

Тревога поднялась: во всѣ деревни поскакали гонцы, чтобъ собрался народъ въ Естьяны.

—

Въ Новоселицахъ къ вечеру народъ разгулялся; несмотря на холодъ, составился хороводъ; улица полна была пьяныхъ. Въ дому у старшины за столомъ кругомъ большой ендовы съ пивомъ сидѣло человѣкъ восемь крестьянъ.

— Ты мнѣ скажи, отчего напередъ весны зима бываетъ? спрашивалъ одинъ сиплымъ голосомъ.

— Вотъ я ѣду съ возомъ, а встрѣчу мнѣ волкъ... говорилъ другой, не слушая никого.

— А какъ мой гнѣдко-то голосъ мой знаетъ! какъ выйду на дворъ да крикну «гнѣдко!», такъ онъ и заржетъ во дворѣ.

— Эко диво, что волкъ; видали мы. А ты скажи мнѣ, почему напередъ весны зима бываетъ? возражалъ первый.

— А этто я поѣхалъ въ лѣсъ за дровами; вотъ ѣду...

— Ну, что, что ѣдешь? Ѣзжали и мы за дровами; а ты скажи мнѣ, почему напередъ весны зима бываетъ?

— Да отстань ты. Экъ его.

— Вотъ волкъ-то сидитъ и глядитъ такъ-таки прямо супротивъ меня.

— Ты не то баешь; а вотъ почему напередъ весны зима бываетъ? Вотъ что.

— Какъ попадетъ тебѣ, Степуха, въ носъ, ты все одно да одно и заладишь.

Бесѣда шла оживленно и никто другъ друга не слушалъ; всякій говорилъ свое.

Въ это время стремглавъ прискакалъ верховой и прямо къ старшинѣ, бросилъ лошадь у воротъ и побѣжалъ въ избу.

— Миръ дому сему, сказалъ пріѣзжій, помолившись Богу и поклонившись сидѣвшимъ.—Василій Матвѣичъ, скопляй людей, да веди сейчасъ въ Естьяны, да накажи, чтобы взяли съ собой топоры или что другое; войско на насъ идетъ. Евдокимъ Михайлычъ съ Ларіономъ Васильичемъ приказали.

Мужики повыскакали изъ-за стола.

— Какъ, что, полно правда-ль? вопросы посыпались на и посланнаго.

— Во тѣ Христосъ истинный, правда! произнесъ посланный и перекрестился.

Старшина послалъ десятскаго вѣстить по деревнѣ, чтобы шли въ Естьяны. На улицѣ поднялась суматоха, пѣсни смолкли, народъ скоплялся въ кучи и толковалъ. Черезъ нѣсколько времени потянулись вереницей мужики къ Естьянамъ съ кольями, косами и вилами на плечахъ. Они шли мѣрнымъ шагомъ и тупо смотрѣли въ ноги себѣ, разговоровъ никакихъ не заводили.

Всю ночь со всѣхъ сторонъ плелись къ Естьянамъ мужики, а другіе ударили въ лѣсъ; къ утру въ Естьны нанакопилось человѣкъ до трехсотъ.

Только стало свѣтать, народъ выкатился на улицу, вооруженный косами, кольями, вилами и топорама; съ шумомъ и гамомъ двигалась толпа по деревнѣ къ тому концу, который выходилъ къ Бронницамъ; къ ней выбѣгали и приставали еще; а бабы, глядя изъ воротъ, выли и причитали. По дорогѣ къ Бронницамъ были раставлены вершники, чтобы давали знать, какъ подвигаться станутъ солдаты.

Около обѣда прискакали вершники съ извѣстіемъ, что идутъ солдаты; толпа сплотилась у конца деревни. Показались солдаты. За командиромъ, ѣхавшимъ верхомъ, развалось знамя и тянулся не скончаемый рядъ штыковъ,

блиставшихъ на солнцѣ. Мужики дрогнули и стали отступать. Когда приблизились солдаты на полвыстрѣла къ мужикамъ, майоръ скомандовалъ; и солдаты стали наступать съ ружьями на перевѣсъ; мужики побѣжали. Посреди деревни, у дворника Борисова были отворены ворота; мужики кинулись на дворъ и заперлись. Солдаты выстроились передъ дворомъ, майоръ выступилъ впередъ и сталъ требовать, чтобы сдались добровольно, а не то грозилъ, что станетъ стрѣлять...

— Ну, ладно, не горячись; теперь насъ не достанешь, отвѣчалъ ему Ѳома Немочай въ щель воротъ.

Майоръ поставилъ у дома караулъ, а прочимъ солдатамъ скомандовалъ вольно; солдаты составили ружья въ сошки и расположились на улицѣ. Тотчасъ же былъ посланъ гонецъ къ губернатору и генералу Княжнину 2-му съ извѣстіемъ о происшествіи.

Въ передней избѣ помѣстились главные агитаторы, кромѣ Ларіона Васильева, который остался дома; сѣни и подвалъ заняли старики, а прочій народъ расположился въ хлѣвахъ, конюшняхъ, на сѣновалахъ и на дворѣ. Ѳома Немочай ходилъ вездѣ и подбивалъ, чтобы упорно стояли и защищались, пока не придетъ изъ сената указъ или не дадутъ какого извѣстія посланные. Какъ только стало смеркаться, многіе изъ мужиковъ задумали убраться съ двора; изъ первыхъ былъ Земскій: онъ пробуравилъ солому на кровлѣ и вылѣзъ; за нимъ полѣзли другіе. Ѳома бросился къ отцу, тотъ велѣлъ поставить караульныхъ, чтобы не выпускали народъ со двора, а если кто будетъ сопротивляться, тѣхъ бить. Такимъ образомъ остальныхъ задержали на дворѣ.

Народъ заволновался и заходилъ по двору, какъ стадо, загнанное въ тесное мѣсто; поднялся густой и глухой шумъ. На улицѣ всѣхъ солдатъ поставили подъ ружье, ожидали вылазки; но мужики успокоились и стали искать всякій себѣ удобнаго мѣстечка, чтобы укрыться отъ холода и соснуть. Хлѣва и сѣновалы набились биткомъ; на дворѣ, по угламъ, кучками залегли мужики.

*

— А что, коли насъ и завтра не выпустятъ, гдѣ мы хлѣба возьмемъ?

— Эво! У Борисова хлѣба вдоволь, дворникъ: всякаго, значитъ, припасу довольно.

— Поди ты... Народу-то сколько... а всѣ почти безъ запасу пришли. Подумаешь, какая простота нападетъ. Былъ на праздникѣ въ Новоселицахъ... пироговъ напечено—пропасть... Что бы захватить съ собой? Такъ невдомекъ было...

— Что мы станемъ дѣлать? Пожалуй, и долго насъ продержатъ... Какъ быть безъ хлѣба?

— А вотъ что, ребята, какъ передъ свѣткомъ народъ придремлетъ, убраться намъ отсюда по-добру по-здорову.

— Поговори ты, чтобъ услышали; бока-то видно, чешутся, да изъ-за тебя инымъ достанется.

— Какъ-то безъ тебя тамъ жена справляется, Захарка? отнесся одинъ изъ кучки къ лежавшему молодому мужику, который только по временамъ вздыхалъ тяжело.

Въ кружкѣ раздался смѣхъ; Захарка отвернулся.

— Лежалъ бы дома за бабой, тепло какъ бы тѣ было!

— И то сказать: еще мѣсяцу не прошло, какъ бабу нажилъ, а тутъ спать кладутъ одного на дворѣ...

Въ избѣ Немочай разговорами отъ божественнаго укрѣплялъ духъ своихъ сподвижниковъ.

Рано утромъ прискакалъ губернаторъ; войска выстроились; на дворѣ народъ столпился у воротъ; Ѳома Немочай сталъ къ самымъ воротамъ, главные агитаторы сидѣли въ избѣ.

— Отворяйте ворота и выходите вонъ со двора! закричалъ губернаторъ.

— А вотъ погоди немного, отвѣчалъ Ѳома.

— Кто смѣетъ мнѣ такъ отвѣчать? Я—губернаторъ и приказываю вамъ повиноваться. Сейчасъ выходите со двора.

— Губернаторъ, губернаторъ, пробѣжалъ легкій говоръ между мужиками.

— А коли ты губернаторъ, такъ прочитай намъ вар-

шавское повелѣніе, гдѣ писано тебѣ, чтобы оставить насъ въ старомъ положеніи! Уведи прочь войско, тогда мы выйдемъ къ тебѣ, отвѣчалъ Ѳома.

— Какой тамъ бездѣльникъ вретъ! Вы его, ребята, не слушайте, онъ васъ обманываетъ: никакого варшавскаго повелѣнія не бывало; а есть указъ отъ государя императора, чтобы возвести васъ въ высокое званіе военныхъ поселянъ. На-те, возьмите, читайте:

— Мы твоего указа не хотимъ; не царемъ онъ данъ, тобой выдуманъ. Указъ царскій долженъ быть прибитъ въ городѣ на площади у столба и на будкахъ, а ты подай намъ варшарское-то повелѣніе; что его прячешь?

Долго бился у воротъ губернаторъ; Ѳома отвѣчалъ ему грубостями; наконецъ, губернаторъ послалъ искать по деревнѣ, нѣтъ ли гдѣ почетнаго и умнаго мужика, который бы могъ уговорить народъ къ послушанію. Нашли Ларіона Васильева и привели. Въ это время пріѣхалъ Княжнинъ. Ларіону дали указъ, чтобы онъ снесъ прочитать народу и уговорилъ къ повиновенію. Ларіонъ пошелъ къ воротамъ; ему отворили; но посланный, вмѣсто того, чтобы уговаривать народъ повиноваться, совѣтовалъ не сдаваться и держаться крѣпко, пока не придетъ извѣстіе изъ Петербурга. Какъ только Ларіонъ вернулся назадъ, его арестовали.

Самъ Немочай высунулся въ форточку окна и закричалъ губернатору:

— Ты хрещенаго народу не смущай напрасно такими указами. Мы еще въ Москвѣ его видѣли; онъ отмѣненъ сенатомъ, потому что сенатъ присудилъ оставить насъ въ прежнемъ положеніи и князь Константинъ тоже приказываетъ тебѣ; а лучше ты вспомни Бога и оставь лукавство Вели солдатамъ идти домой; тогда мы выйдемъ къ тебѣ и всѣ повиности и недоимки справимъ.

На это Княжинъ отвѣчалъ, что кромѣ объявленнаго имъ указа никакихъ другихъ повелѣній нѣтъ, что власти исполняютъ волю царя и не обманываютъ народъ, что Немочай вовлеченъ въ заблужденіе какими нибудь плутами; онъ обѣщалъ имъ помилованіе, если выйдутъ добровольно.

Если же не послушаютъ, то возьмутъ силою и тогда имъ будетъ худо.

Немочай отвѣчалъ, что ихъ силой не возьмутъ, а сами до тѣхъ поръ не выйдутъ, пока не получатъ изъ сената указа, чтобы оставить ихъ въ прежнемъ положенiи.

Княжинъ началъ стращать голодомъ.

— Ты думаешь, что у насъ и хлѣба нѣтъ. Всего довольно! На-ка, посмотри, мы блины здѣсь подъѣдаемъ, отвѣчалъ Немочай, держа въ рукахъ корку хлѣба.

Дѣлать было нечего: безъ особаго приказанiя отъ Аракчеева Княжнинъ не рѣшался принимать насильственныхъ мѣръ, и потому, оставивъ караулы у двора, онъ уѣхалъ съ губернаторомъ въ Бронницы.

Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ у осажденныхъ становился очень чувствителенъ; стали разсуждать о томъ, какъ бы добыть хлѣба. Сосѣдъ Борисова объявилъ, что у него дома есть до восьмидесяти мѣръ муки. Но какъ добыть? Иванъ Петровъ выдумалъ прорыть ходъ подъ землей на дворъ сосѣда. Проектъ ему же поручили привести въ исполненiе. Подъ смотрѣнiемъ Ивана Петрова вырыли въ вечеру на сосѣднiй дворъ яму, чтобы можно было проползти одному человѣку. Иванъ Петровъ проползъ и вернулся съ запиской отъ петербургскихъ депутатовъ, гдѣ было писано, чтобы держались до среды (то есть 5 декабря); тогда они обѣщали прiѣхать съ указомъ сената, чтобы оставить ихъ въ прежнемъ положенiи. Записка эта была читана сперва въ передней избѣ, потомъ въ задней и на дворѣ; она поддержала надежду и мужество осажденныхъ. Полѣзли снова за хлѣбомъ на сосѣднiй дворъ, но тамъ уже стоялъ караулъ, незамѣтившiй, впрочемъ, ни ямы, ни Ивана Петрова, выглянувшаго изъ ямы. Подкопъ сдѣлался безполезнымъ и народъ остался безъ хлѣба. Порцiя была самая скудная, по маленькому кусочку хлѣба; производилась она съ большими затрудненiями, чуть не съ дракой, другъ у друга вырывали куски изъ рукъ. Многiе рѣшились лучше отдаться живыми въ руки солдатамъ, чѣмъ умирать съ голоду; поднялся шумъ, бѣглецовъ принялись колотить; это не много успокоило. Наконецъ одинъ

изъ главныхъ заговорщиковъ задумалъ идти. Ѳома не смѣлъ съ нимъ расправляться; а потому сталъ упрашивать, чтобы онъ остался и кланялся въ ноги; просьбы Ѳомы подѣйствовали. Между тѣмъ пришелъ приказъ отъ Аракчеева, если до двѣнадцати дней не сдадутся добровольно мужики брать дворъ приступомъ.

До назначеннаго въ запискѣ срока не продержались мужики; ни помощь, ни депутаты не являлись; голодъ одолѣлъ и толпа, продержавшись девять дней, сдалась. Главныхъ зачинщиковъ и участниковъ до ста человѣкъ заковали и отправили въ Новгородъ, въ острогъ; прочимъ приказали брить бороды, но крестьяне долго несоглашались; наконецъ бороды стали исчезать одна за другой съ лица.

Такъ кончилась *Естьянская шурма*, которая, не смотря на то, что почти не осталось ея очевидцевъ, еще живетъ въ памяти народа.

Петербургскіе депутаты были разочарованы въ Петербургѣ. Въ Коломнѣ возвратилъ имъ просьбу, назвавъ ее безсмысленной, мнимый сенаторъ, который былъ не больше, какъ писецъ. Варшавскіе депутаты отосланы были подъ конвоемъ въ Москву, а оттуда прямо въ Оренбургъ въ солдаты. Немочай съ участниками судимы были военнымъ судомъ. Сентенція военнаго суда говорила: «Евдокима Немочаева, Ларіона Васильева и Василья Евстратова, яко начинщиковъ къ буйству и возмущенію, по силѣ 133 и 137 артикуловъ, повѣсить, Ѳому Немочаева, по силѣ 135 и 137 артикуловъ, висѣлицею наказать. Ивана Петрова, Корнилія Алексѣева (голову), Никона Степанова (земскаго), Карпа Осипова, Максима Дмитріева, Василья Амосова, Ивана Сысоева и Марына Ѳилатова, по 135 артикулу, живота лишить, а прочихъ, въ томъ числѣ и Калину Немочая, по 95 артикулу, бить шпиц-рутенами по три дня по разу. А рядоваго Филиппа Михайлова, по 135 и 201 артикулу живота лишить. Сей приговоръ въ присутствіи коммисіи подсудимымъ объявить и до воспослѣдованія конфирмаціи содержать ихъ подъ карауломъ при новгородскомъ ордонанс-гаузѣ скованныхъ» Конфирмаціею они были помилованы съ тѣмъ, чтобы сослать ихъ на службу

въ Сибирь въ дальнія губерніи. Десять сутокъ вывозили изъ Новгорода преступниковъ на тройкахъ въ Сибирь. Груня была выдана замужъ за какого-то солдата, но скоро исчезла изъ поселеній; о ней и слухъ пропалъ.

Теперь опять явилась деревня Естьяны; она такъ же велика и многолюдна, но не такъ уже богата, а аракчеевскія связи исчезли совершенно.

1863 г.

—

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ.

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ.

Лесть и страхъ часто возводятъ, въ глазахъ современниковъ, чуть не великіе—самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ, которые, благодаря случаю и обстоятельствамъ, совершенно отъ нихъ независящимъ, усердію и трудолюбію, успѣютъ вскарабкаться на пьедесталъ и оттуда раздаютъ толпѣ милости; а чаще всего заставляютъ народъ трепетать и еще требуютъ, чтобъ онъ смиренно переносилъ свою горькую участь.

Но какъ же намъ остаться безъ великаго человѣка, и про кого жь мы будемъ слагать похвальныя слова.

Къ числу такихъ великихъ людей относится графъ Аракчеевъ. Но не такъ думаетъ г. Глѣбовъ. Онъ говоритъ: *покойный Тенинъ причислилъ графа Аракчеева къ числу тѣхъ государственныхъ людей, на которыхъ сосредоточиваются многорѣчивые толки современниковъ и безмозвное вниманіе потомковъ.* Но г. Глѣбовъ, несмотря на явное свидѣтельство фактовъ, имъ же самимъ приведенныхъ, фактовъ, бросающихъ слишкомъ-невыгодный свѣтъ на гр. Аракчеева, все еще старается ратовать за него, какъ человѣка *замѣчательнаго по уму и способностямъ* (*), и молчаніе потомковъ объ Аракчеевѣ объясняетъ тѣмъ, что *преданіе было такъ свѣжо. что говоря о покойникѣ, нельзя было не говорить и о живыхъ.*

Личность Аракчеева не можетъ назваться любезною. Современники, лучшіе лучшіе люди того времени, ненавидѣли его, какъ человѣка, несдѣлавшаго, кромѣ зла, ничего хорошаго. Было, правда, немного и его сторонникъ, которымъ онъ покровительствовалъ, но и тѣ отъ него отпер-

(*) Г. Глѣбову, вѣроятно, неизвѣстенъ отзывъ самаго императора Александра объ Аракчеевѣ.

лись, какъ скоро онъ сошелъ съ политической сцены. Кто же могъ обижаться, еслибы справедливо осудили Аракчеева? И зачѣмъ современникамъ обижаться, справедливымъ судомъ объ Аракчеевѣ, когда они были невольными орудіями и участниками его распоряженій? Съ ихъ стороны было бы справедливѣе и человѣчнѣе подтвердить истину и обличить ложь, еслибъ кто-нибудь рѣшился заговорить про Аракчеева.

Не то было причиной молчанія. Мы всегда стараемся гнать прочь отъ своихъ глазъ предметъ, напоминающій намъ наше заблужденіе, еще близкое къ намъ, или едва зажившую рану, потому-что горькое чувство раскаянія и безъ того горько. *Но теперь, кажется, потомство для Аракчеева настало*, говоритъ г. Глѣбовъ.... Полно настало ли? И теперь еще есть много людей въ живыхъ, которые были очень-близки къ Аракчееву... Но не въ томъ дѣло. Судъ о всякомъ человѣкѣ возможенъ только тогда, когда факты его дѣятельности такъ разовьются и завершатся, что по нимъ уже безошибочно можно произнести судъ о человѣкѣ; а если еще современники живутъ, тѣмъ лучше: они могутъ многое подтвердить и пояснить, чего не могутъ понимать потомки. Судъ надъ Аракчеевымъ можно было совершить тотчасъ послѣ его смерти, ибо съ его смертью умерло все, что онъ сдѣлалъ при жизни. Ему не суждено было принадлежать къ числу тѣхъ людей, дѣянія и предначертанія которыхъ переживаютъ цѣлыя поколѣнія. Отъ него осталось одно прозвище «аракчеевщина», синонимъ словамъ «татарщина», «архаровщина» и другимъ подобнымъ, которыя такъ непріятно поражаютъ наше ухо.

Но кто жъ былъ Аракчеевъ? Замѣчательный человѣкъ, только не по уму и способностямъ, какъ говоритъ Данилевскій въ своихъ «запискахъ» цитируя слова императора Александра I, а по усердію и трудолюбію, по холодности и жестокости, по отсутствію мысли въ дѣйствіяхъ, по привязанности въ формѣ и внѣшности.

Будто все это правда? Правда, отвѣчу я, и сошлюсь въ этомъ случаѣ на дѣла его и безпристрастный отзывъ еще и теперь живыхъ современниковъ, Сошлюсь на самую

статью г. Глѣбова и преимущественно на книгу барона Корфа, въ которой разсказанъ чрезвычайно-характерическій анекдотъ по этому случаю (*).

(*) Въ послѣднихъ числахъ ноября 1809 года государь уѣхалъ на нѣсколько дней въ Тверь, для свиданія съ великою княгинею Екатериною Павловною, а къ 6-му декабря прибылъ въ Москву, провелъ недѣлю. Въ это время Сперанскій, остававшійся въ Петербургѣ, высылалъ къ нему проектъ новаго учрежденія государственнаго совѣта, по частямъ; но чтобы сохранить дѣло въ той глубокой тайнѣ, въ которой условлено было содержать его отъ всѣхъ, онъ передавалъ тетради, въ конвертахъ безъ адреса и не за своею обыкновенною, а за какою-то вымышленною печатью, камердирену Мельникову, надписывавшему ихъ къ государю въ Москву, «Мельниковъ важный человѣкъ», съ усмѣшкою говорилъ своимъ приближеннымъ сопутствовавшій государю графъ Аракчеевъ, крайне негодуя на то, что не знаетъ содержанія таинственныхъ конвертовъ. Въ публикѣ уже носились, однако, слухи, что въ Москвѣ готовятся важныя новости. Нѣсколько позже начали говорить, что послѣдуетъ что-то съ совѣтомъ, но болѣе этого ничего не знали. На обсужденіе проектъ былъ сообщенъ, частнымъ образомъ, только графу Салтыкову, князю Лопухину и графу Кочубею, которые одобрили его, и словесно и письменно. Потомъ дали еще взглянуть на него государственному канцлеру, графу Румянцеву, долженствовавшему предсѣдательствовать въ новомъ совѣтѣ въ случаѣ отсутствія императора. Наконецъ, по возвращеніи въ Петербургъ, Государь прочелъ проектъ и Аракчееву, но уже почти наканунѣ обнародованія, изъ одной предупредительности и чтобъ изгладить неудовольствіе, обнаруженное военнымъ министромъ за скрытность, съ которою вели отъ него это дѣло.

Объ этомъ неудовольствіи есть занимательный разсказъ въ запискахъ (рукописныхъ) находившагося тогда при Аракчеевѣ статсекретаря Марченко. Вотъ онъ отъ слова до слова: «Графу крайне досадно было, что новости сіи скрыты отъ него. Онъ готовился ѣхать въ Грузино, но государь задержалъ, обѣщая прочесть съ нимъ образованіе совѣта. Хотя, по словамъ графа, онъ отзывался, что трудъ будетъ напрасенъ, ибо онъ гражданской

Г. Глѣбовъ говоритъ, что *когда сдѣлается извѣстным все чего мы еще незнаемъ о столь недалекомъ отъ насъ прошедшемъ, тогда, безъ-сомнѣнія, истина и здравое убѣжденіе разсѣятъ всѣ эти разнорѣчные толки на счетъ дѣятельности Аракчеева не только по части артиллерійской, но и вообще по устройству русской арміи, за время царствованія Благословеннаго*, и тутъ же въ выноскѣ приписываетъ въ заслугу Аракчееву то, что онъ увеличилъ русскую армію. Дѣло очень-немудреное: стоитъ только сдѣлать наборъ по пятнадцати человѣкъ съ тысячи—вотъ и цѣлая новая армія! Да въ арміяхъ развѣ заключается сила и благоденствіе государства? Было время, что сила государства измѣря-

---

части не знаетъ; но примѣтно было желаніе узнать то, что всѣхъ занимало. Одинъ вечеръ хотѣлъ государь прислать за нимъ послѣ бани; онъ и дожидался, но вдругъ докладываютъ, что присланъ отъ государя Сперанскій. Не прошло десяти минутъ, какъ графъ, отпустивъ Сперанскаго, спросилъ меня съ дѣлами. Я и не видывалъ еще его въ подобномъ бѣшенствѣ. Не ставъ слушать бумагъ, приказалъ прислать ихъ въ Грузино, куда сейчасъ онъ отъѣзжаетъ. Послѣ разсказывалъ, что Михаилъ Михайловичъ привезъ ему одно оглавленіе, дабы на словахъ разсказать существо новой организаціи; но онъ не сталъ ничего слушать, отпустилъ его съ грубостію и послать письмо къ государю объ отставкѣ. Тутъ припомнилъ онъ мнѣ безъименные конверты, въ Москву присланные. Три дня проведено въ безпрестанной пересылкѣ фельдъегерей въ Грузино; по 30 декабря (1809) графъ пріѣхалъ въ столицу. Сей и послѣдующій дни прошли въ объясненіяхъ; прочитано образованіе совѣта и, по словамъ графа, на вопросъ государя: «чѣмъ хочетъ быть графъ, министромъ (то-есть оставаться военнымъ министромъ), или предсѣдателемъ департамента» (въ государственномъ совѣтѣ), онъ отвѣчалъ: «что *лучше самъ будетъ дядькою, нежели надъ собою имѣть дядьку*». Вечеромъ послѣ сего, 31 декабря, государь прислалъ въ подарокъ графу пару лошадей съ санями, что крайне его порадовало, ибо едва ли не первый это былъ случай въ столицѣ. 1-го января 1810, возвратясь изъ дворца, онъ объявилъ, что сдѣланъ предсѣдателемъ военнаго департамента и что министръ будетъ другой (Барклай-де-Толли;

лась цифрою войска; но это время еще раньше Аракчеева миновалось.

Далѣе г. Глѣбовъ указываетъ на «папки», которыя и теперь еще цѣлы въ Грузинѣ. Но папки подтверждаютъ только то, что Аракчеевъ брался часто не за свое дѣло, или докладывалъ то, что другіе приготовили, а это-то и значитъ *чужими руками жаръ загребать.* Въ этихъ папкахъ есть отдѣленіе по святѣйшему синоду. Его ли это дѣло было?

Именно, чтобъ видѣть, что такое былъ Аракчеевъ, и надо обратиться къ тѣмъ папкамъ, о которыхъ говоритъ г. Глѣбовъ и которыя могутъ дать ясное понятіе объ этомъ человѣкѣ.

Не будемъ говорить о «Шумскомъ»—эпизодѣ изъ жизни Аракчеева, напечатанномъ въ «Отеч. Запискахъ» прошлаго года и теперь отдѣльно изданномъ, а лучше прослѣдимъ, сколько можно, по подлиннымъ документамъ, нѣкоторыя дѣйствія Аракчеева. Тутъ грузинскія «папки» намъ много помогутъ.

Первый шагъ къ быстрому возвышенію былъ сдѣланъ Аракчеевымъ, когда онъ находился въ гатчинской артиллеріи при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. Одинъ разъ великій князь назначилъ смотръ гатчинскимъ войскамъ въ первомъ часу. Войска собрались въ назначенное время; а великій князь, занятый другими дѣлами, совершенно забылъ про смотръ. Войска, продождавъ часа два, разошлись; остался одинъ Аракчеевъ съ своей батареей на площади. Великій князь, проходя къ обѣду, увидѣлъ въ окно на площади артиллерію и позвалъ къ себѣ офицера. Явился Аракчеевъ, отрапортовалъ великому князю о своемъ усердіи и съ-тѣхъ-поръ сталъ пользоваться полною довѣренностью Павла Петровича почти во всю его жизнь. При императорѣ Павлѣ Аракчеевъ былъ комендантомъ дворца. Для этой должности онъ былъ, кажется, созданъ; онъ спалъ не раздѣваясь и всегда былъ готовъ явиться по первому зову императора. Много можно разсказать анекдотовъ изъ этой жизни Аракчеева, но тѣсные предѣлы статьи не дозволяютъ распространяться, да и въ-сущности они нисколько не

идутъ къ дѣлу. Скажу только, что этою службою Аракчеевъ пріобрѣлъ себѣ сперва званіе барона, а потомъ графа и Грузинское имѣніе. Передъ смертью императора Павла, Аракчеевъ, по интригамъ придворныхъ, было сосланъ въ Грузино.

Въ устройствѣ Грузинскаго имѣнія Аракчеевъ дѣйствительно показалъ себя очень-оригинальнымъ. Въ этомъ случаѣ, онъ вполнѣ выказалъ свой деспотическій характеръ: не только людей, но даже и природу подчинялъ онъ своему безобразному деспотизму; у него все шло по ранжиру. Стричь и равнять было главною заботою Аракчеева: ни одно дерево въ саду, по дорогѣ и деревнямъ не смѣло расти выше и шире назначеннаго ему Аракчеевымъ; садъ и всѣ деревья въ имѣніи по мѣркѣ стриглись, Деревни всѣ онъ вытянулъ въ прямую линію, и если случалось по необходимости сдѣлать поворотъ, то онъ шелъ или подъ прямымъ угломъ, или правильнымъ полукругомъ.

Когда Грузинской имѣніе поступило во владѣніе Аракчеева, берега рѣки Волхова, на которыхъ расположено имѣніе, были покрыты лѣсомъ: ивою, ветлою и дубомъ большаго размѣра. Аракчеевъ принялся чистить берега Волхова. Послѣ уборки хлѣба, крестьяне, всѣ поголовно, не исключая и женщинъ, выгонялись по цѣлымъ мѣсяцамъ, несмотря ни на какую погоду, на работу. Распоряженія были безтолковы, лѣсъ рубился на свалъ и сжигался на мѣстѣ. Надсмотрщики были уполномочены дѣлать, что имъ угодно; они били всѣхъ безъ разбору и часто для того только, чтобъ размять и погрѣть себѣ руки. Канавы копались во время морозовъ, полотна для дорогъ насыпались въ глухую осень подъ проливными дождями, уроки работъ назначались сверхъ силъ; оттого смертность была изумительная, развивались хроническія болѣзни, особенно чахотка, которая теперь обратилась въ наслѣдственную въ грузинскомъ имѣніи.

Устроивъ дороги, Аракчеевъ началъ перестраивать деревни на свой госпитально-голландскій ладъ. Ни одна деревня не осталась цѣла и на своемъ мѣстѣ: всѣ онѣ перестроивались безъ всякаго соображенія въ-отношеніи къ хо-

зяйству крестьянъ, но для вида, чтобъ все было симметрично, прямо и гладко. Со старыхъ мѣстъ, удобныхъ для хозяйства и по землѣ и по близости рѣки, деревни переносились на прямую дорогу, на низкое болотистое мѣсто, въ отдаленіи отъ воды, но за то на ровное разстояніе отъ смежныхъ деревень. Архитектура домовъ была уродлива и непріятна для русскаго глаза. Въ Грузинѣ выстроены деревянные домы съ каменными крыльцами въ видѣ балконовъ. Деревни строились разомъ и съ такою поспѣшностью, точно будто къ смотру! Матеріалъ былъ сырой и большею часть дрянной, фундаменты копались только на полторы четверти: оттого ихъ всякую весну распирало, и бѣдные мужики должны были ихъ постоянно смазывать глиной. Лѣсъ, какъ только выкатывался изъ воды, тотчасъ же шелъ на постройку: оттого всѣ дома были сыры и холодны. А между-тѣмъ, Аракчеевъ *бралъ съ крестьянъ за домы отъ семи-сотъ рублей до трехъ тысячъ ассигнаціями*! Если же крестьянинъ не въ-состояніи былъ заплатить назначенной суммы, то его переводили въ другую деревню, гдѣ цѣнность домовъ была меньше, а на его мѣсто переводили болѣе-исправнаго; но и тотъ снова выводился, если по какому-либо случаю бѣднѣлъ. Это впрочемъ, гораздо-лучше объяснятъ собственною рукою Аракчеева написанныя.

«Правила хозяевамъ о содержаніи домовъ, вновь выстроенныхъ въ селѣ Грузинѣ 1821 года:

«Всякій хозяинъ дому обязанъ содержать оный въ томъ точно положеніи и исправности, въ каковыхъ первоначально принятъ имъ по печатной описи (а мужики были неграмотные!) Для чего необходимо нужно соблюдать нижеслѣдующія правила.

«1) Чрезъ каждые три года, считая съ сего 1821 года, хозяинъ долженъ на свой счетъ выкрасить за одинъ разъ красной краской, на вареномъ постномъ маслѣ, желѣзныя крыши на дому и на крыльцахъ. Для чего потребно: краски черледи 15 фунтовъ, масла постнаго 1 пудъ. Равнымъ образомъ въ одно время, то-есть черезъ каждые три года, красить и надъ всѣмъ надворнымъ (строевіемъ?) составомъ за одинъ разъ. На что и потребно: красной гли-

ны 1 пудъ 20 фунтовъ, масла постнаго 16 ф., купоросу 16 ф., соли 16 ф., муки 30 ф. Оное крашеніе крышъ должно быть сдѣлано въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ. По прошествіи же сего времени у того крестьянина, у котораго оное сдѣлано не будетъ, крыша красится на счетъ его распоряженіемъ грузинскаго головы, а съ виновнаго хозяина взыскивается, сверхъ издержекъ, 10 рублей въ мірской банкъ штрафу.

«2) Ежели случится, что крыша будетъ имѣть течь, или попорчена сильнымъ вѣтромъ, то немедленно долженъ исправить, нанявъ для онаго кузнеца.

«3) Коль скоро случится въ домѣ разбитое стекло, то тогда же вставить вмѣсто его новое, и всякій годъ одинъ разъ обязанность хозяина смотрѣть всѣ рамы, нѣтъ ли отставшей замазки, и если оное окажется, то замазать новою. Замазку купить у стекольщика, или нанять его оное исправить. Неисполнившій правилъ, предписанныхъ во 2-мъ и 3-мъ пунктахъ, наряжается каждый разъ на три дня въ садъ на работу.

«4) Всѣ печи, какъ въ домѣ, такъ и въ каменной кухнѣ, осматривать чаще: не окажется ли гдѣ трещинъ, въ такомъ случаѣ, немедленно починивать. а сверхъ того каждую недѣлю одинъ разъ трубочисту должно чистить трубы.

«5) Въ лѣтнее время, то-есть съ 1-го мая, хозяинъ печетъ хлѣбы и варитъ кушанье для себя въ каменной своей кухнѣ на дворѣ. Въ домѣ же печи осмотрѣть и если нужно, то починить и потомъ грузинскій полиціймейстеръ долженъ ихъ запечатать, которыя остаются въ такомъ положеніи до 15 сентября. въ которое время изъ кухни переходить опять въ домъ. За неисполненіемъ правилъ, предписанныхъ въ 4 и 5 пунктахъ, строго наблюдаетъ грузинскій полиціймейстеръ, и виноватыхъ отдаетъ въ садъ на работу, а въ противномъ случаѣ уже самъ отвѣтствуетъ *господину и подходитъ къ тѣлесному наказанію*.

«6) Если въ домѣ и надворномъ строеніи желѣзный приборъ, какъ-то: петли, задвижки, или подставка у воротъ изломаются, то хозяинъ немедленно долженъ исправить. Но если попортятся двери или ворота, то самому не чи-

нить, а должень *нанять столяра*, дабы испорченное сдѣлано было хорошо.

«7) Хозяинъ обязанъ мостовую на дворѣ всегда содержать въ должной чистотѣ, то-есть *каждый день мести*, а во время грязи чистить оную деревянными лопатами и вывозить на огородъ. И всѣ вещи на дворѣ содержать въ порядкѣ. На улицѣ же, противъ своего дома, съ половины прогалка, мостовую, сверхъ того, что содержать всегда чисто, но и долженъ посыпать пескомъ, когда приказано будетъ.

«8) Хозяева обязаны вымостить въ прогалкахъ, между воротъ, булыжнымъ камнемъ и содержать оные прогалки въ чистотѣ, не имѣя въ тѣхъ мѣстахъ ничего накладеннаго; а дрова, бревна и колья содержать на заднихъ улицахъ и позади дворовъ. Телеги же и дровни на дворахъ.

«9) Старшая хозяйка отвѣчаетъ въ дому; дабы скотъ неходилъ въ прогалкахъ, а всегда, по-утру, она обязана скотъ свой прогнать къ гумнамъ, за ворота и сдать пастуху. Вечеромъ же встрѣтить его также у гуменъ, за тѣми же воротами, и пригнать прямо на дворъ. Неисполняющіе правилъ, предписанныхъ въ 6, 7 и 8 пунктахъ, *каждый разъ наряжаются на работу въ садъ по усмотрѣнію полиціймейстера.*

«10) Вечеромъ ходить въ сараи и клевы не иначе, какъ съ фонаремъ, въ коемъ были бы всегда цѣлыя стекла. Въ домѣ же употреблять свѣчи, или ночники съ масломъ, но отнюдь *не зажигать лучины,* кромѣ какъ только въ кухнѣ. Неисполняющій хозяинъ сего правила *наказывается* головою, въ присутствіи всѣхъ, *тѣлесно.*

«11) За цѣлость и исправность чугунной рѣшетки въ прогалкѣ, между домами, отвѣчаютъ оба хозяева, каждый за свою половину, и въ случаѣ, если оная будетъ нарочно изломана, то платятъ за каждую *сажень 45 рублей* (самъ покупалъ по 24 руб. саж.)

«12) *Каждую весну* всякій хозяинъ дома долженъ выбѣлить известкою всѣ каменные заборы и столбы, стѣны у кухни, внутри и снаружи, печи, трубы на домѣ и фундаменты у дома и двора, за что каждый хозяинъ платитъ

за матеріалъ и работу не болѣе, какъ 5 рублей. У каждаго крестьянина должно быть сіе сдѣлано ежегодно *въ теченіи мая мѣсяца*, а по наступленіи іюня мѣсяца, съ того хозяина, который не исполнитъ сего, взыскивается *10 рублей* и на оныя уже деньги исправляется работа сія, а самъ онъ наряжается на 4 дня въ садъ на работу.

«13) Строго запрещается содержать имъ въ домѣ для сушенія льна куделю на чердакахъ, а имѣть оную въ анбарѣ. Съ неисполняющаго сего правила взыскивается штрафу въ мірской банкъ *10 рублей, и вся куделя и ленъ отдается въ пользу доносителя.*

«14) Имѣть въ домахъ кровати *съ занавѣсками и постели съ кроватей не снимать и завести для оныхъ одѣяла.*

«15) *Въ мезонинахъ* на чердакѣ содержать платье и всѣ вещи въ порядкѣ повѣшенные на стѣнахъ, для чего сдѣлать спичники, а *коробки въ ларяхъ.*

«16) Каждый день, когда метутъ избы, то отворять *форточки* и стирать во всѣхъ мѣстахъ пыль.

«17) Хозяинъ обязанъ каждую осень *не позже сентября* мѣсяца, вставить *зимнія рамы* хорошо, такъ, чтобы оныя не могли мерзнуть, и чтобы оныя были хороши *вымыты и вытерты.* Не исполнившіе онаго *штрафуются* нарядомъ въ садъ, на работу, а отвѣчаетъ за неисполненіемъ онаго полиціймейстеръ.

«18) *Каждую весну*, къ Георгіеву дню, каждый хозяинъ *долженъ вынять зимнія рамы*, на коихъ имѣть черною краскою *нумера* и убрать оныя въ магазинъ, на чердакѣ, а полиціймейстеръ осматриваетъ оныя, дабы онѣ хорошо были *убраны* и могли бы оставаться цѣлыми.

«19) Наконецъ, если кто изъ хозяевъ замѣченъ будетъ въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лѣнивымъ и нерадивымъ въ хорошемъ содержаніи своего дома и много разъ будетъ штрафованъ за неисполненіе сихъ правилъ, и если все оное усмотрѣно будетъ *господиномъ* (т. е. Аракчеевымъ), то таковый получаетъ обратно свои деньги, заплаченныя за домъ и переводится въ дальныя деревни, какъ-то въ Рогачи и Отоку, на всегдашнее жительство, гдѣ и покупается ему домъ, на сумму выданную ему за грузинскій домъ.

«20) За всѣми оными правилами наблюдаетъ грузинскій полиціймейстеръ и строго взыскиваетъ, дабы никто ни въ чемъ отъ онаго не отступалъ, а въ противномъ случаѣ отвѣтствуетъ уже *полиціймейстеръ* господину, *подвергая себя тѣлесному наказанію.*

«21) Кромѣ же сего вышеозначеннаго правила ни по какому случаю не можетъ хозяинъ терять свой домъ, а принадлежитъ ему и наслѣдникамъ его на вѣчныя времена

Графъ Аракчеевъ.»

Вотъ до чего можетъ доходить регламентація! Если и она ужь окажется безсильною, то во что мы будемъ вѣрить? Мы часто ссылаемся на Францію, какъ на образчикъ всякаго рода предписаній и донесеній; но здѣсь сама Франція и вся ея великая централизація можетъ позавидовать такому кодексу, который существовалъ въ имѣніи Аракчеева. Конечно, это близко даже къ талмуду. Да у Аракчеева былъ написанъ свой талмудъ для крестьянъ, въ которомъ излагались правила, подобныя приведеннымъ и съ такими же нравственными прибавленіями въ числѣ розогъ и палокъ, на всѣ случаи жизни крестьянина, даже о томъ какъ и кому ходить въ церковь, въ какіе колокола звонить, какъ и ходитсъ крестнымъ ходомъ и при другихъ церковныхъ церемоніяхъ и въ какихъ ризахъ служить священникамъ. Въ малыхъ дѣлахъ отражается государственный человѣкъ такъ же, какъ и въ большихъ! Поэтому мы очень дорожимъ фактами помѣщичьей жизни Аракчеева. Она даётъ понятіе и о государственной его дѣятельности. Послѣ этого нисколько не удивительно, что Аракчеевъ постоянно былъ занятъ: дѣлъ, какъ видно, у него было много! Странно только то, что несмотря на всѣ мудрыя правила и практичное примѣненіе ихъ къ мужикамъ посредствомъ розогъ и палокъ, они нисколько къ нимъ не привились. Мужики, стѣсненные съ одной стороны, внѣшней дисциплиной, а съ другой задавленные деспотизмомъ владѣльца, совершенно отупѣли. «Какъ онъ въ-конецъ не разорилъ своихъ крестьянъ такими поборами за дома и штрафами?» спросятъ, пожалуй. А вотъ, видите ли: Аракчеевъ, подъ

именемъ головы грузинской вотчины, вступалъ въ казенные подряды, которые исполняли поголовно всѣ крестьяне. Барыши онъ бралъ себѣ, а задѣльная плата поступала въ банкъ за бѣдныхъ и должниковъ; богатые ничего не получали за свою работу. Зачѣмъ? Они и безъ того были богаты. Напримѣръ, шоссе, чуть не первое въ Россіи, отъ Чудова до Грузина, было строено на остатки суммъ, отпущенныхъ на военное поселеніе... Подрядъ этотъ взялъ «голова» за 1 мильйонъ ассигнаціями. Аракчееву досталось чистаго барыша шестьсотъ тысячъ (немного!), остальныя четыреста поступили въ банкъ, за долги, а крестьяне проработали даромъ слишкомъ два года. Обо всѣхъ мелочахъ въ жизни каждаго крестьянина Аракчеевъ зналъ подробно; въ каждой деревнѣ былъ шпіонъ, да еще и не одинъ, который являлся лично къ самому Аракчееву каждое утро и подробно рапортовалъ о случившемся. Кромѣ того Настасья (*) исправляла должность полицiймейстера, и въ отсутствіи Аракчеева занимала его мѣсто.

Вся эта ломка съ перестройками, розгами, палками, шпіонствомъ и изнурительными работами принесла ли пользу крестьянамъ? Можно смѣло сказать, что не только не принесла пользы, но еще повредила. Вѣдь въ сущности-то мужики ни сколько не перемѣнились; не смотря на мудрыя правила и обстановку и внѣшность на иностранный манеръ, они также оставались невѣжественны и необразованны, потому-что въ нравственности и сельскомъ хозяйствѣ Аракчеевымъ не было сдѣлано никакихъ улучшеній и перемѣнъ; Аракчеевъ расчистилъ луга, надѣлалъ много пашни; но прежнее трехпольное хозяйство оставилъ въ покоѣ: поэтому всѣ его затѣи только обременяли мужиковъ, истощали ихъ силы и средства и вели къ разоренію. Аракчеевъ былъ врагъ всякой мысли и разсужденій; онъ билъ мужиковъ, если они осмѣливались разсуждать—это считалось грубостью и буйствомъ. Потому, какъ скоро упала рука, державшая надъ ними палку, они бросили все, начатое Аракчеевымъ, и обратились къ своимъ прежнимъ привычкамъ. На все, что только осталось отъ Аракчеева,

(*) См. «Шуйскій.»

они смотрятъ съ ненавистью и презрѣніемъ. А были и такіе люди, которые восхищались дѣлами Аракчеева, люди, высоко-стоящіе по своему образованію. Вотъ что значитъ внѣшность!

СТИХИ,

при удаленіи отъ Грузина 17 сентяеря 1818 года сочиненные.

Кто не былъ въ Грузинѣ, на волховскихъ брегахъ,
Едва ли тотъ видалъ хозяйство въ совершенствѣ,
Хозяйство русское, на дѣлѣ, не въ словахъ.
Крестьянамъ нужды нѣтъ мечтать тамъ о равенствѣ;
Имѣвъ добро въ рукахъ, не ищутъ ужъ добра.
Въ помѣстьѣ Грузинскомъ приволье, даръ природы.
Искусствомъ обновясь, она во всемъ щедра:
Обильны пажити, поля, обширны воды.

Воздвигнутъ на холмѣ великолѣпный храмъ
Во славу Божію, въ свидѣтельство вѣкамъ,
Какъ благодарнымъ быть—и къ тѣни намъ любезной,
Какъ подвигъ въ гробѣ чтить, отечеству полезный.
Въ пріютахъ садовыхъ зрятъ памятники въ честь
Надежну дружеству, любви сыновней нѣжной.
Для любомудрія тамъ пищи много есть
И всѣ пріятности для *жизни безмятежной*,

Устройство Грузина помѣстьямъ образецъ.
Должно бъ то жь всюду быть, помѣщикъ гдѣ отецъ.

А. Малиновскій.

2 декабря 1818 года, Москва.

Не одними стихами хвалили грузино: и проза была очень-интересна и такъ интересна, что ее Аракчеевъ пряталъ въ бронзовые ящики въ церкви (*). Вотъ для образчика:

«Отъ любителя Грузина препровождается чубукъ въ домъ для проѣзжающихъ, въ залогъ усердія и преданности къ почтенному владѣтелю села Грузина. который, устрой-

(*) См. «Шумскій».

вая невиданный доселѣ порядокъ въ прекрасныхъ усадьбахъ своихъ, умѣлъ осчастливить и жребій живущихъ въ нихъ крестьянъ. Господа наши восхищаются благоденствіемъ иноземныхъ поселянъ, красотою ихъ селъ и порядкомъ домоводства; ихъ собственные крестьяне, утомленные работами, истощенные оброками, покрытые рубищемъ, въ дымныхъ, нечистыхъ избахъ кажутся имъ непохожими на людей. Дабы имѣть понятіе, какъ можетъ быть счастливъ русскій поселянинъ, пусть поѣдутъ въ Грузиио, тамъ вникнутъ во всѣ подробности хозяйственныхъ заведеній; картиною привольнаго житья крестьянъ, они увѣрятся, что и въ Россіи села могутъ быть красивы, а поселяне счастливы, когда помѣщикъ рѣшится быть ихъ отцомъ.»

Невольно припоминаются слова Крылова:

—Съ похвалъ вскружилась голова;
От радости въ зобу дыханье сперло,
И на привѣтливы лисицины слова
Ворона каркнула во все воронье горло!

«Рады стараться», отвѣчаетъ въ восторгѣ Аракчеевъ на такія лестныя похвалы, и съ большею яростію принимается коверкать русскаго мужика на иностранный ладъ. Что-за дѣло, что несчастный мужикъ вздыхается и ломается совершенно отъ этой цивилизаціи; на его мѣсто есть много другихъ! есть надъ кѣмъ потѣшиться! А если мужикъ провинился—въ Сибирь его, да и тамъ не уйдетъ отъ рукъ Аракчеева, если онъ узнаетъ, что мужикъ началъ жить хорошо. Вотъ образчикъ заботливости Аракчева о мужикахъ, которыхъ и Сибирь не спасала отъ его преслѣдованій. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ заботился о своемъ несчастномъ крестьянинѣ, прослужившемъ ему двадцать лѣтъ головою:

«Милостивый государь мой, Петръ Козьмичъ!

«Г. С. Батеньковъ, по порученію моему, узналъ, какой участи подвергся въ Сибири бывшій голова Грузинской моей вотчины И. Д., сосланный туда въ 1823 году по приговору уголовнаго суда за преступленіе. Изъ полученнаго свѣдѣнія извѣстно, что онъ прослѣдовалъ Тобольскѣ и остановленъ въ Томской губерніи на поселеньѣ.

Дабы вопросомъ о семъ человѣкѣ не подать повода къ несвойственнымъ заключеніямъ, я счелъ нужнымъ написать къ вашему превосходительству, что сіе сдѣлано было отнюдь не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ дѣйствовать на его состояніе въ Сибири, чего онъ ни по какимъ уваженіямъ не заслуживаетъ, и потому совершенно долженъ подвергнуться общей участи осужденныхъ. Мнѣ желательно было только знать, гдѣ онъ, и предварить сношенія съ моею отчиною, ибо таковыя сношенія вообще неумѣстны и давно воспрещены закономъ.

«Вслѣдствіе сего запрещенія, я покорно прошу васъ принять на себя трудъ останавливать всѣ посылаемыя отсюда къ нему письма и подаваемыя отъ него, ежели сіе случится, и пересылать ихъ ко мнѣ въ частномъ видѣ. Само-собою разумѣется, что вы властны вскрывать оныя всегда, когда сіе признаете нужнымъ.

«Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ какимъ имѣю честь быть, вашъ покорнѣйшій слуга

«Графъ Аракчеевъ.»

12 генваря 1825 года.

Какая гуманность! Кажется, довольно и этого, чтобъ видѣть, что такое былъ Аракчеевъ. Можно бы еще было привести многое множестве фактовъ, обличающихъ Аракчеева въ жестокости, формализмѣ, жадности и безразсудствѣ: но оставимъ это до біографіи.

Бросимъ теперь взглядъ на дѣла Аракчеева въ военномъ поселеніи.

Грустно вспоминать про это тяжелое время, а разсказы современниковъ о немъ не выносимо слушать. Вотъ г. Глѣбовъ похваляетъ Аракчеева, что онъ умножилъ армію: а неугодно ли ему взглянуть на это средство увеличивать армію?

Мы не будемъ разбирать подробно всего, что сдѣлано по военнымъ поселеніямъ, а обратимъ вниманіе на тѣ только факты, которые дадутъ намъ ясное понятіе объ Аракчеевѣ, какъ администраторѣ.

Мѣстность, гдѣ дѣйствовалъ Аракчеевъ, устраивая воен-

ныя поселенія, находилась въ Новгородскомъ Уѣздѣ, на берегахъ рѣкъ Волхова и Мсты, была покрыта сплошными лѣсами и мало населена; кое-гдѣ были не большія деревни. Главными чертами Аракчеева были чистота и аккуратность. Чтобъ очистить эту мѣстность для будущихъ построекъ, Аракчеевъ прежде всего постарался собрать силу; силой этой было войско, которое стянулъ онъ въ Новгородскую Губернію изъ разныхъ мѣстъ. А сколько было собрано имъ войска; это можно видѣть изъ сего отношенія къ новгородскому гражданскому губернатору отъ 26 ноября 1819 года.

«Милостивѣйшій государь! (писалъ Аракчеевъ губернатору)!

«По высочайшему государя императора соизволенію, работы въ округахъ военнаго поселенія 1-й гренадерской дивизіи, ежегодно распространяться должны въ обширномъ производствѣ; для таковыхъ работъ предназначены вторые баталіоны пѣхотныхъ полковъ, командируя ихъ отъ полковъ по мѣрѣ распространенія работъ. Такимъ-образомъ въ 1818 году, при сихъ работахъ было двѣнадцать баталіоновъ; а въ 1819 число ихъ увеличено до 24 баталіоновъ и 6 артиллерійскихъ ротъ. Я предвидѣлъ, что въ расположеніи оныхъ по зимнимъ квартирамъ будетъ не только утѣсненіе, но и самая невозможность, потому болѣе, что селенія по большой московской дорогѣ нельзя обременить чрезвычайнымъ постоемъ по причинѣ проѣзда и прохода всѣхъ командъ; за большею же московскою дорогою къ границѣ Санкт-петербургской Губерніи находятся непроходимыя болота, прекращающія совершенно всякое весною сообщеніе съ большою московскою дорогою, да и тамъ одна Тесовская вотчина, въ которой какъ въ прошлую зиму, такъ и нынѣ расположены 6-ть баталіоновъ, кои надлежало прошедшею весною очень рано, и по зимнему еще пути, вывести оттуда и расположить по большой московской дорогѣ. Въ наступающемъ году для производства работъ въ тѣхъ же округахъ военнаго поселенія назначено еще 24 баталіона, что вмѣстѣ съ прежними составитъ уже 48 баталіоновъ и 6 артиллерійскихъ ротъ. Предвидя все сіе, я лично про-

силъ васъ еще осенью 1819 года, что необходимо нужно заблаговременно начать исправленіе прежде существовавшей прямой дороги отъ Волхова (отъ Грузина), черезъ экономическую деревню Гладь, къ Боровичамъ. Дорога сія соединяетъ Новгородскій Уѣздъ, а особливо военныя поселенія съ селеніями Боровичскаго Уѣзда, по Мстѣ рѣкѣ лежащими, и открывая близкое и всегдашнее между ими сообщеніе, представляетъ единственный способъ къ расположенію войскъ, при работахъ находящихся, безъ ихъ стѣсненія и безъ обремененія жителей, въ удобныхъ такихъ селеніяхъ Боровичскаго Уѣзда, кои никогда и никакимъ занимаемы постоемъ не были. А какъ съ того времени прошло два года, то я и надѣюсь, что вы, милостивый государь мой, слѣдуя правиламъ, предписаннымъ объ исправленіи дорогъ по ввѣренной вамъ губерніи вообще, конечно, обратили ваше вниманіе на сей особенно-важный въ настоящемъ положеніи пунктъ; а что изъ слѣдующихъ нынѣ 24 баталіоновъ можно уже будетъ, такъ-какъ сіе нужно, расположить 12 баталіоновъ ближе къ военнымъ поселеніямъ, по сей дорогѣ въ Тихвинскомъ и Боровичскомъ Уѣздахъ. Но ежели совершенно дорога сія еще не-окончена, то прошу васъ принять должныя мѣры къ окончанію ея въ настоящее лѣто. Баталіоны же должно будетъ равномѣрно вывести оттуда ранѣе по зимнему пути и расположить также въ селеніяхъ по Волхову и московской дорогѣ, гдѣ, я напередъ знаю, будетъ большое стѣсненіе постоя, весьма-отяготительнаго для поселянъ тѣхъ селеній.»

Съ этимъ отношеніемъ такъ тѣсно связано, и потому многое объясняетъ, прошеніе головы тихвинской экономической вотчины крестьянина Гура Никонова къ г. министру юстиціи отъ 22-го октября 1819 года, что его необходимо привести здѣсь буквально. Вотъ оно:

«Въ вотчинѣ нашей повѣренные по мірскому приговору и даннымъ имъ довѣрительными актами, утруждали первоначально тихвинскій уѣздный судъ явочнымъ прошеніемъ на тихвинскаго г. исправника и кавалера Антропова, которая просьба тѣмъ судомъ принята и не произведена въ дѣйствіе, съ надписью выдана, въ послѣдствіе въ пріѣздъ

въ Тихвинъ для обревизованія губерніи и г. новгородскаго гражданскаго губернатора о всемъ томъ словесно по скорости выѣзда его просили же и не получа слѣдующей защиты, и съ тѣхъ же упомянутыхъ повѣренныхъ крестьянинъ Иванъ Ѳедоровъ и письменно просьбою утруждалъ его превосходительство въ Новгородѣ на 9 число сего октября, котораго г. гражданскій губернаторъ обратно послалъ, обѣщаясь просьбу его, не умедливъ, удовлетворить предписаніемъ г. исправнику Антропову.

«Просьба же наша его превосходительству слѣдующаго содержанія: упомянутый г. исправникъ первоначально письменнымъ приказомъ, а напослѣдокъ повторительнымъ отъ суда отрядомъ съ вотчины нашей истребовалъ 578 человѣкъ самыхъ достойныхъ и крѣпкихъ къ работѣ людей, и къ онымъ по топору и по лопаткѣ желѣзныхъ и 58 лошадей съ упряжкою, коимъ и высылку учинилъ въ 29 число августа сего 1819 года, въ работу на устроеніе вновь назначенной прешпектовой дороги, лежащей чрезъ селеніе Грузино къ Боровичскому Уѣзду, гдѣ тѣ крестьяне и до сего числа безъисходно работаютъ, безъусыпно, на которой работѣ г. исправникъ самъ и два сельскихъ засѣдателя управляютъ и тѣхъ крестьянъ жестоко бьютъ безъ пощады, яко настоящихъ преступниковъ, вотчина наша представляя къ онымъ пропитаніе и припасы, конскій фуражъ, вовсе изнемогаетъ, поелику изо всей вотчины съ каждой тягольной души вышло на помощь оныхъ по 40 рублей, кромѣ тѣхъ крестьянъ, которые сами работаютъ, и оставя домы свои и обзаведеніе крестьянское, должно безъ нихъ вовсе погибнуть, котораго убытка по сіе время съ конямъ, кормамъ, вотчина наша терпитъ уже больше 120 тысячъ рублей, отъ чего въ крайнее изнеможеніе и упадокъ приходитъ, а какъ нынѣ потребны будутъ сборы казенныхъ податей и требуется уже рекрутская повинность, но крестьяне вотчины нашей не только не въ силахъ выполнить, но и самыхъ очередныхъ въ домахъ не имѣется, а находятся на помянутой подъ именемъ казенной работѣ и такъ многіе испортили который руку, который ногу, который что, а будутъ отзываться и защищать»

ся, что на той тяжкой работѣ испортили себя; а какъ на высылку не предвидимъ *мы никакого высочайшаго повелѣнія, даже и губернаторскаго предписанія намъ возсе не объявлено же*, въ такомъ случаѣ, хотя вотчина наша по простодушію и незнанію никакихъ законовъ, но, мнитъ, что на устроеніе всѣхъ дорогъ единожды высочайшимъ указомъ повелѣно: сбирать со всякой тягольной души положенный оброкъ, а сверхъ онаго столь тягостной на вотчину нашу съ 2315 душъ, 572 человѣка, то-есть, четвертая часть наложено и высланы, и при томъ безсрочно крайне—обижены и приведены многіе во всеконечную нищету неповинно, кольми паче престарѣлые вдовы и сироты оставшіе съ малолѣтними дѣтьми, держа землю, вовсе разоряются; прискорбіе же таковое, тѣмъ больше зрительное, что наложено на одну токмо нашу и подобную намъ такуюже тихвинскую вотчину, прочіе же по уѣзду нашему, не говоримъ мы о владѣльческихъ, но и экономическихъ, генерально всѣ г. исправникомъ отъ той неизвѣстно намъ кѣмъ наложенной жесточайшей тяжести, и видя вотчина стенающихъ и рыдающихъ отцевъ и матерей, вдовъ и сиротъ горестнымъ слезамъ наполненныхъ глазъ и пришедшихъ въ неизбѣжную нищету, при томъ же и я нижепоименованный, имѣя данные вотчину печатнымъ афишки, чтобъ мы *кромѣ высочайшихъ поземельныхъ поборовъ отнюдь вотчину не не обременяли*, но какъ и ослушнымъ быть строгому требованію не осмѣлились, приказаніе начальства своего выполнили, съ тѣмъ, что на малое время, а послѣ бъ перемѣнить наравнѣ съ прочимъ, а насъ именованныхъ уволить, о чемъ, какъ выше сказано и съ просьбами мы приступали первоначально въ уѣздный судъ, а потомъ двукратно утруждали г. гражданскаго губернатора, но упомянутый повѣренный нашъ Иванъ Ѳедоровъ, возвратясь изъ Новгорода, и узнавъ объ немъ г. исправникъ, и призвавъ его къ себѣ чрезъ г. стряпчаго, который только вступивъ въ его квартиру, г. исправникъ, схватя его за волоса и ударивъ о земь, билъ, сколько ему угодно, напослѣдокъ оный, выбѣжавъ изъ дому и хотѣлъ уйтить, но позади послалъ г исправникъ дворовыхъ своихъ

людей, которые и еще его били же безъ пощады, но отняли его граждане, и посаженъ однакоже отъ онаго г. исправника подъ стражу въ желѣзную цѣпь, гдѣ и понынѣ содержится; въ таковыхъ вышеизъясненныхъ, тѣсныхъ обстоятельствахъ, не получа отъ г. гражданскаго губернатора ни избавленія отъ работы, ни самой въ обидахъ и неуравненій противу подобныхъ намъ защиты, послѣднимъ средствомъ предпочитаю подвергнуть себя подъ высокомилостивую и правосудную вашего сіятельства защиту, услыште стѣнающій гласъ неповинно и тяжестно обремененныхъ жестокою работою, приказать на мѣстѣ происшествіе оной изслѣдовать и избавить отъ толико тяжестной работы, поелику у многихъ находящихся тамъ крестьянъ ни питательства, ни платья, ни денегъ не имѣютъ, съ голоду и холоду должны истинно, во зимнему времени, лишиться жизни. Ваше сіятельство! правосудный защитникъ угнетенныхъ, подайте благосердную, неумедлительную помощь вашу и удостойте нижайшаго просителя высокомилостивымъ увѣдомленіемъ.»

Въ то время, какъ окрестныхъ уѣздовъ крестьяне занимались устройствомъ дорогъ для прохода войскъ на зимнія квартиры, войска занимались расчисткою мѣстъ и планировкою для каменныхъ штабовъ, поселенныхъ ротъ, пахатныхъ полей, сѣнокосовъ и выгоновъ; дѣланіемъ дорогъ и кирпича, выгрузкою матеріаловъ изъ рѣкъ и постройками зданій. Здѣсь повторилось то же, что и въ Грузинѣ, только въ немного-бо̀льшихъ размѣрахъ! Кромѣ-того, войска, не имѣя удобнаго помѣщенія, жили въ землянкахъ вплоть до совершенной зимы. Описывать картину ихъ жизни было бы излишне. Мѣстные жители, исключая стариковъ, забривались въ пахатные солдаты и пріучались къ новой жизни тѣмъ же способомъ, какъ и грузинскіе мужики, что̀, конечно, имъ не совсѣмъ нравилось, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Ѳ. Бухмейеръ, въ письмѣ къ Аракчееву, отъ 28-го мая 1817 года:

«Въ высоцкой военной волости обстоитъ благополучно и кажетца всѣ мирно проходитъ. Маіору Фрикину подвердилъ и сегодняже по всемъ ротамъ послано, дабы имѣ-

ли большую осторожность, а паче въ пошную пору и приказалъ смотрѣть за цехаузами, въ коихъ хранятца отлучныхъ людей ружья; конечно надо быть теперь они не осмѣлятся что либо предпринять да и не возможно было, имъ почти скопитца, да и еслибы имъ сіе возможно то едва ли такихъ, которые могутъ дратца въ состояніи во всей волости выдти 300 человѣкамъ исключая малолѣтнихъ и престарѣлыхъ, а естли я боюсь чего, то иногда думаю дабы не подожгли гдѣ, вотъ мое опасеніе, и думаю только о томъ чтобы сего не случилось и для того у меня въ Высокомъ ходятъ патрули за патрулями обходя вокругъ всѣхъ лѣсовъ начиная скраю Высокаго до Сосницы.»

Точно укрѣпленный непріятельскій лагерь! Да оно иначе и быть не могло; надобно же было пріучать мирныхъ жителей ко всѣмъ случайностямъ воинскихъ тревогъ. На то они и пахатные солдаты!

Съ такими силами, какія были собраны Аракчеевымъ, очень-легко все дѣлать. Берега Волхова въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ совершенно измѣнились. Люди и природа преобразовались изъ русскаго во что-то чухонсконѣмецкое. Вмѣсто лѣсовъ, явились необозримыя равнины, пересѣкаемыя въ различныхъ направленіяхъ дорогами, обсаженными березками, конечно, подстриженными. Явились поселенные роты, вытянутыя въ одну ровную линію версты на три, съ интервалами, плацами, бульварами, экзерцирсгаузами и шпилями, въ которыхъ помѣщались церкви, а за перегородками, возлѣ церкви, школа и гауптвахта! Хоть все это и драло русскій глазъ и ухо, но зато было стройно, чисто и опрятно: нигдѣ на улицѣ, ни на передней линіи, ни на задворкахъ, соринки не увидишь. Дѣло очень-возможное при воинской дисциплинѣ.

Все старое было истреблено съ корнемъ—слѣдовъ не осталось прежнихъ селъ и деревень; даже церкви, если онѣ приходились не по плану, были снесены, а кладбища всѣ заровняли такъ, что и слѣдовъ не осталось дорогихъ для русскаго крестьянина могилъ. Немало было пролито и слезъ, когда солдаты ровняли кладбища: многихъ старухъ

замертво стаскивали съ дорогихъ имъ могилъ, такъ онѣ упорно отстаивали эту святыню, по русскому повѣрью. Конечно, вмѣстѣ съ этимъ, и жизнь измѣнилась. Явились ефрейторы, капральные, фельдфебели и такъ далѣе. Сельскія и полевыя работы пошли въ пересыпку. Послѣ сохи или косы поселянинъ бралъ въ руки ружье, выкидывалъ имъ на двѣнадцать темповъ и вытягывалъ ноги въ три пріема, тихимъ учебнымъ шагомъ. А тамъ смотры и парады. Въ полѣ требовали чистоту и правильность, чтобы глазу было пріятно смотрѣть; а на смотру требовали, чтобы поселянинъ смотрѣлъ бойко и весело. Чуть который поселянинъ задумается и нахмурится, налетитъ капральный и пуститъ въ ходъ свои руки, приговаривая: *смотри веселѣе!*

И все это по азартной поспѣшности Аракчеева дѣлалось быстро; бѣдный мужикъ не могъ опомниться и понять, какъ все это случилось съ нимъ, на яву или во снѣ все это онъ видитъ. Впрочемъ, что это вовсе не во снѣ съ нимъ дѣлалось, на то были очень-ощутительныя доказательства.

Аракчеевъ не ограничился этимъ; онъ вмѣшался въ семейную жизнь мужика и извратилъ ее до того безобразія, вслѣдствіи котораго такъ дурно кончилась вся эта комедія, передѣланная съ нѣмецкаго на русскіе нравы, отвратитеьельной драмой.

Надобно было заселить всѣ домы, настроенные Аракчеевымъ, которыхъ было втрое больше противъ народонаселенія мѣстныхъ жителей. Это не затруднило великаго администратора: онъ старыхъ солдатъ обратилъ въ поселянъ; а чтобы сдѣлать ихъ семейными людьми, приказалъ имъ жениться, кто на комъ хочетъ, или на комь укажетъ начальство. Дѣло было спѣшное; сватовъ, по русскому обычаю, посылать по невѣсту было некогда, солдаты хватали въ полѣ дѣвокъ, какая попадала подъ руку и не справляяся, нравится ли ей суженый и рады ли такому родству ея родные, тащили въ церковь. Случалось, что брачныя церемоніи бывали съ угощеніемъ тесаками и кольями; но приходила команда, родственное согласіе Воз-

становлялось. Впрочемъ, дѣвушкѣ, вышедшей за солдата, выдавалось въ награду по 25 руб. ассигнаціями, по усмотрѣнію начальства. А начальство было, большею частію изъ нѣмцевъ, и цинически смотрѣло на русскія повѣрья и обычаи. Ко всему этому надобно прибавить, что у каждаго хозяина было по четыре постояльца, молодыхъ, изъ рекрутовъ, съ которыми онъ долженъ былъ дѣлить труды въ полѣ, экзерциціи на плацу, семейныя радости и печали; словомъ, здѣсь все было общее, и все поддерживалось деспотизмомъ Аракчеева, противъ котораго никто изъ множества начальниковъ не смѣлъ сказать слова. Сколько въ это время разыгралось семейныхъ драмъ въ жизни поселянина, изъ которыхъ наконецъ сложилась одна общая драма—драма страшная, которая была концомъ всѣхъ усилій и напряженій ума и воли Аракчеева.

Вотъ слабая картина того, что Аракчеевъ сдѣлалъ въ военныхъ поселеніяхъ. Много бы можно было привести фактовъ въ потвержденіе всего этого, изъ частныхъ и оффиціальныхъ документовъ; но для того потребовалось бы сдѣлать статью безконечной.

Смотря на все это, невольно приходишь къ тому убѣжденію, что Аракчеевъ смотрѣлъ на народъ, какъ на матеріалъ, изъ котораго можно строить все, что вздумается, что онъ совершенно отрицалъ человѣка въ крестьянинѣ и отказывалъ ему въ возможности чувства и мысли. Впрочемъ, едва ли и самъ Аракчеевъ былъ доступенъ какому-нибудь человѣческому чувству. Къ тому жь, въ немъ недоставало очень немногаго—соображенія въ своихъ поступкахъ! Было ли хотя сколько-нибудь народнаго-русскаго въ его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ? Была ли какая-нибудь въ головѣ его мысль о томъ, что насильственными мѣрами нельзя ничего сдѣлать съ народомъ, нельзя привить ему насильно того, что не въ его нравахъ, не въ его убѣжденіяхъ; измѣнять же убѣжденія народныя можетъ только просвѣщеніе, а не одинъ человѣкъ и еще такой, какъ Аракчеевъ.

Современники, пораженные быстротою его дѣйствій, внѣшнимъ порядкомъ и новизною, не зная сущности дѣла

и той темной стороны, которая была закрыта отъ нихъ блестящею внѣшностью, могли удивляться Аракчееву и писать подобныя вещи:

«Я еще прошлою осенью имѣлъ удовольствіе видѣть часть полка вашего сіятельства. Мнѣ показалось, что все заводилось въ такомъ совершенствѣ, что должно было не только хвалить, но и удивляться. Я на этихъ дняхъ видѣлъ возвратившагося изъ военныхъ поселеній прусскаго полковника Туна. Онъ въ такомъ восторгѣ, что ужь ни о чемъ другомъ не говоритъ, какъ объ военныхъ поселеніяхъ. Очень занимательно слушать, какъ онъ другимъ иностранцамъ разсказываетъ. Его, кажется, настоящее восхищаетъ, а о будущемъ разсуждаетъ онъ съ нѣкоторымъ ужасомъ. И особливо, какъ подумаешь, что военные поселяне изъ коренныхъ жителей такъ выправлены и выучены, что ихъ отъ старыхъ солдатъ различить невозможно, и что такимъ-образомъ армія незамѣтно увеличивается. Покорнѣйше прошу ваше сіятельство не лишить меня вашей милости и пр.

Князь Павелъ Лопухинъ.»

Спб. 27 іюня 1822.

«Я немного замедлилъ принести вашему сіятельству искреннѣйшую благодарность за милостивое письмо, которымъ меня удостоить изволили, потому-что хотѣлось видѣть и говорить со всѣми особами, которыя сопровождали Е. В. въ Грузино и по поселеніямъ.

«Нынѣ, проведя трое сутокъ въ Царскомъ Селѣ, съ свойственною мнѣ передъ вашимъ сіятельствомъ откровенностію долженъ сказать, что всѣ вообще, неисключая и тѣхъ, кои желали бы, чтобъ было иначе, въ полномъ восхищеніи отъ устройства, порядка, благосостоянія и обученія поселенныхъ войскъ. Всѣ торжественно говорятъ, что совершенство въ нихъ, какъ по части фронтовой, такъ и экономической, превосходитъ всякое воображеніе.»

.............«Начальникъ штаба утверждалъ, что даже въ Варшавѣ далеки отъ той исправности въ одеждѣ, чистотѣ, *въ шагѣ, титинѣ во фронтѣ* (!) и пр., каковыми

ознаменовали себя полкъ в—го с—ства и учебный батальйонъ, на ученьи.

«Иностранцы не опомнятся еще отъ зрѣлища, для нихъ столь неожиданнаго. Полковника Редера въ-особенности плѣнило внутреннее устройство и благосостояніе поселенныхъ войскъ въ домашней ихъ жизни и наружный видъ *53 баталіоновъ* (!), находящихся для произведенія работъ; онъ увѣрялъ меня, что не смотря на труды ихъ и совершенство по фронтовой части, онъ никогда и нигдѣ не видалъ столь здоровыхъ лицъ и военной осанки (?), какъ въ сихъ войскахъ. Такъ-какъ Редеръ и Тунъ весьма охотно разсказывали своей братіи о видѣнномъ ими, то многіе изъ дипломатическаго корпуса спрашивали уже меня, не будетъ ли имъ позволенія взглянуть на поселенія.

«Послѣдствія нынѣшняго смотра многимъ очень непріятны; разительное впечатлѣніе личнаго обозрѣнія уничтожаетъ коварные замыслы и пресѣкаетъ всякій поводъ толковать вещи по своимъ страстямъ. Откровенно доложу вамъ, что лучшій способъ зажать ротъ таковымъ людямъ есть показаніе имъ истины. Каждый, кто побывалъ у васъ, испыталъ оное надъ собою, и хотя я былъ уже предубѣжденъ въ пользу новыхъ заведеній, но никогда не могъ вообразить себѣ того, что дѣйствительно нашелъ въ оныхъ.

«Теперь съ нетерпѣніемъ ожидаю пріѣзда сюда генерала Бауха; онъ человѣкъ умный и замѣчательный, и мнѣ очень любопытно слышать его сужденіе о семъ предметѣ.

«Исполнивъ волю в—го с—ства съ полною откровенностію, повторяю душевное увѣреніе и пр.

А. Чернышевъ.»

Спб. іюля 9-го 1822.

«Я ожидалъ возвращенія в—го с—ства изъ Тихвина, чтобы письменно возобновить вамъ, м. г. мой, искреннѣйшую мою благодарность за ласковый и дружескій вашъ пріемъ и за доставленіе мнѣ удовольствія видѣть военныя поселенія. Обозрѣніе оныхъ было для меня совершенно неожиданное, и подлинно какъ не прійдти въ удивленіе сравнивая положеніе одной стороны Волхова съ другою, строеніе и проч. одного берега и противуположнаго! Я думалъ,

и объѣзжая поселенія и потомъ, когда я переправился изъ оныхъ, что меня какою-то революціею глобуса перекипуло изъ области образованной въ какую-то варварскую страну, ибо в—ше с—ство согласитесь со мною, хотя вы и новгородецъ, что начавъ отъ какой-то вѣтреной мельнички, тутъ близко и на боку стоящей, до самаго Подберезья, ничего нѣтъ похожаго на произведеніе ума, но и рукъ человѣческихъ (!) Добравшись до Подберезья и до Чудова, я сравнивалъ работы шоссе съ вашими муравьями. Все идетъ крайне тупо, дѣятельности не видно, да, кажется, и надзору немного. Согласитесь в—ше с—ство со мною, *что солдаты могли бы у насъ удивительныя вещи для пользы государства произвести*, при обдуманности плана, и благоразумномъ и дѣятельномъ наблюденіи. Я признаюсь вамъ, что, имѣвъ случай по возвращеніи изъ Грузина писать къ Е. В., я упомянулъ и о сей мысли, и о томъ впечатлѣніи, которое поселенія надо мною произвели.

Графъ В. Кочубей.»

Августа 22-го 1822 г.

Царское Село.

Все это не больше, какъ комплименты государственныхъ лицъ: по этому нисколько неудивительно, что они приходили въ восторгъ отъ одной наружности и благоговѣли предъ мнѣніемъ какихъ-то прусскихъ полковниковъ; по-крайней-мѣрѣ это не было печатано... Но вотъ документъ довольно-непонятный. Мы заимствуемъ его изъ вышедшей книги барона Корфа «Жизнь графа Сперанскаго». Изъ нея видно, что Сперанскій лучше Чернышевыхъ, Кочубеевъ и Лопухиныхъ умѣлъ говорить похвалу и лесть, когда нужно. Вотъ что говоритъ баронъ Корфъ (ч. II, стр. 251, 282):

«Въ заключеніе должно, наконецъ, упомянуть объ одной работѣ, совершенной Сперанскимъ, въ эту же эпоху (1825), если и не по прямому порученію, то по-крайней-мѣрѣ въ угоду государю. Выше сказано, что, тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ, сибирскій генерал-губернаторъ, бывъ въ Грузинѣ, обозрѣвалъ военныя поселенія. Въ августѣ 1823 года онъ повторилъ эту поѣздку вмѣстѣ

съ графомъ Кочубеемъ и тутъ еще ближе ознакомился съ колоссальнымъ установленіемъ, о которомъ, въ то время, такъ много было разнородныхъ толковъ не только у насъ, но и за границею. Еще передъ тѣмъ онъ далъ Аракчееву мысль написать *общее учрежденіе* военныхъ поселеній, заимствовавъ матаріалы къ нему изъ послѣдовавшихъ разновременно отдѣльныхъ постановленій, съ нужными, по опыту, дополненіями и усовершенствованіями—работа огромная, потому что цѣлью ея было *полное* образованіе, такъ-сказать, царства въ царствѣ. Для этого дѣла были учреждены: приготовительная коммисія, изъ разныхъ, находящихся при Аракчеевѣ лицъ, и высшій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ самого Аракчеева, изъ Сперанскаго и начальника штаба отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній, Петра Андреевича Клейнмихеля. Коммисія составила общую програму и по ней обработала первыя двѣ части учрежденія. Но когда онѣ вошли въ высшій комитетъ, то возникло столько нажныхъ вопросовъ, что дѣло запнулось на самыхъ первыхъ шагахъ и уже не было возобновляемо, тѣмъ болѣе, что и самъ Аракчеевъ, въ сущности, не очень желалъ его совершенія. Все кончилось тѣмъ, что Сперанскій взялся написать общій взглядъ на устройство военныхъ поселеній, чтобы хотя нѣсколько примирить съ ними общественное мнѣніе, возстававшее всею своею силою противъ этого созданія желѣзной воли Аракчеева. Дѣйствительно, въ началѣ 1825 года появилась брошюра подъ заглавіемъ: *О военныхъ поселеніяхъ*, написанная съ обыкновеннымъ искусствомъ Сперанскаго. Бывъ напечатана въ маломъ числѣ экземпльровъ, тогда большею частію раздаренныхъ, она теперь сдѣлалась библіографическою рѣдкостью (*). На это похвальное слово учрежденію, самому

(*) Мы владѣемъ этою рѣдкостью. Довольно сказать, что брошюра доказываетъ столько выгодъ частнымъ лицамъ (солдатамъ) отъ поселеній, что выводы эти нужно было разбить на одиннадцать пунктовъ—такъ много ихъ. Да кромѣ-того въ *семи* пунктахъ изложены выгоды государственныя; между-прочимъ, вотъ что сказано о великомъ благодѣяніи отъ военныхъ поселеній:

у нас непопулярному, на эту, по выраженiю одного современника, «реляцiю послѣ сраженiя», должно смотрѣть единственно какъ на жертву, принесенную Сперанскимъ своему положенiю. За четыре года предъ тѣмъ, на возвратномъ пути изъ Сибири въ Петербургъ, проѣзжая новгородскими поселенiями, самъ онъ, въ «Дневникѣ» своемъ, отмѣтилъ: fumus ex fulgore...»

Вотъ еще письмо, по прочтенiи котораго невольно призадумаешься:

«Христосъ воскресе! глаголешь ты мнѣ: воистину воскресе отвѣщаю тебѣ.

«Радуйся радостiю о Христѣ Iисусѣ, его же ты невѣсты св. церкви любитель правый и усердный: хотя я тебя и не видѣлъ доселѣ лицемъ къ лицу, но Богъ мнѣ въ сердцѣ возвѣстилъ, кто ты. Ты ангелъ-хранитель отъ Господа, видимо въ тѣлѣ, данъ царю нашему, помазаннику Божiю, словомъ, дѣломъ, вѣрностiю, покорностiю. Ты ангелъ Божiй видимо, яко человѣкъ, данъ царю, и предстоишь служа свято ему, якоже и ангелъ служитъ Богу. Да имутъ многiе страхъ, который есть начало премудрости. Живи съ Богомъ! Тецы и подвизайся. Въ тебѣ Богъ далъ надежду крѣпкую царю, церкви и благу отечества. Радуйся, мужъ благой и вѣрный, вѣрно-вѣрно подданный царю и слуга Бога вышняго, въ мирѣ буди: твое дѣло благо, Господь силъ съ тобою!

«Съ нами Богъ!

«О Христѣ сердцемъ тебя любящiй твой рабъ и богомолецъ

Архимандритъ Фотiй.»

1824 года апрѣля 8 дня.

«Коль многiе цвѣты радости отечеству и церкви имѣютъ быть отъ тебя, то посылаемъ тебѣ на иконѣ, цер-

---

«въ военныхъ поселенiяхъ не можетъ и не должно быть: *ни сиротъ безпрiютныхъ, ни старости безпомощной, ни дряхлости оставленной, ни нищеты праздной, ни разврата нравовъ, терпимаго безъ средства, исправленiя*»—такое Эльдорадо, что только во снѣ увидать!..

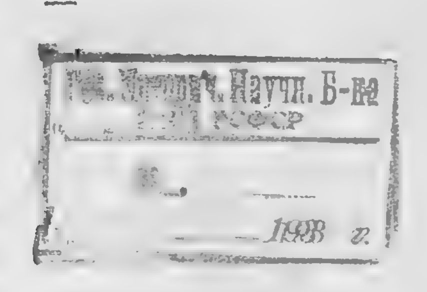
ковъ, яко домъ премудрости Божіей написанъ, то-есть икону Софіи премудрости Божіей и вербу съ цвѣтами, яко цвѣты радости—знакъ радости, коя будетъ о тебѣ церкви.

«Книгу твою получилъ: а вербу по внутреннему влеченію я еще въ вербное воскресеніе тебѣ пріуготовилъ.»

Что это такое? Человѣкъ, отрекшійся отъ міра, посвятившій себя строгому аскетизму, не долженъ быть льстецомъ. Что̀ ему за нужда льстить сильнымъ міра сего?

На основаніи такихъ отзывовъ совроменниковъ—письменныхъ, печатныхъ и словесныхъ (а такихъ отзывовъ безчисленное множество), составилось мнѣніе объ Аракчеевѣ, какъ о государственномъ дѣятелѣ, «замѣчательномъ по уму и способностямъ, котораго плодотворная «жизнь, какъ человѣка и гражданина, принимавшаго по«стоянное участіе во многихъ дѣлахъ, относящихся до «внутренняго благоустройства государства», кажется, хорошо объясняется изъ приведенныхъ фактовъ. «Поэтому «не безъ основанія покойный Тенинъ, въ своемъ краткомъ «очеркѣ, причислилъ графа Алексѣя Андреевича къ числу «тѣхъ государственныхъ людей, на которыхъ сосредото«чиваются многорѣчивые толки современниковъ и безмолвное вниманіе потомковъ.» Неправдали, г. Глѣбовъ?

Конечно, потомки, сличая факты съ многорѣчивыми толками современниковъ, долго безмолствовали отъ недоумѣнія. Для нихъ ничего не осталось отъ Аракчеева, кромѣ подстриженыхъ березокъ да недоброй памяти въ народѣ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 1 руб. 50 коп. сер.

Печатать дозволено цензурою. Новгородъ. Въ тип. *Сухова.*

